

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
«СМОЛЕНСКОГО
АРХИВА»**

**Всероссийская государственная библиотека
иностранной литературы им. М.И. Рудомино**

Исследовательский проект по искусству и архивам (США)

All-Russia State Library for Foreign Literature (Founder M. Rudomino)

The Research Project on Art and Archives (USA)

Проект «Обретенное наследие»

Project «Heritage Revealed»

All-Russia State Library for Foreign Literature (Founder M. Rudomino)

The Research Project on Art and Archives (USA)

**THE RETURN
OF THE «SMOLENSK
ARCHIVE»**

**Moscow
ROSSPEN
2005**

**Всероссийская государственная библиотека
иностранной литературы им. М.И. Рудомино
Исследовательский проект по искусству и архивам (США)**

ВОЗВРАЩЕНИЕ «СМОЛЕНСКОГО АРХИВА»

**Москва
РОССПЭН
2005**

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Исследовательского проекта по искусству и архивам (США)

This publication has been made possible
by The Research Project on Art and Archives, Inc.

Издание подготовлено и издано в рамках
Международного проекта «Обретенное наследие»

Редакционная коллегия / Editorial Board

Екатерина Юрьевна Гениева, Патриция Кеннеди Гримстед,
Карина Александровна Дмитриева, Марианна Тэкс Чолдин

Редакторы / Editors

К.А. Дмитриева, Н.В. Гончарук, П.К. Гримстед

Составители / Compilers

К.А. Дмитриева, Н.В. Гончарук, М.Т. Чолдин, П.К. Гримстед

Перевод / Translation

Э.Г. Азгальдов, Д.С. Соколова

В 64

Возвращение «Смоленского архива»: Сборник статей. — М.:
«Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. —
352 с. — (Обретенное наследие)

В сборник вошли статьи, написанные на основе выступлений на круглом столе «Возвращение “Смоленского архива”», проводившегося в рамках конференции Американской ассоциации содействия развитию славистики, состоявшейся в Торонто в ноябре 2002 г., а также статьи, специально подготовленные для этого издания.

Сборник рассчитан на исследователей, студентов, читателей, интересующихся отечественной и мировой историей.

This publication includes articles based on the materials of the round table «Return of the “Smolensk Archive”» which took place in Toronto within the frameworks of the AAASS conference in November 2002 as well as papers specially written for this publication.

This collection of materials is addressed to scholars, students and readers interested in Russian and world history.

The publication has been prepared within the «Heritage Revealed» International project.

Содержание

Table of Contents

От составителей	7
Editorial Note	9
Вступительное слово	
Гениева Е.Ю.	11
Introduction	
Ekaterina Genieva.....	12
Вступительное слово	
Марианна Тэкс Чолдин.....	13
Introduction	
Marianna Tax Choldin.....	14
Предисловие	
Патриция Кеннеди Гримстед.....	15
Preface	
Patricia Kennedy Grimsted.....	22
История странствий «Смоленского архива»	
С.Л. Солодовникова	29
Peregrinations of the «Smolensk Archive»	
S.L. Solodovnikova	40
Особенности учета и описания коллекции документов «Смоленский архив»	
М.Л. Степченкова	50
The «Smolensk Archive» Collection: Characteristics of Control and Description	
M.L. Stepchenkova.....	53
Возвращение «Смоленского архива». От инструмента нацистской и американской советологии к роли пешки в международных политических интригах в области реституции	
Патриция Кеннеди Гримстед.....	56
The Return of the «Smolensk Archive». From a Tool for Nazi and American Sovietology to a Pawn in International Restitution Politics	
Patricia Kennedy Grimsted.....	127

Путь назад: библиотека Шнеерсона и возвращение «Смоленского архива»	
Константин Акинша	191
On the Way Back: the Schneerson Collection and the Return of the «Smolensk Archive»	
Konstantin Akinsha	232
«Смоленский архив» как символ американской послевоенной советологии: взгляд из Смоленска	
Е.В. Козин	272
The «Smolensk Archive» as a Symbol of American Sovietology: A View from Smolensk	
E.V. Kozin	289
Приключения «Смоленского архива»: исповедь американского советолога	
Роберта Маннинг	305
Adventures in the «Smolensk Archive»: The Confessions of an American Sovietologist	
Roberta Manning	326
Abbreviations and Acronyms	344

От составителей

В настоящем сборнике представлены статьи российских и американских исследователей «Смоленского архива», в которых авторы пытаются проследить историческую судьбу архива и выпавшую на его долю историческую миссию.

Следует отметить, что «Смоленский архив» включает в себя не все то огромное количество партийных документов, которые были вывезены из Смоленска во время оккупации, а только небольшую их часть, нашедшую после Второй мировой войны пристанище в Национальном архиве в Вашингтоне. По подсчетам исследователей, «Смоленский архив» составляет около 0,5% от всей массы вывезенных из Смоленска документов.

Эти пожелтевшие листки, проделавшие долгий путь в пространстве и времени, кочевавшие из России в Германию, из Германии в США и обратно в Россию, являются свидетелями трагических событий нашей истории. В «Смоленский архив» входят партийные документы Смоленского губкома, обкома и Западного обкома ВКП(б), уездных и окружных партийных комитетов и организаций, охватывающих период истории с 1917 по 1941 годы. Они содержат информацию о партийных чистках и массовых репрессиях 1930-х годов, о проблемах, обсуждавшихся на партийных собраниях, о работе с доносчиками и т.д. «Смоленский архив» стал единственным, а поэтому уникальным, источником знаний о Советском Союзе для западных исследователей и базой для формирования основных положений американской советологии.

На основе «Смоленского архива» нельзя получить всестороннее и объективное представление об истории довоенной Смоленщины. Однако мы с полным правом можем назвать этот архив уникальным, поскольку именно его документы оказались доступными иностранным исследователям и слегка приоткрыли долгое время закрытую дверь в нашу страну.

Вопрос о возвращении «Смоленского архива» впервые возник после публикации книги американского исследователя Мерла Фейнсоды «Смоленск под властью Советов» (1958). Инициатива возвращения архива принадлежала США, которые в 1965 году предложили вернуть документы. Однако советская сторона не поддержала этой инициативы. Лишь в 2002 году «Смоленский архив» вернулся на свою историческую родину.

Это, бесспорно, историческое событие вызвало в России неоднозначную реакцию и не получило, на наш взгляд, должного освещения.

Цель сборника — восполнить этот пробел, подчеркнув, как символическую ценность составляющих «Смоленский архив» исторических документов, так и факт их возвращения на историческую родину.

Возвращение «Смоленского архива» стало возможным благодаря усилиям большого количества людей, как в США, так и в России. Особую благодарность хотелось бы выразить Стюарту Айзенштату и Патриции Кеннеди Гримстед.

*Карина Дмитриева
Наташа Гончарук*

Editorial Note

This publication includes articles of Russian and American specialists on the «Smolensk Archive» that trace the history of the collection and accentuate its importance.

It should be mentioned that the «Smolensk Archive» does not include all of the enormous number of Communist Party documents removed from Smolensk during the German occupation, but just a small part that after World War II found shelter in the National Archives in Washington. Scholars estimate the «Smolensk Archive» to be less than half of one percent of all the documents plundered from the Smolensk Oblast Communist Party Archive.

These yellowed sheets of paper have made a long trip through time and space, wandering from Russia to Germany, from Germany to the United States of America and back to Russia, and have witnessed many tragic moments of our history. The «Smolensk Archive» includes party documents from the Smolensk gubkom, obkom and Western obkom of the VKP(b), materials of the uezd and raion party committees and organizations covering the period from 1917 to 1941. They reflect and provide information about the party purges and mass repressions of the 1930s, topics discussed during the party meetings, informers' reports. The «Smolensk Archive» became the only and unique source of original documents from the Soviet Union for Western scholars and formed the basis of American Sovietology.

Based solely on the «Smolensk Archive» one can not get a thorough and impartial idea of the prewar history of Smolensk and the Western Oblast. Still, we have the right to call this archive unique because these very documents became available to foreign researchers and slightly opened the door to the Soviet Union that had been closed for such a long time.

The issue of restitution of the «Smolensk Archive» was raised after a book by the American professor Merle Fainsod, «Smolensk under Soviet Rule», appeared in 1958. The USA initiated the return of the Archive in 1965, offering at that time to return the documents to the USSR. But the Soviet side did not support the initiative. It was only in 2002 that the «Smolensk Archive» returned home.

This indisputably historic action provoked an ambiguous reaction and, in our opinion, did not receive a proper coverage.

Many people in the USA and in Russia have made possible the return of the «Smolensk Archive». We would like to express sincere gratitude to them, and particularly to Stuart Eizenstat and Patricia Kennedy Grimsted.

The purpose of this publication is to fill this gap, emphasizing the symbolic value of the documents from the «Smolensk Archive» and the significance of their restitution.

*Karina Dmitrieva
Natasha Goncharuk*

Вступительное слово

История возвращения «Смоленского архива» долгая и запутанная. Самый факт возвращения и оценка возвращенных материалов вызывают в российских СМИ и среди специалистов — архивистов и историков — большой разброс мнений. Все это подробно освещено на страницах настоящего сборника статей. Уверена, что споры еще будут продолжены. Поэтому я хотела бы подчеркнуть несколько важных, на мой взгляд, аспектов этого события.

Во-первых, возвращение «Смоленского архива» знаменует собой проявление доброй воли двух наших стран, Америки и России, в таком щепетильном вопросе, как проблема реституции.

Во-вторых, оно свидетельствует о конструктивном подходе американской неправительственной организации «Исследовательский проект по искусству и архивам», подписавшей с Министерством культуры Российской Федерации соглашение о сотрудничестве в области нахождения и идентификации перемещенных объектов искусства и культуры. Я рада поздравить господина Рональда С. Лаудера, главу «Проекта», с успехом этой акции и поблагодарить его за личный вклад в возвращение «Смоленского архива».

В-третьих, оно стало одним из первых практических шагов в осуществлении российско-американской программы «Обретенное наследие», созданной в рамках этого соглашения, и мне, как генеральному директору Библиотеки иностранной литературы, весьма приятно, что библиотека активно работает над выполнением этой программы.

Наконец, статьи настоящего сборника дают наглядное представление о том, насколько сложны все связанные с реституцией процессы. Это лишний раз убеждает нас в том, что решение о реституции в каждом отдельном случае должно приниматься на основе существующего национального законодательства и международных соглашений.

Многие называют передачу «Смоленского архива» в Смоленск символическим актом. С этим можно согласиться, если воспринимать его как символ победы духа сотрудничества, здравого смысла и взвешенного подхода к далеко непростым проблемам. Дай нам Бог больше таких символов — наше время в них очень нуждается.

Екатерина Юрьевна Гениева

Генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино

Introduction

The return of the «Smolensk Archive» had a long and most complicated history. The very fact of its return and the evaluation of the returned materials have provoked great controversy in the Russian mass media and among specialists — archivists and historians. All these things are elucidated in detail in the present collection of articles. I am sure that disputes will continue. Therefore I would like to accentuate some important, in my view, aspects of this event.

First, it represents in itself a manifestation of good will on the part of our two countries, America and Russia, in such a delicate matter as the problem of restitution.

Second, it testifies to the constructive approaches of the American nongovernmental organization «The Research Project on Art and Archives» which has signed an agreement with the Ministry of Culture of the Russian Federation on mutual cooperation in the search for and identification of displaced objects of art and culture. I am happy to congratulate Mr. Ronald S. Lauder, Ambassador, Head of the Project, on the success of this action, and I thank him for his personal contribution to the return of the «Smolensk Archive».

Third, this was one of the first steps in realizing the Russian-American programme «Heritage Revealed», created within the framework of this agreement, and I, as Director General of the Library for Foreign Literature, am very pleased with the fact that the Library is active in carrying out this programme.

Finally, the articles collected in this book present an obvious case study of how complicated everything related to restitution can be. That convinces us once again that decisions on restitution must in each separate case be taken on the basis of national legislation in force and international agreements.

Many people call the return of the «Smolensk Archive» to Smolensk a symbolic act. One can agree with that if this act is taken as a symbol of the triumph of the spirit of cooperation, of common sense, and as a reasonable approach to far from simple problems. May such symbols prevail — we badly need them in our day.

Ekaterina Genieva

Director General, State Library for Foreign Literature

Вступительное слово

Моя роль в этом проекте — организатор. Патриция Кеннеди Гримстед попросила меня председательствовать на секции конференции Американской ассоциации содействия развитию славистики, состоявшейся в Торонто в ноябре 2002 года, на которой собрались специалисты, впоследствии ставшие авторами данного сборника. Выступления участников дополняли друг друга и стали незабываемым событием.

Подводя итог дискуссии, последовавшей за выступлениями, я выразила общее мнение: «Эти доклады должны быть опубликованы». Я обсудила эту идею с членом нашей секции Екатериной Гениевой, которая, к сожалению, не смогла приехать в Торонто, и в результате появился этот сборник. Мы очень рады, что этот важный проект был поддержан, и что «Смоленский сборник», как мы его называли, нашел свое место в контексте истории.

Марианна Тэкс Чолдин

*Заслуженный профессор библиотековедения в отставке
(Университета Иллинойса), бывший президент AAASS*

Introduction

My role in this project has been that of match-maker. Patricia Kennedy Grimsted asked me to chair the panel which took place in Toronto within the frameworks of the AAASS conference in November 2002 that brought together the group of scholars whose contributions form the basis of this volume. Each panelist's presentation was fascinating in itself; taken together, they melded into an extraordinary two-hour event that no one present is likely to forget. At the conclusion of the lively discussion following the presentations, I said to the assembled colleagues, «These papers really must be published», and everyone agreed enthusiastically. I brought the matter up with Ekaterina Genieva, who had been a member of the panel originally but unfortunately was not able to come to Toronto, and the ultimate result was the volume you see today. I am delighted that such a worthy project has found eminently suitable sponsors, and that «the Smolensk cluster», as we came to call it, has now found its place in the historical record.

Marianna Tax Choldin

*Mortenson Distinguished Professor Emerita from
the University of Illinois, Former President of the AAASS*

Предисловие

Патриция Кеннеди Гримстед

*Международный институт социальной истории,
Украинский исследовательский институт*

В пятницу 13 декабря 2002 года в Москве прошла церемония официального возврата Соединенными Штатами Америки нескольких символических дел из так называемого «Смоленского архива». Это произошло 56 лет спустя после изъятия этих дел сотрудниками американской разведки из общего реституционного потока. До этого они были в Оффенбахском архивном хранилище (OAD) в окрестностях Франкфурта-на-Майне, куда были доставлены вместе с великим множеством архивных и библиотечных материалов, награбленных Третьим рейхом. Тем временем за океаном, в Национальном архиве США в г. Колледж-Парк (штат Мэриленд), в тот же самый день происходила передача российским представителям остальных дел из 73 архивных коробок из бескислотного картона с 538 делами (в 541 папке), которые укладывались в грузовик Российского посольства. России передавалась коллекция документов Коммунистической партии объемом 28 погонных футов. И вот, наконец, в марте 2003 года в Смоленске отпраздновали их возвращение домой¹.

Взаимосвязь людей и мест нередко играет решающую роль в исторических событиях, и это в не меньшей степени относится к долгожданному возвращению «Смоленского архива» в Смоленск. Благодаря монографии «Одиссея Смоленского партийного архива» (Питтсбург, 1995)² и открытой агитации за его возвращение я получила от Государственного департамента США и Комиссии по возврату произведений искусства приглашение принять участие в московской церемонии, но не смогла приехать. Позже я огорчилась, узнав, что не был приглашен один из моих смоленских коллег, профессор истории и заместитель ректора Смоленского государственного педагогического университета Евгений Козин, чье имя и знания самым тесным образом связаны со «Смоленским архивом». Поскольку он был одним из немногих российских историков (и единственным из Смоленска), кто работал с этими делами в Вашингтоне, было особенно важно, чтобы он участвовал в последующей научной дискуссии о значении возвращенных в Смоленск дел.

Когда в 1953 году, в самый разгар «холодной войны», со «Смоленского архива» впервые был снят покров секретности, Rand Corporation и BBC США предоставили гарвардскому профессору политологии Мерлу Фейнсоду щедрый грант написание книги «Смоленск под властью Советов», сразу ставшей классикой периода «холодной войны» (Кембридж, шт. Массачусетс, 1958)³. Когда в конце 60-х — начале 70-х годов, в годы «холодной войны», я читала курс советской истории в Соединенных Штатах, книга Фейнсода входила в список обязательного чтения для студентов, причем даже на моем курсе в Университете Мэриленда в Пентагоне! Профессионально сделанный Фейнсомом анализ, а также его концепция «тоталитаризма», которая вызвала неоднозначное отношение, стимулировали широкую дискуссию по проблемам перехода России к сталинскому коммунистическому режиму.

В 90-е годы, когда Смоленск находился в центре внимания западных исследователей советской системы, Е.В. Козин провел четкий анализ использования книги Фейнсода и его теоретической модели «тоталитаризма» в американских научных работах, посвященных Советскому Союзу. Его монография ««Смоленский архив» и американская советология» вышла в свет в Смоленске как раз в 40-ю годовщину публикации книги Фейнсода⁴ и через три года после того, как он отредактировал русский перевод работы Фейнсода⁵. После возвращения архивных дел в Смоленск Е.В. Козин проанализировал эту коллекцию в статье, напечатанной в журнале «Вопросы истории», а также координировал публикацию выборочных документов из этих дел, характеризующих типы оригинальных источников из Смоленска, которыми пользовались западные исследователи в годы «холодной войны», когда советские архивы были для них закрыты⁶.

Профессиональная деятельность историка из Бостонского колледжа Роберты Маннинг также тесно связана со «Смоленским архивом». Она является ведущим американским специалистом по истории Советского Союза — по предмету, который ее наставники в годы ее учебы в аспирантуре Российского института в Колумбийском университете считали «ненаучным». Еще до того как в Смоленске открыли архивы для западных ученых, ее аспиранты работали в Америке с микрофильмами фрагментов Смоленского партийного архива, изготовленными NARA. При этом Маннинг оказалась в центре историографической полемики вокруг использования этих дел, и она прекрасно понимала, какую роль они сыграли в ее собственном становлении как историка. Сегодня в Смоленске целый ряд дополнительных дел (и смежных документов) из архива Смоленского об-

кома ВКП(б), относящихся к периоду 20-х и 30-х годов, доступны для исследователей всего мира⁷. Маннинг с головой погрузилась во многие, вновь открытые документы советского периода. Она принимала непосредственное участие в исследованиях Е.В. Кодина, посвященных «Смоленскому архиву», и в организованных им конференциях в Смоленске. Ее собственный «микрoанализ» Бельского района Смоленской области служит образцом поиска новых аспектов исследований по новейшей советской истории.

Такие же партийные документы сейчас открыты для ученых в региональных архивах по всей территории Российской Федерации. Это можно видеть на примере исследования, проведенного американским историком Дэвидом Рейли в Саратове⁸.

Воспользовавшись атмосферой открытости, Маннинг в сотрудничестве с российскими коллегами выступила в качестве основного организатора ставшей уже знаменитой серии документальных «макроисследований» трагедии русской деревни в ходе коллективизации⁹. Историографические споры продолжаются, но сейчас они строятся на чрезвычайно расширившейся документальной базе, а отнюдь не на тех делах Смоленского обкома, которые в течение полувека были доступны на Западе.

Ни Кодин, ни Маннинг, ни я не смогли приехать в Москву, чтобы отпраздновать возвращение «Смоленского архива». Однако мы оценили его значение для американских славистов, рассмотрев ряд связанных с ним научных и историографических вопросов, а также его роль в «политике реституции». Наши выступления на круглом столе «Возвращение “Смоленского архива”» в рамках конференции Американской ассоциации содействия развитию славистики, проходившей в Торонто в ноябре 2002 года, послужили основой для статей, напечатанных в настоящем сборнике. Из России на конференцию прилетел Евгений Кодин, и в Торонто к нему присоединились Константин Акинша, Роберта Маннинг и я. Ведущей на круглом столе была Марианна Тэкс Чолдин, заслуженный профессор библиотековедения в отставке из Университета Иллинойса и бывший президент AAASS, которая много лет занимается международными проблемами библиотечного и архивного дела, особенно в области, касающейся славянского региона. Посол США в России Джек Мэтлок выступал в качестве комментатора.

Моя публикация в данном сборнике является обобщенным и существенно обновленным вариантом моей монографии 1995 года. В статье дается анализ ряда специфических особенностей «одиссеи» архива из Смоленска и одновременно освещается характер нацистского и американского политических императивов при конфискации

архивных документов на оккупированных территориях. Она бросает свет на послевоенную политику западных союзников в отношении трофейных документов и реституции культурных ценностей. Впоследствии, в годы «холодной войны», а затем и в постсоветский период, те же смоленские дела стали заложниками международных политических интриг вокруг реституции культурных ценностей¹⁰. По иронии судьбы, выяснилось, что один оригинал из Архива Смоленского обкома партии до сих пор находится в США. Он является частью коллекции Б.И. Нико-лаевского, который, сам того не сознавая, оказался одним из тех, кто в 1946 году самым непосредственным образом повлиял на решение руководителей американской разведки вывести остальные смоленские дела из общего потока документов, которые Соединенные Штаты возвращали владельцам после войны.

Я уже много лет сотрудничаю с Константином Акиншей по вопросам, касающимся перемещенных культурных ценностей и реституции в России и Украине. Его участие в работе круглого стола на торонтской конференции AAASS стало решающим фактором, ибо он добился успеха там, где я потерпела поражение в попытках найти необходимые рычаги для возврата «Смоленского архива». Именно он обеспечил необходимые связи для «возврата» 2002 года, и этот успех увенчался его участием в московском торжестве. В данном сборнике он рассматривает историю вопроса в более широком контексте, анализируя проблему, явившуюся препятствием к возвращению этих дел на протяжении 90-х годов. Особое внимание он уделяет курьезной «увязке» американской политики в отношении «Смоленского архива» с притязаниями наследников из бруклинской общины Хабад на собрание книг и рукописей, хранящихся в Российской государственной библиотеке (РГБ) в Москве. Эта коллекция собиралась ребе Шнеерсоном и его последователями до 1914 года в Любавичах — хасидской общине на западной территории Российской империи¹¹. Во время Первой мировой войны коллекция была оставлена на хранение на складе в Москве, а потом ее владельцем стала библиотека, впоследствии названная Ленинской, а ныне — РГБ. Сын ребе Шнеерсона, седьмой любавический раввин, вначале был репрессирован в Ленинграде, а затем ради его спасения вывезен из Варшавы и Риги в начале Второй мировой войны и Холокоста.

История борьбы Хабада за возврат религиозной коллекции их предков изобилует эпизодами антисемитизма и попытками использовать перипетии тяжбы в политических целях. Ни с точки зрения правовых принципов, ни с точки зрения международного права претензия на библиотеку Шнеерсона не имеет ничего общего с притяза-

нием на «Смоленский архив». Между тем американские политики во главе с Альбертом Гором и его коллегой по сенату Джозефом Либерманом создали ситуацию, которая помешала намеченному на 1992 год возврату «Смоленского архива» в Россию и способствовала удержанию его в Вашингтоне все последующее десятилетие¹². По случайному совпадению село Любавичи находится на территории Смоленской области. И хотя сенаторы, скорее всего, не знали об этом, в одном из дел «Смоленского архива» вскрываются факты антисемитизма в Любавичах в период коллективизации в Советском Союзе.

В ходе сотрудничества с К. Акиншей при написании его статьи, мне пришлось вести переговоры и с Российской государственной библиотекой в Москве, и с Библиотекой Хабад в Бруклине. Меня удивило то, что ни та, ни другая сторона не могла сказать мне, о каком количестве книг и рукописей идет речь. Хотя большинство книг из библиотеки Шнеерсона было введено в общий Восточный фонд РГБ, их происхождение никогда не устанавливалось. Обе стороны сошлись на цифре примерно 4 500 томов, в отношении которых определенно можно сказать, что они относятся к библиотеке Шнеерсона, из общего числа 12 000 книг в составе коллекций, приобретенных с того же московского склада в 20-х годах XX века. В 80-е годы в Музее книги Ленинской библиотеки начал создаваться (но так и не был закончен) каталог почти 100 редких изданий (в большинстве своем XVI века), а сегодня в Музее книги РГБ нет специалиста со знанием иврита. В Отделе рукописей РГБ никто не мог назвать мне точное число рукописей из коллекции Шнеерсона, и мне предложили проконсультроваться у специалистов в Израиле. Наследие Шнеерсона в Отделе рукописей явно перемешалось с другими «трофейными» рукописями на иврите, поступившими после Второй мировой войны, и все они до сих пор прошли лишь частичную обработку. Все эти вопросы разъяснены в статье К. Акинши. Отсутствие точного описания оспариваемых документов является серьезным препятствием для подачи официального иска.

В Восточном центре РГБ для книг на еврейских языках был создан специальный читальный зал. Это никак не могло удовлетворить наследников из общины Хабад, которые много лет боролись за то, чтобы получить обратно свою утраченную библиотеку и привезти ее в Бруклин, ставший их мировым библиотечным центром. В 90-е годы присутствие «Смоленского архива» в США использовалось СССР как оправдание отказа возвращать культурные ценности, перемещенные в Советский Союз из Западной Европы в результате Второй мировой войны. В конце 90-х годов, когда заинтересованные

круги за рубежом настойчиво требовали предоставить информацию о перемещенных в Россию культурных ценностях эпохи Холокоста, присутствие «Смоленского архива» в Америке стало тормозить переговоры по проекту, ставившему целью обнаружение и описание «трофейных» еврейских культурных ценностей в России. Таким образом, возврат этого архива в Смоленск приобрел новую политическую целесообразность. К. Акинша принимал самое непосредственное участие в переговорах, которые, наконец, завершились реституцией «Смоленского архива».

Начальник Архивного управления Департамента Смоленской области по культуре С.Л. Солодовникова в начале 90-х годов помогла мне в сборе имевшихся в Смоленске сведений об «одиссее» дел из архива Смоленского обкома. Факты, изложенные в моей монографии «Одиссея “Смоленского архива”», нашли подтверждение в статье С.Л. Солодовниковой, опубликованной в журнале «Отечественные архивы» после возвращения архива в Смоленск¹³.

Однако реституция архива не положила конец «вопросам», возникающим в России относительно содержания и объема «Смоленского архива» в американской компоновке. Имеются даже иски со стороны Украины на еврейские дела, которые перемешались с коллекцией, пока она находилась в США. Таким образом, дело о «Смоленском архиве» по-прежнему вызывает интерес, поскольку аккумулирует в себе проблемы, типичные для перемещенных архивов и реституции. Трудно найти другое такое дело, которое, будучи представленным сравнительно небольшим количеством архивных документов, приковывало бы к себе общественное внимание политических лидеров по обе стороны Атлантики.

¹ В официальных документах на передачу и в некоторых отчетах называется цифра 541, но на самом деле в последовательной нумерации не хватало четырех номеров. По словам смоленских архивистов, в одном деле (№ 33) хранились три папки, а в другом (№ 90) — две, что и было засвидетельствовано после их получения в Смоленске. В системе NARA дела были пронумерованы от WKP 1 до WKP 541, причем четыре позиции были утрачены, а одно дело было лишним. Подробнее о спорах вокруг нумерации см. ниже в статьях Патриции Гримстед и Е.В. Кодина.

² Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Party Archive: Plundered Communist Archives for the Service of Anti-Communism*. Pittsburgh PA: University of Pittsburgh (Center for Russian and East European Studies, 1995). Сокращенный вариант монографии Гримстед вышел под заглавием «*The Odyssey of the Smolensk Archive. Plundered Communist Records in 1999:*

Zeitschrift für Sozialgeschichte des 20 und 21. Jahrhunderts» (in 3 parts). 1997. Heft 4. P. 71—91; 1998. Heft 2. P. 190—201; 1999. Heft 1. P. 134—51.

³ Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958. Далее ссылки даются на издание в бумажной обложке (N.Y.: Vintage, 1963). М. Фейнсод (1907—1972) долгое время был профессором государственного управления в Гарвардском университете и директором Центра российских исследований.

⁴ Козин Е.В. «Смоленский архив» и американская советология. Смоленск: СГПУ, 1998.

⁵ Фейнсод М. Смоленск под властью Советов. Смоленск: Траст-Имаком, 1995.

⁶ «Смоленский архив» как «зеркало советской действительности» // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 3—27; № 11. С. 3—37; № 12. С. 3—25.

⁷ См. путеводитель по бывшему архиву Коммунистической партии в Смоленске: Центр документации новейшей истории Смоленской области: Краткий справочник по фондам / Сост. Н.Ф. Пикалова и др.; ред. Е.В. Козин и др. Смоленск, 1998 (серия «Архивы Смоленской области»). Я благодарю архивных работников за экскурсию по их учреждению, а также Евгения Козина за экземпляр этого справочника, который наглядно свидетельствует о том, как много документов 20-х и 30-х годов вернулось домой.

⁸ См., например, Raleigh D. Doing Soviet History: the Impact of the Archival Revolution // *Russian Review*. 2002, January. № 1. P. 18—19.

⁹ Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виола и др. М.: РОССПЭН, 1999—2004; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918—1939: Документы и материалы. В 4 т. / Под ред. А. Беловича, В. Данилова. М., 1998.

¹⁰ См.: Grimsted P.K. Displaced Archives and Restitution Problems on the Eastern Front in the Aftermath of World War II // *Contemporary European History*. 6:1 (1997): 27—74. Из последних публикаций см.: Grimsted P.K. Russia's Trophy Archives: Still Prisoners of World War II? Электронный вариант (Budapest: Open Society Archive, 2002) <http://www.osa.ceu.hu/publications/2002/RussianTrophyArchives/RussianTrophyArchives.html>.

¹¹ До революции Любавичи находились в Оршском уезде Могилевской губернии (ныне в составе Белоруссии), сегодня Любавичи находятся на территории Смоленской области Российской Федерации.

¹² Подробнее об этом см.: Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Party Archive: Plundered Communist Archives for the Service of Anti-Communism*. Pittsburgh PA: University of Pittsburgh, Center for Russian and East European Studies, 1995. P. 80—87.

¹³ Солодовникова С.Л. Конец одиссеи «Смоленского архива» // Отечественные архивы. 2003. № 5. С. 15—21.

Introduction

The «Smolensk Archive» Returns Home

Patricia Kennedy Grimsted

*Harvard Ukrainian Research Institute,
International Institute of Social History*

A few symbolic files of the so-called «Smolensk Archive» were officially returned to the Russian Federation by the United States of America in a Moscow ceremony on Friday the 13th of December 2002. That was 56 years after American intelligence officers had removed them from the restitution pipeline at the Offenbach Archival Depot (OAD) near Frankfurt on Main, where they had surfaced amidst the vast archival and library plunder of the Third Reich. Meanwhile across the ocean, the remainder of the 73 acid-free cardboard archival boxes with 538 numbered files (in 541 folders) were turned over to Russian representatives the same day at the U.S. National Archives in College Park MD and loaded into a Russian Embassy truck. The 28 linear feet of Communist Party records were on their way home, and their homecoming was finally celebrated in Smolensk in March 2003¹.

The interconnection of people and places frequently plays a crucial role in historical events, and it is no less the case in the long-awaited return of the «Smolensk Archive» to Smolensk. As a result of my monograph *The Odyssey of the Smolensk Party Archive* (Pittsburgh, 1995)², and my outspoken advocacy for its return, I was duly invited to the Moscow ceremony by the U.S. Department of State and the Commission on Art Recovery, but was unable to attend. Afterwards, I was distressed to learn that a Smolensk colleague whose name and scholarship has been most closely associated with the «Smolensk Archive», professor of history and vice-rector of Smolensk State Pedagogical University Evgenii Kodin, had not been invited. Since he was one of the few Russian historians — and the only one from Smolensk — personally to have seen and worked with those files in Washington, DC, it was all the more important for him to participate in subsequent academic discussion about the significance of the files returned to Smolensk.

When the «Smolensk Archive» first came out of intelligence wraps at the height of the Cold War in 1953, Harvard political science professor Merle Fainsod was generously funded by the Rand Corporation (and the

United States Air Force) to write what quickly became a Cold War classic, *Smolensk under Soviet Rule* (Cambridge, MA, 1958)³. When I taught Soviet history in the United States during the Cold War in the late 1960s and early 1970s, Fainsod's book was required student reading, and even for my University of Maryland course at the Pentagon! Fainsod's masterful regional analysis, together with his construct of «totalitarianism», and examples of equivocation about the model, fueled considerable discussion of the traumatic transformation of Russia to Stalin's communist regime.

With Smolensk at the center of attention for Western analyses of the Soviet regime, in the 1990s, Evgenii Kodin incisively researched the use of Fainsod's text and his conceptual model of «totalitarianism» in American studies of the Soviet Union. Kodin's monograph *On the «Smolensk Archive»* and *American Sovietology* appropriately appeared in Smolensk on the forty-year anniversary of Fainsod's book⁴, three years after he had edited the Russian translation of the Fainsod study⁵. After the return of the files to Smolensk, Kodin analyzed the collection in Moscow's prestigious *Voprosy istorii* and supervised the publication of selected documents from the files, characterizing the types of original sources that Western researchers were using from Smolensk during the Cold War period of closed Soviet archives⁶.

Boston College historian Roberta Manning's professional life had also become entwined with the «Smolensk Archive». Her career brought her into prominence as a leading American scholar on the history of the Soviet Union, a subject her mentors considered «unscholarly» when she was a graduate student in the Russian Institute of Columbia University. Before the archives were open to Western scholars in Smolensk, she had her own graduate students working with the NARA microfilms of those fragments from the Smolensk Communist Party Archive in America. Meanwhile, she has been at the center of historiographical controversies stemming from their use of those files, and she is duly conscious of the role they have played in her own historical upbringing. Today in Smolensk, many additional revealing files — and contiguous documentation — from the 1920s and 30s in the former Party Archive of Smolensk Oblast are now open to researchers from throughout the world⁷. Manning has been immersed in many of the newly opened Soviet-period records. She has been closely involved with Kodin's studies about the «Smolensk Archive» and the conferences he has organized in Smolensk. Her own «micro» analysis of the Belyi Region of Smolensk Oblast is a model of the new dimensions of research in contemporary Soviet history.

Similar Party records are open to researchers in regional archives throughout the Russian Federation, as American historian Donald Raigh, for example, has shown with his research in Saratov⁸. Taking ad-

vantage of the new openness, starting in 1991, Manning served as the key organizer for the acclaimed «macro» documentary series on the tragedy of transformation of the Russian countryside through collectivization, in collaboration with Russian colleagues⁹. Historiographical debates continue today, but now with a greatly expanded source base, rather than only those 500 Smolensk CP files that for half a century were the only ones available in the West.

Neither Kodin, nor Manning, nor myself could be in Moscow to celebrate the return of the «Smolensk Archive». We did, however, appropriately salute its legacy for American Slavic specialists, while considering some of its academic and historiographical issues, as well as its role in «restitution politics». A panel discussion devoted to «The Return of the Smolensk Archive» at the Toronto conference of the American Association for the Advancement of Slavic Studies in November 2002 provided the basis for our presentations in this volume. Evgenii Kodin flew in from Russia for the occasion to be joined in Toronto by Konstantin Akinsha, Roberta Manning, and myself. Marianna Tax Choldin, retired Distinguished Professor of Library Sciences from the University of Illinois, and a former president of the AAASS, who has long been involved with international library and archival issues, particularly relating to the Slavic world, chaired the panel and now serves as one of the editors. Ambassador Jack Matlock, who had served *en poste* in Moscow during part of the recent controversy over the «Smolensk Archive», served as commentator.

My present account summarizes and significantly updates my 1995 monograph, drawing on new documentation and questions that have come to light since the Smolensk CP files returned to Smolensk. Reviewing some of the specifics of the «odyssey», it simultaneously illuminates patterns of Nazi and American political imperatives for archival seizures from occupied lands. It throws light on Western Allied postwar policies with respect to captured records and cultural restitution. Subsequently during the Cold War, and again during the recent post-Soviet period, those same files from Smolensk became a pawn in international cultural restitution politics¹⁰. Quite ironically, it has come to light that today one original file from the Smolensk Oblast Communist Party Archive still remains in the United States. It is held in the collection of Boris I. Nicolaevsky, who turns out unknowingly to have been one of those most directly responsible in 1946 for U.S. intelligence authorities having withheld the rest of the files from Smolensk from the postwar U.S. restitution pipeline.

I have been cooperating for many years with Konstantin Akinsha on various issues regarding displaced cultural treasures and restitution in Russia and Ukraine. His participation in the Toronto AAASS panel was

crucial since he succeeded where I failed to find a break-through mechanism for the return of the «Smolensk Archive». That success was climaxed by his participation in the Moscow celebration. Having provided the essential links for the 2002 «return», he here comments on the background and wider perspective of the problem that prevented the restitution of those files throughout the 1990s. He focuses on the curious American political «linkage» of the «Smolensk Archive» to the claim of Chabad heirs in Brooklyn for a collection of books and manuscripts held today in the Russian State Library (RGB) in Moscow. That collection had been gathered by Rabbi Schneerson and his followers before 1914 in Lubavichi, a Hasidic community in the western Russian Empire¹¹. During the World War I, the collection was deposited in a Moscow warehouse and then taken over by what was to become the Lenin Library and today RGB. Meanwhile Rabbi Schneerson's son, the Seventh Lubavichi Rebbe had first been repressed in Leningrad, and then was rescued from Warsaw and Riga at the start of World War II and the Holocaust.

The Chabad struggle to retrieve the religious collection of their forebears, is rife with incidents of anti-Semitism on the one hand, and political use of a Jewish cause on the other. Neither in underlying legal principles, nor in customary international law, does the claim for the Schneerson Collection have anything in common with the claim for the «Smolensk Archive». Yet American politicians, led by Albert Gore and his Senate colleague Joseph Lieberman, established a linkage that prevented the planned 1992 return of the «Smolensk Archive» to Russia and kept the archive in Washington, DC, for the next decade¹². Coincidentally today, but hardly involved in the political linkage, the village of Lubavichi is located in Smolensk Oblast. And although the Senators probably never knew about it, one file in the «Smolensk Archive» reveals anti-Semitism in Lubavichi during Soviet collectivization.

Collaboration with Akinsha on his contribution involved my own consultations with both the Russian State Library (RGB) in Moscow and the Chabad Library in Brooklyn. I was surprised to find that neither side could tell me precisely how many books and manuscripts were in question. While most of the books from the Schneerson Collection have been catalogued among the general RGB Oriental holdings, they were never identified as to provenance. So far the two sides have agreed on approximately 4,500 volumes that could definitively be identified as part of the Schneerson Collection out of the potential 12,000 books in collections acquired from the same Moscow warehouse in the 1920s. While a professional card catalogue of close to 100 early rare editions (most from the 16th century) was started in the Lenin Library's Museum of the Book (Rare Book Department) in the 1980s, it was never completed, and today

RGB does not even have a Hebrew rare book specialist. No one in the RGB Manuscript Department could tell me how many Schneerson manuscripts were there and suggested I consult with specialists in Israel. The Schneerson legacy there has apparently now become intermixed with other «trophy» Hebrew manuscripts received after World War II, all of which still remain only partially processed. Those problems are now explained in Akinsha's contribution, but suggest how difficult it will be to file a formal claim without a more precise description of the materials under contention.

Meanwhile during the 1990s, the presence of the «Smolensk Archive» in the United States was being used in Moscow as an excuse why Russia should not return cultural treasures from Western Europe that had been displaced to the Soviet Union after the Second World War. Simultaneously, the political and legal battles for custody of the Schneerson Collection have resulted in the formation of an Oriental Center in the Russian State Library and even a special reading room for Hebraica including the Schneerson Collection itself. That hardly satisfied the Chabad heirs, who have been struggling for many years to regain their long-lost library and bring it to Brooklyn, which has become their world library center, since the Rebbe from Lubavichi came to the United States in 1940. In the late 1990s, when concerned foreign circles were clamoring for more information about Holocaust-era cultural assets displaced in Russia, the presence of «Smolensk Archive» in America became an impediment in negotiating a project for identification and description of «trophy» Jewish cultural assets in Russia. As a consequence, the return of those files to Smolensk gained new political expediency. Akinsha was closely involved with the negotiations that finally resulted in their restitution.

Smolensk archival administration director S.L. Solodovnikova, in the early 1990s, had generously assisted me in gathering what data remained in Smolensk about the odyssey of the Smolensk CP files long held in America. Following the return of those files to Smolensk, her article in the leading Russian professional archival journal basically confirmed the facts presented in my earlier *The Odyssey of the «Smolensk Archive»*¹³. Here, she and an archivist in the former Smolensk Party Archive join our collection of essays with commentaries on the homecoming and archival analysis of the files now being processed in Smolensk.

As we shall see below, however, even restitution did not stop «questions» in Russia about the nature and quantity of the «Smolensk Archive» in its American configuration. Ironically there have even been claims from Ukraine for Jewish files that had become intermingled with the collection when in American hands. Thus the case of the «Smolensk Archive» remains a special and intriguing one, an example of the much

broader problems of historiography, displaced archives, and restitution issues. One can hardly find another case where such a relatively small group of archival documents has drawn so much public attention among political leaders on both sides of the Atlantic.

¹ Official transfer papers and some accounts have claimed there were 541 files, but in fact there were four numbers missing in the consecutive numeration. According to Smolensk archivists, one file № 33 contained three folders, and another contained two (№ 90), as verified after receipt in Smolensk. In the NARA system, the files were numbered WKP 1 through WKP 541, with four missing positions and one extra file. See more details about the numbering controversies in the articles by Patricia Grimsted and Evgenii Kodin below.

² Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Party Archive: Plundered Communist Archives for the Service of Anti-Communism*. Pittsburgh PA: University of Pittsburgh, Center for Russian and East European Studies, 1995 (Carl Beck Occasional Papers in Russian and East European Studies. № 1201). A condensed version of the Grimsted monograph was published as *The Odyssey of the Smolensk Archive. Plundered Communist Records*, in 1999: *Zeitschrift für Sozialgeschichte des 20 und 21. Jahrhunderts* (in 3 parts), 1997. Heft 4. P. 71—91; 1998. Heft 2. P. 190—201; 1999. Heft 1. P. 134—51.

³ Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958. Subsequent references are to the paperback edition (N.Y.: Vintage, 1963). Fainsod (1907—1972) long served as professor of Government at Harvard University and director of the Russian Research Center.

⁴ Kodin E.V. «*Smolenskii arhiv*» i amerikanskaia sovetologiya. Smolensk: SGPU, 1998.

⁵ Fainsod M. *Smolensk pod vlast'iu Sovetov*. Smolensk: Trast-Imakom, 1995.

⁶ «*Smolenskii arhiv*» kak «*zerkalo sovetsoi deistvitel'nosti*» // *Voprosy istorii*. 2003. № 9. P. 3—27; № 11. P. 3—37; № 12. P. 3—25.

⁷ See the guide to the former Party Archive in Smolensk: *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Smolenskoi oblasti: Kratkii spravochnik po fondam / Comp. N.F. Pikalova et al.; ed. E.V. Kodin et al. Smolensk, 1998* (AU administratsii Smolenskoi oblasti; TsDNISO) *Arkhivy Smolenskoi oblasti*. I thank the archival staff for giving me a VIP tour of their facility and Evgenii Kodin for sending me a copy of that guide, which clearly demonstrates that many records from the 1920s and 30s had come home.

⁸ See, for example, Raleigh D. *Doing Soviet History: The Impact of the Archival Revolution* // *Russian Review*. 61. № 1. January 2002. P. 18—19.

⁹ *Tragediia sovetsoi derevni: Kollektivizatsiia i raskulachivanie: Dokumenty i materialy v 5 tomakh*. M.: ROSSPEN, 1999—2004; and *Sovetskaia derevnia glazami VChK-OGPU-NKVD, 1918—1939: Dokumenty i materialy v 4 tomakh*. M., 1998.

¹⁰ See Grimsted P.K. *Displaced Archives and Restitution Problems on the Eastern Front in the Aftermath of World War II* // *Contemporary European History* 6:1. 1997. P. 27—74. See more recently, Grimsted P.K. *Russia's Trophy Archives: Still Prisoners of World War II?* Electronic version (Budapest: Open So-

ciety Archive, Central European University, 2002) — <http://www.osa.ceu.hu/publications/2002/RussianTrophyArchives/RussianTrophyArchives.html>.

¹¹ Before the revolution, Lubavachi was located in Orsha Uezd (district) of Mogilev Guberniia, now part of Belarus, but today Lubavachi is a part of Smolensk Oblast (region) of the Russian Federation.

¹² See more details in Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Party Archive: Plundered Communist Archives for the Service of Anti-Communism*. Pittsburgh PA: University of Pittsburgh, Center for Russian and East European Studies, 1995. P. 80—87.

¹³ Solodovnikova S.L. Konets odissei «Smolenskogo arkhiva» // *Otechestvennyie arkhivy*. 2003. № 5. P. 15—21.

История странствий «Смоленского архива»

Светлана Леонидовна Солодовникова

*Начальник Архивного управления
Департамента Смоленской области по культуре*

Вернулись в Смоленск из США документы «Смоленского архива» (541 дело), исколесившие пол-Европы и побывавшие за океаном. Знамениты они тем, что это единственные партийные документы, которые оказались в руках западных историков во времена «холодной войны». Можно сказать, что почти вся советология до перестроечных времен основывалась на этих документах.

Попытаемся заново проследить судьбу смоленских документов, так как из Смоленска были вывезены не только материалы партийного архива, но также областного государственного и ведомственных архивов.

К началу Великой Отечественной войны (1941) в Государственном архиве Смоленской области (ГАСО) насчитывалось около 1.5 млн дел. Сколько дел было в партийном архиве Смоленского обкома ВКП(б) определить по документам самого архива сложно, так как после известия о нахождении смоленских материалов в США было сделано все, чтобы доказать, что за океаном никаких подлинных документов нет, а вся история так называемого «Смоленского архива» не что иное, как фальсификация.

До войны документы Государственного архива Смоленской области располагались в пяти приспособленных помещениях: Спасо-Преображенском соборе Авраамиевского монастыря, Покровской и Петропавловской церквях, здании Духовной консистории и Римско-католическом костеле. Два последних здания ГАСО занимает и сейчас. Фонды партийного архива были размещены в церкви Всех Святых. Эти архивохранилища располагались в центральной части Смоленска, занятой фашистами 15–16 июля 1941 года. В распоряжении смоленских архивистов было менее месяца для того, чтобы организовать эвакуацию документов в тыл.

В приказе № 70 архивного отдела УНКВД Смоленской области от 8 августа 1941 года указывалось, что отдел эвакуировался из Смоленска 15 июля 1941 года.

В докладной записке об эвакуации документов из Государственного архива Смоленской области отмечалось, что к началу войны в архиве хранилось 2 787 фондов с общим количеством 1 436 763 дела. В июле 1941 года в Куйбышев были вывезены только 4 вагона с делами и картотекой секретного отдела. Далее указывалось: «Начальник отдела государственных архивов УНКВД Смоленской области Николай Георгиевич Быстров проявил безответственное отношение к сохранности документальных материалов архива и эвакуации их не организовал. Материалы были погружены в вагоны навалом в связках и даже в состоянии россыпи...». Не были вывезены описи на материалы архива, в том числе и на эвакуированные документы. Архивные дела, эвакуируемые в г. Куйбышев, сопровождали директор Секретного архива В.К. Журавлев и старший инспектор архивного отдела М.Ф. Левченко. Известно, что 15 августа 1941 года Н.Г. Быстров выезжал в г. Куйбышев, откуда вернулся 18 сентября в г. Кондрово, где в то время находились органы власти Смоленской области. Вскоре, в связи с временной оккупацией Смоленской области, Н.Г. Быстров был освобожден от занимаемой должности. Его направили сначала по месту жительства семьи, а затем в отдел государственных архивов УНКВД Приморского края, где некоторое время он работал начальником отдела секретных фондов.

Всего из облгосархива в Куйбышевскую область удалось эвакуировать более 280 000 дел². Сотрудники партархива организовали вывоз дел на 6 автомашинах сначала в г. Юхнов, а затем в Уральскую область Казахской ССР. Остальные документы были вскоре обнаружены оккупантами. Сейчас уже невозможно объяснить, почему было не выполнено или не полностью выполнено решение бюро Смоленского обкома ВКП(б) от 28 июня 1941 года (протокол № 101) о сожжении документов³.

М.С. Зинич в статье «Деятельность Оперативного штаба А. Розенберга по вывозу культурных ценностей из СССР» отметил негативную роль коллаборационистов в пособничестве по розыску и отправке в Германию именно музейных и архивных материалов⁴. В Смоленске большую помощь в организации отбора и вывоза документов оказал оккупантам Илья Авксентьевич Морозов.

И.А. Морозов, 1889 года рождения (по другим данным — 1887 года), после окончания в 1918 году Московского археологиче-

ского института и демобилизации в 1926 году из рядов Красной Армии приехал в Смоленск, где работал с декабря 1926 года по май 1930 года инструктором, а с мая 1930 года по февраль 1931 года — научным сотрудником Западного архивного бюро (до 1929 года — Смоленского архивного бюро). Затем он подвергся репрессиям: в 1931 году был арестован, в 1932 году — осужден по ст. 58 п. 6 УК РСФСР на 10 лет исправительно-трудовых лагерей «за принадлежность к агентуре латвийской и польской разведок». Накануне войны он вернулся в Смоленск, а впоследствии был назначен оккупационными властями заведующим архивным бюро. Осенью 1943 года И.А. Морозов уехал вместе с отступающими немецкими войсками. Однако после окончания войны он снова вернулся в Смоленск, где был арестован и осужден — на этот раз за пособничество фашистам. Справка по материалам его уголовного дела, хранящегося в архиве УФСБ по Смоленской области, служит одним из источников, по которому можно проследить судьбы смоленских архивов в годы Великой Отечественной войны⁵.

Морозов хорошо знал, где располагались архивы, и именно он сообщил в СД о месте нахождения документов партийного архива Смоленского обкома ВКП(б). Архивными документами занимались сотрудники подразделений Оперативного штаба А. Розенберга, разместившихся в Смоленске. Известно, что в состав главных рабочих групп штаба «Остланд» и «Митте» входила рабочая группа «Смоленск». Были созданы зондерштабы по отраслям, например, наряду с зондерштабами «Библиотеки», «Музыка», «Изобразительное искусство» действовал зондерштаб «Архивы» (руководитель д-р Вольфганг Моммзен, позднее — д-р Дюльфер). Указанные штабы следовали за немецкими войсками.

17 июля 1941 года из Смоленска был отправлен первый отчет подразделения штаба Розенберга о наличии в городе архивных документов. В докладе от 21 сентября уже упоминаются материалы партийного архива Смоленского обкома ВКП(б), попавшие в распоряжение СД.

Архивное бюро под руководством И.А. Морозова приступило к работе в августе 1941 года. Из отчетов следует, что сначала его сотрудники занимались разбором документов и выдачей справок населению. Непосредственная подготовка документов к вывозу в Германию началась, скорее всего, с лета 1942 года. В одной из информации бюро указывалось: «Наступившие холода 1941—42 гг. прекратили почти совершенно работу в архивах, так как архивохранилище не отапливалось, электрического света не было, и только с наступлени-

ем теплого времени, т.е. с 1 мая с.г. работа в архиве развернулась»⁶. Из докладных фюрера зондеркоманды войсковой группы «Митте» д-ра Нерлинга, датированных маем — июнем 1942 года, можно сделать вывод, что к этому времени был изучен состав оставленных фондов партийного архива и документов облгосархива, касающихся сведений о рождениях, бракосочетаниях и смерти. В частности, в Оперативный штаб Розенберга сообщалось: «Архив содержит административные документы всей Коммунистической партии в районе Смоленска. Он состоит из 200 фондов, важнейшими фондами являются следующие:

- 1) Контрольный комитет партии (Комитет по проведению чистки партии, 1930—1936 годы)
- 2) Губернский комитет партии, 1919—1928 годы
- 3) Районный комитет партии, 1919—1938 годы
- 4) Городской районный комитет партии, 1923—1938 годы
- 5) Документы отдельных партийно-производственных ячеек партии, 1924—1938 годы.

Кроме того, архив содержит еще старую картотеку членов партии 1917—1925 годов. Новая картотека членов партии была уничтожена большевиками»⁷.

В январе 1943 года Смоленск посетил руководитель зондерштаба «Архивы» д-р В. Моммзен. Он наметил план эвакуации большей части партийного архива. Партийные документы занимали приблизительно 1 200 м стеллажных полок. Они были перевязаны бечевками и имели шифр. В Германии, в Федеральном архиве в Кобленце, среди материалов Оперативного штаба Розенберга хранятся несколько вариантов списков фондов Смоленского партийного архива на немецком языке. В них включены 348 фондов «центральных» (губернских, областных, города Смоленска) организаций и 191 фонд «местных» (уездных, волостных, районных). Списки были составлены д-ром Мюкке и Пастором. Фамилия переводчика Пастора из штаба Розенберга упоминается и в донесении одного из сотрудников НКВД о ситуации в оккупированном Смоленске от 20 июля 1943 года, которое хранится в фонде Западного штаба партизанского движения в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО)⁸.

Научно-справочный аппарат к документам партархива был эвакуирован с делами в Уральскую область или уничтожен, но И.А. Морозову удалось обнаружить карточки старого фондового каталога. Эти карточки Моммзен «упаковал особенно тщательно» и поручил сотрудникам архивного бюро подготовить «список дел

Контрольной комиссии Коммунистической партии». Кроме того, как свидетельствуют документы, он дал следующие указания: «Все описи архива Коммунистической партии и материалы Комиссии партийного контроля из партийного архива должны быть уложены отдельно в товарные вагоны для транспортировки. Также они должны быть уложены и в Вильнюсе, так как могут вскоре понадобиться»⁹.

Из отчета д-ра В. Моммзена, датированного январем 1943 года, можно сделать вывод, что именно тогда и был произведен вывоз большей части документов Смоленского партийного архива в Вильнюс. Он писал: «Погрузка документов в вагоны несколько откладывается по техническим причинам. Так как я не смог продлить свое пребывание в Смоленске, я был вынужден отказаться от личного руководства и наблюдения за процедурой погрузки. Но я дал все необходимые указания и уверен, что сотрудники штаба Розенберга осуществят вывоз в соответствии с моими распоряжениями». Есть сведения, что документы были вывезены в трех вагонах. В. Моммзен принял соответствующие меры по устройству смоленских документов в Вильнюсе: «На основе моего обсуждения в Вильнюсе перемещение [документов] в Государственный архив будет проведено под руководством особой команды Оперативного штаба Розенберга... Материалы должны быть размещены в специальном помещении Государственного архива, комната должна обязательно опечатываться. Я обещал написать инструкцию на этот счет»¹⁰. Сведений о том, что в то же время из Смоленска были вывезены какие-либо другие архивные материалы, нет, хотя д-р В. Моммзен проявлял заинтересованность в перемещении в Ригу приходских реестров церкви немецкой общины в Смоленске.

В очередной раз д-р В. Моммзен приезжал на четыре дня в Смоленск в апреле 1943 года. Целью этой поездки была организация вывоза документов ГАСО. Предлогом для эвакуации послужила близость Смоленска к линии фронта и интенсивные воздушные налеты. Бургомистр Смоленска Б.И. Меньшагин выступал против вывоза материалов, ссылаясь на то, что Вильнюс не менее Смоленска подвержен бомбардировкам. По его словам, перемещение архивных документов могло вызвать тревогу у населения и усилить слухи о приближении фронта, которые оккупационные власти усиленно опровергали. Только после указания немецкого военного командования бургомистр согласился на вывоз дел.

Оставшиеся материалы Смоленского партийного архива, перемещенные сотрудниками архивного бюро из церкви Всех Святых в архивохранилище облгосархива (Спасо-Преображенский собор

Аврамиевского монастыря), решили вывозить частично. В. Моммзен ссылаясь на мнение И.А. Морозова, утверждавшего, что документы «Рославля и Вязьмы представляют лишь районные материалы, а потому представляют мало интереса»¹¹.

Среди дел, вывезенных из Смоленска в апреле — начале мая 1943 года, преобладали документы местных дореволюционных учреждений и генеалогические материалы облгосархива: «40 погонных метров [материалов] Канцелярии смоленского губернатора, 570 метров — смоленского губернского правления, 240 метров — церковных книг исторического архива...». В докладной записке д-ра В. Моммзена от 18 апреля 1943 года указывалось, что «общий объем отправляемых материалов примерно 4—5 железнодорожных вагонов (намного менее 10% от общего количества)»¹². Среди указанных вагонов один был с документами партийного архива, поэтому в конечном счете в Вильнюс было доставлено 4 вагона с материалами ВКП(б). В мае 1943 года архивные дела, вывезенные из Смоленска, были размещены в бывшем бенедиктинском монастыре Святого Игнатия.

Вывоз архивных документов из Смоленска продолжался до освобождения города советскими войсками 25 сентября 1943 года. В отчете архивного бюро за вторую половину августа 1943 года говорилось: «Произведены выборки из архивных материалов по заданию штаба Розенберга. Для каковой цели работало 3 сотрудника все полмесяца». В информации о работе за период с 1 по 15 сентября 1943 года отмечалось: «Затрачено на подбор материалов справочного характера для штаба Розенберга — 12 ч/дней»¹³.

В Вильнюсе смоленские архивные документы и особенно партийные дела интенсивно изучались. Их пытались систематизировать и описать. Этим занимались сотрудники штаба Розенберга, два польских профессора, знавшие русский язык — Хенрик Ловмянский и Станислав Мариан Зайончковский, а также И.А. Морозов, приехавший в Вильнюс из Минска в ноябре 1943 года. К середине марта 1944 года на 16 739 документов были составлены карточки.

По мере продвижения советских войск на запад встал вопрос о перемещении вывезенных архивных материалов вглубь Третьего рейха. Множество документов, в том числе и из Смоленска, будучи политически мало значимыми, были брошены фашистами в Вильнюсе. Дела Смоленского партийного архива рассматривались как очень важные, поэтому их подготовили к вывозу одними из первых в мае 1944 года. В июне того же года они были направлены в Лиепаю. В докладной записке народного комиссара внутренних дел Литовской ССР полковника Барташунаса, направленной в НКВД СССР

в августе 1944 года после освобождения Вильнюса частями Красной Армии, отмечалось: «Кроме документальных материалов, принадлежавших государственным архивам Литовской ССР, в гор. Вильнюсе в здании бывшего женского монастыря по ул. Игното, 3, обнаружены материалы... Смоленского государственного областного архива в количестве 4 вагонов, Полит[ического] отдела Западной железной дороги 600 ед. хранения и Ярцевского РК ВКП(б) Смоленской области — 15 связок. По заявлению научного сотрудника Центрального госархива ЛССР в г. Вильнюсе Жемайтис и бывш[его] директора архива Стакаускас немецкие оккупационные власти из г. Вильнюса, наряду с документальными материалами областного архива, вывезли в г. Вильнюс 4 вагона материалов Смоленского обкома партии и райкомов партии г. Смоленска. Данные материалы ими были размещены также в здании бывшего женского монастыря и приводились в порядок комиссией штаба Розенберга в составе 5 человек во главе с доктором фон Бергом. В конце июня месяца 1944 г. материалы Смоленского партархива были вывезены немцами в Либаву»¹⁴.

Далее их следы обнаруживаются в Пщине (нем. Плесс) — средневековом замке в семидесяти километрах от Рацибужа (нем. Ратибор). Об этом свидетельствует отчет штаба Розенберга за ноябрь 1944 года, в котором сообщалось, что в Пщине «продолжалась работа по упорядочению материалов бывшего партийного архива, который прибыл туда ранее»¹⁵.

Из обнаруженных на данный момент документов, созданных нацистами и упоминающих дела Смоленского партийного архива, последний датирован 13 декабря 1944 года. В нем указывалось, что подготовлены 2 вагона материалов для проведения исследовательских работ в антибольшевистском центре в Рацибуже. Остальные дела (примерно 3 вагона) планировалось вывезти в Карлсбад (Карловы Вары). Как позже выяснилось, нацистам удалось переправить на Запад лишь небольшую часть партийного архива, но когда это случилось и при каких обстоятельствах, неизвестно.

Все остальные документы партийного архива Смоленского обкома ВКП(б) так и остались в Пщине, где и были обнаружены зимой 1945 года наступавшими советскими войсками. В РГАСПИ находится на хранении докладная записка заместителя начальника Главного политического управления РККА И.В. Шилина, датированная 1 марта 1945 года, об обнаружении на железнодорожной станции Пщина немецкого эшелона с книгами, музейными экспонатами и архивными документами. В докладной говорилось: «Среди документов на-

ходятся архивы Смоленского и Западного обкома ВКП(б) и ВЛКСМ, а также райкомов, укомов и волкомов ВКП(б) с учетными карточками на членов и кандидатов партии. Обнаружено также много архивных материалов советских и торговых организаций этих областей». В другой, более подробной информации от 15 марта 1945 года указывалось, что «весь архив связан в пачки и упакован в большие мешки, для перевозки которых потребуется 3 железнодорожных товарных вагона»¹⁶. Вскоре вагоны были найдены, и документы отправились в Смоленск. В справке о состоянии партийного архива Смоленского обкома ВКП(б) от 21 июня 1945 года отмечалось, что в апреле 1945 года материалы архива, вывезенные оккупантами, вернулись в Смоленск в количестве 3,5 вагонов¹⁷.

11—13 декабря 1944 года в Москве состоялось совещание начальников архивных управлений и отделов НКВД и УНКВД краев и областей, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков. В своем докладе начальник архивного отдела НКВД Литовской ССР Василий Николаевич Норнов сообщил, что в г. Вильнюсе, кроме документов, принадлежавших государственному архиву Литовской ССР, были обнаружены и взяты на учет материалы Витебского облгосархива в количестве 30 вагонов и государственного архива Смоленской области в количестве 4 вагонов¹⁸.

Документы ГАСО были возвращены из Вильнюса в 1945 году «в количестве 4 вагонов, весом 70 тонн»¹⁹.

Доподлинно неизвестно, где и как документы партийного архива Смоленского обкома ВКП(б) попали в руки американских военных, почему и кем было принято решение о не возвращении дел в Советский Союз. Патриция К. Гримстед в своей монографии «Одиссея “Смоленского архива”» обнародовала следующую свою находку: первое упоминание о смоленских материалах в американских документах датируется началом октября 1946 года. В Военный департамент в Вашингтоне поступил отчет разведотдела (G-2) штаба американских войск в Европе об архивохранилище Оффенбаха недалеко от Франкфурта²⁰. Впоследствии материалы были переправлены в США, скорее всего, с небольшим количеством дел Оперативного штаба Розенберга после использования последних при подготовке Нюрнбергского процесса.

В США партийные документы с 1947 года изучались специалистами разведки в Вашингтоне. В 1953 году Секция немецких военных документов ЦРУ обозначила их как «группа документов 1056 — Коммунистическая партия — 494 русских материала Смоленской области 1917—41 (годов)». В 1954 году они были включены

в «Общий список захваченных документов, предназначенных для неофициальных исследований». Первое упоминание о смоленских архивных материалах в средствах массовой информации относится к 1955 году, когда в газете *New York Times* от 23 января была опубликована статья Гарри Шварца «Секреты Советов в руках американской армии». В статье упоминались «пятьсот больших конвертов с документами периода 1919—1939 годов», относившихся к истории Смоленской области. В 1957 году Джон Армстронг в статье «Ключи к советским политическим архивам», опубликованной на страницах известного журнала «Русское обозрение» (*Russian Review*), писал о захваченных немцами документах, «наиболее значительная часть которых находится в “Смоленском архиве”, который в настоящее время анализируется американскими учеными»²¹. Так появилось устойчивое выражение «Смоленский архив», знакомое многим российским и зарубежным историкам. Указанное понятие справедливо связывают с именем профессора Гарвардского университета Мерла Фейнсода, который в 1958 году выпустил свою монографию «Смоленск под властью Советов». По предположению американского исследователя Х. Эпштейна Фейнсод занимался смоленскими документами, начиная с 1953 года под псевдонимом «Борис»²².

В год выхода труда Мерла Фейнсода смоленские архивные материалы были переданы на хранение в Национальный архив США. В 1980 году Национальным архивом был выпущен «Путеводитель по документам Смоленской области». Документы «Смоленского архива» стали доступны для исследователей, так как были микрофильмированы и могли тиражироваться в любых количествах. Они послужили источником для многих исследований американских советологов. Но это уже другая тема, интересующихся которой можно отослать к монографии д-ра ист. наук Е.В. Кодина «“Смоленский архив” и американская советология».

В 1961 году на заседании круглого стола Международного совета архивов в Варшаве поднимался вопрос о возможности реституции смоленских архивных документов. В 1963 году США выразили готовность вернуть указанные документы в СССР. Однако ЦК КПСС, по предложению начальника ГАУ СССР Г.А. Белова, отказался от передачи документов, назвав их фальсифицированными, из опасения, что «признание подлинности возвращенного подхлестнет пропаганду холодной войны в США»²³.

Следующие шаги к возвращению документов «Смоленского архива» были предприняты в феврале 1991 года, когда в адрес Главного архивиста США Дона В. Вильсона, председателя американской

части Комиссии по архивному сотрудничеству между Главным архивным управлением при Совете Министров СССР и Американским советом познавательных обществ, было направлено письмо начальника Главархива СССР Ф.М. Ваганова, с просьбой рассмотреть вопрос о возвращении смоленских материалов. После августа 1991 года, когда была отменена статья Конституции СССР о руководящей роли КПСС, а партийные архивы переданы государственной архивной службе, Роскомархив неоднократно ставил вопрос о возвращении смоленских архивных материалов. В марте 1992 года Дон В. Вильсон написал официальное письмо председателю Роскомархива Р.Г. Пихое с согласием вернуть в Россию документы партийного архива Смоленского обкома ВКП(б), хранящиеся в Национальном архиве США. Решение о передаче архивных документов было весьма символическим для того времени. К сожалению, реституция, назначенная на лето 1992 года, не состоялась. В процесс возвращения вмешался Конгресс США, поставив условием реституции передачу Америке так называемой «библиотеки Шнеерсона». Требование было неправомерным, однако оно задержало возвращение архивных документов на долгие десять лет.

В конце концов усилия многих заинтересованных организаций и лиц завершились успехом. 13 декабря 2002 года в Министерстве культуры Российской Федерации состоялась церемония символической передачи России дел «Смоленского архива». 25 марта 2003 года эти дела были в торжественной обстановке переданы Смоленской области руководителем Федеральной архивной службы В.П. Козловым.

Документы-путешественники нашли постоянное пристанище в ГАНИСО, где в 2005 году будет закончено их описание.

¹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 1305. Л. 6.

² ОГУ ГАСО. Ф. 1544. Оп. 2. Д. 42. Л. 3.

³ ОГУ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 687. Л. 3.

⁴ Зинич М.С. Деятельность Оперативного штаба А. Розенберга по вывозу культурных ценностей из СССР // Отечественная история. 1999. № 4. С. 161—169.

⁵ ОГУ ГАСО. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 1163. Л. 2—4, 85. Справка УФСБ РФ по Смоленской области от 25.04.2003. № 10/14-2342. Л. 4.

⁶ Справка УФСБ РФ по Смоленской области от 25.04.2003. № 10/14-2342. Л. 2.

⁷ ОГУ ГАНИСО. Ф. 142. Оп. 3. Д. 275. Л. 40.

⁸ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 323. Л. 100—102 об.

- ⁹ Там же. Ф. 142. Оп. 3. Д. 275. Л. 13—14.
- ¹⁰ Grimsted P. K. *The Odyssey of the Smolensk Party Archive: Plundered Communist Archives for the Service of Anti-Communism* // Carl Beck Occasional Papers in Russian and East European Studies. № 1201. Pittsburgh PA, 1995. С. 29—30.
- ¹¹ ОГУ ГАНИСО. Ф. 142. Оп. 3. Д. 275. Л. 17.
- ¹² Там же. Ф. 142. Оп. 3. Д. 275. Л. 39.
- ¹³ Справка УФСБ РФ по Смоленской области от 25.04.2003. № 10/14-2342. Л. 12—13.
- ¹⁴ Литовский государственный архив. Ф. Р-234. Оп. 1. Д. 15. Л. 18—19.
- ¹⁵ ОГУ ГАНИСО. Ф. 142. Оп. 3. Д. 275. Л. 22.
- ¹⁶ Шепелев В. Судьба «Смоленского архива» // Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 135—136.
- ¹⁷ ОГУ ГАНИСО. Ф. 142. Оп. 1. Д. 75. Л. 5.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 1697 Л. 22 об.
- ¹⁹ ОГУ ГАСО. Ф. 1544. Оп. 2. Д. 42. Л. 3.
- ²⁰ Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Party Archive: Plundered Communist Archives for the Service of Anti-Communism*. P. 49.
- ²¹ Кодин Е.В. «Смоленский архив» и американская советология. Смоленск, 1998. С. 4.
- ²² Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Party Archive: Plundered Communist Archives for the Service of Anti-Communism*. С. 65.
- ²³ ОГУ ГАНИСО. Ф. 142. Оп. 3. Д. 275. Л. 33.

Peregrinations of the «Smolensk Archive»

Svetlana L. Solodovnikova

Head, Archives Office, Smolensk Oblast Department of Culture

The documents of the «Smolensk Archive» (541 files), having traveled over half of Europe and then to the United States, are finally back in Smolensk. What makes these documents famous is that these are the only Communist Party archives to have found themselves in the hands of Western historians in the Cold War era. It is safe to say that almost all of historically based Sovietology before the time of perestroika could rely only on these documents.

Let us try to trace the story of the documents removed and returned to Smolensk, which are not limited to Party records but also include government and departmental archives of the oblast.

By the start of the Great Patriotic War (1941), the State Archive of Smolensk Oblast (GASO) numbered approximately 1.5 million files. The exact number of files in the archive of the Smolensk Regional Committee of the CPSU(b) cannot be readily determined by the documents held in the archive, for after it became known that the Smolensk files were held in the United States, no effort was spared to prove that the documents found across the ocean were not authentic and that the whole story of the so-called «Smolensk Archive» was nothing but a hoax.

Before the war, the Smolensk Oblast archives were kept in five converted buildings: the Cathedral of Transfiguration of Our Saviour in the Abraham Monastery, the Patronage of the Mother of God and Peter and Paul churches, the building of the Ecclesiastical Consistory, and the Roman-Catholic church. The latter two are still being occupied by the GASO. The party records were kept in the Church of All Saints (Vsiekh Sviatykh). These storage areas were in the central part of Smolensk, which the Germans seized on 15—16 July, 1941. Smolensk archivists had less than a month to complete the evacuation of documents to the interior.

An order issued by the Archival Department of the Office of the People's Commissar of Internal Affairs (UNKVD in Russian) for Smolensk Oblast (No.70, of 8 August, 1941) said that the department was evacuated from Smolensk on 15 July, 1941.

A memorandum report on the evacuation of records from the State Archive of Smolensk Oblast noted that when the war broke out, the ar-

hive contained 2 787 fonds totaling 1,436.763 files. In July 1941, only four trainload wagons had left for the city of Kuibyshev, which contained files and the card file of the security division. The report went on to say: «Head of the State Archives Department, UNKVD of Smolensk Oblast, Bystrov, showed an irresponsible attitude to the preservation of documentary materials of the archive and did not organize their evacuation. Materials were loaded into railway cars in bulk, in bundles, or even in a loose state...»¹. The archival inventories (opisi) were not taken, not even those for the evacuated records. The archival files were accompanied to Kuibyshev by the director of the Security Archive V.K. Zhuravlev and the chief inspector of the Archival Department M.F. Levchenko. It is on record that Nikolai Bystrov left for Kuibyshev on August 15, 1941, and returned on September 18 to the town of Kondrovo (Kaluga Oblast), where the government authorities of Smolensk Oblast were located at the time. Soon afterwards, because of the temporary German occupation of Smolensk Oblast, N.G. Bystrov was released from office. At first, he was sent to the place of residence of his family, and then to the Department of State Archives of the UNKVD of Primorskii [Maritime] Krai, where he held the position of chief of the secret fond department for a while.

All in all, more than 280 000 files could be evacuated from the regional archives to Kuibyshev Oblast². Party archive staff had files carried off in six lorries, first to the town of Yukhnov, and later on, to Ural Oblast in the Kazakh Republic. The rest of the documents were soon discovered by the occupying Germans. Today, one finds it hard to find a reason why the order of the bureau of the Smolensk Regional Party Committee of June 28, 1941 (№ 101) to burn down the documents was never carried out³.

M.S. Zinich mentioned in her article «The Removal of Cultural Valuables from the USSR by the ERR (*Einsatzstab Reichsleiters Rosenberg*)» the negative role of collaborationists who aided the Germans in hunting out and shipping to Germany preeminent museum and archival items⁴. In Smolensk, Iliia Morozov lent great support to the occupants in managing the selection and shipment of documents.

I.A. Morozov (born 1889 [or 1887]), after graduating from the Moscow Archaeological Institute in 1918 and demobilization from the Red Army in 1926, went to Smolensk, where he was an instructor from December 1926 to May 1930, and a research assistant of the Western Archival Bureau (Smolensk Archival Bureau until 1929) from May 1930 to February 1931. He was a victim of Stalin's repressions: arrested in 1931 he was sentenced under paragraph 6 of Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR to 10 years in a correctional labour camp «for being an agent of the Latvian and Polish intelligence services». On the eve of the war he

came back to Smolensk, where the German occupying authority appointed him head of the Archival Office. In the autumn of 1943, Morozov left together with the retreating German troops. However, after the war he returned to Smolensk again, where he was arrested and convicted, this time for aiding and abetting the fascists. A memorandum on his criminal case, which is kept in the archives of the Federal Security Service Office for Smolensk Oblast, is one of the sources by which one can trace the story of Smolensk archives during the Second World War⁵.

Morozov knew well the whereabouts of the archives, and it was he who directed the SD to the location of the archive of the Smolensk regional committee of CPSU(b). Archival documents were the business of the staff of the Rosenberg units (ERR) headquartered in Smolensk. It is on record that a working group called «Smolensk» was among the Main Working Groups (HAG) of the Ostland and Mitte ERR commandos. In addition, Sondercommandos were structured by subject; e.g., along with «Libraries», «Music», and «Visual Arts» Sondercommandos, there was the «Archives» Sondercommando (headed by Dr. Mommsen, and later by Dr. Dülfer). These staff commandos followed the German troops.

The first report on the presence of archival documents in the city was sent from Smolensk by a Rosenberg staff unit on July 17, 1941. The September 21 report already mentions materials from the Smolensk Oblast Party Archive that fell into the hands of the SD.

The Archival Office headed by I.A. Morozov started work in August 1941. It follows from reports that initially its staff handled documents and issued certificates to people. It was probably in the summer of 1942 that they started preparing documents for withdrawal to Germany. An information report from the office said: «With the onset of cold in 1941—42, work in the archives all but stopped, because the archival depository was not heated and there was no electricity, and it was not until the warm season, i.e., from May 1, that work began in the archive»⁶. From the reports of the *fuhrer* of the Sonderkommando of the army group Mitte Dr. Nerling, dated May to June 1942, one can deduce that by that time they had studied the composition of the abandoned fonds of the Party Archive and the documents of the Oblast State archive concerning information about births, marriages, and deaths. In particular, a report to the ES Rosenberg said: «The archive contains administrative records of the whole Communist Party in the region of Smolensk. It consists of 200 fonds, of which the most important are:

- (1) The Party Control Committee (Party Purge Committee 1930—1936),
- (2) Guberniya [Provincial] Party Committee 1919—1928,
- (3) District Party Committee 1919—1938,

(4) City District Party Committee 1923—1938,

(5) Documents of individual Party and production cells 1924—1938.

Besides, the archive contains an old Party members card file 1917—1925. The new members card file was destroyed by the Bolsheviks»⁷.

In January 1943, head of the ERR Sondercommando Archives Dr. Mommsen visited Smolensk. He outlined an evacuation plan for the bulk of the Party archive. Party documents occupied approximately 1,200 m of stack shelves. They were corded and had a reference number. The Federal Archive in Koblenz, Germany, holds among the materials of the ERR several different inventories of the Smolensk Party archive documents in German. They include 348 fonds of «central» (provincial, oblast, and city) organizations of Smolensk and 191 «local» ones (uezd, volost [district], and regional). The inventories had been prepared by Dr. Mücke and Pastor. The name Pastor is mentioned in an NKVD officer's report on the situation in occupied Smolensk of 20 July, 1943, which is held in the fond of the Western Headquarters of guerilla movement in the State Archive of Contemporary History of Smolensk Oblast (GANISO)⁸.

The reference tools for the Party Archive documents had been evacuated together with files to Ural Oblast or else destroyed, but I.A. Morozov succeeded in finding the cards of the old fond catalogue. Mommsen «packed these cards with special care» and instructed the archival office staff to prepared «a list of files of the Communist Party Control Commission». In addition, according to documentary evidence, he gave the following directions: «All the statements of the archive of the Communist Party and the materials of the Party Control Commission from the Party archive are to be stowed separately in freight cars for transportation. They are to be stowed in the same way in Vilnius, for they may soon be needed»⁹.

Dr. Mommsen's report dated January 1943 suggests that it was at that time that most of the documents of the Smolensk Party Archive were shipped to Vilnius. He wrote, «The loading of the documents in the cars is somewhat delayed for technical reasons. Because I could not extend my stay in Smolensk, I was compelled to give up personal guidance and supervision of the loading procedure. But I had given all the necessary instructions and am positive that the ERR staff will carry out the shipping according to my instructions». There is information that the documents were transported in three cars. Mommsen took appropriate measures to arrange the Smolensk documents in Vilnius: «Based on my discussion in Vilnius the transfer [of documents] to the State Archive will be supervised by a special ERR team... The materials are to be arranged in a spe-

cial room of the State Archive, the room will have to be sealed without fail. I promised to write an instruction on that score»¹⁰. There is no information that any other archival materials were carried off from Smolensk at the same time, although Mommsen showed interest in moving to Riga the parish registers of the German community in Smolensk.

Dr. Mommsen's next visit to Smolensk was for four days in April 1943. The aim was to organise the withdrawal of GASO documents. The excuse for the evacuation was the closeness of Smolensk to the front line and intense air raids. Smolensk burgomaster B.I. Men'shagin argued against the export of materials, saying that Vilnius was being bombed as heavily as Smolensk. According to him, the movement of archival documents could alarm the population and increase rumours of the approach of the front, which the occupying authority was doing its best to confute. It took a German command order to bend the burgomaster to OK the withdrawal of files.

It was decided that the remaining documents of the Smolensk Party archive, which had been moved by the archival office staff from the Church of All Saints to the archival depository of the regional government archive (at the Cathedral of the Transfiguration of our Saviour in the Abraham Monastery) be carried off in part. Mommsen referred to I.A. Morozov's opinion that the documents of the towns of «Roslavl and Vyazma contain only district materials and are thus of little interest»¹¹.

The documents moved from Smolensk in April and early May 1943 were dominated by documents of local pre-revolutionary institutions and genealogical materials of the regional government archives: «40 linear metres [of materials] of the Smolensk Governor's office, 570 metres of the Smolensk Provincial Administration, 240 metres of the church books of the historical archive...». Dr. Mommsen's staff report of April 18, 1943, said that «the total volume of shipped materials is approximately 4—5 railway cars (much less than 10% of the total quantity)»¹². One of these cars contained Party archive documents, so in the final count four carloads of CPSU(b) materials arrived in Vilnius. In May 1943, archival files brought in from Smolensk were arranged in the former St. Ignatius' Benedictine Monastery.

The shipping of archival documents from Smolensk continued until 25 September 1943, the day the city was liberated by Soviet troops. The Archival Office report for the second half of August 1943 said: «Samplings from archival materials were taken by order of the ERR. To which end three staff members worked for half a month». The work report for the period 1 to 15 September 1943 noted: «Spent on selection of reference materials for the ERR, 12 man-days»¹³.

Once in Vilnius, the Smolensk archival documents were thoroughly studied, especially Party files. They tried to classify and describe them. This work was carried out by ERR workers, two Polish professors who knew Russian — Henryk Lowmianski and Stanislaw Zaionczkowski, as well as I.A. Morozov, who had come to Vilnius from Minsk in November 1943. By mid-March 1944, cards had been prepared for 16,739 documents.

As the Soviet troops moved west, the question of evacuation of removed archival documents inland to the Third Reich came up. A great many documents, including some from Smolensk, were abandoned in Vilnius as being of little political importance. The Smolensk Party archive files were considered very important, therefore they were among the first to be prepared for evacuation in May 1944. In June of the same year they were forwarded to Liepaja (Libava). A memorandum report of Colonel Bartasunas, People's Commissar of Internal Affairs of the Lithuanian SSR, to the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR in August 1944, following the liberation of Vilnius by Red Army troops noted: «Apart from documentary materials that belonged to the state archives of the Lithuanian SSR, there were discovered in the city of Vilnius, in the building of a former nunnery at 3 Ignoto Street, materials... of the Smolensk State Oblast Archive, a total of four carloads, of the Political Department of the Western Railway (600 items) and the Yartsevo Regional Committee of CPSU(b), Smolensk Oblast (15 bundles). By the testimony of Zemajtis, a research assistant of the Lithuanian SSR Central State Archives in Vilnius, and Stakauskas, former director of the archives, the German occupying authority brought to Vilnius, along with documentary materials of the regional archives, four wagonloads of materials of the Smolensk regional Party committee and district Party committees. These materials were placed by them also in the building of a former nunnery and were arranged by an ERR commission consisting of five persons led by Dr. von Berg. In late June 1944 the materials of the Smolensk Party archive were carried off by the Germans to Libava»¹⁴.

Next, their traces were found in Pszczina (Germ. Pless), a medieval castle 70 km off from Racibórz (Germ. Ratibor). The ERR report of November 1944 bears record to it, which says that «the work of ordering of materials of a former Party archive, which had arrived there earlier»¹⁵ was continued in Pszczina.

The latest discovered documents of the ERR to date to mention the Smolensk Party archive files is dated 13 December 1944. It says that two carloads of materials were prepared to carry our research in the anti-Bolshevist centre in Raciborz. The rest of the records (approximately three wagonloads) were planned to be moved to Karlsbad (Kar-

lovy Vary). It transpired later on that the Nazis had managed to carry to the west only a small part of the Party archive, but we do not know when and under what circumstances it happened.

The rest of the records of the Party Archive of the Smolensk Regional Party committee remained in Pszczina, where they were discovered by advancing Soviet troops in the winter of 1945. RGASPI holds a memorandum report of I.V. Shilin, chief of the Main Political Administration of the Red Army, dated 1 March 1945, on the discovery of a German echelon with books, museum pieces, and archival materials at the railway station of Pszczina. The memorandum report went on to say: «The documents include the archives of the Smolensk and Western regional committees of CPSU(b) and the Komsomol, as well as of district, uezd and volost committees of CPSU(b), with the registration cards of Party members and candidates. Also were discovered numerous archival materials of Soviet and trade organizations of these regions». Another, more detailed information report, of 15 March 1945 mentioned that «the entire archive is bound in bundles and packed in big sacks, which it would take three railway freight cars to carry»¹⁶. The cars were soon found and the documents went to Smolensk. A statement on the condition of the archive of the Smolensk regional committee of CPSU (b) of 21 June 1945 noted that the archive materials that had been carried off by the occupants returned to Smolensk in April 1945 in 3.5 railway cars¹⁷.

A conference in Moscow (11—13 December 1944) of chiefs of the Archival administration and divisions of the NKVD and its regional administrations in the areas liberated from the German aggressor. Chief of the Archival Division of the NKVD of the Lithuanian SSR Vasily Nornov said in his report that they had discovered and registered in Vilnius, in addition to documents belonging to the State Archives of the Lithuanian SSR, also materials of the Vitebsk Oblast State Archive (a total of 30 railway carloads) and of the Smolensk Oblast State Archive (a total of 4 railway carloads)¹⁸.

GASO documents were returned from Vilnius in 1945 — «a total of four carloads, weighing 70 tons»¹⁹.

We do not know for sure where and how the documents of the Smolensk Oblast Party Archive passed into the hands of the American military, and who and why decided not to turn the files back to the Soviet Union. Patricia K. Grimsted made public in her monograph *The Odyssey of the Smolensk Archive* the following find: the first mention of the Smolensk materials in American documents is dated early October 1946. The War Department in Washington received a report of the Intelligence Unit (G-2) of the headquarters of the United States Forces in Europe concerning the Offenbach Archival Depository near Frankfurt²⁰. Subse-

quently, the materials were transferred to the United States, most probably with a few ERR files, that had been used in the preparation of the Nuremberg trials.

In the United States, the Smolensk Party documents were scrutinised by intelligence experts starting in 1947. In 1953, the CIA German War Documents Section designated them «Document Group 1056 — Communist Party — 494 Russian Materials of Smolensk Oblast 1917—1941». In 1954 they were included in the «General list of captured documents intended for unofficial research». The first mention of the Smolensk archival materials in the media dates back to 1955, when the *New York Times* of 23 January carried an article by Harry Schwartz, «The Secrets of the Soviets in the Hands of the American Army». The article mentioned «five hundred big envelopes with documents of the period 1919—1939» pertaining to the history of Smolensk Oblast. In 1957 John Armstrong wrote in his article «Keys to Soviet Political Archives», published by the well-known periodical, the *Russian Review*, about documents captured by the Germans, «the most important part of which are held in the «Smolensk Archive», which is currently being examined by American scholars»²¹. This gave rise to the fixed expression «Smolensk Archive», which is familiar to many Russian and foreign historians. This notion is rightly associated with Merle Fainsod, a Harvard professor who published a monograph, *Smolensk under Soviet Rule*, in 1958. At the suggestion of the American scholar H. Epstein Fainsod had been working with the Smolensk documents since 1953 under a project code-name «Boris»²².

In the year that Merle Fainsod's work saw the light, the Smolensk archival materials were transferred for safekeeping to the US National Archives. In 1980 the National Archives published a *Guide to the Records of Smolensk Oblast*. The «Smolensk Archive» documents became accessible for researchers, because they had been microfilmed and could be duplicated in any number of copies. They served as a source for many studies of American Sovietologists. However, this is a different topic, and anyone interest in it is referred to a book written by E.V. Kodin *The «Smolensk Archive» and American Sovietology*.

The International Council on Archives round-table in Warsaw in 1961 raised the question of the restitution of the Smolensk archival documents. The United States offered to return these documents to the USSR in 1963. However, the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union at the suggestion of head of the Main Archival Administration of the USSR G.A. Belov refused the offer, calling the documents fabricated, out of fear that «our recognition of the authenticity of the returned material would whip up cold war propaganda in the USA»²³.

The next steps toward the return of the «Smolensk Archive» records were taken in February 1991, when F.M. Vaganov, head of the Main Archival Administration of the USSR, sent a letter addressed to Don W. Wilson, Chief Archivist of the USA and chairman of the American part of the Commission on Archives Cooperation between the USSR Council of Ministers Main Archival Administration and the American Union of Cognitive Societies, requesting that the question of the return of the Smolensk materials be reviewed. After August 1991, when the USSR Constitution article stating the leading role of the CPSU was abolished and Party archives were turned over to the state archival service, Roskomarkhiv more than once raised the issue of return of the Smolensk archival materials. In March 1992, Don Wilson wrote an official letter to Roskomarkhiv chairman R.G. Pikhoya voicing his consent to the return of files of the Smolensk Oblast archive of the CPSU (b) held in the United States National Archives. The decision to transfer archival documents was highly emblematic for that period. Unfortunately, the act of restitution scheduled for the summer of 1992 never took place. The US Congress intervened, making this act conditional upon the transfer to the United States of the so-called Schneerson Library (or Schneerson Collection). This was an unlawful condition, yet it delayed the return of the archival records for a full decade.

Finally, the efforts of many interested institutions and individuals were crowned with success. On 13 December 2002 the Russian Ministry of Culture was the venue of the symbolic transfer of the «Smolensk Archive» files to Russia. In a special ceremony held on 25 March 2003 these files were handed by head of the Federal Archival Service V.P. Kozlov over to Smolensk Oblast.

The itinerant documents have finally found their permanent shelter at the GANISO, where their description will be completed in 2005.

¹ GARF. 5325/10/1305, folio 6.

² OGU GASO. 1544/2/42, folio 3.

³ OGU GANISO. 6/1/687, folio 3.

⁴ Zinich M.S. *Deiatel'nost' Operativnogo Shtaba A. Rozenberga po vyvozu kul'turnykh tsennostei iz SSSR // Otechestvennaia istoria*. 1999. № 4. P. 161—169.

⁵ OGU GASO. 1544/1/1163, folios 2—4, 85. *Spravka UFSB RF po Smolenskoj oblasti ot 25.04.2003*. № 10/14-2342, folio 4.

⁶ *Spravka UFSB RF po Smolenskoj oblasti ot 25.04.2003*. № 10/14-2342, folio 2.

⁷ OGU GANISO. 142/3/275, folio 40. The quoted list is from a Nerling report among the ERR records in TsDAVO in Kiev (fond 3676).

⁸ *Ibid.* 8/1/323, folios 100—102.

- ⁹ Ibid. 142/3/275, folios 13—14.
- ¹⁰ Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Party Archive: Plundered Communist Archives for the Service of Anti-Communism* // Carl Beck Occasional Papers in Russian and East European Studies. № 1201. Pittsburgh PA. 1995. P. 29—30.
- ¹¹ OGU GANISO. 142/3/275, folio 17.
- ¹² Ibid. 142/3/275, folio 39.
- ¹³ Spravka UFSB RF po Smolenskoj oblasti ot 25.04.2003. № 10/14-2342, folio 12—13.
- ¹⁴ Lithuanian State Archive R-234/1/15, folios 18—19.
- ¹⁵ OGU GANISO 142/3/275, folio 22.
- ¹⁶ Shepelev V. Sud'ba «Smolenskogo archiva» // *Izvestia TsK KPSS*. 1991. № 5. P. 135—136.
- ¹⁷ OGU GANISO. 142/1/5, folio 5.
- ¹⁸ GARF. 5325/10/1697, folio 22.
- ¹⁹ OGU GASO. 1544/2/42, folio 3.
- ²⁰ Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Party Archive*. P. 49.
- ²¹ Kodin E.V. «Smolenskii archive» i amerikanskaia sovetologia. Smolensk, 1998. P. 4.
- ²² Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Party Archive*. P. 65.
- ²³ OGU GANISO. 142/3/275, folio 33.

Особенности учета и описания коллекции документов «Смоленский архив»

Марина Леонидовна Степченкова

Главный специалист

*Государственный архив новейшей истории
Смоленской области (ГАНИСО)*

Через 60 лет «вынужденной эмиграции» из США в Россию были возвращены документы «Смоленского архива». Произошло это знаменательное событие в Москве 25 марта 2003 года. Затем документы были переданы в Смоленск и поступили на постоянное место хранения в Центр документации новейшей истории Смоленской области (ныне — Государственный архив документов новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО)). Всего из Национального архива США вернулось 541 дело объемом 72 373 листа.

Архивная коллекция, о которой пойдет речь, является частью документов ВКП(б) за довоенный период, которую нацисты вывезли в апреле 1943 года из оккупированного Смоленска.

Сразу после приема документов «Смоленского архива» специалистами ГАНИСО была составлена черновая (рабочая) опись дел, которая дала возможность предварительно определить количественный и качественный состав документов, их содержание, наметить планы предстоящего учета (фондирования) и описания документального комплекса.

Анализ полученных материалов показал, что коллекция объединяет документы партийных органов не только Смоленской области, но и областей, входивших ранее в состав Западной области СССР, и содержит самые разнообразные документы: протоколы конференций, пленумов, заседаний бюро, общих собраний, документы контрольных органов партии, переписку, материалы о деятельности молодежных, детских организаций, судебно-следственных органов и многие другие. Большинство из переданных документов идентичны тем, что хранятся в архиве.

Подходы к описанию документов обсуждались в ноябре 2003 года на специальном заседании Научного совета архива, на котором было принято решение описать коллекцию как единый ком-

плекс архивных материалов и разработать рабочую инструкцию по ее описанию.

В 2004 году сотрудники ГАНИСО приступили к работе по учету (фондированию), описанию и реставрации коллекции полученных документов.

В ходе научного описания конкретизирована и исправлена датировка документов, уточнены хронологические границы фонда. Например, кроме комплекса документов за 1917—1941 годы, были обнаружены документы за 1902 год: выписки из периодических изданий и архивных документов о политической обстановке в Смоленской губернии в начале XX века.

На каждую единицу хранения составляется специальная карточка описания, в которой приводится: старый шифр и рабочий номер дела; заголовок дела, с наибольшей полнотой отражающий его содержание и хронологические рамки единицы хранения; точное количество листов.

В процессе работы уточнялись заголовки дел и изменялись в случае несоответствия содержанию документов. Например, заголовок дела «Материалы о состоянии массово-политической и пропагандистской работы в Смоленской губернии» был заменен на «Протокол заседания комиссии по партпросвещению от 03.03.1920. Опросные листы Агитотдела Смоленского угоркома РКП(б). Списки культпросветаппарата по Дорогобужскому, Гжатскому и Духовщинскому угоркомам РКП(б). Статьи из газет “Брянский рабочий” и “Рабочий путь” о деятельности комсомольских организаций, проведении профсоюзной работы», а дело, озаглавленное ранее «Отчеты, информации, акты обследования Смоленской губернской организации Юных пионеров», получило новое название — «Протоколы III совещания пионерработников Смоленской губернии, заседаний Ельнинского, Шумячского, Рославльского, Батюшковского уездных бюро Юных пионеров». Из приведенных примеров видно, что некоторые описательные статьи стали более объемными, но они с максимальной полнотой отражают все разнообразие документов, собранных в одном деле.

При описании материалов в ряде случаев отмечалась языковая принадлежность документов, степень сохранности материального носителя и текста, внешние особенности, экземплярность документов.

К концу 2004 года после упорядочения половины поступивших документов из 271 единицы хранения были сформированы и описаны 293 дела. Дела, насчитывающие 400, 500, 600 и более листов, были разьединены на несколько дел и в результате количество единиц хранения увеличилось. В некоторых случаях дела были разделены на 2—3 тома.

Большая работа проведена в связи с необходимостью перенумерации как дел, так и листов. В одних случаях встречается двойная нумерация дел, проставленная в разные периоды времени. В других — не пронумерованные листы или большие разрывы в нумерации (возможно, из-за изъятия листов). Все это привело к необходимости провести новую нумерацию дел с сохранением существовавшей ранее. Технически эта работа была выполнена простым карандашом в правом верхнем углу в круглых скобках.

Большинство документов коллекции хорошо читаются, но встречаются листы с угасающим текстом. Все материалы были переданы нам в расшитом виде, и почти каждый лист требовал реставрации и наращивания корешка. Множество листов проклеено скотчем в местах повреждений, отдельные листы разорваны на несколько частей и вложены в папки-файлы. Некоторые листы утратили эластичность, и это создает определенные трудности при проведении реставрационных работ, требует высокого профессионализма и больших затрат времени.

Наряду с русскоязычными встречаются документы на иврите, польском, белорусском, украинском и других языках. Как я уже отмечала, большую часть коллекции составляют копии документов, зачастую это вторые, иногда даже четвертые экземпляры, как машинописные, так и рукописные. Типографским способом исполнены отдельные брошюры, инструкции ЦК и ЦИК, газеты, листовки.

В ходе описания были выявлены документы с внешними особенностями: внутренними описями, сургучными печатями, почтовыми марками.

В настоящее время дела архивной коллекции организованы в хронологическом порядке, внутри каждого года располагаются по видам и значимости документов. В 2004 году составлена первая часть описи с управленческой документацией за 1902, 1917—1929 годы. Работа по описанию коллекции в 2005 году будет продолжена.

Мы планируем написать историческую справку и предисловие к коллекции, составить предметно-тематический и географический указатели, библиографию, список сокращенных слов.

В коллекции документов «Смоленский архив» находится 17 дел с непрофильными документами. Они пока оставлены в неопisanном виде для составления отдельной описи.

В заключение хотелось бы отметить большой интерес исследователей, историков, краеведов к коллекции документов «Смоленский архив» как к особому комплексу архивных материалов по истории не только Смоленщины, но и других регионов, входивших ранее в Западную область.

The «Smolensk Archive» Collection: Characteristics of Control and Description

Marina Leonidovna Stepchenkova

*Chief Specialist State Archive of Contemporary
History of Smolensk Oblast (GANISO)*

After 60 years of «forced emigration», files from the «Smolensk Archive» were returned by the United States to Russia. This important event took place in Moscow on 25 March 2003. The documents were then transferred to Smolensk for permanent storage at the Centre of Smolensk Oblast Contemporary History Documentation (now called the State Archive of Contemporary History of Smolensk Oblast, or GANISO). A total of 541 files amounting to 72,373 folios came back from the US National Archives.

The archival collection in question is part of the prewar Communist Party documents the Nazis removed from occupied Smolensk in April 1943.

Right after the acceptance of the «Smolensk Archive» documents, GANISO specialists compiled a draft (working) inventory so as to determine the quantitative and qualitative composition of the documents and their content and to draw up a plan of the forthcoming development of a file allocation and description scheme.

Our analysis of the records received showed that the collection brings together party documents not only from Smolensk Oblast but also from districts that formed part of what used to be Western Oblast of the USSR. They include a wide variety of materials: minutes of conferences, plenary meetings, party bureau sessions, general meetings, documents of party supervising bodies, correspondence, materials relating to the activities of youth and children's organizations, judicial and investigative authorities, and many others. Most of the documents that have been transferred are identical to those held in the archive.

Document description approaches were discussed in an ad hoc meeting of the Research Council of the archive in November 2003. It was resolved to treat the collection as a single complex and to develop description guidelines.

In 2004, GANISO staff started work on a file allocation scheme and the description and restoration of the collection.

In the course of description, dating was checked and occasionally corrected, and the time scope of the fond was specified. For example, in addition to 1917—1941 documents, we found some dating from 1902: extracts from periodicals and archival files describing the political situation in Smolensk province in the early 20th century.

A description card is being compiled for each file with the following details: the old reference number and working number of the file; a title giving the fullest possible description of the file; the time limits of the item; and the exact number of folios.

As work went on, file titles were revised and amended if they did not agree with the contents of documents. To illustrate, the title «Materials on the State of Mass-Political and Propaganda Work in Smolensk Province» was replaced by «Minutes of the Party Enlightenment Commission Meeting of March 3, 1920. Questionnaires of the Agitation Department of the Smolensk Uezd-City Committee of the RKP(b) [Russian Communist Party (Bolsheviks)]. Lists of Cultural and Enlightenment Workers of the RKP(b). Lists of Cultural and Enlightenment Workers of the Dorogobuzh, Gzhatsk, and Dukhovshin Uezd-City Committees of the RKP(b). Articles from the newspapers *Brianskii rabochii* and *Rabochii put'* on the Work of Komsomol [Young Communist League] Organizations and Trade Union Activities», and a file previously titled «Minutes of the 3rd Meeting of Young Pioneer Leaders of Smolensk Province» received a new title — «Minutes of the 3rd Meeting of Young Pioneer Leaders of Smolensk Province, meetings of El'nia, Shumiachi, Roslavl, and Batiushkov Uezd Young Pioneer Bureaus». These examples show that some descriptive entries were made larger, but they represent in the best possible way all the different records collected in a file.

Some descriptions took note of the language of documents, the degree of preservation of the physical medium and text, external features, and the number of copies.

By the end of 2004, after half of the documents had been collated, 271 storage items had been made into 293 files. Files numbering 400, 500 and more folios were split into several files, which led to increase in the number of storage items. In some cases, files were separated into two-three volumes.

Much effort was spent on renumbering both files and folios. One comes across files with double numbering from different periods. Also, there are files with unnumbered folios or with gaps in numbering, possibly due to removed folios. All this required that files be renumbered, retaining the old numbers. Technically, this was done by inscribing a new number in parentheses with a lead pencil in the upper right corner.

Most of the documents in the collection are perfectly legible, but there are folios with fading text. All the material was delivered to us unstitched and almost every folio required restoration and spine back-up. Many folios had Scotch tape glued over damaged parts, some folios were torn into fragments and were kept in folders. Some folios had lost elasticity, thus cause problems in restoration, which requires high professional skill and entails high labour cost.

Alongside Russian language documents there are documents in Hebrew, Polish, Byelorussian, Ukrainian, and other languages. As I have said already, most of the collection consists of copies, often second or even fourth, either handwritten or typewritten. Printed materials include brochures, instructions of the Central Committee and Central Executive Committee, newspapers, and leaflets.

In the course of description, we identified documents with certain external features: internal inventories, wax seals, and postmarks.

At present, the archival collection files are ordered chronologically and within each year arranged by kind and importance. In 2004, the first part of the inventory covering management documentation for 1902 and 1917—1929 was prepared. The description effort will continue in 2005.

We plan to write a historical summary and preface to the collection, compile subject and place-name indexes, a bibliography, and a list of abbreviations.

The «Smolensk Archive» collection contains 17 files of «non-profile» documents. Thus far, they are left undescribed, to be included in a separate inventory.

In conclusion, I should like to note that researchers, historians, and regional ethnographers are taking a great interest in the «Smolensk Archive» as a unique body of archival documents on the history of not only the Smolensk region but also other regions that used to be part of Western Oblast.

Возвращение «Смоленского архива». От инструмента нацистской и американской советологии к роли пешки в международных политических интригах в области реституции

Патриция Кеннеди Гримстед

Введение «Смоленский архив» возвращен. Остались ли еще вопросы?

В марте 2003 года так называемый «Смоленский архив», долгое время хранившийся в Национальном архиве США, вернулся домой, в Смоленск. 541 дело в 77 архивных коробках было передано Российской Федерации на официальной церемонии, которая состоялась в Москве 13 декабря 2002 года¹. В годы Второй мировой войны эти разрозненные дела дважды конфисковывались для политических и разведывательных целей — вначале немецкими захватчиками, а затем, по иронии судьбы, американским союзником, который в период «холодной войны» превратился в противника. Под руководством немецких архивистов в январе и апреле 1943 года Оперативный штаб рейхслайтера Розенберга (ERR) вывез почти пять грузовых вагонов документов из бывшего Архива Смоленского обкома Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) сначала в Вильнюс, а затем в научно-исследовательский центр ERR в Силезии. В апреле 1945 года большая часть этого архива вернулась в Смоленск. Вплоть до 1991 года факт возврата замалчивался, что привело к завышению количественных оценок фондов, находившихся в Америке. На самом деле немцы в конце войны сумели эвакуировать на запад не больше 520 дел из Смоленска. В Германию они прибыли вместе с множеством советских документов, изъятых из других источников. После того как они оказались в руках американцев, к ним добавились и другие советские документы.

Третий рейх потерпел поражение еще до того как нацисты смогли опубликовать какие-либо результаты своего антибольшевистского аналитического исследования, проведенного на основе ма-

териалов Смоленского партийного архива; фрагментарные данные об этом исследовании сохранились в Вильнюсе и Плессе. В годы «холодной войны» 500 с лишним дел Смоленского партийного архива, оказавшиеся, в конце концов, в Национальном архиве США, стали для американцев единственным советским партийным архивом среди массы германских документов, захваченных британскими и американскими военными. Анализ этого небольшого фонда, проведенный американцами, послужил основой и для политологических концепций, и для серьезных исторических споров о природе советского режима, о чем свидетельствуют сочинения Мерла Фейнсода, Роберты Маннинг и Евгения Кодина. А в конце 1980-х годов, когда был открыт доступ к архивам советского периода, «Смоленский архив» в Америке стал учебным материалом для западных исследователей. В настоящей статье я прослеживаю архивную историю и миграцию этих дел, а также их роль в политике реституции культурных ценностей, проводимой Россией и Соединенными Штатами.

В течение нескольких десятилетий мы не знали, как и почему эти смоленские архивные дела попали в Вашингтон и какие усилия предпринимались для их возврата². Сегодня, однако, уже наметились общие очертания их удивительной одиссеи, хотя остаются еще вопросы о том, как эти дела оказались в Баварии и кто их отбирал. Мы можем проследить их след, начиная с Оффенбахского архивного хранилища (OAD) — американского центра возврата книг и архивов, располагавшегося в окрестностях Франкфурта-на-Майне. Сейчас мы располагаем оригиналом отгрузочного документа, выписанного по случаю их пересылки в Пентагон. Также мы можем назвать имя одной из ключевых фигур, убедивших сотрудников американской разведки изъять этот архив из общего реституционного потока.

Хотя всем нам казалось, что большинство фактов, касающихся странствий «Смоленского архива», уже выяснено, после его возвращения в Россию возникли новые вопросы о его составе и его перемещениях в Америке. В российском журнале «Отечественные архивы», (2004, № 1) была напечатана спорная, на мой взгляд, статья начальника отдела Федеральной архивной службы России (Росархив) С.Д. Мякушева, сопровождавшего архив во время его возвращения в Смоленск. Автор статьи под названием ««Смоленский архив» возвращен, вопросы остались» утверждал, что Соединенные Штаты вернули не все смоленские дела³. Беседуя с С.Д. Мякушевым я поняла, что его ошибочное представление о том, что часть «Смоленского архива» задерживается в США, возникло потому, что он не читал мою монографию «Одиссея “Смоленского архива”» (1995) и не был знаком с путеводителями, составленными Национальным управлением архивов и документации США (NARA). Впрочем, эти

инсинуации, исходящие от высокопоставленного российского архивиста, заслуживают внимания лишь постольку, поскольку они перекликаются с утверждениями российских политиков, что множество российских культурных ценностей, утраченных или разграбленных в годы Второй мировой войны, сегодня утаиваются Америкой⁴.

В 2003 году в Нью-Йорке появилось сообщение мемуарного характера, рассказывающее о том, как американцы нашли «Смоленский архив». Его автор, недавно скончавшийся князь Алексей Щербатов, наследник смоленского дворянского рода, который в конце войны служил в американской армии, утверждал, что именно он нашел «Смоленский архив» в одной баварской деревне. Этой истории посвящена глава его мемуаров, опубликованных в Москве⁵. Е.В. Козин и смоленские архивисты отвергают большую часть его сообщения как чистую «фантазию», однако А.П. Щербатов дает новую информацию для воссоздания этой одиссеи. Хотя он и охарактеризовал найденные им документы как архив смоленского НКВД/ОГПУ, а не Коммунистической партии, данное им описание этих документов как основы исследований М. Фейнсода «Смоленск под властью Советов» и еще одной российско-американской публикации о коллективизации указывает на то, что речь идет об архивных документах Смоленского обкома партии⁶. Тем не менее его спекулятивные утверждения о характере и судьбе этого архива требуют изучения.

Утверждения о том, что в Соединенных Штатах все еще остаются некоторые смоленские дела, совершенно неожиданно пришли и из другого источника, о котором до последнего времени не знали ни С.Д. Мякушев, ни я. Их следы ведут не к армейским или разведывательным архивам, как предполагает С.Д. Мякушев, а к Гуверовскому институту войны, революции и мира в Стэнфорде (штат Калифорния), где в коллекции Б.И. Николаевского обнаружены три дела из Смоленского партийного архива! Оказалось, что только одно из них — оригинал. Пока что мы можем лишь строить догадки, как оно оказалось в собственности Б.И. Николаевского. Хотя сам Николаевский, вероятно, об этом даже и не догадывался, но судьба его оказалась связанной с судьбой смоленских дел, перевезенных в США. Учитывая эти неожиданные повороты, можно утверждать, что одиссея «Смоленского архива» еще не подошла к концу.

Мы еще вернемся к вопросам С.Д. Мякушева, мемуарам А.П. Щербатова и трем смоленским архивным делам, находящимся в Калифорнии. Но вначале проследим путь странствий «Смоленского архива» и возврата его большей части в Смоленск в апреле 1945 года.

1. «Одиссея»: путь до Силезии

а) Нацисты находят в Смоленске партийный архив

Когда в июне 1941 года немцы приступили к осуществлению плана «Барбаросса», в Советском Союзе был отдан приказ эвакуировать секретные архивы и уничтожить те, которые невозможно эвакуировать. Поскольку Смоленск оказался одним из первых советских городов, в который вступили немецкие войска, у руководителей архивов было мало времени. Государственные архивы из Смоленска удалось вывезти примерно в семи грузовых железнодорожных вагонах в Куйбышев (ныне Самару). Это были те документы, которые размещались в здании Духовной консистории, Авраимиевом монастыре и бывшем польском Петропавловском костеле; в их число входила и часть документов ОГПУ, относившаяся к 20-м годам⁷. Что касается партийных органов, то они сумели эвакуировать всего шесть автомашин в г. Уральск (Казахстан). После освобождения города был возвращен примерно один товарный вагон партийных документов (28 декабря 1944 года)⁸. С.Л. Солодовникова совершенно справедливо задает вопрос о причине невыполнения приказа бюро Смоленского обкома партии от 28 июня 1941 года, согласно которому оставшая часть партийного архива должна была быть сожжена⁹. Сегодня историки могут только радоваться, что эти приказы не были выполнены. М. Фейнсод отмечает тот факт, что ни одно дело 1939—1941 годов не было представлено в той коллекции, которая оказалась в Америке, поскольку «партийные руководители, очевидно, сумели сжечь или удалить все важные документы»¹⁰. Впрочем, он не знал всей истории Смоленского партийного архива и не располагал информацией о развитии событий в местных архивах.

В противоположность тому, что впоследствии писали М. Фейнсод и многие другие исследователи, сегодня нет никаких данных о том, что все дела сразу, уже в 1941 году, были перевезены в рейх¹¹. Напротив, многое говорит о том, что в начале войны немцы не спешили вывозить архивы и приступали к эвакуации только после их анализа на местах. Несомненно, какие-то случайные архивные документы отправлялись в рейх для анализа, и вполне возможно, что некоторые из тех, которые попали в руки к американцам, позже вошли в «Смоленский архив».

Первое упоминание немцами архивов в Смоленске зафиксировано в донесении Кюнсбергского специального десантно-диверсионного отряда «Нюрнберг» (находясь в подчинении Министерства иностранных дел, он сопровождал фронтовые части), который прибыл в город 17 июля 1941 года. В донесении говорится, что не най-

дено никаких «подшивок документов» (*Aktenmaterial*), потому что «русские упаковали и вывезли их». Еще один десантно-диверсионный отряд, предположительно входивший в военную разведку (Абвер), обнаружил карты, плакаты, статистические материалы по сельскому хозяйству, отчеты и протоколы заседаний особых частей ГПУ, а также речь Сталина. Все это были рассыпанные документы, для отправки которых хватило бы курьера и грузовика, и ничто не указывало на то, что обнаружен местный партийный архив¹². На самом деле, большая часть партийного архива находилась в то время в бывшей Всехсвятской церкви по Выгонному переулку, которая не сохранилась до наших дней. По данным официального отчета за 1940 год, архив Смоленского обкома партии насчитывал 121 590 дел¹³.

Первое упоминание Смоленского партийного архива в немецких отчетах (за третью неделю сентября 1941 года) было сделано архивным диверсионно-десантным отрядом из Военного архива, под командованием барона фон Вальденфельса, который сделал обзор ситуации в Смоленске. Вальденфельс докладывал, что партийный архив «рядом с площадью Молотова монополизирован Службой безопасности (СД)», но что «в настоящее время перемещение не планируется». В своих донесениях Вальденфельс, как правило, очень точно определяет тип перемещаемых документов, но нигде не упоминает об отправке из Смоленска каких-либо партийных документов¹⁴. Разведчики военного архива решили, что архив не представляет «военного» интереса, а именно таким был профиль их документального мародерства. До сих пор не обнаружено никаких отчетов СД из Смоленска, которые говорили бы о вывозе каких-либо грузов.

Первое упоминание партийного архива в Смоленске Оперативным штабом рейхслайтера Розенберга (ERR) поступило в мае 1942 года. Именно ERR провел в 1943 году эвакуацию партийных документов из Смоленска. Поскольку почти все партийные дела из Смоленска оказались в руках ERR, сначала в Вильнюсе (март 1943 года — июль 1944 года), а затем в Силезии, в районе Катовице (август — сентябрь 1944 года — январь — февраль 1945 года), а «случайная» коллекция дел из Смоленска прибыла в Оффенбахское архивное хранилище США (OAD), вероятно, вместе с делами, которые ERR сумел эвакуировать в ходе отступления в Баварию, мы можем сделать вывод, что именно ERR отвечал за их перемещение. Следовательно, имеет смысл проанализировать судьбу основной части Смоленского партийного архива, оказавшегося в руках ERR.

Что касается архивов Коммунистической партии, то в этом деле СД и Военный архив намного опередили ERR. ERR обосновался в Смоленске в ноябре 1941 года и вначале был занят обследованием, инвентаризацией и регистрацией культурных памятников региона. К концу ноября сотрудники ERR обнаружили в Успенском соборе Исторический архив, о чем свидетельствует регистрационная «Карто-тека “Z”» культурных ценностей¹⁵. Роберт Нерлинг, присланный ERR с военной диверсионно-десантной группой в мае 1942 года, завел учетную карточку на Авраамиев монастырь (от 3 июня), в которой он упоминает Архив «Октябрьской революции» (т.е. фонды постреволюционного, советского, периода). Год спустя, когда ERR эвакуировал архивы, он обнаружил в них часть партийных архивов¹⁶. Д-р Шпеер, зарегистрировавший Государственный архив Смоленска в июле-августе 1942 года, упоминает приходские метрические книги. Однако архивы Компартии не упоминаются ни в одном из сохранившихся учетных документов ERR¹⁷.

Вероятно, ERR впервые узнал о партийном архиве, размещавшемся во Всехсвятской церкви, от Роберта Нерлинга, который находился в Смоленске в мае — июне 1942 года. 17 мая Нерлинг уведомил штаб ERR в Берлине об «особо важном» архивном расследовании в Смоленске — первом или, по крайней мере, «одном из очень немногих городов, где местный архив Коммунистической партии сохранился почти целиком»¹⁸. Получив это известие, Герд Вундер, который в то время руководил из Берлина научными и библиотечными операциями ERR в Восточной Европе, вероятно, запросил подробную информацию, потому что Нерлинг в ответном письме от 15 июня упоминает собрание из 200 фондов и выделяет те, которые считает «самыми важными». На первое место он ставит «Контрольный комитет партии (который занимался партийными чистками в 1930—1936 гг.)». Хотя он обнаружил старую членскую картотеку (1917—1925 гг.), он объясняет, что «новая членская картотека уничтожена большевиками»¹⁹.

Г. Вундер, который усердно искал материалы для «антибольшевистских» исследований и пропаганды ERR, в своей докладной записке д-ру Вольфгангу Моммзену повторил слова Нерлинга об уникальности архива Смоленского обкома партии, а затем распорядился прислать в Смоленск немецкого архивиста. Он был особенно озабочен тем, чтобы сделать все необходимое для обеспечения максимальной безопасности архива Компартии, поскольку в тот период ERR в основном не эвакуировал культурные ценности с оккупированной территории Смоленщины²⁰. ERR нашел архивы не только в Смоленске. Специалист из Государственного архива Георг Винтер,

командированный на Украину от имени ERR осенью 1941 года, обнаружил партийные архивы также в Днепропетровске, Кировограде и Запорожье; перед эвакуацией все они были тщательно описаны на месте. Осенью 1943 года кировоградские архивы были отправлены в Главное управление имперской безопасности (RSHA) в Берлин, а днепропетровские партийные документы — в центр ERR в Ратиборе (Силезия)²¹.

Д-р Вольфганг Моммзен, который в то время руководил немецкими архивными операциями для Государственного архива (*Reichsarchiv*) в Балтийских странах со штаб-квартирой в Риге, летом 1942 года совершил первую поездку в Смоленск под эгидой ERR с целью изучить архивную ситуацию²². Хотя СД пользовалась приоритетом в архивных делах и нередко затевала споры с ERR по поводу раздела добычи, летом 1942 года Отряд особого назначения (HAG-Mitte) организовал особое подразделение для работы в четырех разных архивах Смоленска, во главе которого был поставлен Густав Мюке²³.

Как и на других оккупированных территориях, немцы находили местных специалистов, которые преследовались при советской власти и теперь помогали им в работе. В Смоленске самым влиятельным был И.А. Морозов, который получил специальное образование и работал архивистом в 20-е годы; в 1931 году он был арестован, а в 1941 году вернулся в Смоленск. Впервые его имя появляется в донесениях Вальденфельса из Смоленска в Военный архив в сентябре 1941 года; впоследствии И.А. Морозов часто упоминается в докладах ERR. После вывоза архива из Смоленска ERR взял его с собой в Вильнюс, а после войны он был репрессирован как «коллорационист»²⁴.

Сохранившиеся списки фондов (на немецком языке), хранившихся в архиве Смоленского обкома партии, датированные январем 1943 года, — 348 фондов в одном списке и 191 фонд местных документов, в другом — дают основание считать, что партийный архив был в Смоленске в полном составе²⁵. К тому времени ERR уже тщательно разработал план эвакуации. Немцы обнаружили, что многие советские описи эвакуированы или уничтожены, и им пришлось потратить немало сил на составление и перевод описей фондов, представлявших для них особый интерес. Сохранившиеся дела среди документов ERR, хранящихся в Федеральном архиве (*Bundesarchiv*) в Берлине—Лихтерфельде, включают опись документов Заднепровского райкома партии 20-х годов (также датированную январем 1943 года)²⁶. Эти списки фондов и описи свидетельствуют о том значении, которое немцы придавали архиву Смоленского обкома пар-

тии, и о тех приоритетах, которые они определили в отношении партийных документов еще до их вывоза из Смоленска. Главный приоритет — документы Контрольного комитета партии; впрочем, нацисты рассчитывали забрать все оставшиеся документы Компартии.

б) Вывоз партийного архива в Вильнюс

Разграбление оставшегося Смоленского партийного архива произошло зимой и ранней весной 1943 года. Немцы пользовались термином «спасение», или эвакуация, который, как ни странно, действительно означал сохранение архива, поскольку ход военных действий на Восточном фронте был не в пользу немецких оккупантов, и сражения велись с нарастающим ожесточением. Регион подвергался налетам советской авиации, что заставило ERR организовать масштабную эвакуацию с оккупированных советских территорий наиболее ценных культурных сокровищ. Смоленский партийный архив стоял у них на первом месте. Вначале, когда усилились бомбежки, немцы обсуждали возможность перемещения выборочных архивов из Смоленска и Минска в Ригу «ради их сохранности»²⁷. По-видимому, для перемещения архивов необходимо было иметь разрешение от других нацистских властей, и в этих вопросах ERR нередко сталкивался с СД. Когда в январе 1943 года д-р Моммзен вернулся в Смоленск, он смог доложить в связи с партийным архивом, что СД «согласилась на вывоз в Вильнюс, поскольку они уже использовали архивы для собственных целей»²⁸.

Отчеты об операциях СД в Смоленске обнаружить не удалось, и поэтому мы можем лишь строить догадки о том, для каких «целей» они могли «использовать» архив. Нет сомнения, что они вполне могли изъять какие-то документы из смоленских партийных архивов, прежде чем д-р Моммзен получил санкцию на их эвакуацию силами ERR. А.П. Щербатов ссылается на своего литовского информатора-священника, утверждая, что найденные им смоленские архивы «ГПУ» были отправлены Гиммлером в район Бамберга (Бавария) в 1943 году; но никакого подтверждения такой передачи у нас не имеется²⁹. К тому времени СД входила в Главное управление государственной [имперской] безопасности (RSHA), и номинально подчинялась Гиммлеру. Более того, осенью 1943 года RSHA (или СД) не занималась вывозом архивов с советской территории, и к тому же большая часть трофейных архивов направлялась в Берлин или в архивный центр 7-го Управления RSHA в Силезии³⁰. Бамбергский район в Баварии, как будет показано ниже, служил эвакуационным пунктом, которым год спустя воспользовался ERR.

Для обоснования необходимости эвакуации д-р Моммзен ссылался на требование сохранности. Он объяснял, что местные власти в Смоленске не могут обеспечить соответствующие помещения для хранения. Одна из церквей, которые немцы снова открыли для религиозной службы, была разбомблена, и оккупационные власти желали получить здание Всехсвятской церкви, в которой тогда размещался партийный архив, для совершения служб. Д-р Моммзен планировал первоначально эвакуировать в примерно 1 200 погонных метров партийных документов. Вследствие проволочек с организацией отправки он не мог больше задерживаться в Смоленске, чтобы лично проследить за погрузкой. В числе первых фондов, перевезенных в Вильнюс, были документы Комиссии партийного контроля³¹. В апреле д-р Моммзен вернулся в Смоленск в связи с еще одной отправкой четырех или пяти товарных вагонов других архивных материалов вместе с «остальной частью Архива Коммунистической партии из Авраамиевского монастыря (около 150 [погонных] метров)»³². В списке этих материалов на немецком языке (датированном 5 мая 1943 года) числятся 16 отдельных фондов³³. Ни в одном из наличных немецких эвакуационных списков не упоминаются документы ОГПУ или иной службы безопасности, хотя немцы перевезли из Смоленска в Вильнюс немало других исторических документов.

Парадокс состоит в том, что если бы д-р Моммзен не сумел эвакуировать из Смоленска все эти архивы, они могли бы погибнуть во время бомбежек и в ходе сражения за освобождение города³⁴. В начале 1960-х годов я познакомилась с Вольфгангом Моммзеном, бывшим тогда президентом Федерального архива, но в то время я еще не занималась этой темой и не знала о его роли в годы войны (которая всегда тщательно скрывалась). В 2000 году его племянник Ганс Моммзен участвовал в семинаре по ERR, который я проводила в американском Музее Холокоста в Вашингтоне (округ Колумбия). Хотя я упоминала «Смоленский архив», я не называла имя Моммзена (зная, что в аудитории присутствует его племянник). Во время обсуждения племянник спросил меня, знаю ли я, что его дядя «спас» те Смоленские дела. Он объяснил, что его дядя Вольфганг Моммзен «нашел их в снегу»! Позже, после того как я передала Гансу Моммзену экземпляр своей монографии о «смоленской одиссее», где упоминаются составленные в Смоленске инвентарные описи и даются пространные ссылки на отчеты его дяди (ныне хранящиеся в Федеральном архиве в Берлине) с описанием эвакуационных операций, племянник потерял охоту продолжать беседу со мной!

в) Смоленский партийный архив в Вильнюсе

В начале мая 1943 года «четыре товарных вагона документов из Смоленского партийного архива» тщательно анализировались специальным подразделением ERR, размещавшемся в бывшем бенедиктинском монастыре в Вильнюсе³⁵. К концу июля 1943 года д-р Роберт фон Берг смог доложить об архиве. Каталогизацией занималась группа из десяти специалистов под руководством двух польских профессоров истории, Хенрика Ловмянского и Станислава Мариана Зайончковского. Позже, когда ERR отступил из Украины, на помощь им были присланы Элизабет Пирсон и другие сотрудники ERR из Главной рабочей группы «Украина». В Вильнюсе с архивом работал также И.А. Морозов, смоленский архивист, пострадавший от советской власти³⁶. Составленный Э. Пирсон «Отчет о ходе работы над Смоленским партийным архивом» (середина марта 1944 года) показывает, что были составлены аннотированные карточки на более чем 16 739 документов³⁷.

Составление аннотированных карточек было лишь первым шагом. ERR на базе документов «Смоленского архива» провел аналитическое исследование советской политики и судопроизводства. К маю 1944 года рабочая группа, во главе с Элизабет Пирсон, занимавшаяся изучением «Смоленского архива», подготовила обзор, озаглавленный «Первый отчет, подготовленный по документам архива Коммунистической партии Смоленской области, отражающих состояние промышленности», и посвященный теме «Роль КПСС в развитии промышленности и современные проблемы советской промышленности». 12 мая Г. Вундер получил копию краткого (на 15 страницах) обзорного отчета. Хотя в нем не было прямых цитат или ссылок на конкретные документы, отчет положил начало более глубокому анализу³⁸.

Одной из тем, интересовавших ERR в тот период, была коллективизация сельского хозяйства в СССР, о чем свидетельствуют некоторые переводы и конспекты документов, подготовленные ERR в Вильнюсе; сейчас они хранятся в Государственном архиве в Вильнюсе. Один из документов, датированный январем 1930 года, под заглавием «Ликвидация кулаков», подписан членом ЦК, Первым секретарем Западного обкома партии И.П. Румянцевым, который неоднократно упоминается в аналитическом исследовании М. Фейнсоды³⁹. Весьма любопытно, что найденный вместе с этими документами случайный фрагмент чернового варианта «антибольшевистской брошюры» ERR предвосхищает сделанный Фейнсодом позднейший анализ коллективизации. Впрочем, ни один из составленных ERR

конспектов документов, по-прежнему находящихся в Вильнюсе, не совпадает с теми, которыми пользовался Фейнсон⁴⁰.

Копия доклада Э. Пирсон от марта 1944 года, обнаруженного среди документов ERR в Париже, в 1978 году была передана в бывший Центральный партийный архив в Москве (ныне хранится в РГАСПИ) Георгом Штайном, известным немецким специалистом по перемещенным культурным ценностям. Г. Штайн также отослал два рулона микрофильма «Смоленского архива», изготовленного Национальным управлением архивов и документации США⁴¹. Заместитель директора РГАСПИ В.Н. Шепелев в своей статье, написанной в начале 90-х годов, дает описание этого доклада. Однако, как и многие другие, он не понял, что в тот период (апрель 1943 года — июль 1944 года) большая часть Смоленского партийного архива находилась в Вильнюсе и что именно там ERR работал с ним⁴². Поднятые им вопросы показывают, как мало было известно в России о судьбе архива. Как ни странно, Советский Союз так и не приобрел полный комплект микрофильмов Национального управления архивов и документации США.

Не имеется никаких документов, из которых было бы видно, сколько еще смоленских дел было «проработано» ERR в Вильнюсе после доклада Э. Пирсон, датированного мартом 1944 года. Но в конце апреля, когда ERR запланировал отступление, первоочередной задачей была эвакуация объемных документов из «Smolensker-Bolschewistisches Parteiarchiv in Wilna» («Смоленского большевистского партийного архива в Вильне»), особенно документов Контрольного комитета партии, которые занимали первоочередное место в их аналитическом исследовании⁴³. Мы знаем от литовских архивистов, находившихся там в то время, что в июне 1944 года немцам удалось вывезти большую часть документов Смоленского партийного архива через морской порт Лиепая (нем. Libau)⁴⁴, хотя отдельные части Смоленского партийного архива могли быть вывезены с партией грузов ERR через Белосток или Кёнигсберг⁴⁵. Некоторые части Смоленского партийного архива были брошены ERR в Вильнюсе, в том числе «15 связок из Ярцевского районного комитета ВКП(б) Смоленской области». После войны все они были возвращены вместе с прочими фондами из государственных архивов Смоленска и Белорусской ССР⁴⁶. Нет свидетельств тому, что какие-либо дела из Смоленского партийного архива были отправлены ERR в Германию из Вильнюса, хотя это вполне возможно. К тому времени ERR уже эвакуировал свои основные подразделения, занимавшиеся антибольшевистскими исследованиями и пропагандой, из Берлина в Силезию.

г) Следующая остановка — Плесс (Центр ERR, Ратибор, Силезия), далее — домой в Смоленск

Для основной части Смоленского партийного архива следующей остановкой после Вильнюса был силезский замок Плесс (по-польски *Pszczyna*). Этот крупнейший научно-исследовательский центр ERR, в который частично входило и специальное подразделение по изучению большевизма, был в августе — сентябре 1943 года переведен в город Ратибор (сейчас по-польски *Racibórz*), в 80 км к югу от Катовице (сейчас по-польски *Katowice*)⁴⁷. Герд Вундер, который первым направил В. Моммзена в Смоленск в связи с партийным архивом в июне 1942 года, руководил научно-исследовательскими и библиотечными операциями в центре ERR в Ратиборе и особенно интересовался антибольшевистской пропагандой. Подразделения ERR располагались в разных зданиях в самом городе и в его окрестностях. Одним из самых крупных зданий был нарядный средневековый замок графов Плесских, в 70 км к востоку от Ратибора, в котором располагались библиотека периодики и несколько рабочих групп. К осени 1944 года самая богатая архивная добыча ERR находилась в Плессе, где «продолжалась работа по систематизации бывшего Смоленского партийного архива». В то же время «на базе работы, уже проделанной архивистом И.А. Морозовым, комиссия под руководством фон Крузенштерна занималась изучением большевистской политики контроля»⁴⁸. В тот период во главе плесского центра стоял д-р Ханс Мюллер, который до вывоза архивов работал с ERR в Смоленске. А тем временем в самом Ратиборе Г. Вундер заканчивал свою антибольшевистскую брошюру «Стена падает: истинное лицо большевизма»⁴⁹. Несомненно, что он сам или его помощники осуществляли прямую связь с теми, кто работал над смоленскими документами в Плессе, где и закончила войну большая часть Смоленского партийного архива.

Вдоволь попутешествовавший Смоленский партийный архив недолго оставался в Плессе, хотя отчеты ERR 1944 года свидетельствуют о том, что там осуществлялся содержательный анализ документов. К середине декабря 1944 года ERR готовил к эвакуации партию документов и планировал забрать с собой этот ценнейший «трофей». По данным отчета от 13 декабря 1944 года, наиболее актуальные смоленские дела (разделы 1—23) должны были быть доставлены в Ратибор, для чего требовались два товарных вагона (плюс еще один вагон для других материалов). Три товарных вагона со Смоленским партийным архивом и четыре с другими не уточненными материалами имели пунктом назначения Карлсбад (по-чешски

Karlovy Vary) в Судетах, но у нас нет данных, что они действительно были отправлены.

На самом деле, большая часть груза была брошена на ближайшей железнодорожной станции (остальные коллекции ERR остались в Плессе). Именно там Красная Армия в марте 1945 года обнаружила смоленские документы, что подтверждается подробным докладом ГлавПУ РКК Центральному Комитету Коммунистической партии, в котором говорится, что они «упакованы в большие ящики, транспортировка которых потребует трех железнодорожных товарных вагонов» (на самом деле потребовалось четыре), и содержат следующее:

а) Партийный архив Западного и Смоленского обкомов ВКП(б), датированные от 1916 по 1941 год включительно... [с подробным изложением содержания]

б) Партийные архивы городских и районных комитетов ВКП(б) [27 городов и районных центров]...

в) Архивы Западного и Смоленского обкомов ВЛКСМ с 1922 по 1940 г. ...[с подробным изложением содержания]...⁵⁰

Большая часть брошенного Смоленского партийного архива в апреле 1945 года вернулась в Смоленск, хотя в Советском Союзе этот факт никогда открыто не признавался. Только в 1991 году заместитель директора Центрального партийного архива В.П. Шепелев опубликовал большие отрывки из отчетов Главного политического управления (ГлавПУ) РКК⁵¹. Сохранившиеся в Смоленске документы свидетельствуют о том, что в апреле 1945 года три с половиной вагона были возвращены из Силезии, и еще одна партия документов была отправлена из Вильнюса в 1945 году вместе с материалами из Государственного архива Смоленской области⁵².

Несмотря на эти возвраты, в советских документах факты излагались таким образом, как будто весь архив обкома партии был увезен в Соединенные Штаты. Даже в 1992 году, через год после публикации документов ГлавПУ РКК, датированных 1945 годом, один видный российский архивист ошибочно сообщал, что «четыре вагона документов Смоленского обкома ВКП(б)... в июле 1944 года были вывезены в Германию, а оттуда в США»⁵³.

д) *ERR уходит из Ратибора в Баварию*

После того как основная часть захваченного нацистами партийного архива была в апреле 1945 года возвращена в Смоленск, что случилось с остальной его частью? Каким образом небольшая часть «Смоленского архива» оказалась в Соединенных Штатах? Наиболее правдоподобная гипотеза заключается в том, что ERR сумел эвакуи-

ровать ряд дел из района Ратибора, будучи вынужден бросить остальное в Плессе.

К середине декабря 1944 года, по данным цитированного выше доклада ERR, из Ратибора ERR отсортировал в Плессе смоленские документы, «срочно требовавшиеся для научных исследований», проводимых антибольшевистским центром в Ратиборе. У нас нет подтверждения тому, что был использован именно железнодорожный транспорт. Возможно, в Плесс за какими-то смоленскими ценностями отправили легковой или грузовой автомобиль. Мы можем только строить догадки. Скорее всего, Г. Вундер постарался бы сохранить некоторые дела. До конца января 1945 года он продолжал руководить исследовательскими работами в Ратиборе и завершал свою книгу «Большевистский заговор». Осенью 1943 года в Ратибор поступили важные документы из днепропетровского партийного архива, но после войны ни одно из них не всплыло в Германии. Когда Г. Вундер в первый раз приказал Моммзену прибыть в Смоленск, он явно нацеливался на Смоленский партийный архив и, несомненно, имел отношение к приказу вывезти в Ратибор «срочно требовавшиеся» документы. Книга Г. Вундера к тому времени была уже набрана, и мы не находим никаких данных о том, что в последние месяцы функционирования ERR в Ратиборе он лично работал с какими-либо смоленскими делами.

В одном из последних докладов из Ратибора (25 января 1945 года) отмечается, что ERR сумел эвакуировать из Плесса в Берлин только 600 килограммов служебных материалов (*Dienstgut*), и что многие из самых важных материалов из Ратибора уже эвакуированы. Они все еще надеялись «отправить дальнейшие грузы в открытых вагонах в Замок Банц (Бавария)», но также были готовы уничтожить секретные материалы (причем «для этой задачи подготовлены и бензин и канистры»), в случае отсутствия транспорта⁵⁴. Вполне возможно, что некоторые из тех 500 смоленских дел, которые Армия США обнаружила в Баварии, и были теми ящиками, которые специалисты ERR смогли заранее отправить из Силезии или сумели отгрузить в последний момент, когда советские войска уже приближались к их центру антибольшевистских исследований.

ERR предполагал в случае невозможности эвакуации так называемой Восточной библиотеки (*Ostbücherei*) сохранить ее в полном объеме и рассчитывал вернуться, «если улучшится военная ситуация». Библиотечные бригады Красной Армии обнаружили неподалеку большую часть книг из Ратибора и отправили ее в Минск⁵⁵. Помимо смоленских дел и книг из Ратибора, они нашли некоторые административные документы ERR (из Ратибора и Берлина), значи-

тельная партия которых сейчас находится в Киеве, куда они прибыли «из Дрездена» в декабре 1945 года⁵⁶. Среди них были и разрозненные документы из западноевропейских источников, но при этом не всплыло никаких трофейных русских архивных материалов, например смоленских дел.

Одиссея Смоленского партийного архива

Сам Вундер прибыл в Банц в середине февраля 1945 года, причем часть пути прошел пешком. Он немедленно организовал работу ERR в бывшем замке-монастыре и близлежащих городках Лихтенфельс и Штаффельштайн, где ERR разместил некоторые документы на хранение в разных зданиях. Командная инстанция в Штаффельштайне (*Dienststelle Staffelstein*) находилась в здании ратуши⁵⁷. Главной штаб-квартирой служила усадьба барона Курта фон Бера, который руководил парижским бюро ERR. По окончании войны одним из первых в Банц прибыл американский инспектор по культуре Джеймс Роример, который рассказал, что после самоубийства Бера и его жены «оказалось, что в подвалах замка в легкодоступных местах хранились тысячи книг и документов. Их обнаружили также в стальном зацементированном подвале на глубине пяти этажей»⁵⁸. На основании материалов, которые сохранились среди личных и служебных бумаг Г. Вундера, в том числе корректуры его книги о

большевизме, нам известно, что он сумел эвакуировать из Ратибора изрядное количество служебных дел. Мы не знаем, сохранил ли он какие-либо дела из Смоленского партийного архива, но среди его бумаг не осталось никаких следов этих дел⁵⁹. Несомненно, что Г. Вундер знал бы, если бы какие-нибудь смоленские документы были отправлены в Баварию, но сам он уже убежал из Банца, когда туда пришли американцы. Позже он был задержан и допрошен в Нюрнберге. Однако лица, проводившие допрос, практически ничего не знали ни о ратиборских операциях, ни о фрагментах «Смоленского архива», которые к тому времени были уже в Вашингтоне, между тем как сам Г. Вундер не предоставил никакой информации по собственной инициативе. Ему всегда удавалось скрывать ту роль, которую он играл во время войны⁶⁰.

2. Американские находки: от Баварии до Оффенбаха (OAD)

В конце Второй мировой войны США совместно со своим союзником Великобританией осуществляли масштабную программу захвата и обработки документов противника. Ее составной частью было создание центров документации, пополнявшихся сотрудниками разведуправлений — вначале в составе наступающих армий вооруженных сил США на Европейском театре и штаба Верховного командования союзных экспедиционных сил, а затем под эгидой Управления военной администрации США⁶¹. Один из пунктов сбора документации Разведывательного управления Третьей армии США находился в Бамбурге, примерно в 25 км южнее поместья барона Курта фон Бера Шлосс-Банц, неподалеку от баз ERR в Лихтенфельсе и Штаффельштайне.

Эти центры документации создавались параллельно с организованной работой по возврату и реституции других разграбленных нацистами культурных ценностей. Наступающие армии союзников сопровождали специальные офицеры по работе с памятниками, произведениями изобразительного искусства и архивами. Они комплектовали «центральные сборные пункты» в Мюнхене, Марбурге и Висбадене, служившие для идентификации перемещенных культурных ценностей и работы с исками для реституции⁶². В рамках этой работы по реституции Советский Союз получил в общей сложности 14 крупных партий грузов за период между 1945 и 1948 годами, после чего центры закрылись; еще два груза поступили через Берлин позже, в 1952—1953 годах⁶³. Основной американский центр реституции книг и архивов находился в районе Франкфурта-на-Майне, на территории завода «I.G. FARBEN» в Оффенбахе. Официальное от-

крытие Оффенбахского архивного хранилища (OAD) состоялось в марте 1946 года. OAD обработал пять партий книг и архивных материалов, переданных затем Советскому Союзу. Названное «антитезой Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга, Оффенбахское архивное хранилище осуществило крупнейшую операцию по реституции книг в библиотечной истории»: с марта 1946 года до его закрытия в апреле 1949 года через его двери прошло более трех миллионов томов⁶⁴. Как правило, захваченные иностранные архивы негерманского происхождения также передавались в Оффенбах с целью возврата стране происхождения. Большинство материалов, прежде чем поступить в OAD, проверялись американскими военными разведчиками. Первый отчет, в котором упоминаются смоленские дела, находящиеся в распоряжении разведуправления, датирован октябрём 1946 года.

а) Находки в Баварии

До октября 1946 года смоленские документы не упоминаются в отчетах «целевых групп» и отчетах о проверке документов, захваченных вооруженными силами США и Великобритании в Европе⁶⁵. Ничего удивительного, что недокументированные воспоминания князя А.П. Щербатова (1910—2003) о том, как он нашел «Смоленский архив» в Баварии в мае 1945 года, во время службы в Третьей армии США, вызывают значительный интерес. А.П. Щербатов в то время служил в Бамберге, где располагался пункт сбора документации разведуправления Третьей армии, и его сообщение подтверждает прежнюю информацию⁶⁶. Все же некоторые сомнения возникают в связи с его рассказом о том, как литовский ксендз в небольшой деревушке привел его к «громадному архиву смоленского ГПУ, спрятанному в силосной яме», который, как он утверждал впоследствии, содержал «около 20 тонн документов», перевезенных в Бамберг, а оттуда во Франкфурт⁶⁷.

Понятно, что, будучи уроженцем Смоленска, А.П. Щербатов имел личную заинтересованность: после 1917 года многие члены его семьи были уничтожены или репрессированы советскими властями в Смоленске. Действительно, многие дела в просмотренных им ящиках вполне могли содержать документы из органов ГПУ/ОГПУ, адресованные местным партийным органам — в «Смоленском архиве» немало таких документов⁶⁸. Он пишет, что Мерл Фейнсон построил свою книгу «Смоленск под властью Советов» на основе документов, найденных им близ Бамберга. Между тем книга Фейнсона основывается лишь на документах Смоленского партийного архива. До сих пор не обнаружено никаких данных, подтверждающих тот факт, что немцы захватили или американская армия обнаружила сколько-

нибудь значительный объем документов смоленских органов ОГПУ/НКВД.

Я по-прежнему полагаю, что смоленские дела, скорее всего, переезжали вместе с другими материалами ERR и, вероятно, были вывезены Армией США из Шлосс-Банца или прилегающей местности. Рапорты Армии США указывают на то, что документы ERR из замка Банц и близлежащих Штаффельштайна и Лихтенфельса (25 км севернее Бамберга) были опознаны и вывезены Армией США несколькими партиями в период между маем и декабрем 1945 года⁶⁹. В сохранившихся рапортах из сборного пункта в Бамберге за февраль и март 1947 года упоминаются документы ERR, что говорит о том, что какие-то материалы из Банца были вывезены в Бамберг для первичной обработки⁷⁰. Впрочем, к этому времени смоленские дела из OAD были уже в Вашингтоне.

В конечном итоге многие из дел ERR были отправлены вместе с другими захваченными документами в Отдел германских военных документов (GMDS) в США, откуда после анализа и микрофильмирования были в 60-е годы возвращены в Германию. Смоленских дел среди них не было. Согласно политической линии США и Великобритании в конце войны, только «вражеские» документы подлежали удержанию и вывозу в Британию или США (если только разведывательные службы не находили для себя интересными какие-то другие материалы).

б) Оффенбах: возврат библиотечных и архивных материалов СССР

Сразу же после окончания войны американские власти старались поддерживать дружеские отношения со своим союзником СССР и полагали, что им удастся договориться с ним о порядке реституции перемещенных культурных ценностей. Официальная политика США состояла в том, чтобы возвращать книги и архивы, как и прочие культурные ценности, лишь в том случае, если установлено их советское происхождение. Это объясняет, почему смоленские дела вместе с другими русскими документами, обнаруженными американской армией, были переданы в Оффенбах. Еще до открытия OAD США дважды возвращали Советскому Союзу документы, в том числе и архивные материалы. Первый возврат документов произошел 20 сентября 1945 года в Берлине, когда было передано 333 ящика (1 000 единиц), преимущественно из Новгорода. Вторая передача (25 октября 1945 года) включала 1 160 ящиков архивных документов из Киева, наряду с архивами и музейными экспонатами из Латвии, обнаруженными в замке Трписты (по-чешски *Trpisty* близ Пльзенья) в

Чехословакии⁷¹. Хотя американцы были прекрасно информированы о количестве изъятых немецких культурных ценностей русскими, они продолжали возврат перемещенных советских культурных ценностей.

Вполне вероятно, что смоленские архивные дела и некоторые другие «русские архивы» поступили в OAD на обработку для последующего возврата в апреле — июне 1946 года (OAD официально начал работу лишь в марте 1946 года), но не удалось найти никаких подобных поступлений. Одна партия из 240 ящиков русских книг «найденных в Гере (советская оккупационная зона) Восьмым корпусом Армии США, была предположительно собрана немцами в разных библиотеках и научных учреждениях России, чтобы служить набором основных русских технологических источников...». В передаточном поручении OAD от 3 апреля 1946 года, поступившем из армейской базы близ Франкфурта, указывалось, что «Разведывательное управление Вооруженных сил США в Европе и Военное министерство, Служба военной разведки (Вашингтон) 23 февраля 46-го года разрешают вернуть эти книги Советскому правительству»⁷². Хотя военные не упоминают архивные материалы, смоленские документы могли вернуться с одной из передач из Фехенхайма⁷³.

Если смоленские дела не были получены с архивами ERR из района Бамберга (возможно, через Фехенхайм), они вполне могли поступить в OAD вместе с библиотечным фондом ERR из замка Банц и Штаффельштайна. Вывоз книг из Банца начался в апреле 1946 года и продолжался до июля месяца включительно⁷⁴. Однако многие русские и немецкие книги были перемешаны. Директор OAD д-р Айзек Бенковиц разработал систему сортировки книг на славянских языках, которая заключалась в распознавании фотографий библиотечных штампов и не требовала знаний языка. К концу мая к реституции были подготовлены 536 ящиков «русских книг»⁷⁵. В июне месяце OAD отправил из сборного пункта в Штаффельштайне груз в составе «186 ящиков русских книг... 11 ящиков русских метеорологических материалов... и 47 ящиков смешанных, голландских, русских и французских книг»; дополнительно «5 ящиков русских книг» поступили от бургомистра Штаффельштайна⁷⁶.

В июне и июле 1946 года из Оффенбаха были осуществлены две передачи библиотечных материалов. Сохранились фотографии присутствовавших при этом советских офицеров, в том числе кадр, на котором видны восемь железнодорожных товарных вагонов, отправленных 7 августа 1946 года из OAD с этими грузами (1 055 ящиков с 232 100 книгами)⁷⁷. Не исключено, что в эти партии случайно попали какие-либо смоленские дела (некоторые из них позже всплыли в

Киеве). В Оффенбахе все еще оставалось множество русских книг и архивных материалов.

в) Из OAD в разведуправление Оберурзель и GMDS

Первые сигналы о том, что Смоленский партийный архив находится в OAD, пришли в октябре 1946 года. Начальник разведки в Военном министерстве в Вашингтоне запросил по телеграфу Разведуправление Вооруженных сил США в Европе (Франкфурт) информацию о «наличии русских материалов в большом библиотечном собрании, в настоящее время хранящемся в подвале здания «I.G. FARBEN» в Оффенбахе»⁷⁸. В своем ответе Военному министерству от 7 октября Разведуправление подтвердило эту информацию, сообщив, в частности, о коллекции технической литературы, полученной из Геры в апреле месяце:

В настоящее время в архивном хранилище находится около 60 (шестидесяти) ящиков русских материалов из первоначальных 250 (двухсот пятидесяти)... поскольку 190 ящиков уже возвращено русским, [а остальные] дожидаются отгрузки... И Сектор документации Разведуправления и Библиотека Конгресса проверили библиотеку и решили, что она не представляет интереса, поскольку ее содержимое устарело...⁷⁹

Архивные материалы не упоминаются ни в составе русской коллекции из Геры, ни в телеграмме в Военное министерство. Не упоминаются они и в отдельном «Рапорте о находках в Архивном хранилище в Оффенбахе», составленном разведуправлением, в котором подчеркивается, что и Сектор учета документов, и Военное министерство, и Служба военной разведки «санкционировали реституцию» остальных русских материалов, хранившихся в OAD⁸⁰.

Однако после телеграммы из Вашингтона офицеры разведки из Оберурзелля, по-видимому, более тщательно проанализировали «русские материалы» в Оффенбахе и обнаружили среди них ряд документов, которые они решили изъять из реституционного потока. Расписка OAD в получении за подписью Сектора учета документов Разведуправления в Оберурзеле подтверждает, что из Оффенбаха вывезено «17 коробок [исправлено от руки на «18»], содержащих архивные материалы... посланные 26 октября 1946 года»⁸¹. Оберурзель (587 отделение военно-почтовой службы ВВС), расположенный к северо-западу от Франкфурта и недалеко от аэропорта, служил штаб-квартирой Разведуправления Вооруженных сил США в Европе с Отделом документации 7707-го Разведывательного центра Воору-

женных сил США в Европе. В секретном рапорте, датированном мартом 1948 года, разъясняется:

В обязанности Отдела документации входят получение и сортировка всех трофейных документов противника при первом их обнаружении и впоследствии, после использования этих документов всеми пользователями среди Вооруженных сил США в Европе, транспортировка этих документов в GMDS [Отдел германских военных документов]. Он также является накопителем всех документов, отгружаемых Вооруженным силам США в Европе, из Штатов и тем самым — пунктом распределения этих документов⁸².

Понятно, что коль скоро эти операции имели в то время гриф секретности, к данному получению OAD не могло прилагаться никакой описи. Но позже, составляя отчет о выполнении американской программы работы с захваченными документами, первый директор Оффенбаха полковник Сеймур Помрензе обнаружил составленные Разведуправлением описи русских документов⁸³.

Эти неподписанные и недатированные описи с пометкой «СЕКРЕТНО», охватывают девять категорий русских материалов, которые были отложены как представляющие возможный «интерес для разведки». Под номером 3 в списке числятся дела из «Смоленского архива»:

Протоколы и другие материалы собраний местных коммунистических организаций, касающиеся партийной работы и государственных функций в районе Смоленска. Они важны как уменьшенная модель реального функционирования Коммунистической партии и Правительства. (Очень важно). Часть родственных материалов имеет гриф «Совершенно секретно».

Среди других пунктов: (1) «материалы Российской закупочной комиссии в Чехословакии»; (4) «книги Ленина, Маркса, Энгельса, Сталина и др. и о них»; (7.b.) «Российская энциклопедия, озаглавленная “Большая советская энциклопедия” (около 80 томов)»; и (9) «правительственные инструкции, директивы, стандартные регламенты с пометкой “секретно”, предназначенные для различных низших звеньев управления в сферах сельского хозяйства, промышленности и городского управления»⁸⁴.

Благодаря недавно обнаруженному оригиналу «УВЕДОМЛЕНИЯ ОБ ОТПРАВКЕ» из Оберурзеля от 29 октября теперь мы знаем, что те же самые смоленские дела и другие материалы были отправлены в Отдел особых документов Отдела германских военных документов в Пентагоне. В графе «Наименование» записано:

27 ящиков документов; подробности см. в прилагаемом письме.

ПРИМЕЧАНИЕ: 7 ящиков, помеченные знаком (X), представляют непосредственный интерес⁸⁵.

Следующий документ в том же деле — оригинал сопроводительной «ОПИСИ», о которой говорилось выше (под номером 3 числятся смоленские дела)⁸⁶. Этот груз подтверждается составленным позже ретроспективным перечнем «ДОКУМЕНТЫ, ОТПРАВЛЕННЫЕ В ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО» (август 1945 года — январь 1946 года), где в записи о нумерованном «Специальном» транспорте от 5 ноября 1946 года указаны две тонны (27 ящиков) «русских библиотечных материалов из Оффенбаха»⁸⁷. Хотя «ОПИСЬ» не разбита на отдельные позиции, она охватывает и другие русские материалы, посланные в США в тот же период: документы Пражской закупочной комиссии и «смешанную русскую коллекцию»; всем им суждено было храниться вместе со «Смоленским архивом» в Национальном архиве США до конца 90-х годов.

Год спустя, в сентябре 1947 года, согласно сохранившимся документам, смоленские дела прорабатывались специалистами американской разведки в Отделе германских военных документов (GMDS) — подразделении Военного министерства США, занимавшегося использованием разведывательных данных, которое первоначально находилось в Кэмп-Ричи (штат Мэриленд), а затем в Александрии (штат Виргиния). К тому времени смоленские партийные дела пополнились другими захваченными русскими и украинскими документами разного происхождения (не из Смоленска), некоторые из которых были обнаружены в OAD и переданы Разведуправлению.

Мою гипотезу о том, что смоленские и другие родственные дела прибыли в Оффенбах с другими материалами ERR, подтверждает тот факт, что даже после отгрузки Разведуправлением материалов для Пентагона и реституционных передач СССР из OAD в 1946 и 1947 годах, в Оффенбахе все еще оставались материалы ERR, потому что 23 мая 1947 года в партии груза для Военного министерства в количестве 42 ящиков (4 тонны) числилась и «Коллекция Альфреда Розенберга (Оффенбах), предназначенная для Библиотеки Конгресса»⁸⁸. Ясно, что груз, датированный октябрём 1946 года, не мог быть теми «20 тоннами документов ГПУ/НКВД», о которых говорил А.П. Щербатов, но то, что речь идет о смоленских партийных делах, не вызывает сомнения. Поскольку Разведуправление установило, что они обладают потенциальной «ценностью для разведки», они были выведены из реституционного потока. Позже Советскому Союзу бы-

ли возвращены из Оффенбаха и другие партии русских книг и архивов: в октябре 1947 года и в декабре 1948 года, когда ОАД уже закрылся⁸⁹. Третья партия была перемещена из Берлина в 1952 году⁹⁰.

3. Б.И. Николаевский в ОАД и его смоленское дело в Гуверовском институте

Рассказ А.П. Щербатова о документах ОГПУ/НКВД — не единственный озадачивающий поворот в истории странствий «Смоленского архива». Вот еще один невыясненный фрагмент головоломки: три дела из Смоленского партийного архива продолжили свою одиссею дальше на запад, в Калифорнию, вместе с коллекцией Бориса Николаевского. Борис Иванович Николаевский — высланный из страны известный деятель партии меньшевиков, ученый и коллекционер, значительная часть коллекции которого в конце 1963 года была приобретена Гуверовским институтом войны, революции и мира⁹¹. С утверждением А.П. Щербатова сходится то обстоятельство, что лишь одно дело из трех было создано внутри органа НКВД, хотя его адресат явно указывает на то, что оно принадлежит к смоленским партийным документам. Одновременно выясняется, что Б.И. Николаевский сыграл ключевую роль в изъятии из реституционного потока в Оффенбахе тех дел, которые впоследствии составили «Смоленский архив», а также в их передаче в Пентагон. Впрочем, в тот момент он никак не мог знать о том, что смоленские дела окажутся в руках американцев.

а) Б.И. Николаевский и парижские коллекции Международного института социальной истории (IISH)

Б.И. Николаевский после ареста ЧК в феврале 1921 года и года, проведенного в тюрьме, был в 1922 году выслан из Советского Союза. Обосновавшись в Берлине, он служил агентом по комплектованию для Центрального партийного архива в Москве и одновременно собирал собственный архив социалистических документов в Германии. После прихода Гитлера к власти в 1933 году он бежал во Францию, где с 1935 года возглавлял Парижское отделение Международного института социальной истории (IISH) в Амстердаме. Б.И. Николаевскому принадлежит заслуга спасения важных архивов сосланных или эмигрировавших немецких и советских социалистов и организации их вывоза из Германии в Амстердам и Париж, где многие изгнанники нашли пристанище при содействии IISH⁹². С приближением военных действий к территории Франции он много сделал для того, чтобы своевременно эвакуировать русских эмигрантов и мно-

гочисленные бумаги IISH из Парижа, в том числе собственные документы. После нацистского вторжения Б.И. Николаевский помогал другим, а затем сам бежал на юг Франции и затем в Нью-Йорк. Его будущая жена Анна Михайловна Бургина с большим риском для себя осталась в стране, чтобы защитить эти архивные ценности, многие из которых были эвакуированы из Парижа в дом в Амбуазе, где предполагалось найти для них надежное пристанище. А.М. Бургина находилась при этих архивах в Амбуазе, когда в конце августа 1940 года они были конфискованы немцами. Николаевскому так и не удалось ничего узнать об их судьбе⁹³.

Когда после войны Николаевский услышал о найденных американцами в Оффенбахе материалах ERR, происходящих из Института по изучению еврейского вопроса (IEJ) во Франкфурте (а позже в Хунгене), он ошибочно решил, что вместе с ними были и разграбленные материала IISH и его собственная парижская коллекция, поскольку считал, что аббревиатура IEJ расшифровывается как «Институт по иудаизму и большевизму»⁹⁴. На самом деле в этот институт свозились книги и архивные материалы, конфискованные ERR в Париже из еврейских коллекций. Те, которые были обнаружены после войны американцами, были направлены в OAD, а потом возвращены Франции, аналогично материалам из других стран. Это обстоятельство также объясняет наличие в OAD документов Еврейского института из Киева, которые впоследствии перемешались со смоленскими документами. Небольшое количество материалов поступило в OAD из антибольшевистского центра ERR в Берлине, а позже в Ратиборе. На многих из них имелись книжные знаки российских, украинских и других советских библиотек, и, следовательно, они подлежали возврату в свете послевоенной политики США.

б) Восточные адресаты коллекций IISH

Б.И. Николаевский не знал, что значительная часть его собрания, а также собрания IISH и, особенно, советские материалы по вопросам социализма, были отправлены ERR не во Франкфурт, а в Берлин. Многие книги вошли в «Восточную библиотеку» (особую библиотеку ERR для антибольшевистских исследований), которая, как объяснялось выше, в 1943 году была эвакуирована в Силезский центр ERR — город Ратибор. Большинство награбленных книг и других материалов из района Ратибора весной 1945 года были найдены частями Красной Армии и в ноябре того же года отправлены в Минск⁹⁵.

Однако ERR пришлось передать большую часть архивных материалов IISH, Николаевского и других социалистических источни-

ков, конфискованных ими в Париже, 7-му управлению Главного управления государственной [имперской] безопасности (RSHA). Вначале они хранились в Берлине, а с 1943 года началась их эвакуация в Силезию. В основном эти архивные «трофеи» закончили войну в архивном центре 7-го управления RSHA в Вёльфельсдорфе (120 км южнее Бреслау/Вроцлава), где летом 1945 года были обнаружены частями Красной Армии. К октябрю — ноябрю 1945 года 28 вагонов этих материалов были уже в Москве⁹⁶. Большая часть собственных бумаг Николаевского была перевезена из Парижа в Центральный архив Октябрьской революции СССР (ЦГАОР СССР), а сейчас хранится в его правопреемнике — ГАРФе. Значительная часть парижских материалов IISH была переведена в Центральный партийный архив (ныне РГАСПИ), меньшая часть собрания IISH осталась в Центральном государственном особом архиве (ЦГОА)⁹⁷. Наконец, в 2002—2003 годах его правопреемник, Российский государственный военный архив (РГВА), вернул большую часть документов Нидерландам⁹⁸.

в) Б.И. Николаевский против возврата СССР документов из OAD

Не зная о существовании силезских центров, Б.И. Николаевский старался убедить американские власти, что большая часть награбленной ERR библиотеки по антибольшевистским исследованиям находилась в OAD. В сентябре 1946 года он встретился в Нью-Йорке с представителем Американской федерации труда (АФТ), незадолго до того вернувшимся из Европы, который сообщил, что увидел там «как ему кажется, “добычу Розенберга”... в настоящее время находящуюся в подвале одного из зданий фирмы “I. G. FARBEN Industrie” в Оффенбахе... — около 2 миллионов томов плюс другие документы на французском, немецком, русском и других языках». Он утверждал, что на некоторых ящиках была фамилия Николаевский⁹⁹.

После этого Б. Николаевский составил памятную записку от лица «одного из ограбленных» Альфредом Розенбергом, который «основал Институт по изучению враждебных нацизму теорий и практик, прежде всего большевизма». Агенты Розенберга «конфисковали в Париже и Амбуазе» библиотеку IISH «вместе с его личной библиотекой... (не менее 1 200—1 500 больших ящиков). Все конфискованные материалы сейчас находятся в Оффенбахе... около 2 миллионов книг, не считая чрезвычайно большого числа разных документов. По своей научной ценности это собрание... не имеет себе равных в мире». Б. Николаевскому стало известно «от американских журналистов... что предполагается передача Советской России всех книг и документов на русском языке». Он считает, что

«это будет совершенно неоправданным актом: русские книги и документы были награблены... у множества русских, живших за границей, и в частности, у автора данной памятной записки»¹⁰⁰. Кроме того, Б. Николаевский продолжает:

После войны систематическое изучение России приобрело еще большую актуальность... чтобы лучше понять, что происходит за железным занавесом... Собранные Розенбергом материалы, ныне находящиеся в собственности Армии США, призваны по самой своей природе стать в будущем ядром такого Института. В связи с этим их следует немедленно доставить в Соединенные Штаты...¹⁰¹

В начале 1946 года Б.И. Николаевский направил памятную записку в разные американские учреждения, включая Гарвардский университет и Библиотеку Конгресса, с предложением организовать филиал PSH в США. Когда его предложение было отвергнуто и Гарвардом и Библиотекой Конгресса, Б. Николаевский продолжил переписку, пытаясь воспользоваться покровительством Миссии Библиотеки Конгресса в Германии, чтобы предупредить возврат советских документов, находившихся в OAD, и доставить их в США¹⁰².

26 сентября 1946 года директор OAD капитан Айзек Бенкович в своем «Ответе на Запрос, касающийся Библиотеки Бориса И. Николаевского» информировал Миссию Библиотеки Конгресса:

1. В OAD нет книг, опознаваемых по имени Б.И. Николаевский. У нас есть восемь книг, опознаваемых по имени Никольский Н.М.

2. Если книги... о которых говорит г-н Николаевский, [были в] Париже или Франции, следует искать их среди книг, возвращенных Франции¹⁰³.

Такой ответ едва ли обескуражил Б. Николаевского. Его копия «Памятной записки», поступившая в Пентагон в конце сентября, по видимому, инициировала телеграмму Военного министерства в адрес Разведуправления Вооруженных сил США в Европе (Франкфурт) от 29 сентября 1946 года, в которой предлагалось провести дальнейшее исследование русских фондов OAD! За два дня до этого (27 сентября 1946 года) полковник Дж. А. Мичела из Управления сухопутной разведки в Пентагоне приехал в Нью-Йорк, чтобы встретиться с Б. Николаевским и его коллегой из АФТ, только что вернувшимся из Германии, который сообщил о ««добыче Розенберга»... находящейся сейчас в подвале... в Оффенбахе». После того как полковник явился с рапортом в Пентагон, «начальник разведки полковник Кларк санкционировал телеграмму командующему Вооруженными силами США в Европе с запросом о статусе вышеуказанных материалов»¹⁰⁴.

Таким образом, именно кампания Б. Николаевского, скорее всего, привела к телеграмме на имя Разведуправления во Франкфурте от 29 сентября с требованием провести исследование «русских фондов OAD». Месяц спустя смоленские дела и другие русские архивные материалы были уже на пути в Штаты. Поскольку Б. Николаевский не мог знать об этом «тайном» грузе, он неумоимо продолжал свою кампанию. К декабрю 1946 года памятная записка Б. Николаевского дошла до Центрального разведывательного управления (ЦРУ); это стало нам известно из грифа секретности, оставленного на копии в архиве ЦРУ, со следующим пояснением:

В докладной записке с сугубо конфиденциальной информацией от 30 дек. 1946 г. полковник Юнис из Разведуправления написал ЦРУ, что коллекция Розенберга была проверена представителями Военного министерства, и материалы, представляющие ценность как разведанные, были отправлены в Вашингтон. Командование Вооруженными силами США в Европе считало, что [остальную часть] коллекции нельзя отправлять в США и что имелось обязательство вернуть примерно 300 тысяч томов в СССР, из которых 75 тысяч томов уже возвращены¹⁰⁵.

г) Б.И. Николаевский посещает OAD: возврат документов откладывается в ожидании дополнительных советских материалов

Б.И. Николаевский затеял несколько новых интриг с целью помешать возврату в СССР материалов на русском языке. 31 марта 1947 года председатель Отдела международных трудовых отношений АФТ Мэтью Уолл написал письмо на имя генерал-лейтенанта Люсиуса Д. Клея, командующего Управлением Военной администрации США, в котором от имени Б. Николаевского ходатайствовал о разрешении посетить Оффенбах для идентификации материалов и организации их последующего возврата «законным владельцам»¹⁰⁶. Ответ Клея от 16 апреля сформулирован как твердый отказ:

Я отказываюсь понимать переданное мне заявление, что книги направляются в Россию лишь потому, что они на русском языке, ибо это противоречит нашему установленному порядку и, очевидно, лишено всякого смысла. Приказ, о котором вы сообщаете, никогда не отдавался, также и наши офицеры никогда не действовали подобным образом. На самом деле, реституция заключается в возврате награбленных предметов стране, в которой они были захвачены. Удивительно, что какой-то неназванный американский журналист сообщает об обнаружении «значительных материалов, принадлежащих парижскому отделению» Института социальной истории, когда квалифицированные архивисты, уже много месяцев

обследующие хранилище, сумели найти всего две книги, принадлежащие этой организации. Нет никаких данных о том, что вся эта коллекция находится сейчас в Оффенбахе¹⁰⁷.

Хотя больше ни одной книги из фондов IISH не было найдено, Николаевскому удалось через Разведуправление Вооруженных сил США в Германии устроить в мае 1947 года «сугубо конфиденциальное» посещение OAD в сопровождении высокопоставленного агента ЦРУ. На этот раз он отобрал для ЦРУ «около 10 ящиков книг и брошюр», которые были переданы Разведуправлению для отправки в США. Во время последующих посещений, в мае и июне 1947 года, Б. Николаевский отложил еще ряд книг, но и Разведуправление и OAD испытывали к нему большое недоверие. В октябрьской партии, отправленной Разведуправлением в США, было только семь ящиков, «представляющих ценность как разведданные», которые были «отобраны двумя офицерами разведки из примерно 30 ящиков, которые Б. Николаевский отложил для себя, утверждая, что они являются собственностью Парижского отделения Института социальной истории». У руководства OAD были на этот счет большие сомнения, потому что материалы, которые Б. Николаевский отложил для ЦРУ, Библиотеки Конгресса и для себя, не имели владельческих помет или, наоборот, имели четкие пометы советского происхождения.

Что касается материалов IISH, то один из руководителей OAD докладывал: «Ни одна единица, находящаяся в настоящее время в Хранилище, не может быть определенно опознана как собственность Института». Далее он объясняет:

Представляется неблагоприятным слишком доверять заявлениям Бориса Николаевского. Его поведение во время проверки предметных материалов здесь, в Оффенбахе, было по меньшей мере подозрительным. Например, видели как он сводил экслибрисы с неких материалов на русском языке, которые ему разрешили изучить (по просьбе Разведуправления)¹⁰⁸.

Тем не менее этот эпизод в OAD и образ действий правительства США наглядно демонстрируют стремление американцев выполнить свои обязательства по возврату документов, несмотря на призывы Б. Николаевского направить все советские материалы в Соединенные Штаты. Но документы также свидетельствуют и о том, что при подстрекательстве Б. Николаевского все материалы, даже отдаленно признанные имеющими «ценность как разведданные», в том числе несколько комплектов Большой Советской Энциклопедии, было решено не возвращать. Кроме того, некоторые материалы из «Коллекции Альфреда Розенберга (Оффенбах)» были перевезены в Со-

единенные Штаты в составе четырехтонного груза (42 ящика) «предназначавшегося для Библиотеки Конгресса» в мае 1947 года. Некоторые «русские газеты (с пометкой “для Б.И. Николаевского”)» вошли в состав груза, направленного в Военное министерство 15 августа 1947 года, через два месяца после его приезда в ОАД¹⁰⁹.

24 октября 1947 года ОАД отправил в Советский Союз еще 320 ящиков (40 395 книг и архивных материалов), но удержал некоторые другие, на которые заявлял права Б. Николаевский. После того как ОАД в 1951 году прекратил свою деятельность, Государственный департамент решил, что «книги, являющиеся собственностью российских государственных библиотек, должны быть возвращены Советскому Союзу немедленно после того, как будут микрофильмированы любые единицы этой категории, представляющие интерес для разведывательных органов Соединенных Штатов»¹¹⁰. Последняя партия в составе 2 249 книг и периодики, ранее находившихся в ОАД, была направлена в СССР из Берлина в 1952 году. Пятилетняя задержка с отправкой была связана с тем, что эти материалы были в числе тех, на которые претендовал Б. Николаевский во время его посещений Оффенбаха¹¹¹.

д) Б.И. Николаевский и три смоленских дела

Архивный список «Документы, отправленные в Военный Департамент», служит единственным косвенным доказательством того, что советские материалы из Оффенбаха предназначались именно Б. Николаевскому. Не имеется никаких данных, которые позволили бы утверждать, что визиты Б. Николаевского в ОАД каким-то образом связаны с наличием в его коллекции оригинала смоленского дела. «Смоленский архив» находился уже в Вашингтоне; он никак не мог знать о том, что в октябре 1946 года Разведуправление отправило его в Пентагон; и нет никаких сомнений, что ни Отдел германских военных документов, ни ЦРУ никогда не передали бы ему ни одно смоленское дело.

Два смоленских дела, ныне находящиеся в Гуверовском институте, являются копиями, которые Б. Николаевский мог приобрести только в 50-е годы. Первое дело — фотокопия дела 1935 года (WKP 86 [ранее WKP 136]), которую Б. Николаевский приобрел в Гарвардском университете¹¹². Второе дело — машинописная копия пока еще не идентифицированных документов из «Смоленского архива», которые предположительно готовились к публикации. Это дело также включает копию статьи на русском языке 1957 года (из мюнхенского эмигрантского журнала «Свобода»), в которой описываются некоторые документы из «Смоленского архива»¹¹³. Аноним-

ный автор статьи, опубликованной за год до выхода книги Фейнсо-да, «видел архив в Вашингтоне». Не исключено, что Б. Николаевский мог участвовать в этом издании или предполагавшемся его продолжении¹¹⁴.

Третье дело в Гуверовской коллекции (238 пронумерованных листов) — оригинал дела (отсутствует только обложка) из Смоленского партийного архива — ставит более серьезные вопросы о том, как, где и когда оно было приобретено Б. Николаевским. Это дело вовсе не из тех, которые могли бы быть отобраны для особого анализа или публикации, или которые стоило украсть. Этот оригинал «Дела № 23» из необозначенного фонда содержит подписанные протоколы собраний партийной ячейки (первичной партийной организации) внутри особого управления НКВД по дорожному строительству (ОШОСДОР УНКВД) в Сталинском районе города Смоленск (3 января 1936 года — 8 сентября 1937 года). Качество бумаги и оригинальная подпись на документах разными цветными чернилами лишний раз подтверждают ее подлинность. Невозможно сказать, является ли это дело одним из недостающих номеров с маркировкой «WKP», потому что отсутствуют и обложка и первый лист¹¹⁵.

Нельзя исключить возможность, что оригинал этого смоленского дела в какой-то момент был украден (либо в Германии, либо в Отделе германских военных документов), а затем передан Б. Николаевскому. Также известно, что Б. Николаевский лично в течение нескольких дней изучал русские материалы в OAD, а то, что он «на руку нечист», архивисты знали. Если большинство других оригинальных смоленских дел из Оффенбаха были уже в Штатах, вполне возможно, что это конкретное смоленское дело было забыто в OAD. Из OAD в СССР был возвращен ряд других смоленских дел наряду с некоторыми киевскими материалами.

Когда я включила в свою «Одиссею» (1995) раздел, посвященный Б. Николаевскому, я не знала о тех трех смоленских делах, которые находились в Гуверовском институте. Не знала я и о встрече Николаевского с офицером разведки из Пентагона за два дня до получения Разведуправлением во Франкфурте телеграммы из Военного министерства (сентябрь 1946 года). Е.В. Козин не включает Б. Николаевского в число серьезных американских советологов, занимающихся проблемой «Смоленского архива», потому что, насколько известно, Б. Николаевский никогда не писал об этих делах. Но, подобно другим эмигрантам своего поколения с их антибольшевистскими настроениями, Б. Николаевский одним из первых способствовал развитию советологии в послевоенной Америке в духе «холодной войны».

Сейчас известно, что именно Б. Николаевский инициировал невозвращение Соединенными Штатами смоленских архивных дел. У Николаевского было немало источников пополнения его собрания российских архивных материалов, ныне находящегося в Гуверовском институте, однако до настоящего времени не обнаружены сведения, объясняющие приобретение им оригинала смоленского дела. Мы можем лишь предполагать, что, либо оно было передано ему кем-то из знакомых, либо он мог найти его в OAD.

Так уж совпало, что когда в 2002—2003 годах материалы IISH были возвращены из Москвы в Нидерланды, Росархив отказался вернуть одну важную папку с корреспонденцией Б. Николаевского, касавшейся фондов IISH. В тот момент Росархив не знал, что оригинал одного из дел Смоленского партийного архива находится в коллекции Б. Николаевского в Гуверовском институте в Калифорнии. Совершенно случайно они расплатились с Николаевским за его антиреституционную позицию, которую он занимал 60 лет назад.

4. Сопутствующие документы в Соединенных Штатах

а) Несмоленские документы

«Смоленский архив» был впервые скомпонован в Отделе германских военных документов, и в том виде, в каком он был возвращен в Смоленск, он действительно представляет собой беспорядочное собрание документов, к которому на разных этапах его путешествия примешивался целый ряд случайных дел из разных источников. С.Д. Мякушев был не первым, кто заметил, что примерно 5% (если не больше) дел не имеет отношения к архиву Смоленского обкома партии¹¹⁶. После возвращения архива смоленские архивисты определили 17 дел как «непрофильные»¹¹⁷. Представляется необходимым перечислить сопутствующие документы.

1) Украинско-еврейские документы. Большая часть еврейских архивных материалов, поступивших в OAD, была собрана для Института по изучению еврейского вопроса (IEJ) во Франкфурте-на-Майне и его эвакуационного пункта в городе Хунген, близ Гиссена (северо-восточнее Франкфурта). Эти материалы прибыли в OAD перепутанными и сортировались людьми (в основном местными немцами), которые не читали ни по-русски, ни на идиш и не различали украинский и русский языки.

Этим можно объяснить присутствие девяти (и фрагмента десятого) дел из Института еврейской пролетарской культуры при Всеукраинской академии наук (ВУАН) в Киеве, относящихся к 20—30-м годам, которые ERR, несомненно, доставил для IEJ из Киева во Франкфурт-на-

Майне (или Хунген)¹¹⁸. Те, которые оказались в смоленской коллекции, предположительно перемешались со смоленскими делами в OAD и вместе с ними были отправлены в Оберурзель и Пентагон. Как я писала в своей «Одиссее», среди документов имеются биографические справки (анкетные данные) специалистов из киевского института, бухгалтерские счета, в том числе платежные квитанции аспирантов (на украинском языке) и даже машинописные научные работы (на русском и идиш) по проблемам сельского хозяйства в Еврейской автономной области¹¹⁹. Некоторые другие дела были возвращены из OAD в Киев и в настоящее время хранятся в Отделе гебрайки Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (НБУВ)¹²⁰. Ряд дел оказался в Израиле, вероятно, с какими-то передачами из OAD¹²¹. Национальный архив США передал копии этих дел Посольству Украины в Вашингтоне в декабре 2002 года после возвращения смоленской коллекции в Москву¹²². О перемешивании дел свидетельствует и то обстоятельство, что несколько смоленских дел были найдены вместе с еврейскими делами, возвращенными из OAD в Киев в 40-е годы. Еще одно смоленское дело было возвращено в Смоленск из Киева в 1988 году¹²³.

2) Дела из других источников. Несколько других дел, примешавшихся к «Смоленскому архиву», были несомненно подобраны немцами где-то еще; в их число входит ряд документов, относящихся к белорусским евреям. Одно дело оказалось в Рейхе еще до отхода ERR из Ратибора¹²⁴. На трех делах имеются штампы совместного британо-американского Отдела военной разведки (MIRS), у которого с мая 1943 по июль 1945 года были офисы в Лондоне и Вашингтоне¹²⁵. Похоже, что ни один из этих документов не имеет отношения ни к Коммунистической партии, ни к Смоленску. К примеру, в одном деле с немецкой папкой «Leitz» хранятся антифашистские фотографии и карикатуры, в том числе американских грабителей банка Сакко и Ванцетти (WKP 478), а также советские плакаты военного времени. GMDS был прямым преемником MIRS (реорганизованного в июле 1945 года), что может объяснить миграцию этих дел в смоленскую коллекцию.

3) Прочие фонды российского происхождения. Как следует из «описи» Разведуправления, датированной октябрём 1946 года, смоленские дела были не единственными как в «17 коробках» архивных материалов, вывезенных из OAD Разведуправлением, так и в «27 коробках российских библиотечных материалов из Оффенбаха», отправленных в Пентагон из Оберурзеля. Их сопровождали две другие группы русских материалов, которые Разведуправление захватило в OAD.

Во-первых, в собрании под названием «Разные русские документы» были объединены сравнительно неинтересные коллекции в основном печатных материалов с несколькими случайными архивными документами, а также рядом микрофильмов и пропагандистских изданий. С.Д. Мякушев верно заметил, что некоторые дела из «Смоленского архива» были ранее промаркированы как «RS». Поскольку смоленские дела WKP 535 — WKP 538 имели более ранние обозначения RS 921 — RS 924, он предположил, что должен существовать отдельный фонд или серия (или даже отдельный военный или разведывательный архив) объемом, минимум, 924 единицы. На самом деле, в составе так называемых «Разных российских документов, 1870—1942 гг.» имелось 5 309 документов с маркировкой «RS», ни один из которых не имел отношения к Смоленску, но, тем не менее, все они поступили со «Смоленским архивом» из OAD в GMDS. В начале 1990-х годов коллекция все еще находилась в Федеральном центре документации в Сьютленде (отделение Национального архива)¹²⁶.

Печатные материалы с маркировкой «RS» имеют самый разный характер: «от полного комплекта Большой Советской Энциклопедии и других советских справочных изданий до научных, технических и экономических трактатов, наряду со случайными сериальными изданиями 1920—30-х годов, довоенных справочников и справочников по оперативным вопросам военных лет, которые были найдены разведывательными подразделениями или захвачены с пленными». Все эти материалы, несомненно, входили в общее число 5 957 единиц, переправленных из OAD в Отдел документов Разведуправления военного командования США, поскольку некоторые из них также числились в «описи» Разведуправления за октябрь 1946 года как предназначенные для отправки в Пентагон¹²⁷. В 1950-е годы ряд важнейших «архивных» документов (RS 921 — RS 924) был переведен в смоленскую коллекцию и получил номера WKP 535—538, несмотря на то, что эти документы были не смоленского происхождения¹²⁸. После переезда Национального архива в новое здание (Архив II) в Колледж-Парк (штат Мэриленд) печатные материалы в коллекции «RS» (не представлявшие ценности для архивирования) были подарены Гуверовскому институту в Пало-Альто (штат Калифорния). Если бы С.Д. Мякушев просмотрел 18 оставшихся дел «RS» с российскими документами в Национальном архиве в Колледж-Парк (штат Мэриленд) или их микрофильмы в Национальном управлении архивов и документации, он был бы весьма разочарован¹²⁹. В том случае, если ГА РФ пожелает заявить официальную претензию на 80 с лишним томов Большой Советской Энциклопедии или на экземп-

ляры произведений В.И. Ленина и И.В. Сталина, которые когда-то хранились в числе дел «RS», ему теперь придется обращаться в Гуверовский институт.

Вторая небольшая группа дел советского происхождения, отраженная в «описи» Разведуправления (октябрь 1946 года), включала фрагментарные дела Торгового представительства СССР в Праге с «важной перепиской между компанией “Шкода” и советскими экономическими, промышленными и торговыми организациями»¹³⁰. Хотя эти документы всегда переезжали со «Смоленским архивом», они неизменно включались во все последующие печатные списки американских «трофейных» документов и путеводители по Национальному архиву¹³¹. Еще один пример рассеивания перемещенных и захваченных документов: одно дело из этой пражской коллекции сейчас хранится в архиве Института еврейских исследований в Нью-Йорке (YIVO)¹³².

б) Из GMDS и DRB в Национальный архив

Далее С.Д. Мякушев ставит под сомнение якобы «секретные факты», касающиеся хранимого в США «Смоленского архива». Сегодня все эти подробности вполне доступны исследователям. Сложные взаимоотношения между различными федеральными агентствами, в том числе разведывательными органами, «использующими» перемещенные немецкие документы и «Смоленский архив», уже достаточно хорошо освещены в разных изданиях. В нескольких статьях, вышедших после организованной Национальным архивом конференции «Захваченные германские и другие, относящиеся к ним документы» (1970), смоленские дела указаны в прилагаемом перечне перемещенных документов¹³³.

Поскольку в Соединенных Штатах все материалы военных и разведывательных служб в конечном счете поступают в Национальный архив, другая возможная категория документов — это «объединенные документы». В 1993 году, занимаясь поиском информации о захвате Соединенными Штатами «Смоленского архива», я подавала в Национальный архив запрос в рамках «Закона о свободе информации». Роберт Вулф, который в то время еще возглавлял Центр захваченных германских документов, ответил мне 26 августа 1993 года, что «дополнительно прояснить вопрос не удалось». Он объясняет далее:

Документы противника (в некоторых случаях микрофильмы), захваченные во время или конфискованные после Второй мировой войны и не включенные в состав документов американских учреждений, при их поступлении из Армии США, а в других случаях —

из ВМС, в первой половине 1958 года были полностью описаны и введены в каталог Государственного департамента и других учреждений федерального правительства. Все эти объединенные документы после микрофильмирования были возвращены в страны их происхождения или правопреемникам. Что касается документов, включенных в состав американских дел, то они могут быть обнаружены лишь в результате отдельного поиска или в рамках таких масштабных исследовательских проектов как проект, проводимый Мемориальным музеем Холокоста в США.

Поскольку подобные трофейные документы рассредоточены среди массы документов американских организаций... Национальный архив не может тратить рабочее время сотрудников на организацию их поиска. ...Это ни в коей мере не затрагивает документы с грифом секретности. У нас нет сведений о трофейных документах, которые удерживались бы или оставались засекреченными после их обнаружения. Проблемы заключаются в масштабе усилий, которые требуются для их поиска¹³⁴.

1) Первые путеводители GMDS/ЦПУ. В ходе работы со смоленскими делами специалисты американской разведки из Отдела германских военных документов (GMDS) в Кэмп-Ричи, а затем в Александрии составили путеводители по коллекциям. Майкл Халишин составил для GMDS и ЦПУ краткие карточные аннотации на 494 документа, а также подготовил несколько рефератов и переводов. Ясно, что разведслужбам США не нужна была подробная информация, потому что созданные картотеки (позже включенные в микрофильмированное издание) едва ли давали адекватную оценку или резюме этих дел¹³⁵. Один из составленных ЦПУ путеводителей по смоленским делам был напечатан в 1950 году с грифом секретности¹³⁶.

Как отмечается в конфиденциальном «Пособии по изучению GMDS», подготовленном ЦПУ в 1953 году, американские специалисты пытались систематизировать эти дела по тематике¹³⁷. Смоленские дела, зарегистрированные как «Группа документов № 1056 — Коммунистическая партия», снабжены следующей аннотацией:

«494 русских документа из района Смоленска (1917—1941) разбиты на следующие группы: протоколы, переписка, директивы, финансовые документы, Еврейская автономная республика, меньшинства, пропаганда, социальное обеспечение, религиозные вопросы, партийная пресса, промышленность, сельское хозяйство, работа с женщинами, работа с молодежью, партийный контроль, расследования, отчеты о работе, информационные бюллетени»¹³⁸.

Однако нет никаких данных о том, что эти дела когда-либо группировались под указанными рубриками. Историки, пользовав-

шиеся этими материалами, не находили в них никакого порядка. Е.В. Козин совершенно справедливо охарактеризовал их как «дело-производственные единицы, не систематизированные ни по времени, ни по территории, ни по тематическому содержанию»¹³⁹.

2) Рассекречивание и доступ для Мерла Фейнсода. «Смоленский архив» был рассекречен 11 мая 1953 года вместе с пражскими материалами и уже упоминавшейся смешанной российской коллекцией с маркировкой «RS». Он был внесен в «Генеральный перечень захваченных документов, доступных для неофициального изучения», находившийся в ведении Отделения ведомственных документов (DRB) Административного отдела Армии США (Adjutant General's Office). Памятная записка о рассекречивании гласит:

Государственный департамент... рекомендует поощрять изучение этих документов историками и учеными... и предоставлять доступ к документам заинтересованным лицам¹⁴⁰.

В свете этого заявления возникают вопросы, связанные с организацией свободного доступа к архивам: почему профессору Гарвардского университета Мерлу Фейнсоду было предоставлено «исключительное» право доступа к вновь открытому архивному «кладу»? Вначале его работа со смоленскими материалами финансировалась напрямую по договору с ВВС США, а затем через Rand Corporation — известным «мозговым центром» времен «холодной войны». Разгар «холодной войны» и начало эпохи маккартизма также могут служить объяснением предоставления приоритетного доступа к документам известному американскому исследователю, который мог «должным образом» интерпретировать материалы смоленских дел и рассказать всю «правду» о «тоталитаризме» в СССР. Последующие исследователи не согласятся с ним в отношении политологической или социологической концепции «тоталитаризма», однако, значение того, что он сделал, сложно переоценить.

Согласно записям Фейнсода, вначале он получил «9 солдатских сундучков» с «524 документами [делами]», а также коробку с картошкой (причем не хватало трех из 527 нумерованных дел, что было оговорено в документах Армии США), которые он должен был изучать в Центре русских исследований при Гарвардском университете¹⁴¹. По-видимому, позже он получил дополнительные дела, поскольку в «Библиографических примечаниях» в конце своей книги он пишет о 536 делах¹⁴². Составленный Фейнсодом «Выборочный указатель» устанавливал новый тематический ряд, соответствующий тем главам, которые он задумал для своей книги¹⁴³.

Через год после того как дела были отправлены в Гарвард и за три года до публикации книги Фейнсода, в январе 1955 года газета *New York Times* напечатала статью «Секреты Советов в руках Армии США», автором которой был журналист-советолог Гарри Шварц. Это был первый случай публичного разглашения факта присутствия «Смоленского архива» в Америке. Армия была смущена заголовком статьи не меньше, чем редакционной статьей в этой же газете¹⁴⁴. Когда вопрос об «избирательном подходе к предоставлению доступа» был поднят другими журналистами, военные уступили. Поскольку доступ Шварца к документам архива «не был санкционирован соответствующими инстанциями»¹⁴⁵, Армия США отказала Мерлу Фейнсоду в просьбе оставить оригиналы смоленских дел в Гарвардском университете еще на какое-то время, и Rand Corporation, финансирующая исследования и публикации Фейнсода на субсидии ВВС, вынуждена была искать неправительственные источники поддержки проекта. Фейнсоду пришлось вернуть оригиналы дел в Александрию, но Rand Corporation договорилась об изготовлении фотокопий всей коллекции¹⁴⁶.

В это время оригиналы документов официально находились в ведении Отделения ведомственных документов (DRB) в Александрии (впоследствии — Отделения захваченных документов Национального архива). После публикации статей в *New York Times* американские и зарубежные журналисты стали обращаться с просьбами о получении доступа к архиву. И даже тогда, когда дела стали доступными для изучения, военные старались замять вопрос об обстоятельствах их приобретения. Когда в мае 1955 года этот вопрос был поднят военным редактором журнала *U.S. News and World Report*, генералом в отставке, Робертом Гинсбергом, его «попытались уговорить не затрагивать тему приобретения Армией США этих документов». Когда же генерал Гинсберг не согласился, было найдено компромиссное решение, которое разъясняется в рассекреченной записи в служебном журнале DRB: «DRB санкционировал такое выражение: “Эти документы относятся к тем, которые были захвачены Армией США во время Второй мировой войны”»¹⁴⁷.

в) «Смоленский архив» в Национальном архиве

1) Микрофильмы. Вскоре микрофильмы «Смоленского архива», которые изготавливались, начиная с 1953 года, под эгидой Американской ассоциации по изучению истории (еще до того как Фейнсод получил оригиналы), Национальный архив предлагал покупателю по низкой цене. На первом рулоне микрофильмированного издания

(Т87, №1) воспроизведены аннотации со старой картотеки GMDS/ЦРУ, а также «Выборочный указатель» М. Фейнсода.

В официальном «бланке об отчуждении» 1955 года, подписанном начальником Отдела реквизируемых документов Германом Голдбеком, фонд получает название «Всесоюзная (Российская) Коммунистическая партия, Смоленский район» и характеризуется как «Фонд № 1056, 1917—1941 гг., 32 погонных фута, 527 документов»¹⁴⁸. В это время в той же организации хранились и две другие вышеупомянутые группы «захваченных российских архивов». Вопреки утверждениям С.Д. Мякушева, местонахождение архива в период публикации Фейнсода уже не являлось секретом¹⁴⁹.

В том же году, когда была опубликована книга Фейнсода (1958), смоленские дела наряду со многими другими германскими документами, захваченными американцами, были переданы в ведение Национального архива¹⁵⁰. Вскоре они были перевезены в главное здание архива на Пенсильвания-авеню. На обновленной «Справке по фонду RG 1056» имеется карандашная помета, вероятно, добавленная позже: «Материал утвержден для возврата Советам»¹⁵¹.

2) «Путеводитель» NARA. В 1980 году, почти через два десятилетия после выхода «Указателя» М. Фейнсода, NARA напечатало «Путеводитель по документам Смоленской области Всесоюзной Коммунистической партии Советского Союза, 1917—1941 гг.», который являлся попыткой придать этому собранию еще одну «тематическую» систематизацию¹⁵². Но для пользователей микрофильмов «Путеводитель» NARA чрезвычайно неудобен по структуре и лишь подчеркивает отсутствие порядка в смоленских делах. Исследователи, работавшие в Национальном архиве, никогда не имели доступа к оригинальным документам архива. Описание, сделанное Арчем Гетти десятилетие спустя, содержит обзор коллекции и библиографию научных публикаций, написанных на основе материалов этого архива¹⁵³.

Разделение микрофильмов NARA на три части и сложная система нумерации дел (включающая предшествующие варианты) в собрании «Смоленского архива» не только запутали С.Д. Мякушева, но затруднили пользование ими и установление их происхождения. Кроме того, в предисловии к «Путеводителю» ошибочно утверждается, что семь оригиналов дел были «случайно перемещены в Германию» вместе с другими перемещенными документами. Я занималась этим вопросом и выяснила, что все оригиналы дел находились в Вашингтоне. Главный архивист США извинилась перед своей германской коллегой за неверную справку в «Путеводителе» NARA, которая привела к путанице¹⁵⁴.

3) **Оценка количества листов и дел.** На вопросы С.Д. Мякушева о количестве листов и дел я даю подробный ответ в отдельной публикации. Там же я устанавливаю причину недоразумения, возникшего в результате завышенной оценки Фейнсомом объема смоленского собрания — «200 тысяч страниц документов»¹⁵⁵. Арч Гетти повторяет ошибку Фейнсода, и при переводе на русский язык цифра превращается уже в «200 тысяч документов», что еще невероятнее¹⁵⁶. С.Д. Мякушев противопоставляет этой цифре другую — «72 373 листов», о которых сообщают смоленские архивисты. К сожалению, расхождение в цифрах становится причиной «сомнений» С.Д. Мякушева в том, что США вернули все смоленские дела. Однако причину этого недоразумения можно легко выяснить. Когда Фейнсон и его помощники (не имевшие никакого опыта работы с советскими архивами) подсчитывали «страницы», они, вероятно, считали отдельно лицевую и отдельно оборотную стороны листа, в то время как российские архивисты обычно считали «листы». Это дает нам основание для уменьшения вдвое цифры Фейнсода (хотя необходимо учитывать, что не все листы были заполнены с обеих сторон).

Если российские архивисты сомневаются в количестве «страниц» или листов, они могут свериться с микрофильмами. Следует иметь в виду, что в отличие от советских архивов, Национальный архив США не учитывает страницы или листы в архивном описании, и потому ни в одной из первоначальных американских описей смоленских дел такие цифры не приводятся. Если говорить о делах, содержащихся в данной «коллекции», то, как мы могли убедиться, в Америке их численность возросла. Но сравнительно постоянным оставалось линейное измерение («28 погонных футов»), которое является стандартным в Национальном архиве США, а также цифра 1955 года (вероятно, получившаяся в результате добавления дел с маркировкой «RS») — «32 погонных фута»¹⁵⁷. Однако самое главное сегодня то, что в Смоленск вернулись все «дела 538/541», несмотря на три недостающих номера дел с маркировкой «WKP».

5. Пешка в политической игре вокруг реституции

а) Американские попытки возврата архива в 1960-е годы

Вскоре после появления книги Мерла Фейнсода Советское правительство проявило беспокойство по поводу нахождения «Смоленского архива» в Вашингтоне, но не предприняло никаких дальнейших шагов. В 1956 году Советский Союз вступил в Международный

союз архивов (ICA) и претендовал на активную роль в нем. В тот период ICA в связи с распадом колониальных империй занимался проблемами перехода права собственности на архивы и правопреемственности государств, что особенно затрагивало крупнейшие колониальные державы Западной Европы, игравшие активную роль в руководстве ICA. В это время мало кто знал о количестве захваченных документов и других культурных ценностей, находившихся в Советском Союзе, но некоторые предположения начинали превращаться в неопровержимые факты. Уже в конце 50-х годов СССР вернул в Восточную Германию и в страны Советского блока, наряду с большим количеством сокровищ Дрезденской галереи, некоторые из захваченных архивов, «спасенных Советской Армией». А в 1960 году несколько «спасенных» дел были возвращены Франции¹⁵⁸.

Организованная под эгидой ICA Конференция круглого стола по архивам (CITRA) в Варшаве (1961) в ходе дискуссии о перемещении архивов в результате деколонизации приняла одну из главных своих резолюций по вопросу о перемещениях в годы Второй мировой войны — первую в длинном ряду международных резолюций по этому вопросу, в которой, в частности, говорится:

Принимая во внимание, что в каждой стране архивы принадлежат к наиболее значимым культурным ценностям, и что каждая страна имеет право хранить свои архивы.

На основе международного права и с целью содействия делу мира и дружбы между народами.

VII Международная конференция круглого стола по архивам считает желательным обратиться к архивным учреждениям и архивам всего мира с призывом принять соответствующие меры для возврата законным владельцам архивных фондов и документов, перемещенных в ходе Второй мировой войны¹⁵⁹.

После выхода книги Мерла Фейнсода факт нахождения «Смоленского архива» в США получил широкую известность. Неудивительно, что на Конференции круглого стола по архивам в Варшаве советские архивисты неофициально задавали вопросы о возможности его возврата¹⁶⁰. К тому времени правительство США — по согласованию с правительством Великобритании — уже занималось возвратом большей части перемещенных документов Германии, Японии и другим странам. В феврале 1963 года Главный архивист Соединенных Штатов Уэйн Гровер направил докладную записку руководству Армии США и Государственному департаменту с рекомендацией о возврате российских документов:

[поскольку] японские документы уже возвращены, а реституция германских материалов близится к завершению, ... Соединенным Штатам становится тем более неловко не предпринимать никаких действий по русским документам. Это особенно справедливо в отношении смоленских документов, которые уже рассекречены, переведены на микрофильмы и открыты для американских исследователей... [Я рекомендовал бы] серьезно подумать о реституции смоленских документов¹⁶¹.

В течение месяца было принято решение, согласно которому «Государственный департамент не возражал бы против возврата смоленских документов»¹⁶². Одно из военных управлений «попросило Государственный департамент договориться с советскими властями о реституции смоленских документов»¹⁶³. Вслед за тем NARA осенью направило памятную записку на имя советника Советского посольства в США с «кратким описанием смоленских документов»¹⁶⁴. Но ответа не последовало, и официальная претензия не была заявлена. Впоследствии, когда один американский архивист предложил советскому официальному лицу, находившемуся с визитом в США, оригиналы смоленских документов, тот не проявил к этому никакого интереса¹⁶⁵.

Благодаря открытым в настоящее время документам ЦК КПСС известно, почему в эпоху «холодной войны» руководители советского архивного ведомства отклоняли американские предложения о возврате «Смоленского архива». На самом деле в июле 1965 года руководитель Главархива Г.А. Белов не рекомендовал Центральному Комитету подавать официальный иск о возврате «Смоленского архива»:

Среди документальных материалов Областного партийного архива... имеются телеграммы и другие документы руководства КПСС... материалы о влиянии коллективизации, об оперативных органах НКВД и другие, вплоть до свидетельств о допущенных ошибках в процессе коллективизации, репрессиях и жестокости.

Официальное обращение Советского Союза к Государственному департаменту могло быть использовано в США как официальное признание подлинности документальных материалов и тем самым содействовать сфабрикованной демонстрации экспонатов и последующему использованию их в публикациях с целью антисоветской пропаганды и, таким образом, подтвердить конкретные примеры событий, происходивших в 30-е годы.

В этой связи ГАУ полагает, что в настоящее время было бы нецелесообразно обсуждать с Государственным департаментом вопрос о возврате Смоленского архива, и, в частности, потому, что в

настоящее время он не представляет никакой особой практической ценности.

Министерство иностранных дел согласно в этом вопросе¹⁶⁶.

Другого случая советским архивистам уже не представилось, и лишь через четверть века вопрос о возврате «Смоленского архива» был поставлен вновь. Тем временем из СССР в Германскую Демократическую Республику были возвращены многие исторические документы. Например, два миллиона дел в 1966 году, в том числе часть средневековых документов ганзейских городов, которые были вывезены в Москву после Второй мировой войны. В том же году несколько дел были возвращены Франции. Еще один раунд возврата архивных материалов состоялся в конце 70-х годов¹⁶⁷. В конце 80-х годов ГДР было передано 40 тонн германских документов, в том числе значительный объем перемещенных документов немецких масонов. После падения Берлинской стены в октябре 1990 года оставшаяся часть средневековых архивов таких ганзейских городов как Бремен, Гамбург и Любек наконец отправилась домой в обмен на городской архив Таллинна, который находился в качестве «заложника» в Западной Германии¹⁶⁸.

б) Срыв запланированной реституции в 1992 году

Когда осенью 1991 года стало известно, что в ЦГОА (Центральном государственном особом архиве) в Москве тайно хранится большой объем документов из Западной Европы, перемещенных в СССР в середине 1940-х годов, российским архивистам пришлось занять оборонительную позицию¹⁶⁹. Вместе с советским режимом практически рухнули и советские интернационалистические взгляды на возврат архивных документов. В начале 1990-х годов, когда российские архивисты обратились к странам Запада за экономической помощью в открытии российских архивов, тема возвращения иностранных архивов, хранившихся в Москве, практически не обсуждалась. Советская сторона решила, что если уж возвращать «трофейные» западные архивы, то нужно получить в обмен все, что можно из перемещенной архивной России. Активно наводились справки о «Смоленском архиве», который уже приобрел известность как пример политически мотивированного захвата архивов. В условиях стремительно развивающихся российско-американских архивных контактов, совместных публикаций и проектов по микрофильмированию, все говорило в пользу возврата «Смоленского архива». Главный архивист Соединенных Штатов стремился избавиться от оставшейся небольшой коллекции перемещенных документов, вызывав-

шей столько волнений за границей. В 1992 году NARA без лишней огласки вернуло в Варшаву еще остававшиеся у нее польские дела. После формальных предложений Ф.М. Ваганова и А.С. Прокопенко исполняющая обязанности Главного архивиста США Труды Питерсон в меморандуме от 12 ноября 1991 года писала, что «поскольку все документы переведены на микрофильмы, нет никаких препятствий для «передачи их владельцам», хотя в этом случае возникает вопрос о том, «кто является законным наследником»¹⁷⁰. Проблема была решена в феврале 1992 года, когда Р.Г. Пихоя, председатель Комитета по делам архивов при Правительстве Российской Федерации (Роскомархив), в письме Главному архивисту США Дону Уилсону написал, что «принимая во внимание кардинальные изменения в отношениях между США и Россией, а также успешное развитие взаимоотношений между Роскомархивом и научным архивным сообществом США, стоит пересмотреть вопрос о возвращении России «Смоленского архива»»¹⁷¹.

В начале 1992 года поступило второе предложение со стороны Америки о возврате архива, что было символическим для новых отношений, установившихся между нашими странами после эпохи «холодной войны» и изменением политического курса, последовавшего за распадом СССР. В письме к своему российскому коллеге Главный архивист Соединенных Штатов Дон Уилсон предложил использовать встречу российского президента Б.Н. Ельцина и американского президента Джорджа Буша в июне 1992 года в Вашингтоне как возможный повод для передачи хранящихся в Вашингтоне смоленских дел, поскольку «сейчас наступило самое благоприятное время для их возврата»¹⁷². Церемония передачи должна была пройти одновременно с открытием в Библиотеке Конгресса выставки «Откровения из российских архивов», что символизировало бы открытие доступа к российским документам, аналогичным смоленским делам. Но политики сорвали планы архивистов.

Запланированная церемония передачи так и не состоялась, и «Смоленский архив» остался в Национальном архиве еще на одно десятилетие. Возврат документов был заблокирован в связи с коллективным письмом Сената США, инициированным сенатором Альбертом Гором. В этом письме возвращение «Смоленского архива» увязывалось с требованием о возвращении коллекции Шнеерсона, хранившейся в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина (ГБЛ), предъявленным наследниками из хасидской общины Бруклина. Эта коллекция, состоящая из книг и рукописей на иврите, до 1914 года принадлежала хасидской общине в Любавичах; после революции была национализирована и в течение десятилетий хранилась в Госу-

дарственной библиотеке им. В.И. Ленина. Когда хасидская община узнала о местонахождении своей коллекции, она организовала пикетирование и сидячую забастовку в ГБЛ в Москве, а также возбудила несколько дел в российских судах, однако их требование не было принято. Госсекретарь США Джеймс Бейкер сообщил сенатору Джозефу Либерману: «Я лично информировал президента Ельцина о нашем желании вернуть “Смоленский архив” России в рамках договоренности, согласно которой коллекция Шнеерсона была бы возвращена общине Хабад Любавичей»¹⁷³.

Претензия на библиотеку Шнеерсона, в отличие от «Смоленского архива», ставит вопрос о праве наследников заявлять претензии на культурное имущество религиозных учреждений, национализированного советской властью после революции, а также вопрос о праве наследников, проживающих в эмиграции, заявлять претензии на библиотечные и архивные материалы, находящиеся на территории бывшего Советского Союза. И то и другое запрещено российским законодательством и к тому же противоречит положениям о государственной собственности, содержащимся в российских законах последних лет. К этому времени Библиотека имени В.И. Ленина была переименована в Российскую государственную библиотеку (РГБ), а ее фонды получили статус российского национального наследия. Вот почему передача коллекции Шнеерсона бруклинским наследникам не только противоречила бы закону, но и стала бы прецедентом, затрагивающим национализированное имущество множества религиозных общин, в том числе православных монастырей России, а также собственность русских эмигрантов. Сама постановка проблемы, при которой возвращение «Смоленского архива» ставилось в зависимость от возвращения коллекции Шнеерсона, была, с точки зрения международного права, некорректной. Препятствия в разрешении вопросов, связанных с претензией на коллекцию Шнеерсона и уже согласованного возврата «Смоленского архива», породили уродливый призрак антисемитизма. Несомненно, что, с точки зрения международного права, увязка этих двух претензий была неуместной.

Любопытно, что между этими коллекциями имеется существенная связь: село Любавичи, где возникла ультраконсервативная хасидская община и сформировалась коллекция Шнеерсона, сегодня находится в Смоленской области. Кроме того, в одном из дел «Смоленского архива» сообщается об атмосфере антисемитизма, которая сохранялась в Любавичах в 30-е годы при советской власти и о попытках искоренить в этой местности всякую память о еврейской общине¹⁷⁴. Когда возникли претензии на коллекцию Шнеерсона, и

приезжавшая в страну американская сторона настаивала на решении вопроса, в Министерстве культуры Российской Федерации решили рассмотреть компромиссное предложение о создании мемориала хасидской общины Шнеерсона в Любавичах и передаче коллекции в местный музей. После посещения Любавичей было решено, что село в его нынешнем виде не является подходящим местом для культурного центра, а местный музей не сумел бы обеспечить сохранность коллекции¹⁷⁵.

В тот период я, американка, проживавшая в Москве и работавшая в тесном контакте с российскими архивистами в рамках нового проекта по созданию автоматизированного архивного справочника «ArcheoBiblioBase» (финансировавшегося IREX, IISH и фондом Дж. Сороса), поддерживала постоянную связь с российским архивным и библиотечным руководством. Обнаружив в России значительные массивы «трофейных» иностранных архивных документов, я стала мишенью для критики за нежелание моей страны вернуть «Смоленский архив». Поэтому, будучи лично заинтересованной в судьбе архива, я занялась исследованием его истории. Мне как активному индивидуальному члену ICA было трудно оправдываться как по поводу отказа Америки вернуть «Смоленский архив», так и по поводу нежелания российской стороны вернуть иностранные документы, захваченные Советским Союзом. В качестве неофициальной переводчицы российской делегации на Конгрессе Международного совета архивов (Монреаль, 1992) я принимала участие в международных переговорах по вопросам реституции и микрофильмирования архивов. В то же время, активно выступая в печати в пользу возвращения архивов и располагая информацией о хранящихся в России документах и архивной России за рубежом, я нередко сообщала руководителям европейских архивных ведомств об имеющихся в России архивах и проблемах, связанных с их возвращением. К тому времени международная политическая игра в вопросах архивной реституции на высшем дипломатическом уровне достигла кризисной точки.

Моя лекция, прочитанная в ноябре 1992 года в Национальном центре научных исследований (CNRS) в Париже, совпала по времени с подписанием франко-российского договора, предусматривавшего возврат французских архивов до конца 1994 года (это обстоятельство не ускользнуло от внимания корреспондента газеты *Le Monde* и руководителей французского архивного ведомства, присутствовавших на моем семинаре)¹⁷⁶. Я документально подтвердила вывоз Советским Союзом французских архивов (примерно семь погонных километров), находившихся в нацистских тайниках в Чехо-

словакии и Силезии в 1945 году. Французы предпочли игнорировать «историю» смоленского архива, так как полагали, что это вряд ли будет способствовать успешным переговорам. Аргументы французской стороны в пользу возврата документов из России были убедительными и завершились договором 1992 года. В соответствии с договором Франция должна была заплатить полмиллиона долларов за выборочное микрофильмирование документов (плюс еще 400 тысяч франков за копии российских указателей), и «в обмен» вернуть России некоторые перемещенные документы из архивной Россики (по большей части XIX века), которые до той поры хранились во Франции. В разгар эйфории 1992 года Россия также заключила договоры о возвращении архивов в Нидерланды, Бельгию, Польшу и Германию. В ближайшее время ни одному из этих договоров не суждено было осуществиться. Франция все же успела получить более половины своих архивов до объявления Государственной Думой РФ в мае 1994 года «бойкота» реституции.

в) В эпицентре российской антиреституционной политики

Тем временем в Москве Росархив при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации приступил к выполнению правительственной программы по выявлению и возврату находящихся за границей российских архивных документов. Я написала обзорный материал, который был опубликован в российском архивном журнале и в котором я настаивала на разграничении таких понятий, как «происхождение» (provenance), «пертинентность» (pertinence) и приоритеты описания¹⁷⁷. В 1993 году, на организованной Росархивом конференции «Проблемы зарубежной архивной Россики» я вместе с голландским коллегой Япом Клостерманом, директором Международного института социальной истории (Амстердам), пыталась рассмотреть проблемы возврата архивной Россики в более широком контексте¹⁷⁸. Мой доклад о «Смоленском архиве», подготовленный по просьбе организаторов конференции, привлек внимание российских коллег. Я высказала мнение, что позиция американского Конгресса наносит «серьезный урон имиджу Америки на международном и российском архивном фронте». К тому времени заместитель директора бывшего Центрального партийного архива (ЦПА, затем РЦХИДНИ, а сейчас РГАСПИ) В.П. Шепелев сделал достоянием гласности информацию о том, что большая часть «Смоленского архива» (от четырех до пяти товарных вагонов) была возвращена в Смоленск еще в 1945 году¹⁷⁹. А.М. Петров, сотрудник бывшего архива ЦК (тогда ЦХСД, сейчас РГАНИ), обнаружил недавно рас-

секреченную докладную записку Г.А. Белова 1965 года об отказе Советского Союза заявлять претензию на «Смоленский архив»¹⁸⁰.

Эти два обстоятельства весьма скоро оказались забыты российскими парламентариями, несмотря на то, что «Смоленский архив» стал основной темой дискуссий на заседаниях парламента. Весной 1994 года депутаты узнали о французских грузовиках, прибывших в Москву, чтобы забрать вторую партию «дважды разграбленных» французских архивов. Дума решительно высказалась за приостановку дальнейшего возвращения французских архивов, и грузовики вернулись во Францию пустыми.

Когда 20 мая 1994 года вопрос о возврате французских архивов был поднят в Государственной Думе, он вызвал бурю эмоций. Один из депутатов, признавая, что французские материалы, несомненно, должны быть возвращены Франции, предложил взыскать с Франции денежную компенсацию за хранение миллиона дел, которые находились в одном из московских архивов в течение сорока лет. Затем дискуссия приобрела более широкий характер, и «Смоленский архив» стал пешкой в политической игре. Например, на заседании Думы потребовали, чтобы заместитель председателя Росархива В.А. Тюнеев ответил на вопрос:

Какие меры предпринимаются для возвращения, в частности, «Смоленского архива», который должен быть, очевидно, возвращен нам на тех же основаниях, на каких мы обязаны вернуть французский архив?

Ответ В.А. Тюнеева был выразительным:

В отношении «Смоленского архива»... Были обращения к американской стороне на всех уровнях, но документы эти мы не получили.

Сейчас к нам обращаются международные организации, различные деятели с просьбой вернуть им... документы. Я лично думаю, что лучше бы немножко подождать с возвращением «Смоленского архива». Почему? Потому что это у нас единственный козырь... Вы упрекаете нас за то, что мы мало выторговали у Франции. Но я думаю, что не будь «Смоленского архива», мы бы вообще ничего не получили...

Если говорить собственно о «Смоленском архиве», то этот небольшой архив, примерно 600 дел... [который] расписан настолько, что никакой ценности ни для наших историков, ни для кого-то еще не представляет. Поэтому, повторяю, это дело просто нашего престижа — добиться его возвращения.

Министр культуры Российской Федерации Е.Ю. Сидоров в своем выступлении в Думе был более категоричен:

Американцы никогда нам его [«Смоленский архив»] не отдадут. У нас нет никаких соглашений на этот счет.

Когда я был в Америке, я был в Гуверовском институте; и мне предложили сделку (я не буду говорить кто): давайте мы вам вернем «Смоленский архив», а вы нам, хасидам, отдайте знаменитую коллекцию Шнеерсона... На это я ответил, что, конечно, это очень интересное предложение, но... Эта сделка, во-первых, не очень корректная, а, во-вторых, она совершенно не эквивалентна, потому что 12 тысяч из коллекции Шнеерсона стоит гораздо больше, чем полностью опубликованный уже и использованный в работе американских советологов «Смоленский архив»...¹⁸¹

Государственная Дума приняла постановление [«О моратории на возвращение культурных ценностей, перемещенных в годы Великой отечественной войны», от 21.04.1995. — *Прим. ред.*], запрещающее дальнейшее возвращение перемещенных культурных ценностей, оказавшихся на территории Российской Федерации в результате Второй мировой войны, вплоть до принятия нового закона, регулирующего этот вопрос. «Смоленский архив» снова стал «заложником» политического манипулирования архивами по обе стороны Атлантики. Российский парламент старался воспрепятствовать возврату культурных ценностей, изъятых в результате Второй мировой войны, ссылаясь в свое оправдание на «демократическую» Америку. Сенат США продолжал «удерживать в заложниках» примерно 540 дел так называемого «Смоленского архива» (причем не все из них были из Смоленска). Таким образом, судьбы смоленских архивных документов и книг из коллекции Шнеерсона оказались связанными и в другом аспекте: оба дела символизируют неспособность международного права разрешить связанные с ними проблемы. Я была настолько расстроена всеми этими событиями, что направила личное обращение к вице-президенту Альберту Гору от 26 июля 1994 года, но безрезультатно¹⁸².

Через несколько месяцев, в октябре 1994 года, генеральный секретарь ICA Чарльз Кечкемети пригласил меня участвовать в качестве специального наблюдателя на Конференции круглого стола по архивам (CITRA) в Салониках, которая проходила под председательством исполняющей обязанности Главного архивиста Соединенных Штатов Труди Хаскэмп Питерсон. На голосование была поставлена резолюция, запрещающая изъятие архивов в качестве «военных трофеев» или предметов обмена. Резолюция была принята единогласно, но при голосовании воздержались российский делегат и один из африканских делегатов¹⁸³. С тех пор Росархив предпочитает

ет не пользоваться термином «трофейный» применительно к захваченным европейским документам, хранящимся в Москве.

Изменения в области терминологии нисколько не изменили ситуацию. В 1995 году Государственная Дума объявила мораторий на возвращение культурных ценностей, обосновывая свое решение фактом нахождения «Смоленского архива» в Соединенных Штатах. Европейский Союз отрицательно отреагировал на это решение, и Международный совет архивов объединил усилия тех, кто старался придать вопросу о возвращении архивных материалов максимально широкий резонанс. Исходя из условий приема России в Совет Европы, в январе 1996 года Россия согласилась «ускорить процесс реституции культурных ценностей, в том числе архивов»¹⁸⁴. Разумеется, это не стало достоянием гласности в России. В 2000 году были возвращены еще два фонда французских архивов (остаются еще несколько фондов французского происхождения).

Потребовалось три года дискуссий и споров, прежде чем в России был принят Федеральный закон*, регулирующий статус культурных ценностей, перемещенных на территорию Российской Федерации в результате Второй мировой войны, которую многие россияне по-прежнему называют «Великой Отечественной». В итоге, Государственная Дума прислушалась к главному защитнику закона — Н.Н. Губенко, который, будучи последним министром культуры Советского Союза, а затем председателем Комитета по культуре в Государственной Думе, стал рупором антиреституционных настроений и находился в оппозиции к президенту Б.Н. Ельцину. Ратуя за принятие закона, подразумевающего, обращение в государственную собственность культурных ценностей, оказавшихся на территории России в результате Второй мировой войны, Н.Н. Губенко сравнивал его со «Сталинградской битвой» и подчеркивал символическое значение «борьбы за Победу». В одном из своих выступлений на пресс-конференции, передававшейся по российскому телевидению 16 марта 1997 года, он сказал: «Я думал только о тех 27 миллионах погибших и могилах на Волге», и что «даже символическая реституция культурных ценностей Германии была бы подобна плевку на эти могилы». Однако на этом противостояние не окончилось. Совет Федерации весной 1997 года преодолел президентское вето, но президент Б.Н. Ельцин не подписал законопроект. Год спустя он был вынужден это сделать после, на мой взгляд, двусмысленного решения Консти-

* Федеральный закон «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации».

туционного Суда. Н.Н. Губенко и другие российские политики считали, что «реституция культурных ценностей странам-агрессорам... возможна лишь в обмен на российские культурные ценности», многие из которых, по утверждению Н.Н. Губенко, после войны оказались за океаном и не были возвращены Советскому Союзу. Тем не менее закон не «работал», прежде чем новая его редакция не была подписана Путиным в мае 2000 года¹⁸⁵.

После дебатов в Конституционном Суде президент В.В. Путин в мае 2000 года подписал изменения в Законе [речь идет о Федеральном законе о внесении изменений и дополнений в Закон от 15 апреля 1998 года. *Прим. ред.*], которые, по-прежнему, исключали возврат документов Германии и ее военным союзникам, даже в том случае, если эти документы принадлежали «противникам режима» и были конфискованы нацистами в Германии (хотя, по некоторым толкованиям Закона, эти документы отвечают требованиям реституции).

Постепенно архивы, захваченные СССР в ходе и после Второй мировой войны, стали возвращаться домой, но только после длительных и утомительных переговоров. Еще до возвращения «Смоленского архива» в Российскую Федерацию, Лихтенштейн (1996), Великобритания (1997), Бельгия (май 2001), семья Ротшильдов (ноябрь 2001) и Нидерланды (декабрь 2001 — январь 2002) вернули многие архивные документы в обмен на «архивную Россику», находившуюся в этих странах, а Лихтенштейн и семья Ротшильдов специально для «обмена» приобрела документы через аукционные дома. Все они заплатили значительные суммы за хранение и микрофильмирование этих документов. В конце мая 2003 года в Гааге состоялась официальная церемония возвращения последних 9 фондов голландского происхождения (22 из которых были возвращены в 2001 году) из РГВА¹⁸⁶. В числе последних возвратов — восемь ящиков масонских документов, переданных Люксембургу в августе 2003 года.

г) Новая составляющая для «бартерной сделки» по делу о возвращении «Смоленского архива»

Политика слишком часто не считается ни с международным правом, ни с резолюциями. К сожалению, правовой механизм реализации законов, связанных с возвратом перемещенных архивных собраний или рукописей, все еще недостаточно разработан.

По иронии судьбы, к моменту, когда в 1946 году американские разведывательные части изъяли в Оффенбахе смоленские архивные дела, советские войска уже тайно перевезли в Москву ранее захваченные нацистами французские и многие другие европейские архивы.

Полвека спустя, когда российский Парламент проголосовал за мораторий на возврат французских и других культурных ценностей, находящихся в Москве, Сенат США использовал «Смоленский архив» в качестве пешки в своей политической игре, что, несомненно, негативно сказалось на процессе международной реституции. Я написала еще несколько писем вице-президенту Гору и другим официальным лицам, в которых подчеркивала, что возврат «Смоленского архива» мог бы послужить доказательством желания «демократической» Америки перестать играть в политические игры с архивным наследием других стран и стать символом процесса реституции. Я не достигла успеха и в обращениях к Совету национальной безопасности США. В 1994 году вместе с Е.В. Кодиным я организовала встречу с юристами в специальном офисе, который вице-президент Гор создал для решения этого вопроса. Помню, что после встречи Евгений Кодин произнес: «“Смоленский архив” никогда не вернется в Смоленск!» Я также не верила в успех, хотя и продолжала писать письма и поднимать этот вопрос всякий раз, как только такая возможность представлялась.

В конце концов, благодаря участию политиков высокого уровня и мотивации, появившейся у еврейской общины, прежде выступавшей против возвращения «Смоленского архива», все же удалось продвинуться в решении этого вопроса. Политическая борьба вокруг реституции культурных ценностей приобрела новый акцент в связи с возвратом имущества жертвам «эпохи» Холокоста. Вашингтонская конференция по собственности периода Холокоста 1998 года заложила новые принципы реституции культурных ценностей, а Комиссия по возврату произведений искусства при Всемирном еврейском конгрессе приняла новую программу описания перемещенных еврейских культурных ценностей, все еще находящихся в России.

Являясь консультантом российско-американского проекта, осуществляемого под эгидой Комиссии по возврату произведений искусства, Константин Акинша прекрасно понимает проблемы, связанные с Россией, что позволяет более эффективно использовать ту небольшую помощь в подготовке материалов, которую я ему оказываю. Как объясняет К. Акинша, пребывание «Смоленского архива» в США оказалось серьезным препятствием на пути осуществления нового проекта в Москве. При поддержке новой республиканской администрации США и содействии хасидских истцов в Бруклине был приобретен необходимый политический вес для преодоления сопротивления и поиска выхода из тупика, который оставили после себя Альберт Гор и Джозеф Либерман. К счастью, я сохранила копии собранных мною документов по этому делу. Как объясняет К. Акинша,

они могут быть использованы в последующих переговорах. Благодаря нашим совместным действиям хранившиеся в Вашингтоне смоленские документы смогли, наконец, вернуться домой.

Действительно, «Смоленский архив» был не только «школой для американской советологии», но также, как писала *New York Times*, «символом международной проблемы перемещенных архивов и проблем реституции, возникших после Второй мировой войны»¹⁸⁷. Вторая мировая война была не только самой страшной войной за всю историю человечества, но и самой губительной для европейских архивов и других культурных ценностей. Уже после окончания «холодной войны», в последние десять лет до их возврата, эти дела из Смоленска стали пешкой в играх политиков и дипломатов по обе стороны Атлантики. Например, в апреле 1997 года статья на первой полосе *New York Times* называлась: «Сложный вопрос для России: следует ли возвращать награбленное нацистами?» Газета писала, что «для России это один из самых мучительных вопросов ее внешней политики»¹⁸⁸. «Смоленский архив» вновь превратился в «козырь» для разрешения той сложной ситуации, в которой оказались политики как в России, так и в Соединенных Штатах. И в Государственной Думе и в российской прессе для оправдания невозвращения захваченных документов, хранящихся в настоящее время в Москве, постоянно звучат ссылки на смоленские дела, хранившиеся в Вашингтоне. Российские политики сравнивают их (не упоминая о том, что речь идет о 538 или 541 деле) с более чем семью погонными километрами французских архивов, которые были конфискованы вначале нацистами, а в 1945 году — советскими войсками в Берлине, Силезии и Чехословакии. Если британцы и американцы вернули в 60-е годы почти все захваченные документы, в том числе из Третьего рейха, то для русских слишком горькой была память о нацистской оккупации, чтобы поступить так же¹⁸⁹.

На протяжении своей шестидесятилетней одиссеи «Смоленскому архиву» пришлось быть «орудием» нацистской пропаганды и американской «советологии», а также оправданием отказа России возвращать культурные ценности, перемещенные из Европы и находящиеся на территории Российской Федерации. Но после возвращения «Смоленского архива» у России больше не осталось такого «козыря». Может быть, его исчезновение служит объяснением того, почему российским архивистам так не хотелось «поставить точку» в этом деле. Поднятые ими «вопросы» расширили рамки настоящего исследования, и — о чудо! — оказалось, что в Калифорнии находится еще один оригинал смоленского дела. Возвращение его в Смоленск было бы желательно, но, по крайней мере, в Москве имеется

его микрофильм. Те дополнительные документы, которые, по убеждению Б. Николаевского, находились в Оффенбахе и побудили его настаивать на прекращении реституции в СССР в 1946 и 1947 годах, на деле оказались в Москве. Б. Николаевский мог бы и не обнаружить то единственное дело из Смоленска, если бы нашел собственные документы, а также коллекции, собранные им для Международного института социальной истории в Амстердаме.

Когда я впервые приехала в Смоленск в 1997 году, чтобы выступить на конференции, мне, как американке, стыдно было докладывать о смоленских делах, все еще остававшихся в Вашингтоне. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что если бы я не писала об их судьбе и не настаивала на их возврате, я бы никогда не была приглашена Евгением Кодиным в Смоленск. Я упомянула это обстоятельство, произнося тост на банкете по случаю окончания конференции, и поклялась не возвращаться в Смоленск, пока документы «Смоленского архива» не вернутся домой. Жаль, что я не смогла присутствовать на церемонии возвращения архива на родину в марте 2003 года, но, по крайней мере, теперь я могу приезжать в Смоленск с чистой совестью. Сегодня я не убеждена, что возврат «Смоленского архива» или даже возможный возврат того единственного дела, которое все еще пребывает в Калифорнии, будет способствовать возвращению домой архивов и культурных ценностей из других стран. Остается лишь надеяться, что данное аналитическое эссе может дать толчок к обнаружению и описанию других ценностей, все еще остающихся в России.

¹ Официальный акт передачи 77 коробок. Смоленские архивисты насчитали 541 дело. Маркировка WKP является немецкой (и польской) транслитерацией VKP (ВКП). В Национальном архиве США (и в микрофильмах NARA) недоставало четырех номеров в порядковой нумерации от WKP 1 до WKP 541 (№ 276, 388, 473 и 487). После того, как смоленские архивисты проверили полученные дела, они обнаружили три дела под номером WKP 33, а номер WKP 90 оказался присвоенным двум делам, но в настоящее время они разбивают многие дела, так что соответствующая цифра будет значительно больше.

² См. мою монографию: *The Odyssey of the Smolensk Archive: Plundered Communist Archives for the Service of Anti-Communism*, которая вышла в серии «Carl Beck Occasional Papers in Russian and East European Studies». № 1201 (Pittsburgh PA: University of Pittsburgh, Center for Russian and East European Studies, 1995); в настоящее время имеется в Интернете в файле формата PDF: http://www.iisg.nl/archives_in_russia/bibliography.html.

³ Мякушев С.Д. «Смоленский архив» возвращен, вопросы остались // Отечественные архивы. 2004. № 1. С. 13—25. В ходе продолжительной бе-

седь (сентябрь 2004) я сумела дать удовлетворительные ответы на большинство «вопросов» Мякушева и тем самым опровергнуть различные спекуляции о том, что какие-то части «Смоленского архива» все еще скрываются в Соединенных Штатах. С.Д. Мякушев признался мне, что хотя у него был сигнальный экземпляр моей монографии о смоленских документах, он ознакомился лишь с несколькими отрывками, которые были ему переведены (моя монография на русский не переведена), не видел он и составленный NARA путеводитель по «Смоленскому архиву» 1980 года или другие поисковые пособия, включенные в микрофильмованное издание. В России имеется всего несколько рулонов этого микрофильма (РГАСПИ).

⁴ Свидетельством того, с какой легкостью распространяются в России подобные мнения, является то, что руководитель Росархива и Главный архивист России Владимир Козлов, обратив мое внимание на статью Мякушева (Москва, август 2004 г.), предложил, чтобы он показал, «где в США находятся остальные части архива».

⁵ Щербатов А.П. Из воспоминаний. Смоленский архив // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 2003. С. 200—210. Первым, кто сообщил мне о версии в Интернете, был Евгений Кодин: <http://magazines.russ.ru/nj/2003/233/sherbat.html>. См. также русское издание: Щербатов А.П., Криворучкина-Щербатова Л. Право на прошлое. Издание Сретенского монастыря. М., 2005.

⁶ Щербатов также ссылается на публикацию Максудова С. (псевдоним Алекса Бабенышева) «Неуслышанные голоса. Документы Смоленского архива. Книга первая. 1929: Кулаки и партейцы». Ann Arbor: Ardis, 1987), которая является изданием 65 документов из архива Компартии, относящихся к «раскулачиванию», и строится на основе фотокопий, хранящихся в Гарвардском университете, и микрофильмов, хранящихся в Колумбийском университете. В Париже напечатана большая статья, в которую вошла часть планируемого второго тома: Максудов С. Некоторые документы Смоленского архива о раскулачивании и высылке казаков // *Минувшее: Исторический альманах*. 1987. № 4. С. 169—250.

⁷ Согласно «Акту», представленному Смоленской комиссии по убыткам, понесенным в ходе войны (12.XII.1944), Государственный архив Смоленской области (ГАСО. 1630/2/32. Л. 1—2). В другом документе, находящемся в Главархиве (Москва), имеется ссылка на семь вагонов, которые должны быть возвращены в 1945 г. (ГА РФ. 5325/2/1313. Л. 2).

⁸ «Справка о состоянии партийного архива Смоленского обкома ВКП(б)» (21.VII.1945), Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ, раньше — ЦПА) 71/6/191. Л. 119—119в. Я благодарна заместителю директора РГАСПИ Валерию Шепелеву за помощь, оказанную мне в работе по документированию истории смоленских архивов во время и после войны.

⁹ Солодовникова С.Л. Конец одиссеи «Смоленского архива» // *Отечественные архивы*. 2003. № 5. С. 16. Она ссылается на приказ, находившийся в бывшем Смоленском партийном архиве. ЦДНИСО. 6/1/687. Л. 3.

¹⁰ Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958. P. 3.

¹¹ Там же.

¹² Расшифровка телеграммы Шуберта министру иностранных дел (Берлин, 2.VIII.1941), Sonderkommando v. Künsberg. № 52, PA, AA, R 27575. Евгений Кодин в книге «“Смоленский архив” и американская советология» (с. 8) цитирует ссылку на смоленские архивы (от 17 июля) Оперативного

штаба рейхсляйтера Розенберга (ERR), но это донесение явно поступило из какого-то отряда, дислоцировавшегося в Кюнсберге. Насколько известно, ERR оказался в Смоленске не раньше ноября месяца. Ту же ошибку повторяет Солодовникова С.Л. (Конец одиссеи «Смоленского архива». С. 16).

¹³ Довоенный объем и местонахождение подтверждаются целым рядом документов, в том числе «Докладной запиской» начальника архива Медведникова (7.V.1941). ГАНИСО. 6/1/725. Л. 203—206. Медведников пишет, что планируется приобретение еще 25 тысяч дел в 1941 году, но что в церкви уже не осталось места. См. также отчет московского инспектора (4.IV.1940). РГАСПИ. 71/6/19. Л. 66—69. Здание церкви упоминается еще в посланном в Москву отчете 1945 года (Смоленск, 21.VI.1945). РГАСПИ. 71/6/19. Л. 119. Не имеется никаких сведений о разрушении церкви. Подробнее об этом см. Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 6—7. Я благодарна С.Л. Солодовниковой из Смоленска и В.Н. Шепелеву из РГАСПИ за то, что они нашли для меня эти доклады в 1994 г.

¹⁴ Барон фон Вальденфельс — Начальнику Военного архива в Потсдаме (Смоленск, 21.IX.1941). РГВА. 1387к/1/115. Л. 51—52. Тот же текст повторен в донесении начальника Военного архива комиссару по хранению архивов Ципфелю (7.X.1941), л. 50. Доклады Вальденфельса из других городов, в которых он побывал в тот период, хранятся в том же деле. Многие оригиналы германских дел с его докладами сейчас хранятся в бывшем Особом архиве в Москве вместе с трофейными германскими документами из Военного архива (фонд 1387к). Копия доклада Вальденфельса имеется в виде издания на микрофильме, выпущенного Национальным архивом США (National Archives Microfilm Publication T-78, Records of the German Army High Command (Oberkommando des Heeres), roll 26, frames 698295-296), о чем мне любезно сообщил Тимоти Маллиген в письме от 19 декабря 2002 г.

¹⁵ Картотека “Z” Оперативного штата “Рейхсляйтер Розенберг”: Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии, 1941—1942. М.: Изд-во Московского университета, 1998; = Труды исторического факультета МГУ, 5; Исторические источники, 1. С. 63. № 42 (28.XI.1941) — Fust., HAG-Mitte, and P. 41. № 10 (4.XII.1941) — Weise, HAG-Ostland. Исторический архив Смоленской области располагался в здании бывшей Консистории, которая являлась частью соборного комплекса. Так называемая «Картотека “Z”», опубликованная в виде двуязычного русско-немецкого издания, была обнаружена после войны в Польше и в настоящее время входит в фонд ERR в РГВА (Л. 1401к. Д. 75). В донесении ERR из Риги (22.IV.1942) — ЦДАВО. 3676/1/176. Л. 38 — имеется ссылка на более ранний отчет о сохранности архивов в Смоленске — «Betreffend Archivschutzmassnahmen in Smolensk vom 4.12.41», но копию этого документа найти не удалось.

¹⁶ Ibid. P. 83. № 73 (3.VI.1942) — Dr. Nerling, «Abrahams Klosterkirche».

¹⁷ Ibid. С. 57. № 33 (31.VII—15.VIII.1942) — Dr. Speer. Другие зарегистрированные смоленские дела находятся на с. 46, 71—85. № 17—18 и 58—77.

¹⁸ Dr. Nerling, ERR Sondercommando im Operationsgebiet der Heeresgruppe-Mitte to ERR Stabsführung, Berlin (Smolensk, 17.V.1942), «Arbeitsverhältnisse in Smolensk. YIVO. RG 215 (Berlin Collection), box 32, file 32 (photostat in BAW, NS 30/195).

¹⁹ Нерлинг — Вундеру (Смоленск, 15 июня 1942). ЦДАВО. 3676/1. Я цитирую по переводу на русский язык, любезно предоставленному мне смо-

ленской архивисткой Светланой Солодовниковой; копия немецкого оригинала сейчас отсутствует.

²⁰ Вундер — Моммзену (Берлин, 6.VI.1942). ЦДАВО. 3676/1/136. Л. 37.

²¹ См.: Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 20—23

²² Ibid. P. 24—25.

²³ См., например, квартальный отчет ERR за период 1.VII.—30.IX.1942 (Берлин, 9.X.1942). CDJC. CXLI—147. Л. 2. CXLI—428. Предыдущие отчеты найти не удалось.

²⁴ Илья Морозов (род. 1889) учился в Московском археологическом институте, а затем в военном училище. С 1926 по 1930 г. работал инструктором и архивистом в Архивном бюро Смоленской губернии (после 1929 года — Западной области), но в 1931 году был арестован. Вернулся в Смоленск в 1941 году и работал при немцах в историческом архиве и архиве ЗАГСa. Когда американцы передали его советским властям (по договору о репатриации), он вернулся в Смоленск, но в 1949 году за сотрудничество с нацистами был приговорен к 25 годам лишения свободы и, вероятно, умер в тюрьме. Солодовникова любезно предоставила мне копии имеющихся документов о Морозове, на которые она тоже ссылается в своей статье «Конец одиссеи «Смоленского архива»» (с. 16—18).

²⁵ «Verzeichnis der Archivbestände der ehemaligen Allrussischen Kommunistischen Partei ere Bolschewiken» (Bearbeitung des kommunistischen Parteiarchivs in Smolensk) (Smolensk, 29.I.1943), ВAB, NS 30/78. Имеются два варианта копий списка, насчитывающего 348 фондов, а также отдельный перечень 191 фондов местных районных парторганизаций. Описи были подготовлены специалистом ERR Густавом Мюке.

²⁶ Четыре описи дел (дата: Смоленск, 29 января 1943 г.), подготовленные д-ром Мюке, остаются в ВAB NS 30/78 (все они в виде машинописных копий). Они охватывают 1921 год (125 дел), 1922 год (163 дел), 1923 год (168 дел) и 1926 год (231 дело).

²⁷ См. донесение Моммзену на этот счет (Рига, 7.XII.1942). ЦДАВО. 3676/1/136. Л. 22.

²⁸ «Bericht des Staatsarchivrates Dr. Mommsen über seine im Januar 1943 durchgeführte Dienstreise nach Witebsk und Smolensk und den Abtransport des Smolensker Partei-Archivs nach Wilna», ERR HAG-Ostland, Sonderstab Archiv. ВAB. NS 30/78. С. 2.

²⁹ Щербатов А.П. Из воспоминаний. Смоленский архив. С. 200—201.

³⁰ См.: Grimsted P.K. Twice Plundered or Twice Saved? Russia's «Trophy» Archives and the Loot of the Reichssicherheitshauptamt // *Holocaust and Genocide Studies*. 2001 № 15(2). P. 191—244.

³¹ «Bericht des Staatsarchivrates Dr. Mommsen... im Januar 1943», f. 3—6.

³² «Bericht des Staatsarchivrates Dr. Mommsen über seine Dienstreise nach Witebsk, Smolensk, Brjansk und Gomel vom 30. März bis 17. April 1943». ВAB. NS 30/160, а также копия в NS 30/78. Другие копии доклада Моммзена имеются среди документов ERR в Киеве. ЦДАВО. 3676/1/136. Л. 45—52, 84—88 и 96—100; отгрузочные документы находятся в: ЦДАВО. 3676/1/136. Л. 91; 3676/1/144. Л. 480—480v, 304—304v. См. фрагменты эвакуационных отчетов Моммзена в кн.: Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 23—32.

³³ «Verzeichnis der Archivbestände des ehem. Archivs der Allrussischen kommunistischen Partei der Bolschewiken im Awramijewkloster (Zimmer

№г. 1)» (подготовлено в партийном архиве в Смоленске, переведено Пастором). ВАР. NS 30/78.

³⁴ Советские архивисты нередко утверждают, что во время отхода немцы уничтожили архивы, но учитывая стремление немцев сохранять архивы и их надежду вернуться в «Остланд», столь же вероятно, что архивы погибли под советскими бомбами.

³⁵ См.: Lommatzsch to ERR Berlin (Vilnius, 8.V.1943). CDJC CXLI-161; ВАР. NS 30/163. В том же месте хранились б) материалы из Тенишевского музея и в) пять товарных вагонов российских архивов XIX века из Смоленска, среди других документов из Минска и Витебска.

³⁶ Berg to Stabsführung-Berlin (Vilnius, 8.V.1943), ВАР, NS 30/78; здесь дается общее описание организации архивов.

³⁷ Pirson (Obereinsatzführerin), «Bericht über den Stand der Arbeiten im Smolensker Parteiarchiv» (17.III.1945), документы 159 и 160 из Дела Розенберга при Управлении Главного юрисконсульта по военным преступлениям (Международный военный трибунал), из CDJC в Париже. В РГАСПИ имеется фотокопия (фонд 71/5/1088, листы 115—120), но отсутствует первая страница. Заместитель директора Валерий Н. Шепелев любезно сообщил мне об этом деле, но я не сумела найти оригиналы в Париже. См.: Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 33—42.

³⁸ «Erster zusammenfassender Bericht über die Akten der Industrieabteilung des Smolensker Gebietsarchivs der kommunistischen Partei», forwarded by Rudolf (Ratibor, 12 May 1944) to ERR Headquarters. Отчет Пирсон озаглавлен «Zusammenfassendes über die Befunde der bisherigen Durchsicht der Akten der Industrieabteilung des Smolensker Gebietsarchivs der KP». ВАР. NS 30/78. В регистрационной записи о получении отчета в Ратиборе Вундер значится как получатель копии.

³⁹ Например, Rumiantsev I.P. Über die Liquidierung von Kulacken (30.I.1930) («streng Geheim»). LCVA. R-633/1/30, fols. 1—lv. Я благодарю Госархив в Вильнюсе за то, что он прислал мне копии этих документов в 1993 году. Позже я видела оригиналы в Вильнюсе. Ни на одном из этих документов нет пометы «WKP», которая впоследствии употреблялась для обозначения захваченных американцами смоленских архивных дел.

⁴⁰ Переведенные на немецкий язык документы датируются периодом от января до марта 1930 г. LCVA. R-633/1/30, fols. 1—14. Cf. Fainsod, *Smolensk*, ch. 12. *The Story of Collectivization*. P. 238—64.

⁴¹ См. сопроводительное письмо Георга Штайна при этом документе в РГАСПИ. 71/5/1088. Л. 115—120.

⁴² Описан: Шепелев В.Н. Новые факты о судьбе документов «Смоленского архива» (по материалам РЦХИДНИ) // Проблемы зарубежной архивной России. С. 129—130. Как ветеран Центрального партийного архива, Шепелев был одним из наиболее информированных людей в вопросе о судьбе «Смоленского архива».

⁴³ Pirson, «Berichte» (Март 1944), CDJC (копия РГАСПИ). Указаны планы эвакуации и первоочередные задачи. «Aktennotiz. Besprechungen mit Dr. Nerling und Dr. Speer in Riga. Am 26 und 27 april 1944», подписано: Gerh. Spinkler, Einsatzführer (Vilnius, 28.IV.1944). LCVA. R-633/1/30, fol. 16.

⁴⁴ Барташюнас — Круглову. LCVA. R-234/1/15, fol. 18. Об отправке в Лиенапу также сообщал Jegelevicius, «Lietuvos archyvai 1940—1945 m.». *Lietuvos archyvai*. 1990. № 2. P. 13—14. Копии этих докладов были любезно предоставлены мне Литовским государственным архивом.

⁴⁵ Об эвакуации из Вильнюса Розенбергу докладывал Утикал, «Aktenvermerk für den Reichsleiter» (Berlin, 12.VII.1944). BAB. NS 8/261, fols. 97—99. См. также донесение ERR (14.IX.1944). BAB. NS 30/35.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См. дополнительные подробности и примечания из донесений ERR в кн.: Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 14—18. Относительно разграбления дел из партийного архива в Днепропетровске — P. 20—23.

⁴⁸ Ганс Мюллер, месячный отчет ERR (Плесс, 1.XII.1944). BAB. NS 30/55. Д-р Мюллер, который до того работал с ERR в Смоленске и Риге, руководил в Плессе Газетным подразделением.

⁴⁹ Рукопись и корректурный экземпляр книги Вундера «Die Mauer Fällt: Das Wahre Gesicht des Bolschewismus», публиковавшейся в Мюнхене издательством «Zentralverlag der NSDAP Franz Eher Nachf», находится в числе документов ERR в BAB. NS 30. Д. 108—114. Нет никаких документальных подтверждений того, что книга когда-либо была напечатана.

⁵⁰ Доклады Начальника Главного политического управления (ГлавПУ) разведывательной службы Красной Армии (РККА) И.В. Шикина (1 марта 1945 г.) Г.М. Маленкову, ЦК ВКП(б), РГАСПИ. 17/125/308. Л. 11—12; Г.Е. Александров и И.В. Шикин — Г.М. Маленкову, ЦК ВКП(б) (1.III.1945). РГАСПИ. 17/125/308. Л. 14—17. Фрагменты докладов были опубликованы Шепелевым В. Судьба «Смоленского архива» // Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 135—136. В одном докладе из Смоленска в Москву (21.VI.1945) отмечается возврат «трех с половиной товарных вагонов из Дзедзице; в последующем письме (17.VII.1945). РГАСПИ. 71/6/191. Л. 119, упоминаются «четыре вагона грузов» — РГАСПИ. 71/6/191. Л. 115. Дзедзице — железнодорожный узел в нескольких километрах к югу от Плесса; в одном русском докладе он перепутан с Дрезденом. См.: Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 44—48.

⁵¹ Там же.

⁵² Солодовникова С.Л. Конец одиссеи «Смоленского архива». С. 19.

⁵³ Пшеничный А.П. Архивы на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 94. Формально та часть Силезии, где находится Ратибор, была аннексирована Третьим Рейхом, и потому в советских источниках она часто называется Германией.

⁵⁴ Utikal G. Aktenvermerk für den Reichsleiter (25.I.1945). BAB. NS 8/261.

⁵⁵ Utikal G. Aktenvermerk für den Reichsleiter (25.I.1945). BAB. NS8/261. См.: Grimsted P.K. *The Road to Minsk for Western «Trophy» Books: Twice Plundered but Not Yet Home from the War // Libraries & Culture*. 2004. № 4. P. 351—404.

⁵⁶ ЦДАВО. Фонд 3676. 5 описей.

⁵⁷ См.: Подробный доклад Вундера об эвакуации из Ратибора в его «Meldung an den Stabsführer» (Staffelstein, 23.II.1945). BAB. NS 30/50.

⁵⁸ Rorimer J. *Survival*. N.Y.: Abelard, 1950. P. 159—160.

⁵⁹ Большая часть остальных деловых бумаг Вундера из Ратибора (до января 1945 года) сейчас хранится в Берлине-Лихтерфельде (BAB, NS 30), в том числе некоторые лишь недавно обработанные личные и семейные бумаги. Я благодарю архивистку ВАВ Яну Блумберг за помощь.

⁶⁰ Г. Вундер (1908—1988), член НСДАП с 1930 года, был библиотекарем в Дюссельдорфе и учителем в Чили, затем директором Дюссельдорфской

библиотеки, после чего поступил в ERR и в 1940—1941 гг. возглавлял его библиотечные операции в Париже. Вундера подвергли допросу в связи с судом над Альфредом Розенбергом в Нюрнберге (18 и 26.VIII.1947); стенограммы имеются в микрофильмированном издании NARA (NARA Microfilm Publication M1019, roll 81, frames 102—121). Впоследствии Вундер преподавал в средней школе и изучал местную генеалогию. В его биографических данных опущена его работа с ERR в нацистский период. Упоминается о том, что он служил в пехоте в Бельгии и Франции, затем в России, где позже был связан с «партийным ведомством, занимавшимся изучением коммунизма в Советском Союзе, в Риге, Берлине и Ратиборе». См.: Dieter Wunder. «Gerd Wunder», in *Festschrift für Gerd Wunder, =Württembergisch Franken. Jahrbuch* 58 (Schwabisch Hall: Historischer Verein für Württembergisch Franken, 1974. P. 7—13, и Edith Ennen, «Sehr verehrter, lieber Herr Wunder! (Laudatio Gerd Wunder)» // *Württembergisch Franken. Jahrbuch* 67. Schwabisch Hall, 1983. P. 3—9.

⁶¹ См., в особенности, Pomrenze S.J. Policies and Procedures for the Protection, Use, and Return of Captured German Records // *Captured German and Related Records: A National Archives Conference*, Athens OH: Ohio University Press, 1974. P. 5—30. Многие американские документы, собранные Помрензе для этой статьи, по-прежнему входят в особую серию, относящуюся к принципам и регламенту работы с трофейными документами: AGAR-S (Adjutant General Army Records), ныне входит в NACP, RG 242.

⁶² Отлично написанный обзор культурных операций (с акцентом на искусство) содержится в книге: Lynn N. *The Rape of Europa: The Fate of Europe's Treasures in the Third Reich and the Second World War* (N.Y.: Alfred A. Knopf, 1994), особенно в главах VII—XIII. Более подробно о юридической стороне вопроса см.: Kurtz M.J. *Nazi Contraband: American Policy on the Return of the European Cultural Treasures, 1945—1955*. N.Y.: Garland Press, 1985. См. также его статью и статьи других авторов, а также библиографию по вопросам американской политики в сфере реституции в сборнике: *The Spoils of War: World War II and Its Aftermath: The Loss, Reappearance, and Recovery of Cultural Property* / Ed. Elizabeth Simpson. N.Y.: Henry N. Abrams, 1997.

⁶³ См. подробности в моем предисловии к сборнику документов: «U.S. Restitution of Nazi-Looted Cultural Treasures to the USSR, 1945—1959: Facsimile Documents from the National Archives of the United States»; foreword by Kurtz M.J. (CD-ROM ed.; Washington, DC: GPO, 2001). Были еще две передачи из Австрии, первая из которых, включавшая книги из Зальцбурга, тоже документирована в этой книге.

⁶⁴ Прочитированный отрывок дважды повторяется в исправленном варианте докторской диссертации Поста (защищенной в Библиотечной школе при Чикагском университете в 1958 г.), *The Development of U.S. Protection of Libraries and Archives in Europe during World War II* (Fort Gordan, GA: U.S. Army Civil Affairs School, 1964). P. 306, 311. Пост посвящает большую главу Оффенбаху (с. 258—301). См. также его статью: Books Go Home from the Wars // *Library Journal*. № 73. 1948, 1 December. P. 1704. См. недавно напечатанный очерк: Frits Hoogewoud. The Nazi Looting of Books and Its American «Antithesis»: Selected Pictures from the Offenbach Archival Depot's Photographic History and Its Supplement // *Studia Rosenthaliana*. № 26(1/2). 1992. 174—92. Популярный отчет с библиографией можно найти на веб-сайте

Мемориального музея Холокоста в США: «Offenbach Archival Depot — Antithesis to Nazi Plunder» — <http://www.ushmm.org/oad/>.

⁶⁵ Серия AGAR-S (Коллекция Помпензе), в которую входят документы, захваченные американцами в Германии, содержит копии множества донесения и перечней, но ни в одном из них не упоминается Смоленск, за исключением дела, датированного октябрём 1946 года, о котором речь идет ниже.

⁶⁶ Щербатов А.П. Из воспоминаний. Смоленский архив. С. 200—210. Пройдя обучение на курсах для разведчиков сухопутных войск в Париже в 1944 году, Щербатов служил в Третьей армии 22-го корпуса, о чем мне любезно сообщила его вдова.

⁶⁷ Там же. С. 201—203.

⁶⁸ См. полторы страницы перечней дел под рубрикой «Secret Police» в указателе в конце издания Национального архива США *Guide to the Records of the Smolensk Oblast* (Washington, DC: NARA, 1980). P. 237—38.

⁶⁹ Например, в докладе MFA&A report (8.XII.1945) описаны многочисленные документы из Банца, но не упоминаются никакие русские материалы — АК, В-323/550.

⁷⁰ В ряде документов, затрагивающих Разведуправление (Office of the Assistant Chief of Staff, USFET, APO 757), имеются ссылки на документы ERR в Бамбергском сборном пункте и их перевозку во Франкфурт (Фехенхайм). Но эти перевозки имели место уже после того, как смоленские дела были отправлены в Пентагон в конце октября 1946 года (см. ниже).

⁷¹ См. факсимильные копии документов на передачу, подписанные советскими получателями, компакт-диск: *U.S. Restitution to the USSR, transfers 1 and 2*. В моем предисловии имеются дополнительные подробности о библиотечных и архивных материалах, которые были возвращены СССР из США.

⁷² Ежемесячные отчеты и расписки в получении Административного управления, датированные 1946 годом, сохраняются в NACP. RG 260 (OMGUS), Ardelia Hall Collection (АНС), документы Административного управления сейчас доступны в микрофильмированном издании: NARA Microfilm Publication M1942. Цитированное распоряжение о перевозке отдал Major L.B. LaFarge, Chief, MFA&A Section, OMGUS, to MFA&A Section, OMG for Greater Hesse (3 April 1946). Эти доклады OAD: M1942, roll 9. Чарльз Уиник ранее докладывал о найденном в Гере фонде русской технической библиотеки (1880—1941) начальнику Отдела учета документации Разведывательного управления — Headquarters, USFET (7 февраля 1946 г.), копия имеется в RG 242, AGAR-S. № 1863.

⁷³ Фехенхайм был центром документации близ Франкфурта; Щербатов упоминает, что смоленские материалы перевозились из Бамберга во Франкфурт. (Из воспоминаний: Смоленский архив. С. 203—204).

⁷⁴ Согласно данным ежемесячного отчета OAD (30 апреля 1946 г.). М., 1942, рулон 9. Фотографии передачи книг из Банца хранятся в NACP. RG 260 (POAD—II—10). Воспроизводится по альбому фотографий OAD, хранящихся в Национальном архиве США, в кн.: Hoogewoud. P. 187, а также в: *U.S. Restitution to the USSR*, illustration № 8. Все альбомы OAD сейчас имеются в виде NARA Microfilm Publication. М., 1942, roll 11.

⁷⁵ См. расписку от 9 мая 1946 г. в УВА от директора АУ капитана Айзека Бенковица в ящике 252. Тот же номер упоминается в ежемесячном отчете АУ (31 мая 1946 г.). M1942, roll 9. Составленный УВА альбом библио-

точных штампов сохраняется в NACP, а все штампы из советских библиотек воспроизведены в: *U.S. Restitution to the USSR*, and M1942, rolls 11—13.

⁷⁶ «Removal of Books from Collecting Point and Bürgermeister Staffeln, LK Bamberg», Расписка в получении директора АУ Айзека Бенковица (18 июня 1946 г.). M1942, roll 4; также упоминается в месячном отчете за июнь, M1942, roll 9. Фотография этой передачи приведена в кн.: *U.S. Restitution to the USSR* (from RG 260, POAD-II-12), illustration № 9.

⁷⁷ Одна такая передача была совершена 10 июня, когда было передано 760 ящиков книг (167 200 единиц), а вторая — 31 июля, когда было передано 295 ящиков с книгами (64 900 единиц). В соответствующих документах (№ 4 и 5) объясняется, что они были объединены в одной партии, перевезенной по железной дороге 7 августа 1946 г. См. мое предисловие к кн.: «*U.S. Restitution to the USSR*», а также документы на 4-ю и 5-ю передачи с фотографиями; та, что с поездом, приводится на обложке компакт-диска.

⁷⁸ Headquarters, US FET, incoming classified message — W-81678 (27.IX.1946), from AGWAR to USFET [for G-2], NACP, RG 242, AGAR-S. № 1887. N.B. См. мои ранее опубликованные материалы об АУ в *The Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 49—57.

⁷⁹ Lt. Col. M.C. Taylor Investigation of Library Collection in Offenbach. (7 October 1946). NACP. RG 242. AGAR-S. № 1887.

⁸⁰ В документе Разведуправления «Report on findings at the Archival Depot, Offenbach» (в том же деле) разъясняется, что эти российские библиотечные материалы уже получили добро на реституцию. NACP. RG 242. AGAR-S. № 1887.

⁸¹ На расписке имеется шапка «Штаб Вооруженных сил США в Европе, Разведуправление, Отдел учета документации» и подпись «H. Weiner, USC, of the Research Branch “За и от имени Начальника Отдела документации”», личность которого установлена: капитан Уиник. NACP. RG 260. Property Division. AHC, OAD, now in M1942, roll 10. The OAD Monthly Report for November 1946 (also roll 10) cites «3,740 items — 17 cases» as having been handed over to G-2.

⁸² «List of Repositories of captured German Documents in the European Command» (30.III.1948) from HQ USFET, Office of the Deputy director of Intelligence (APO 757), over the signature of Lt. Col. W.R. Rainford. NACP. RG 319. Entry 47D, box 181.

⁸³ «INVENTORY» (SECRET) и «“Short Report” of INVENTORY of Russian Material» (SECRET), приложенные к неподписанной копии исходящего отчета от имени подполковника М.К. Тейлора «Investigation of Library Collection in Offenbach», from Headquarters, USFET, Office of the Acting Chief of Staff, G-2, на имя Начальника Разведывательного отдела Генерального штаба Военного министерства (attention: Chief of Captured Enemy Documents Branch) (7.X.1946). NACP. RG 242. AGAR-S. № 1887 (copy).

⁸⁴ «INVENTORY» (SECRET) and «“Short Report” of INVENTORY of Russian Material» (SECRET). NACP. RG 242. AGAR-S. № 1887 (copy).

⁸⁵ NACP. RG 319 (Records of the Army Staff). Entry 47C. Records of the Assistant Chief of Staff for Intelligence, Army Intelligence Project Decimal File, box 475. Сопроводительная накладная на бланке USFET G-2 Document Control Section (APO 757) имеет регистрационный номер 505. Я благодарю архивиста Национального управления архивов и документации Робина Куксена за оказанную мне помощь в обнаружении оригинала этого дела в январе 2005 г.

⁸⁶ NACP. RG 319. Entry 47C, box 475. В отличие от копии той же описи в Коллекции Помрензе, на данной копии имеется сделанная ручкой пометка «Reg. № 505; Disp. № 594», соответствующая регистрационному номеру на сопроводительной накладной.

⁸⁷ Копия перечня «Documents Shipments to War Department» (n.d.), охватывающего период с 24 августа 1945 г. до 27 августа 1947 г. включительно, в US NA. RG 242. AGAR-S. № 1553.

⁸⁸ «Documents Shipments to War Department». US NA. RG 242. AGAR-S. № 1553. № 64 bears the notation «Entire shipment LC Material».

⁸⁹ См.: *U.S. Restitution to the USSR*. Transfer № 12 (24.X.1947) — «329 ящиков библиотечных книг, картотек и архивных материалов» (40 395 единиц), преимущественно из Украины и Беларуси, и № 15 (9.XII.1948) — 3 ящика книг и брошюр (397 единиц) и 14 ящиков метеорологических материалов (753 единиц).

⁹⁰ См.: *U.S. Restitution to the USSR*. Transfer № 16 (Berlin, HiCOG, 2.II.1952).

⁹¹ Елена Даниэльсон, директор Архивов и Библиотеки в Гуверовском институте, информировала меня о делах Смоленского партийного архива, входящих в Коллекцию Николаевского, а заместитель архивиста Кэрл Лиденем любезно помогла мне в их анализе. Их имена упоминаются в опубликованном поиском пособии — Series 217, box 193, files 1—3 — *Guide to the Boris I. Nicolaevsky Collection in the Hoover Institution Archives*. Stanford, CA: Hoover Institution, 1989. P. 219. Я пользуюсь принятым американизированным написанием его имени, а не изначальным русским — «Nikolaevskii».

⁹² О Б.И. Николаевском см. биографический очерк: Kristof Ladis K.D. B.I. Nicolaevsky: The Formative Years, в сборнике *Revolution and Politics in Russia: essays in memory of B.I. Nicolaevsky* (Bloomington, Indiana University Press [1973, с 1972]). P. 2—32; Mosely P.E. Boris Nicolaevsky: The American Years. P. 33—38.

⁹³ См.: Mosely P. *Boris Nicolaevsky and Nicolaevsky B.* «Memorandum» to Library of Congress, Hoover Institute, Nicolaevsky Collection, box 470, folder 3. См. также отрывки из рассказа Николаевского об Амбуазе, который приводится в отчете 1945 года, составленном директором ИИШ Н.У. Постхьюмомом, в кн.: Hunmink Maria. *De papieren van de revolutie: Het Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, 1935—1947* (Amsterdam: IISG, 1986). P. 334. В книге дается перечень наиболее крупных коллекций, приобретенных ИИШ до войны.

⁹⁴ Mosely P. *Boris Nicolaevsky: The American Years* (P. 33—34), повторяется то же ошибочное обозначение. Дополнительная документация, относящаяся к поискам Николаевским своей библиотеки и архива, находится в Nicolaevsky Collection, box 470, folder 1.

⁹⁵ См.: Grimsted P.K. *The Road to Minsk for Western Trophy Books: Twice Plundered But not Yet «Home from the War» // Libraries & Culture*. 39. № 4 (2004). P. 351—404. Некоторые материалы из Ратибора, очевидно, были обнаружены поляками.

⁹⁶ См.: Grimsted P.K. *Twice Plundered or Twice Saved? Russia's «Trophy» Archives and the Loot of the Reichssicherheitshauptamt // Holocaust and Genocide Studies*. 15(2). 2001. P. 209—211.

⁹⁷ Там же. Многие из парижских коллекций ИИШ по-прежнему находятся в бывшем Партийном архиве в Москве (ныне РГАСПИ).

⁹⁸ Что касается фондов, возвращенных в Амстердам в 2003 г., см. веб-сайт IISH: http://www.iisg.nl:80/archives_in_russia/index.html/

⁹⁹ Michela J.A. Colonel GSC, «Memorandum for the Record» (27.IX.1946 «office copy»). NACP. RG 319 (Army Staff OACSI), entry 47D. Army Intelligence Project Decimal File, box 181.

¹⁰⁰ «Memorandum» by Nicolaevsky B.I., Director, The American Labor Research Institute, Inc., filed with the Michela «Memorandum for the Record» (27.IX.1946). NACP. RG 319 (Army Staff OACSI), entry 47D. Army Intelligence Project Decimal File, box 181.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Большое дело, содержащее переписку между Б.И. Николаевским и Вернером У. Клэппом, по-прежнему находится в Гуверовском институте — Nicolaevsky Collection, box 470, folder 3.

¹⁰³ Bencowitz I. to LC Mission (26.IX.1946). NACP. RG 260. AHC, OAD, box 251, now in NARA Microfilm Publication 1942, roll 2.

¹⁰⁴ Michela J.A. Memorandum for the Record, *ibid.*

¹⁰⁵ Nicolaevsky B.I. «Memorandum», copy in NACP. RG 242. AGAR-S. № 1367.

¹⁰⁶ Matthew Woll to Lt. General Lucius Clay (31.III.1945). RG 260. Records of the Executive Office. AG Decimal Files (cc RG 260, Economics Division, box 115).

¹⁰⁷ Lt. General Lucius Clay to Matthew Woll (16.IV.1945). RG 260. Records of the Executive Office. AG Decimal Files (cc RG 260, Economics Division, box 115).

¹⁰⁸ OAD to OMGUS. NACP. RG 260. Economics Division, Restitution Branch, MFA&A section (21.I.1945), copy in French claims files, F-151. NARA Microfilm Publication M-1949.

¹⁰⁹ «Documents Shipments to War Department» (n.d.). NACP. RG 242. AGAR-S. № 1553. Отгрузочные ведомости на материалы, направленные в Библиотеку Конгресса, обнаружить не удалось.

¹¹⁰ Acheson to HICOG, Frankfurt, confidential (12.IX.1950). NACP. RG 260. OAD records. M-1942, rolls 2—3 (box 251).

¹¹¹ Сохранилось отдельное дело HICOG о передаче. Официальные сопроводительные документы на партии, отгруженные в октябре 1947 года (из OAD) и в феврале 1952 года (Берлин), приводятся в издании на компакт-диске: «U.S. Restitution to the USSR», transfer 16.

¹¹² Hoover Institution. Nicolaevsky Collection, series 227, box 293, file 1. Первый лист — это заявка на фотокопирование Гарвардского университета, а второй лист — уже знакомая общая карточка GMDS с описанием WKP 86, причем тот же самый текст приводится в «NARA Guide»: «Protocols from the City Regional CP Committee and subordinate CP agencies in Smolensk» (1935). Первоначальное рукописное название на русском: «дело № 176 на 90 листах». Л. 9—40 были переложены в конец дела.

¹¹³ Nicolaevsky Collection, series 227, box 293, file 2. В «указателе» (листы I—III) перечислены 23 документа или отрывка (1926—1938) в 176-страничном машинописном тексте, в том числе резюме из 10 пунктов о «чистке 1935 года», последовавшей за убийством Кирова. Рукописная пометка наверху неподписанной печатной статьи «Живого архива» (ненумерованные листы внутри дела) указывает на ее источник — «Свобода (Мюнхен). № 8 (июль 1957 г.). С. 25—27». После проверки оригинала выпуска в Библиотеке Конгресса выяснилось, что вырезка на самом деле взята из ав-

густовского выпуска. Фамилию автора не удалось установить ни внутри этого, ни в последующих выпусках.

¹¹⁴ Смоленск не встречается ни в одной из опубликованных библиографий трудов Николаевского, например в той, которая была составлена Бургиной для книги *Revolution and Politics in Russia*. P. 322—41. Кроме архивистики из Гуверовского института Кэрл Лиденем, помощь в этом вопросе была любезно оказана мне почетным профессором Александром Рабиновичем из Университета Индианы.

¹¹⁵ Nicolaevsky Collection, series 227, box 293, file 3; отсутствуют первые два листа, дело начинается с листа 3; все остальные нумерованы до л. 238 включительно. Заглавие на л. 3 гласит: «Дело № 23. Протоколы парторганизации ОШОСДОРа [Отдел строительства шоссейных дорог] УНКВД 3/О Сталинского РК ВКП(б). Начато 3 января 1936 г., окончено 8 сентября 1937 г. на 238 листах». Имеются 11 подписанных протоколов за 1936 г. и 21 за 1937 г. Типичная советская архивная помета на небольшой карточке в конце удостоверяет количество страниц по состоянию на 4/VI-1940. Микрофильмированная копия с остальной частью Коллекции Бориса Николаевского хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Роберта Маннинг и Кэрл Лиденем любезно помогли мне в анализе.

¹¹⁶ Несмоленские компоненты особенно бросились мне в глаза, когда я получила разрешение изучить оригиналы в Вашингтоне в 1994 году (тогда они были в корпусе Национального архива на Пенсильвания-авеню). В то время я смогла выборочно проверить только ограниченное число коробок (когда возникла проблема происхождения) на базе «подозрительных» описаний в путеводителе *NARA Guide to the Records of the Smolensk Oblast*. Washington, DC: NARA, 1980. Я благодарна за помощь архивистам NARA, в особенности Роберту Вулфу и Робину Куксену. Подобные технические архивные проблемы будут не так заметны для исследователей, не знакомым с советской архивной практикой, когда им приходится пользоваться микрофильмами.

¹¹⁷ По данным Кодина Е. и смоленских архивистов «непрофильные» дела следующие: WKP 123, 179, 358, 446, 447, 449, 455, 456, 475, 484—486, 488, 490, 501, 508.

¹¹⁸ Вывезенные из Киева еврейские материалы упоминаются в целом ряде отчетов ERR, хотя в списках исходящих документов не упоминается никаких документов именно из этого учреждения.

¹¹⁹ Например, US NACP, RG 242, WKP 179 (ранее 366), 358, 475, 484 (ранее № 94), 485 (ранее 347), 486 (ранее № 479), 488—490. Подробности см. в кн.: Grimsted P.K. *Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 74—76, 128—29 (notes 214—219).

¹²⁰ Национальна библиотека Украины им. В.И. Вернадского (НБУВ), Институт рукопису (ИР) (ранее — Відділ рукописів ЦНБ), фонд 190 (Кабинет єврейської культури АН СРСР).

¹²¹ Большинство документов и коллекция рабочих рукописей из Киевского института и его преемников (ликвидированы в 1947—1949 гг.) хранятся в Отделе Египтаки Национальной библиотеки Украины им. Вернадского (НБУ, ранее — ЦНБ), хотя некоторые дела остаются в Архиве Национальной академии наук Украины, а также хранятся в НБУ. Ряд других материалов, эвакуированных ERR из Киева и оказавшихся после войны в Оффенбахе (OAD), в настоящее время находятся в Еврейской национальной и университетской библиотеке (JNUL) в Иерусалиме. Я благодарна директору

Института рукописей Л.А. Дубровиной и начальнику Сектора гебраики И.А. Сергеевой за разъяснение этого вопроса. Сергеевой довелось видеть некоторые из этих дел в Израиле.

¹²² Держкомархив Украины заявил официальное правопритязание на оригиналы из России, но не получил ответа.

¹²³ Как сообщают мои киевские коллеги, некоторые дела были возвращены в Киев еще раньше. Возврат в 1988 году из Киевской ЦНБ архивного дела с документами комсомола (494 л.) подтверждается письмом директора Смоленского архива Солодовниковой С.Л. директору Росархива Козлову В.П. (12.XI.2003). Я признательна С.Д. Мякушеву за предоставленную мне копию.

¹²⁴ Внутри старого дела WKP 474 (старый № WKP 381) имеется немецкий список учета использования из Имперского министерства продовольствия и сельского хозяйства. В самом деле содержатся два текста радиопередач, относящиеся к 1931 году, и протоколы заседаний Кунинского районного комитета комсомола — «Протокол Кунинского бюро РК ВЛКСМ» (5 и 25.XII.1930). Куня, районный центр Великих Лук, в то время должен был входить в Западную область, но возможно, что это дело было подобрано на месте каким-либо другим нацистским органом.

¹²⁵ «Smolensk Archive». WKP 478, 480, 496. Немецкая папка, в которой хранилось дело WKP 478, имеет дату 2.VII.1943, и это говорит о том, что оно могло поступить, когда остальная часть коллекции была еще в Вильнюсе.

¹²⁶ Я изучала картотеку в начале 90-х годов, когда коллекция была еще в Сьютленде.

¹²⁷ «INVENTORY» (SECRET) and «“Short Report” of INVENTORY of Russian Material» (SECRET). (7.X.1946). US NA. RG 242. AGAR-S. № 1887 (copy). Цитированные отрывки взяты из кн.: Grimsted P.K. *Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 51, 117 (fn. 148).

¹²⁸ GMDS выпустил недатированный путеводитель «German Military Documents Section: Catalog of Russian Section», mimeографированное издание (б.м., б.д., 93 с.) с приложением фотографий на 30 страницах, и я помню, что в Сьютленде есть карточный каталог. Вся коллекция «RS» имеется в виде издания NARA: Microfilm Publication T88 — «Miscellaneous Russian Records Collection», 4 rolls.

¹²⁹ Документы, ныне числящиеся в фонде 242 путеводителя NARA и на веб-сайте Национального архива, «National Archives Collection of Foreign Records Seized» (RG 242.18.3), включают RS 129, 131, 132, 372, 372a, 373, 373a-b, 374, 486, 488, 494, 500, 504, 524, 524a, 529, 4 600.

¹³⁰ «INVENTORY» (SECRET) and «“Short Report” of INVENTORY of Russian Material» (SECRET). (7.X.1946). US NA. RG 242. AGAR-S. № 1887 (copy). Пражские материалы: Halyshyn M. and Roszkowski E. *Catalogue of the Records of the Soviet Purchasing Commission in Prague* (Торговое представительство СССР в Праге). (November 1949. 47 p.), подготовлено для ЦРУ. Имеется копия в RG 242, GMDS reference aids, box 157. № 33. См.: Grimsted P.K. *Odyssey of the Smolensk Archive*. С. 51, 116 (fn. 147).

¹³¹ Это 49 погонных футов (ранее приводилась цифра 37 погонных футов) документов, датируемых 1936—1941 гг., и они по-прежнему входят в Фонд 242 (Трофейные документы), 283В, в 116 архивных коробках стандартного размера.

¹³² YIVO. RG 222 (IEJ — Institut der NSDAP zur Erforschung der Judenfrage), file № 144, материалы Советского торгового представительства в Праге, 1940—1941 гг.

¹³³ См.: Goldbeck H.G. The German Military Documents Section and the Captured Records Section // *Captured German and Related Records: A National Archives Conference*. Athens OH: Ohio University Press, 1974. P. 36. См. цитируемую выше статью Сеймура Дж. Помрензе (первого директора OAD). «Miscellaneous Russian Records Collection» и «Smolensk Archive» приводятся на с. 273. Различные материалы этой книги содержат данные об американских разведывательных операциях в связи с захваченными документами, в том числе и Смоленскими делами, которые должны дать ответ на большинство поднятых Мякушевым вопросов.

¹³⁴ Wolfe R. to Grimsted P.K. (26.VIII.1993).

¹³⁵ Подробности анализа разведанных см. в кн.: Grimsted P.K. *Odyssey of the Smolensk Archive*. С. 55—57, 123—26; некоторые из них включены в микрофильмированные издания NARA, другие же можно найти в архивах: Fainsod Papers, Harvard University Archive (HUG 4382.47) см.: [box 1]. Сокращенные описания на карточках на дела от WKP 1 до WKP 538, составленные Майклом Халишином, имеются в 1-м рулоне микрофильмированного издания Т87.

¹³⁶ «Опись документов Всесоюзной Коммунистической партии, Смоленский район» вышла в виде приложения к ежемесячнику «GMDS Monthly Historical Report. December 1950», Captured Records Section (CRS-NNMC File). Одна копия имеется среди собрания путеводителей GMDS в Национальном архиве США.

¹³⁷ Исполняющий обязанности мастер-сержанта Майкл Халишин числился начальником 5-го сектора GMDS «Негерманские военные документы» согласно его первому и последующим отчетам, содержащим его организационную структуру; их копии сохраняются в NACP. RG 498. Records of Headquarters, European Theater of Operations, U.S. Army (World War II). G-2, Admin Branch, Classified Decimal File RE Captured Documents, 1945. Родственные отчеты имеются в коллекции Помрензе. NACP. RG 242. AGAR-S 1818.

¹³⁸ «Collections and Indexes of the GMDS (AGO)» ([Washington, DC]: CIA, May 1953; CIA/CD Research Aid № 5). US NACP. RG 242. GMDS reference collection, box 164. № 8. Несколько иная рубрикация давалась в цитирувавшемся выше документе, Goldbeck's «Disposition Form», и к 1955 г. NARA насчитывала в этом фонде 527 дел.

¹³⁹ Козин Е.В. «Смоленский архив» как «зеркало советской действительности» // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 8.

¹⁴⁰ NARA любезно предоставило мне копию рассекреченной докладной записки из своих административных документов (RG 64).

¹⁴¹ Chief, DRB OAG to Rand and Fainsod (29.VI.1954), Fainsod Paper, HUA. Я благодарна дочерям Мерла Фейнсода за разрешение просмотреть бумаги их отца, хранящиеся в Архиве Гарвардского университета. См. также: Rand to DRB and Fainsod (17.VI.1954), *ibidem*. Не хватало дел № 276, 388 и 487. Количество дел то же — WKP 1—527, которое указано в начальном разделе уведомления о микрофильмированных документах Американской исторической ассоциации. Позже к коллекции добавили (и включили в

другие микрофильмы), согласно уведомлениям о микрофильмах, EAP 116/154 e, f, c; EAP 116/155, 156, 171; RS 921—924.

¹⁴² Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958. P. [456]. Приводимые им здесь семь дел — это присвоенные NARA временные номера «EAP» 116/154e—h, 116/155, 116/156 и 116/171, а также RS 921 и RS 924, которые позже получили номера WKP 528—538. Расхождение между некоторыми цитируемыми номерами приводило к путанице, в том числе той, которую отмечает С.Д.Мякушев. См. ниже в статье Кодина его объяснение по поводу четырех недостающих единиц и одной нenumерованной единицы в возвращенной в Смоленск коллекции.

¹⁴³ «The Smolensk Archives, A Selective Index to Items of Principal Interest», подготовленный М. Фейнсом для Rand Corporation (сентябрь 1954), carbon copy in Fainsod Papers, HUA.

¹⁴⁴ Schwartz H. Secrets of Soviet Held by the U.S. Army // *New York Times*. 23 January 1955. P. A-13.

¹⁴⁵ DRB Journal (Captured Records Publicity) (21 January 1955). NACP. RG 407. Records of the Administrative Service Division (Office of the Adjutant General). DRB classified decimal files. DRB Journal, box 3.

¹⁴⁶ Fainsod to OAG, US Army (27.I.1955); Rand to Fainsod (8.II.1955); and related letters, Fainsod Papers, HUA. Оригинал полученной под расписку копии письма Фейнсода находится в NACP, RG 407, OAG, DRB, decimal file, with a typed notation (signed by Sherrod East, Chief, DRB, 8.II.1955); в нем говорится, что «Rand Corporation предлагает профессору Фейнсоду вернуть документы в ФВД». Эти копии, предоставленные Rand Corporation, остаются в Библиотеке Гарвардского колледжа.

¹⁴⁷ DRB Journal (4 May 1955), box 3.

¹⁴⁸ Goldbeck H.G. Disposition Form: «The Smolensk Archives» (11.II.1955). Копия предоставлена автору NARA. В этой форме отмечается, что «494 документов были описаны на стандартных каталожных карточках», причем «идентификационным кодом» служат либо «WKP» либо «VKP». В заключение говорится: «В Секторе трофейных документов хранятся оригиналы дел плюс негативы микрофильма». Но при этом не отмечены три недостающие номера «WKP», а также добавленные дела. Пражские материалы хранились под номером RG 1055, а разные русские документы — под номером RG 1054.

¹⁴⁹ Смоленские дела, как верно заметил Фейнсон, в то время хранились в Филиале ведомственных документов (бывшем GMDS) регионального Центра федеральных документов (в тот период Национальный архив еще находился в ведении Управления служб общего назначения). Фейнсон дал совершенно точное разъяснение в своем «Bibliographical Note» (P. 456), но С.Д. Мякушев, очевидно, не разобрался с американскими условными обозначениями.

¹⁵⁰ Freedom of Information reply from Robert Wolfe to Patricia K. Grimsted (26.VIII.1993). По словам Вулфа, смоленские дела были зарегистрированы в составе большого объема трофейных документов, которые были переведены в Национальный архив из Армии США.

¹⁵¹ Departmental Records Branch. TAGO. RG Summary Nr 1056 «Records of the All-Union Communist Party, Smolensk District. 1917—1941. 28 linear feet».

Имеется пометка карандашом без даты: «Эти материалы сейчас находятся в здании Нац[ионального] арх[ива]. Если кто-то желает посмотреть их, обращайтесь к [Шерроду] Исту».

¹⁵² Guide to the Records of the Smolensk Oblast of the All-Union Communist Party of the Soviet Union, 1917—1941. Washington, DC: NARA, 1980.

¹⁵³ Getty A. Guide to the Smolensk Archive. P. 92; библиография содержится в фонде 4. С. 94—95. В предисловии к изданию 1991 года Шепелев ссылается на статью Гетти и перечисляет несколько публикаций из библиографии Гетти Арч «Судьба “Смоленского архива”». С. 137.

¹⁵⁴ Имеющиеся у меня копии писем от Труди Хаскэмп Питерсон, и.о. Главного архивиста США (5.VIII.1994), Президента Государственного архива Фридриха Каленберга (5 июля 1994 г.) и специалиста по иностранным делам Кая фон Йена (30.VII и 30.VIII.1994) помогают разъяснить вопрос. Дополнительные подробности и разъяснения по поводу дел см. в кн.: Grimsted P.K. *Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 51, 127 (fn. 209). Арч Гетти повторил ошибочное примечание к описи 1980 года (Getty A. Guide to the Smolensk Archive. P. 94; fn. 1), из-за которого С.Д. Мякушев поставил под сомнение количество возвращенных дел.

¹⁵⁵ Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958. P. 3.

¹⁵⁶ Getty J.A. Guide to the Smolensk Archive // *A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s*. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1990. P. 85. В русском переводе — Фонды «Смоленского архива» // Советские архивы. 1991. № 1. С. 95. Гетти любезно ответил в сентябре 2004 г., что ему никогда не приходило в голову ставить под сомнение цифру Фейнсоды и не хотелось считать самому.

¹⁵⁷ Поскольку смоленские дела были микрофильмированы до того, как их послали Фейнсоду в Кембридж, возможно, вопрос можно было бы разрешить, пересчитав число «страниц» или «листов» на микрофильмах NARA или в полученных Фейнсодом печатных копиях, которые по-прежнему хранятся в Гарвардском университете. В любом случае и Е.В. Козин и смоленские архивисты сходятся в том, что численность дел не вызывает сомнений.

¹⁵⁸ См., например, публикации: Баскаков Е.Г., Шабловский О.В. Возвращение архивных материалов, спасенных Советской Армией // Исторический архив. 1958. № 5. С. 175—179. Передача документов Национальному архиву Франции // Вопросы архивоведения. 1960. № 6. С. 107.

¹⁵⁹ Впервые опубликовано в кн.: *Actes de la Sixième conférence de la Table ronde des archives. Les archives dans la vie internationale*. Paris, 1963; перепечатано в кн.: *Council of Europe, Reference Dossier on Archival Claims*, comp. Hervé Bastien ([Paris]: ICA Legal Matters Committee, 1995); французское издание: *Dossier de référence sur les Contentieux Archivistique* (Strasbourg: Conseil de l'Europe, 1997; CC LIVRE [97] 1).

¹⁶⁰ Сообщение Эрнста Познера в журнале *American Archivist* (January 1962): 15—23, привлекло внимание Главного архивиста, о чем свидетельствует внутренняя докладная в одном из дел NARA. «Dossier on Seized Enemy Record — Smolensk», NACP, RG 64. Стюарт Л. Батлер любезно предоставил мне копию этого и других документов из досье, когда я занималась изучением материалов для своей монографии. Вначале никак не удавалось найти административное дело по «Смоленскому архиву».

¹⁶¹ Wayne C.G. Archivist of the U.S. to Major General J.C. Lambert, U.S. Army Adjutant General (12.II.1963); and to William M. Franklin, Director Historical Office, Bureau of Public Affairs, U.S. Department of State (13.II.1963). NACP. RG 64.

¹⁶² William M. Franklin, Director Historical Office, Bureau of Public Affairs, U.S. Department of State (13.II.1963). NACP. RG 64.

¹⁶³ Major General J.C. Lambert, Adjutant General, to Wayne C. Grover, Archivist of the U.S. (17.IV.1963), NACP, RG 64.

¹⁶⁴ Роберт Бамер, заместитель Главного архивиста США, — И.К. Колосовскому, советнику Посольства СССР (16.X.1963). NACP. RG 64. NARA приложило копии сводных таблиц по этим двум фондам российского происхождения — Коллекция разных русских документов (сводка фонда 1054) и Торговое представительство СССР в Праге (фонд 1055), а также смоленские документы (фонд 1054), последние имеют здесь характеристику — «28 погонных футов».

¹⁶⁵ Об этом в начале 1960-х годов мне сообщил Роберт Вулф.

¹⁶⁶ Письмо ГАУ (2.VII.1965) было обнаружено в недавно рассекреченном деле Центрального Комитета в РГАНИ. 5/35/212. Л. 158—159. Встреча Белова с Бамером произошла в Лондоне на заседании Исполнительного комитета ИСА. Этот инцидент впервые был коротко затронут А.М. Беловым, архивистом РГАНИ (в то время ЦХСД) в докладе на конференции Росархива по зарубежной архивной Россике, проходившей в декабре 1993 года: «Вопросы возвращения архивной Россики в документах ЦК КПСС (1953-1986 гг.) // Проблемы зарубежной архивной Россики: Сборник статей. М.: Русский мир, 1997. С. 170—78. Петров любезно помог мне в поиске материалов.

¹⁶⁷ См.: Капран М.Я. Международное сотрудничество советских архивистов // Советские архивы. 1968. № 3. С. 33. Тихвинский С.Л. Помощь Советского Союза другим государствам в воссоздании национального архивного достояния // Советские архивы. 1979. № 2. С. 11—16.

¹⁶⁸ См.: Schmidt W. Übernahme von Archivgut aus der UdSSR // *Archivmitteilungen*. 39 (5) (1989): 179—80. Возвращение ганзейских архивов // Советские архивы. 1991. № 1. С. 111; Кодин Е., Кузьмин Е. Петрофайная история // Литературная газета. 1990. № 41. С. 10. Подробности архивной реституции Советскому Союзу см. в кн.: Grimsted P.K. *Trophies of War and Empire: The Archival Heritage of Ukraine, World War II, and the International Politics of Restitution*. Cambridge, MA: distributed by Harvard University Press for the Ukrainian Research Institute, 2001. Especially Chapter 8. P. 307—314.

¹⁶⁹ Кузьмин Е. Вывезти... уничтожить... спрятать... судьбы трофейных архивов (интервью с П.К. Гримстед) // Литературная газета. № 39 (2.X.1991). С. 13; публикация этого интервью была задержана почти на год и была разрешена лишь после августа 1991 г. Я также обсуждала вопрос о русских «трофейных документах» в публикации: Grimsted P.K. *Perestroika in the Archives? Further Efforts at Soviet Archival Reform* // *American Archivist*. 54 (Winter 1991). P. 75—77. Директор ЦГОА Анатолий Прокопенко подтвердил мою историю и представил дополнительные подробности о фонде иностранных материалов в интервью с Эллой Максимовой: Архивы французской разведки скрывали на Ленинградском шоссе // Известия.

цузской разведки скрывали на Ленинградском шоссе // Известия. № 240. 1991. 9 октября.

¹⁷⁰ Меморандум исполняющей обязанности Главного архивиста США Труди Питерсон Главному архивисту США Дону Вилсону (12 ноября 1991 года), включающий меморандум библиотекаря Гуверовского института Йозефа Двайера архивисту Чарльзу Палму (4 ноября 1991 года).

¹⁷¹ Письмо Р. Пихоя Главному архивисту США Дону Вильсону (13.II.1992), копия, предоставленная Хабад, находится у автора.

¹⁷² Письмо Дона Уилсона, Главного архивиста США, Рудольфу Пихое, Председателю Комитета по архивам Российской Федерации (18.III.1992); имеющаяся у меня копия была любезно предоставлена Рудольфом Пихоей.

¹⁷³ Копия письма Джеймса Бейкера Сенатору Джозефу Либерману (26 июня 1992) было любезно предоставлено мне Хабадом.

¹⁷⁴ См., например, Smolensk Archive. RG 242. WKP 17. Фейнсод сделал подробные записи из этого дела и указал на него как на пример положения евреев, хотя он ничего не знал о ранее существовавшей хасидской общине в Любавичах — Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. P. 440—443.

¹⁷⁵ Об этом автору сообщили коллеги из Министерства культуры в Москве. Подробнее об иске Хабада и его политических аспектах см. в указанной ниже статье Акинши К.

¹⁷⁶ См. статью: Isnard J., Tatu M. *Moscou accepte de restituer 20 tonnes de documents des Deuxième bureaux* // *Le Monde*. 14 November 1992; в ней также приводятся некоторые подробности, взятые из моей лекции.

¹⁷⁷ См.: Гримстед П.К. Зарубежная архивная Россия и Советика. Проблемы происхождения документов и их отношение к истории России (СССР), потребность в описании и библиографии // *Отечественные архивы*. 1993. № 1. С. 20—53, а также расширенный вариант: *Archival Rossica / Sovetica Abroad — Provenance or Pertinence, Bibliographic and Descriptive Needs* // *Cahiers du Monde Russe et Sovietique*. 34. № 3. 1993. С. 431—480.

¹⁷⁸ См.: Гримстед П.К. Архивная Россия / Советика: К определению типологии русского архивного наследия за рубежом // *Проблемы зарубежной архивной России*. М.: Русский мир, 1997. С. 7—43.

¹⁷⁹ Мой смоленский доклад не был опубликован, но Шепелев ссылается на прочитанный мною предварительный вариант, который впоследствии вырос в мою монографию: Шепелев В.Н. Новые факты о судьбе документов «Смоленского архива» (по материалам РЦХИДНИ) // *Проблемы зарубежной архивной России*. С. 124—133.

¹⁸⁰ См.: Петров А.М. Вопросы возвращения архивной России в документах ЦК КПСС, 1953—1986 гг. // *Проблемы зарубежной архивной России*. М.: Русский мир, 1997. С. 174.

¹⁸¹ Федеральное Собрание, парламент Российской Федерации. Бюллетень № 34. Заседания Государственной думы, 20 мая 1994 года. М., 1994. С. 31—32.

¹⁸² Grimsted P.K. to Vice-President Gore (Moscow, 26.VII.1994), копия принадлежит автору.

¹⁸³ Текст резолюции воспроизведен в кн.: Grimsted P.K. *Trophies of War and Empire*. Appendix VI. P. 555—557.

¹⁸⁴ Council of Europe Parliamentary Assembly / Conseil de l'Europe Assemblée parlementaire, Opinion № 193 (1996) — «On Russia's Request for

Membership of the Council of Europe», принято Ассамблеей 25 января 1996 года, когда на основании этого документа Россия была принята в члены Совета Европы.

¹⁸⁵ Подробности принятия этого российского закона и международной реакции на него см. в кн.: Grimsted P.K. *Trophies of War and Empire*. P. 389—422. Прочитированные высказывания Н.Н. Губенко взяты из пресс-конференции, передававшейся по российскому телевидению 16 марта 1997 г., фрагменты которой приводятся в статье: Пилюк Б. Ты мне — я тебе // *Итоги*. № 16 (49). 1997. 22 апреля. С. 13—14.

¹⁸⁶ Передачи последних лет и полные тексты соответствующих юридических актов можно будет найти в кн.: Grimsted P.K. *Russia's Trophy Archives: Still Prisoners of World War II?* Electronic version: Budapest: Open Society Archive (Central European University): <http://www.osa.ceu.hu/publications/2002/RussianTrophyArchives/RussianTrophyArchives.html> (последнее исправленное издание — апрель 2002 г.).

¹⁸⁷ Bohlen C. A Stray Record of Stalinist Horrors Finds Its Way Home // *New York Times*. 14 December 2002. P. A21.

¹⁸⁸ Gordon M. A Hot Issue for Russia: Should It Return Nazi Plunder? // *New York Times*. April 1997. P. 1.

¹⁸⁹ См.: Grimsted P.K. *Russia's Trophy Archives: Still Prisoners of World War II?* CEU. Budapest.

The Return of the «Smolensk Archive». From a Tool for Nazi and American Sovietology to a Pawn in International Restitution Politics

Patricia Kennedy Grimsted

Introduction

The «Smolensk Archive» Returned: What Questions Could Remain?

In March 2003 the so-called «Smolensk Archive» long held in the U.S. National Archives returned home to Smolensk. The 77 archival boxes had been turned over to the Russian Federation in an official transfer ceremony in Moscow on the 13th of December 2002¹. Those 541 fragmentary files had been intentionally seized twice during the Second World War for political and intelligence purposes, first by the German invader, and then ironically by an American ally who became a Cold War adversary. Under professional German archival direction, in January and April of 1943, the *Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg* (ERR) evacuated close to five freight-train wagonloads from the former Archive of the Smolensk Oblast Committee of the All-Union Communist Party (*Vsesoiuznaia Kommunisticheskaia Partiiia (bolshevikov)* — VKP(b), in German WKP — later KPSS, or in English CPSU), first to Vilnius and then to the ERR research center in Silesia. Most of that larger complex returned to Smolensk in April 1945. The fact that information about the 1945 return was suppressed before 1991 led to inflated estimates of the extent of Smolensk holdings in America. In contrast to Soviet accounts, the Germans in fact managed to evacuate no more than 520 of those Smolensk files further West at the end of the war. They reached Germany along with miscellaneous Soviet documents seized from other sources, and then more stray Soviet documents were added to the collection in American hands, as we shall see.

The Third Reich was defeated before the Nazis could publish any results of their anti-*Bolshevik* analysis based on the evacuated Smolensk

Party Archive, although fragmentary indications remain of their research in Vilnius and Pless. During the Cold War, the more than 500 Smolensk CP files that ended up in the U.S. National Archives were the only original Soviet Party files in American hands, among the extensive German records captured by the British and American military. But in contrast to the abortive German utilization, American analysis of that tiny group of files became the basis for both political science constructs and important historiographic controversies about the nature of the Soviet regime, as the writings of Merle Fainsod, Roberta Manning, and Evgenii Kodin have shown. Simultaneously, the «Smolensk Archive» in America became a prime training ground for Western researchers when the doors were opened to Soviet-period archives at the end of the 1980s. Here, I survey the archival history and migration of those files, and their role in cultural restitution politics in Russia and the United States.

For many decades, little had been known about how or why those fragmentary Smolensk files reached Washington or the archival context of efforts underway to secure their return². Yet today the general outline of their remarkable odyssey is clear. Questions may remain about exactly how those particular files reached Bavaria, or who chose them. But we can pick up their trail at the U.S. restitution center for books and archives outside of Frankfurt, the Offenbach Archival Depot (OAD). Now we even have the original shipping document for their transfer to the Pentagon. And we can name one of the prime individuals who induced U.S. intelligence officers to pull them out of the restitution pipeline.

Although we all thought that most of the facts about the migration of the «Smolensk Archive» had been clarified, new questions about its composition and odyssey in American hands have arisen since its return to Russia. The first 2004 issue of the official Russian archival journal, *Otechestvennye arkhivy*, features a contentious article by a department head in the State Archival Agency (*Rosarkhiv*), who accompanied the homecoming archive to Smolensk. Sergei Davidovich Miakushev's «*“Smolenskii arkhiv” vozvrashchen, voprosy ostalis’*» («The “Smolensk Archive” Returned: Questions Remain») suggests quite bluntly that the United States did not return all of the Smolensk files that reached America after the war³. Discussion with Miakushev confirmed that his misunderstanding about the custody of the «Smolensk Archive» in the United States arose because he had not read «The Odyssey of the Smolensk Party Archive: Plundered Communist Archives for the Service of Anti-Communism» (1995), and he was not acquainted with published NARA finding aids. Yet his questions and insinuations, coming as they do from a highly placed Russian archivist, require consideration, because they echo recent assertions by Russian politicians that many Russian cultural treas-

ures lost or plundered during the Second World War are today hiding across the seas in America⁴.

In the meantime, a memoir account about the American retrieval of the «Smolensk Archive» appeared in New York in 2003, authored by the recently deceased heir of a prominent Smolensk noble family. Prince Aleksei Shcherbatov, who was serving in the American Army at the end of the war, claims to have been the one who found the «Smolensk Archive» in a Bavarian village. The same story appears as a chapter in his memoirs published in Moscow in Russian⁵. Evgenii Kodin and archivists in Smolensk may dismiss most of his account as «fantasy», but in fact he contributes new clues to the odyssey. While Shcherbatov identifies the records he found as the Smolensk NKVD/OGPU Archive rather than that of the Communist Party, his description of those documents as the basis for Fainsod's study of *Smolensk under Soviet Rule* and another Russian-American documentary publication on collectivization suggest the same archival consignment as those from the Smolensk CP files⁶. His speculative assertions about the nature of the archive and its destiny, nevertheless, demand scrutiny.

Quite unexpectedly, assertions that some Smolensk files remain in the United States have come from another source, of which neither Miakushev nor I were aware until recently. Their odyssey leads us not to military or intelligence agency archives, as Miakushev would suggest, but rather to the Hoover Institution of War, Revolution and Peace in Stanford (CA) where three files of provenance in the Smolensk Party Archive have been identified in the Boris Nicolaevsky Collection! As it turns out, only one of the three is an original. We still can only hypothesize about how it came into Nicolaevsky's possession. Although he probably never realized it, Nicolaevsky can now personally be linked to the destiny of the other Smolensk files that were transported to the United States. With such new twists and turns, the odyssey of the «Smolensk Archive» has not finished.

We will return to Miakushev's questions, Shcherbatov's memoir, and the three Smolensk files in California. But first we need to review the migration of the «Smolensk Archive» as a whole and the return of most of it to Smolensk in April 1945.

1. Reviewing the «Odyssey» to Silesia

a) Nazi Discovery of the CP Archive in Smolensk

Following the launch of Operation Barbarossa in June 1941, Soviet orders went out for evacuation of sensitive archives and/or destruction of those that could not be evacuated. With Smolensk among the first major Soviet cities to be hit by the German advance, archival authorities had lit-

tle time. State archives in Smolensk managed to evacuate approximately seven railroad freight cars to Kuibyshev (now Samara); those records had been held in the building of the former Orthodox Ecclesiastical Consistory, the Avramievskii Monastery, and the former Polish Peter and Paul (*Petropavlovskii*) Church, including portions of the OGPU records from the 1920s⁷. Party authorities, however, succeeded in evacuating only six «auto car (*avtomashin*) loads», to Uralsk in Kazakhstan. After the city was liberated, approximately one railroad freightcar with CP records returned to Smolensk (28 December 1944)⁸. Solodovnikova appropriately raised the question as to why the rest of the CP archive had not been burned according to the order of the Smolensk Oblast Party Bureau (28 June 1941)⁹. But both the Germans then, Americans later, and all historians today can be glad those orders were not carried out. Fainsod noted that among current files (1939—1941), «Party officials apparently managed to burn or remove all important documents», since none from those years were represented in the collection that came to America¹⁰. But he was not aware of the full story of the Smolensk CP Archive during the war and had no documentation about local archival developments.

In contrast to what Fainsod and many later commentators wrote, there is no evidence today that all the files — let alone the random selection that later ended up in American hands — were transferred to the Reich immediately in 1941¹¹. To the contrary, there is good evidence that the Germans were leaving archives *in situ* early in the war and analyzing them locally before removal. Undoubtedly a few stray archival documents were sent back to the Reich for analysis, and quite possible a few of those that fell into American hands later joined the «Smolensk Archive».

The first German wartime mention of archives in Smolensk was during a visit (17 July 1941) by the Künsberg Special Commando «*Nürnberg*» (a Foreign Office unit accompanying frontline troops), when they reported that they found no «*Aktenmaterial*» because «the Russians had packed and taken it away». Another commando, presumably with the military intelligence (*Abwehr*) had found «some maps, posters, agricultural statistical materials, reports and protocols of GPU special troops, and a speech of Stalin — scattered documentation that merited the dispatch of a courier and truck, but with no indication they found the local Party Archive»¹². In fact, most of the Party Archive was then located in the former All-Saints Church (*Vsekhsviatskaia tserkov', Vygonnyi pereulok*), which does not survive today. According to an official report in 1940, the Smolensk CP Archive comprised 121,590 files in 1940¹³.

The first mention of the Smolensk Party Archive in German reports — during the third week of September 1941 — was from a military

archival commando unit from the Military Archive (*Heeresarchiv*) headed by Otto Freiherrn von Waldenfels, who surveyed the situation in Smolensk. Waldenfels reported that the Party Archive «near Molotov Place, was being monopolized by the secret police (SD — *Sicherheitsdienst*)», but there were «no plans for removal at that time». Waldenfels usually identified quite precisely documents removed — even selective ones — in his reports, but he mentioned no CP documents as being sent from Smolensk¹⁴. The *Heeresarchiv* scouts had not found the archive of «military» interest, as was their profile for documentary plunder. No SD reports from Smolensk have been found that might suggest any out-shipments.

The first mention of the Party Archive in Smolensk by the *Ein-satzstab Reichsleiter Rosenberg* (hereafter ERR) came in May 1942. It was the ERR who undertook the 1943 evacuation of CP records from Smolensk: since almost all of the Smolensk CP files ended up in ERR hands in Vilnius (March 1943 — July 1944) and then in the Kattowitz area of Silesia (August-September 1944 — January-February 1945); since the «random» collection of files from Smolensk most probably arrived at the U.S. Offenbach Archival Depository (OAD) with those the ERR were able to evacuate with their retreat to Bavaria; we can therefore deduce that the ERR was most likely responsible for their migration. Hence, it is appropriate briefly to review the fate of the main part of the CP archive from Smolensk in the hands of the ERR, once the Rosenberg agency got control of it from the SD.

The SD and the *Heeresarchiv* were well ahead of the ERR in regards to the CP archives. The ERR first set up shop in Smolensk in November 1941, and were initially busy surveying, inventorying, and registering cultural sites in the area. By the end of November they had located the Historical Archive in the Uspenskii Cathedral, as evident in their cultural registration «Card File “Z”»¹⁵. Robert Nerling, who had been sent on behalf of the ERR in with a Military Commando unit in May 1942 filed a registration card for the Abraham (or *Avramievskii*) Monastery, dated 3 June, where he mentions the «October Revolution» Archive (i.e. Soviet-period, postrevolutionary holdings); a year later, when the ERR was evacuating the archives, they also identified part of the CP archives there¹⁶. Dr. Speer registered the State Archive in Smolensk in July and August 1942, where he noted particularly the parish registers (metrical books). However, the CP archives are not mentioned in any of the surviving ERR registration documents¹⁷.

Apparently, the ERR first learned about the Party Archive in All-Saints Church from Robert Nerling, who was in Smolensk in May and June of 1942. Nerling informed ERR headquarters in Berlin on the 17th

of May about «a particularly important» archival reconnaissance in Smolensk — the first, or at least «one of the very few cities where the local Communist Party archive is preserved almost in its entirety»¹⁸. When he heard the news, Gerd Wunder, who was then directing ERR research and library operations involving Eastern Europe in Berlin, must have requested more detailed information, because Nerling wrote back on the 15th of June mentioning holdings of 200 fonds and singling out several that he considered «most important». In first place he listed the «Party Control Committee (Committee for operations of cleansing the party 1930—1936)». While he found an old card file on members (1917—1925), he explained that «the new card file of members had been destroyed by the *Bolsheviks*»¹⁹.

Wunder, who was eagerly trying to locate materials for the ERR «*anti-Bolshevik*» research and propaganda efforts, had already repeated Nerling's words about the uniqueness of the Smolensk Party Archive in a memorandum to Dr. Wolfgang Mommsen and then ordered the professional German archivist to Smolensk. He was particularly anxious that everything necessary be done to provide top security for the CP archive and assure its preservation in Smolensk, as at that point, the ERR was not evacuating most cultural treasures from occupied Soviet lands²⁰. Smolensk was not the only place the ERR had found CP archives. Professional Reichsarchiv archivist Dr. Georg Winter, sent to Ukraine on behalf of the ERR in the fall of 1941, found additional CP archives in Dniepropetrovsk, Kirovograd and Zaporozhie, which they also carefully described *in situ* before evacuating — the Kirovograd archives eventually went to the RSHA to Berlin, and the Dniepropetrovsk CP records to the ERR center in Ratibor (Silesia) in the fall of 1943²¹.

Mommsen, who was then directing German archival operations for the *Reichsarchiv* in the Baltic countries (Ostland) headquartered in Riga, made an initial trip to Smolensk in the summer of 1942 under ERR auspices to survey the archival situation²². Although the SD had priority in the archives and often staged turf-wars with the ERR over spoils, during the summer of 1942, the ERR HAG-Mitte organized a special unit for work in four different Smolensk archives, headed by Gustav Mücke²³.

As in other occupied areas, the Germans found local specialists who had been persecuted by the Soviets to assist their work. Most important in Smolensk was Ilia Morozov (1889—194?), who had been trained and worked as an archivist in the 1920s; arrested in 1931, he was back in Smolensk in 1941. His name first appeared in von Waldenfels report to the *Heeresarchiv* from Smolensk in September 1941, and subsequently he figures prominently in ERR reports. The ERR took him with them to Vil-

nus when they removed the archive from Smolensk, and after the war he was persecuted as a «collaborator»²⁴.

Surviving German-language lists of fonds in the Smolensk Party Archive dated January 1943—348 fonds in one list plus 191 fonds of local records in another — make clear that the Party Archive was still intact in Smolensk²⁵. By then, the ERR was carefully planning evacuation. The Germans found that many of the Soviet inventories (*opisi*) had been evacuated or destroyed, which may explain why they devoted considerable efforts to preparing and/or translating file-level inventories of fonds of special interest. Surviving files among ERR records now in the *Bundesarchiv* in Berlin-Lichterfelde include an inventory for records of Trans-Dnieper Raion Party Committee in the 1920s (also dated January 1943)²⁶. Those lists of fonds and the file-level inventories show the care and attention the Germans gave to the CP archive in Smolensk and the priorities they assigned within the Party records, even before removal from Smolensk. The CP Control Commission was their top priority, although they planned to take all of the remaining CP records.

b) Removal of the CP Archive to Vilnius

The plunder of the entire remaining Party Archive from Smolensk occurred in the winter and early spring of 1943. The Germans would use the term «rescue» or evacuation, which ironically did mean its survival, as the war on the Eastern Front began turning against the German invader with the brutality of fighting. Soviet bombing in the area started up, leading the ERR to initiate extensive evacuation of cultural treasures they valued most from occupied Soviet lands. The Smolensk Party Archive was their highest priority. Initially with increased bombing, the Germans considered moving selected archives from Smolensk and Minsk to Riga «for preservation»²⁷. Apparently, as in other areas, the ERR had to have approval of other Nazi authorities to remove archives, and on such issues the ERR was often at odds with the SD. When Mommsen returned to Smolensk in January 1943, he could report in connection with the CP archive that the SD had «agreed to the removal to Vilnius, because they had already utilized the archives themselves for their own purposes»²⁸.

Reports of SD operations in Smolensk have not been found, so we can only assume for what «purposes» they might «utilized» the archive. Certainly they might have removed some documents from the CP archives in Smolensk before Mommsen got the green light for ERR evacuation. Shcherbatov quotes his Lithuanian priest informant to the effect that the Smolensk «GPU» archives he found had been sent to the Bamberg area of Bavaria by Himmler in 1943, but there is no confirmation of such a transfer²⁹. The SD was by then part of the Reich Security Main Of-

fice — RSHA, nominally under Himmler. Furthermore, in the fall of 1943, the RSHA (or SD) was not shipping archives out of Soviet lands, and besides, most of their archival plunder went to Berlin, or the RSHA Amt VII archival center in Silesia³⁰. The Bamberg area of Bavaria, as we shall see, was an evacuation point used a year later by the ERR.

In justifying the evacuation, Mommsen cited reasons of preservation. He explained that local authorities could not provide suitable storage facilities for the archive in Smolensk. One of the churches that the Germans had reopened for religious services under occupation had been bombed, and occupation authorities wanted the All-Saints Church building that was then housing the CP Archive for religious services. Given his agreement with the SD and the Party, Mommsen planned the initial evacuation of approximately 1,200 linear meters of Party records in January. Due to delayed shipping arrangements, he could not stay on in Smolensk to supervise loading. Records of the Party Control Commission were among the first fonds moved to Vilnius³¹. Mommsen returned to Smolensk in April for another shipment of four or five freight cars of other archival materials, together with «the remainder of the Communist Party Archive in the *Avramievskii* Monastery (ca. 150 [linear] meters)»³². A German-language list of those materials (dated 5 May 1943) names sixteen separate fonds³³. None of the available German evacuation lists include any reference to *OGPU* or other security agency records, although the Germans took many other historical records from Smolensk to Vilnius.

Ironically, it is fortunate that Mommsen was able to evacuate as many archives as he did from Smolensk, because many of those archives remaining in the city were destroyed in the bombing and warfare to liberate the city³⁴. I met Wolfgang Mommsen as President of the Bundesarchiv in the early 1960s, but that was before I was researching this subject or was aware of his wartime role that was always well hidden. In 2000 his nephew Hans Mommsen participated in a seminar I gave on the ERR at the U.S. Holocaust Museum in Washington, DC. Although I had referred to the «Smolensk Archive» I had not mentioned the name of Mommsen (knowing that the nephew was present). During the discussion period, the nephew asked if I knew that his uncle had «saved» the Smolensk files then in the U.S. National Archives. His uncle, Wolfgang Mommsen, he explained, «had found them in the snow»! Later after I gave Hans Mommsen a copy of my *Smolensk Odyssey* monograph with mention of the German inventories prepared in Smolensk and long quotations from his uncle's reports (now held in the *Bundesarchiv* in Berlin) describing the evacuation operations, the nephew was unprepared for further discussion with me!

c) *The Smolensk CP Archive in Vilnius*

By early May 1943, «four freight cars of the Smolensk Party Archive» were being worked over by a special ERR unit housed in the former Benedictine Monastery in Vilnius³⁵. By the end of July 1943, Einsatzführer Dr. Robert von Berg could report on the archive as they had it organized there. Cataloguing was being carried out by a group of ten Jewish specialists under the direction of two (later well known) Polish history professors Henryk Łowmiański and Stanisław Marian Zającykowski. Subsequently, following ERR retreat from Ukraine, Elizabeth Pirson and other ERR staff from the HAG-Ukraine were brought in to assist. Ivan (earlier Iliia) Morozov, the Soviet-persecuted archivist from Smolensk, was also working on the project in Vilnius³⁶. Pirson's «Report on the status of work on the Smolensk Party Archive» (mid-March 1944) shows that they had prepared content-summary cards for more than 16,739 documents³⁷.

Documentary summary cards were only a first technical step. The ERR was also immediately producing analytic studies of Soviet policies and procedures based on the Smolensk CP documentation. Already by May 1944, Elizabeth Pirson, one of the key ERR specialists with the working group on the Smolensk Archive, produced what was billed as the «First transmitted report based on the documents of the industrial section of the Smolensk Oblast CP Archive», which addressed the subject of the «The Roll of the CPSU in industrialization and actual problems of Soviet industry». Dr. Wunder in Ratibor had already received a copy of the brief fifteen-page summary report by the 12th of May. Although there were no direct quotations or citations to specific documents, her report was intended as the herald of a larger analysis³⁸.

Immediate ERR preoccupation with agricultural collectivization in the USSR is also apparent in a few sample translations and document summaries prepared by the ERR in Vilnius, remaining today in the State Archive in Vilnius. One January 1930 document preserved, bearing the title of «the Liquidation of the *Kulaks*», is signed by the same Central Committee member I.P. Rumiantsev, First Secretary of the Western Oblast Party Committee (*Obkom*), who figures prominently in Fainsod's analysis³⁹. A fragmentary sample of a draft ERR «anti-Bolshevik tract» found with them quite interestingly anticipates Fainsod's later analysis of collectivization. None of the ERR document summaries remaining in Vilnius (a few fragments from the close to 17,000), however, coincide with those used by Fainsod⁴⁰.

A copy of Pirson's March 1944 report, found among ERR files in Paris, was furnished to the former Central Party Archive in Moscow (now held in *RGASPI*) in 1978 by Georg Stein, a well-known German special-

ist on displaced cultural treasures. Stein also sent two rolls of the NARA microfilms of the «Smolensk Archive»⁴¹. RGASPI deputy director Valerii Shepelev, described that March 1944 document in a report in the early 1990s, yet like many others, had not understood that most of the Smolensk Party Archive was located in Vilnius at that point and that the ERR were working on it there (April 1943 — July 1944)⁴². The points he raised showed how little was known in Russia about its fate. Surprisingly, the Soviets never acquired a full set of the NARA microfilms.

No reports are available about how many more of the Smolensk files the ERR had «worked over» in Vilnius after Pirson's March 1944 report. But by the end of April as the ERR was planning retreat, the voluminous records from the «*Smolensker-Bolschewistisches Parteiarchiv in Wilna*» were the top ERR priority for evacuation, especially the records of the central CP Control Committee, which had been their priority for analysis⁴³. We know from Lithuanian archivists there at the time that the Germans succeeded in shipping out most of the Smolensk CP records via the seaport of Liepaja (*Ger. Libau, Rus. Libava*) in June 1944⁴⁴, although some parts may have gone with ERR shipments via Białystok or Königsberg⁴⁵. The ERR abandoned some parts of the Smolensk CP archive in Vilnius, among them «15 bundles from the *Iartsevo Raion* Committee RKP(b) of Smolensk Oblast». Together with the other voluminous holdings from state archives in Smolensk and the Belarusian SSR, they were all returned after the war⁴⁶. There is no hint that the ERR shipped any of the Smolensk CP files to Germany from Vilnius, although certainly that would have been possible. By that time the ERR had already evacuated their main anti-*Bolshevik* research and propaganda operations from Berlin to Silesia, and they were shipping Soviet books and archives there, rather than to Berlin or Bavaria.

d) Next Stop Pless (ERR Center, Ratibor, Silesia) and Home to Smolensk

After Vilnius, the Silesian castle of Pless (*now Polish Pszczyna*) was the next stop for the largest part of the Party Archive from Smolensk. The major ERR research center, including part of the special unit for the study of Bolshevism, had been transferred in August and September 1943 to the relatively isolated city of Ratibor (*now Polish Racibórz*), 80 km southwest of Kattowitz (*now Polish Katowice*)⁴⁷. Gerard Wunder, who had first directed Mommsen to Smolensk in connection with the CP archive in June 1942, was directing research and library operations in the ERR Ratibor center, and was himself especially concerned with anti-*Bolshevik* efforts. ERR units were housed in a series of different buildings in the city and several castles or other facilities in the vicinity, thus camouflaging

their activities from the local population. The elegant medieval castle of the Counts of Pless, 70 km east of Ratibor, along with one of its administrative buildings in the town, was the largest satellite unit, housing the newspaper and periodical library and several working groups. By the fall of 1944, the prize ERR archival plunder was in Pless, where work «continued with the arrangement of the former Smolensk Party Archive». At the same time, «on the basis of work earlier done by the archivist Morozov, a commission headed by von Krusenstjern was working on a study of *Bolshevik* control policies»⁴⁸. Dr Hans Müller, who had worked with the ERR in Smolensk before the archives were removed, was then in charge of the Pless facility. Meanwhile in Ratibor itself, Wunder was finishing his *anti-Bolshevik* tract «The Wall Falls Down: The True Face of Bolshevism»⁴⁹. Undoubtedly he or his assistants were in direct contact with, if not actually directing those working on the Smolensk records in Pless, where most of the CP Archive from Smolensk ended the war.

The well-traveled Smolensk Party Archive did not stay long in Pless, although ERR 1944 reports make clear that analysis of the contents was proceeding there. By mid-December 1944, however, the ERR was preparing evacuation shipments and planning to take their highly valued prize with them. According to a 13 December report, the most urgently needed Smolensk files (sections 1—23) were to be transferred to Ratibor, for which two freight cars were needed (along with one wagon for other materials). Three freight car loads of the Smolensk Party Archive and four with other unspecified materials were destined for Karlsbad (*Czech* Karlovy Vary) in the Sudetenland, but there is no evidence that they were shipped out.

In fact, most of the consignment (with other ERR holdings in Pless) was abandoned in the nearest railroad station. The Red Army found the Smolensk records there in March 1945, as confirmed by a detailed *GlavPU* report to the CP Central Committee describing them as being «packed in large crates the transport of which would require three railroad freight cars» (in fact they required four), and containing:

b) The Party Archive of the Western and Smolensk VKP (b) Obkoms, dating from 1916 through 1941... [with details of contents]

c) Party archives of VKP (b) city and raion committees of [27 cities and raion centers]...

d) Archives of the Western and Smolensk VLKSM [Komsomol] Obkoms from 1922 to 1940 [with details of contents]...⁵⁰

Most of the abandoned Party Archive returned to Smolensk in April 1945, although that fact was never openly admitted in the Soviet Union. It was 1991 before Central Party Archive deputy director Valerii Shepe-

lev published major extracts of the GlavPU reports⁵¹. Documents preserved in Smolensk confirm that three and a half wagons were returned from Silesia in April 1945, and an additional portion was included in the four wagonloads of materials from the State Archive Smolensk Oblast — returned from Vilnius in 1945⁵².

Despite those retrievals, Soviet accounts usually made it sound as if the whole CP Archive had been taken to the United States. Even in 1992, a year after those 1945 *GlavPU* documents had been published, a prominent Russian archivist reported erroneously that «four wagons of Smolensk *VKP[b]* records ...in July of 1944 were taken to Germany and then to the USA»⁵³.

e) ERR Retreat from Ratibor to Bavaria

With the major portion of the Nazi-captured Party Archive returned to Smolensk in April 1945, what happened to the rest? How then, and by what route, did a small portion (500+ files) of the «Smolensk Archive» reach the United States? Even if we do not have complete answers, the account of migration via Bavaria presented a decade ago in my «Odyssey of the “Smolensk Archive”» still rings true. The most likely hypothesis is that the ERR managed to evacuate some files from the Ratibor area, when forced to abandon the rest in Pless.

By mid-December 1944, according to the ERR report from Ratibor quoted above, the ERR had sorted out in Pless the Smolensk files «most urgently needed for research» in their anti-*Bolshevik* center in Ratibor. We have no confirmation of the planned shipment, two freight cars from Pless to Ratibor. Perhaps, if no freight train wagon was available, they might have sent a car or truck to Pless for some of the Smolensk treasures. We can only speculate. Presumably Gerhard Wunder would have wanted to preserve some select files. Wunder was still directing research operations in Ratibor until the end of January 1945 and was finishing his book on the «*Bolshevik* conspiracy». Significant files from the Party Archive in Dnepropetrovsk had arrived in Ratibor in the fall of 1943, but none of those surfaced in Germany after the war. When he had ordered Mommsen to Smolensk in the first place, he obviously had his eye on the Smolensk Party Archive, and certainly he would have had a hand in ordering the «most urgently needed» ones to Ratibor. Wunders' book was already typeset, and we find no mention of his work with any of the Smolensk files himself during the last months of the ERR Ratibor operations. Obviously those were unsettled times, yet certainly, he would have wanted to save as many Smolensk materials as possible, when he was forced to leave for Bavaria in January 1945.

One of the last reports from Ratibor (25 January 1945) notes the ERR had only been able to evacuate 600 kilos of office materials (*Dienstgut*) from Pless to Berlin, but that many of the most important materials from Ratibor itself had already been evacuated. They still hoped «to take more in open wagons to Castle Banz [Bavaria]», but they were also prepared for destruction of sensitive materials, «with gasoline and canisters readied for the task», if transport was not available⁵⁴. Quite possibly some of the over 500 Smolensk files found in Bavaria by the U.S. Army may have been those few crates that ERR specialists were able to send in advance from Silesia, or that they succeeded in dispatching at the last moment, when the Red Army was closing in on their anti-*Bolshevik* research center.

The ERR had decided to leave the so-called *Ostbücherei* intact, if they could not evacuate it, because they hoped to return «if the war situation improved». If not, they assumed the abandoned materials would be «captured by the *Bolsheviks*». That was just what happened. Red Army library brigades found most of the books from Ratibor nearby and shipped them to Minsk⁵⁵. In addition to the Smolensk records in Pless and the books from Ratibor, they found some of the ERR administrative records from Ratibor and Berlin, the largest batch of which are now in Kiev, where they arrived «from Dresden» in December of 1945⁵⁶. While they contained fragmentary plundered files from Western European sources, no plundered Russian archival materials, such as those from Smolensk, surfaced with them.

Wunder himself reached Banz in mid-February 1945, partly on foot. He immediately organized ERR operations in the former castle/monastery of Banz and nearby towns of Lichtenfels and Staffelstein, where the ERR deposited some of their records in different buildings. The main office (*Dienststelle Staffelstein*) was in the Town Hall⁵⁷. Their principal headquarter was the estate of Baron Kurt von Behr, who had directed the ERR Paris office. American cultural officer James Rorimer was one of the first to arrive in Banz at the end of the war and related that after Behr and his wife committed suicide, «thousands of books and documents were found stored in readily accessible parts of the castle's cellars. Others were discovered in a cement-covered steel vault five stories underground»⁵⁸. Given the materials preserved among Wunder's personal and office files, including the proofs of his book on Bolshevism, we know he was able to evacuate a goodly number of office records from Ratibor. We do not know if he saved some of the Smolensk CP files, but no trace remains among his surviving papers⁵⁹. Undoubtedly he would have known if some of the Smolensk records were shipped to Bavaria, but Wunder himself had fled from Banz by the time the Americans arrived. He was later ap-

prehended and interrogated in Nuremberg. His interrogators, however, knew little or nothing about the Ratibor operations, nor about the fragments of the «Smolensk Archive» that were by then in Washington, while Wunder volunteered no details. He always managed to conceal his war-time role⁶⁰.

2. American Retrieval: From Bavaria to Offenbach (OAD)

At the end of World War II, the United States together with its British Ally had an extensive program for capturing and processing enemy records, including a series of record centers, supplied by G-2 intelligence officers, first under invading armies and USFET (U.S. Forces European Theater) and the Supreme Headquarters Allied Expeditionary Forces (SHAEF) and later under the U.S. Office of Military Government (OMGUS)⁶¹. One of the U.S. Third Army G-2 document collecting centers was located in Bamberg, about 25 km south of the Behr estate of Schloss Banz, near the ERR bases in Lichtenfels and Staffelstein.

These record centers paralleled organized recovery and restitution efforts for other Nazi-looted cultural property. Monuments, Fine Arts, and Archives officers (MFA&A) accompanied invading armies on the European Continent and then staffed a series of Central Collecting Points in Munich, Marburg, and Wiesbaden for identifying displaced cultural property and processing claims⁶². The Soviet Union received a total of fourteen major restitution transfers between 1945 and 1948, when the centers closed, and an additional two through Berlin later (1952—1953)⁶³. The principal American book and archival restitution center was located near Frankfurt am Main, in the large «I.G. FARBEN» compound in Offenbach (OAD), officially opened in March 1946. OAD processed five consignments of books and archival materials transferred to the USSR. Characterized «as the antithesis of the *Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg*, the Offenbach Archival Depot accomplished the largest book restitution operation in library history», with more than three million volumes passing through its doors between March 1946 and its closing in April 1949⁶⁴. Normally captured foreign archives not of German provenance were also transferred to Offenbach for restitution to their country of origin. Most of the materials coming into OAD had already been screened by U.S. intelligence (G-2) officers, but G-2 officers from the intelligence document center in Oberursel to the north also visited OAD in case materials of intelligence interest had escaped previous screening. The first report specifically mentioning the Smolensk files in G-2 custody dates October 1946.

a) Retrieval in Bavaria

The name of Prince Aleksei Shcherbatov (1910—2003) has not been found as yet in any U.S. Army reports regarding the seizure of captured records. Nor are Smolensk records mentioned «target team» or earlier inspection reports of records seized by U.S. and British forces in Germany before they were removed from Offenbach in October 1946⁶⁵. Accordingly, Shcherbatov's undocumented memoir about his discovery of the «Smolensk Archive» in Bavaria in May 1945 while serving in the U.S. Third Army arouses considerable interest. Based in Bamberg where a Third Army G-2 records collecting center was located, Shcherbatov's account confirms earlier clues⁶⁶. Yet questions arise about his story that a Lithuanian priest in a small unidentified village led him to the «massive archive of the Smolensk GPU hidden in a silo», which he later claimed contained «about 20 tons of documents», that were taken to Bamberg and thence to Frankfurt⁶⁷.

As a native of Smolensk, Shcherbatov's personal interest was understandably deeply involved because many members of his family were murdered or repressed by Soviet authorities in Smolensk after 1917. Indeed many files in the crates he examined may well have contained documents from GPU/OGPU sources addressed to local CP units, because there are many of them in the «Smolensk Archive»⁶⁸. Shcherbatov identifies Merle Fainsod as having based his book «Smolensk Under Soviet Rule» on the records he had found near Bamberg. However, Fainsod's book is based only on documents from the Party Archive. No confirming evidence has surfaced that the Germans seized or that the U.S. Army found a significant quantity of OGPU/NKVD records from Smolensk.

My earlier presumption remains that the Smolensk files most likely traveled with other ERR materials and were most probably removed by the U.S. Army from Schloss Banz or surrounding locations. U.S. Army reports indicate that ERR records from Castle Banz and nearby Staffelsstein and Lichtenfels (25 km north of Bamberg) were identified and removed by the U.S. Army in several different batches, between May and December 1945⁶⁹. Surviving reports from the Bamberg collecting point in February and March of 1947, mention ERR documents, suggesting that some ERR materials from Banz were moved to Bamberg for initial processing⁷⁰. By that time, however, the Smolensk files from OAD, were already in Washington.

Eventually many of the ERR files were sent with other captured records to the German Military Documents Section (GMDS) in the United States and, after analysis and microfilming, returned to Germany in the 1960s. No Smolensk files were found among them. Given U.S. and Brit-

ish policy at the end of the war, only «enemy» records were subject to retention and transport to Britain or the United States for «utilization», unless U.S. intelligence units (G-2) found other materials of interest.

b) Offenbach: Library and Archival Restitution to Russia

During the immediate postwar period, American authorities were still trying to maintain friendly relations with their Soviet Ally, and hoping to negotiate restitution procedures for displaced cultural treasures. Official U.S. policy was to restitute books and archives identified as of Soviet provenance, along with other cultural property, which would explain why the Smolensk files with other Russian documentary materials found by the U.S. Army were taken to Offenbach. Even before OAD opened, there were two major U.S. restitution transfers to the USSR involving archival materials. The first on 20 September 1945 in Berlin, involved 333 cases (1,000 units), predominantly from Novgorod. The second transfer (25 October 1945) comprised 1,160 cases of archival records from Kiev, along with archives and museum exhibits from Latvia found in the castle of Trypist (*Czech*, Trpísty; near Pilsen/Plzeň) in Czechoslovakia⁷¹. Although the Americans were well informed about the extent of Russian plunder of cultural treasures from Germany, they continued restitution of displaced Soviet cultural property.

Quite probably the Smolensk files and some other «Russian archives» were received at OAD for restitution processing between April and June of 1946 (OAD was not officially operating until March 1946), but no such specific receipts have been found. One consignment of 240 cases of Russian books «found at Gera (Russian Zone) by Eighth Corps, U.S. Army, was presumably culled by the Germans from various libraries and scientific institutes in Russia, to be used as a compendium of basic Russian technological sources...» The transfer order to OAD (3 April 1946) from the Fechenheim Army base (near Frankfurt) noted that «G-2 Division, USFET, and War Department, Military Intelligence Service, Washington on 23 February 46 authorized return of these books to the Russian Government»⁷². Although the Army did not mention any archival materials, the Smolensk documents could have come with one of the transfers from Fechenheim⁷³.

If they had not been received with ERR archives from the Bamberg region (possibly via Fechenheim), the Smolensk files could well have come to OAD with some of the ERR library collections from Banz Castle and Staffelstein. Removal of the books from Banz started in April 1946, and continued through July⁷⁴. However, many Russian and German books were intermixed. OAD Director Isaac Bencowitz devised a system for sorting Slavic books with photographs of book stamps that could be iden-

tified by the German workers who did not know the language. By the end of May they had 536 cases of «Russian books» ready for restitution⁷⁵. In June OAD send a shipment from the Collecting Point Staffelstein, including «186 cases Russian books, ...11 cases Russian meteorological material... and 47 cases of mixed, Dutch, Russian and French books»; an additional «5 cases Russian books» came from the Bürgermeister of Staffelstein⁷⁶.

During June and July of 1946, two different library transfers to the Soviet Union were made from Offenbach. Photographs are preserved of the Soviet officers present, including an image of the eight freight train wagons dispatched on 7 August 1946 from OAD with those two consignments (1055 cases with 232,100 books)⁷⁷. Although possibly some stray Smolensk files were mixed in with those shipments (several later surfaced in Kiev), many Russian books and archival materials still remained in Offenbach.

c) From OAD to G-2 Oberursel and GMDS

Our first indication that the Smolensk Party archival materials were being held in OAD came in October 1946. The Chief of Intelligence in the War Department in Washington cabled USFET G-2 in Frankfurt inquiring about the «existence Russian material in large library collection presently stored in basement «I. G. FARBEN» Building in Offenbach»⁷⁸. The intelligence office (G-2) at USFET Headquarters replied to the War Department on 7 October, confirming the report with specific reference to the technical library collection received from Gera in April:

There are now some sixty (60) cases of Russian material at the archival depot, of an original two hundred and fifty (250)... 190 cases have already been returned to the Russians, [and, the remainder] awaiting shipment. ...Both G-2 Documents Section and Library of Congress have examined the library and found it of no interest, because the contents were so dated...⁷⁹

Archival materials were not mentioned as part of the Russian collection from Gera, nor in the cable to the War Department. Nor were they mentioned in the separate G-2 «Report on findings in the Archival Depot, Offenbach», which emphasized that the Documents Control Section, the War Department, and the Military Intelligence Service (MIS), all «authorized restitution» of the remaining Russian materials held at OAD⁸⁰.

Apparently, however, following the cable from Washington, G-2 officers from Oberursel had made a more careful inspection of «Russian materials» in Offenbach and found some that they decided to pull out of the restitution pipeline. An OAD receipt signed by the G-2 Document

Control Section in Oberursel acknowledges «17 Boxes [hand corrected to “18”], containing Archive-Material... sent 26 October 1946», as being removed from Offenbach⁸¹. Oberursel (APO 587), northwest of Frankfurt and close to the airport, served as USFET G-2 Headquarters with the Document Section of the 7707th European Command Intelligence Center. As explained in a secret March 1948 report:

The Document Section at Oberursel is charged with receiving and screening all captured enemy documents when they are first discovered, and later on, after the documents have been utilized by all using agencies in the European Command, with the shipment of these documents to GMDS [German Military Documents Section]. It is also the hub of all documents being shipped to the European Command from the States, and thus the distribution point of these documents⁸².

Understandably, since such operations were classified «secret» at that time, an inventory would not have accompanied the OAD receipt. But later, in preparing his report about the U.S. captured records program, Colonel Seymour Pomrenze, the first director of Offenbach, found inventories of the Russian documents taken by G-2⁸³.

The unsigned and undated inventories both marked «SECRET» list nine categories of Russian materials that had been set aside as of possible «intelligence interest». Number 3 on the list covers the files from the «Smolensk Archive»:

Minutes and other papers of meetings of Communist local organizations and dealing with party work and governmental functions in the region Smolensk. This is important as a small scale model of the actual operation of the Communist party and the Government. (Very important). Some of the allied material is classified «Top Secret».

Other items include (1) «material from Russian Trade Commission in Czechoslovakia»; (4) «Books by or about Lenin, Marx, Engels, Stalin, etc... (7.b.) Russian Encyclopedia titled “*Bolshaya Sovetskaia Encyclopedia*” (about 80 volumes)»; and (9) «Government Instructions, Directives, SOP’s marked “Secret”, to various lower echelon commands in agriculture, industry, city government fields»⁸⁴.

Thanks to a recently discovered original «DISPATCH NOTICE» from Oberursel dated the 29th of October, we now know that those Smolensk files and the other materials were dispatched to the Special Documents Section of GMDS at the Pentagon. The «description» reads:

27 crates of documents; for more details see attached letter.

NOTE: 7 crates marked (X) are of immediate importance⁸⁵.

An accompanying original copy of the same «INVENTORY» mentioned above (with no. 3 describing the Smolensk files) is the next document in the same file»⁸⁶. The shipment is confirmed on a later retrospective list of «DOCUMENTS SHIPMENTS TO WAR DEPARTMENT» (August 1945 — January 1950), where an entry for an unnumbered «Special» shipment dated on the 5th of November 1946 with two tons (27 boxes) of «Russian Library Material from Offenbach»⁸⁷. Although not yet broken out into separate entities, the «INVENTORY» clearly covers the other Russian materials sent to the United States at the same time — the records of the Prague Purchasing Commission, and the «Miscellaneous Russian Collection», all of which were to remain in the U.S. National Archives with the «Smolensk Archive» through the 1990s.

A year later, by September of 1947, surviving documents show that the Smolensk files were being worked over by U.S. intelligence specialists in the German Military Documents Section (GMDS), a U.S. War Department intelligence exploitation unit located first in Camp Ritchie (Maryland) and then in Alexandria (Virginia). By then the Smolensk CP files were augmented by other captured Russian and Ukrainian documents of miscellaneous, non-Smolensk origin, some of which had been found in OAD and also turned over to G-2.

Strengthening my hypothesis that the Smolensk and related files came to Offenbach with the ERR materials, there were still ERR materials at Offenbach even after the G-2 shipment to the Pentagon and the restitution transfers to the USSR from OAD in 1946 and 1947, because on 23 May 1947, a shipment to the War Department of 42 boxes (4 tons) included «Alfred Rosenberg Collection (Offenbach), destined for the Library of Congress»⁸⁸. Clearly the October 1946 shipment could not have been the «20 tons» of Smolensk GPU/NKVD documents» that Shcherbatov suggested, but reference to the Smolensk CP files is unmistakable. Since G-2 determined them of potential «intelligence value», they were moved from the restitution pipeline. Other consignments of Russian books and archives were restituted to the USSR from Offenbach later — in October 1947 and in December 1948 when OAD was closing down⁸⁹. A third batch was transferred in Berlin in 1952⁹⁰.

3. Boris Nicolaevsky in OAD and his Smolensk File in the Hoover Institution

Shcherbatov's story about OGPU/NKVD records is not the only puzzling twist about wandering parts of the «Smolensk Archive». As yet another earlier overlooked piece of the puzzle, three files from the CP Archive in Smolensk continued their odyssey further West to California

with the collection of Boris Nicolaevsky, the well-known exiled Russian *Menshevik* activist, scholar, and collector, a large part of which was acquired by the Hoover Institution of War, Revolution and Peace in late 1963⁹¹. As a coincidence with Shcherbatov's claim, the one original file among the three was created in an *NKVD* agency, although by its addressee it is clearly of provenance in Smolensk CP records. Simultaneously, it turns out that, Nicolaevsky played a crucial role in the removal of the files that later became the «Smolensk Archive» from the restitution pipeline in Offenbach and their transfer to the Pentagon. At that point, however, he could not have known about the Smolensk files in American hands.

a) Nicolaevsky and the Paris IISH Collections

Boris Ivanovich, following his arrest by the *Cheka* in February 1921 and a year in jail, was expelled from the Soviet Union in 1922. Settled in Berlin, he served as an acquisition agent for the Central Party Archive in Moscow and simultaneously amassed his own archive of socialist files in Germany. After Hitler came to power in 1933, he fled to France where, starting in 1935, he headed the Paris Branch of the International Institute of Social History (IISH, based in Amsterdam). Boris Nicolaevsky was personally responsible for rescuing important German and Soviet exile or *émigré* socialist archives and arranging transport from Germany to Amsterdam or Paris, where many individual exiles had themselves found refuge in association with IISH⁹². As war approached in France, he was instrumental in evacuating many of the IISH and other Russian *émigré* papers from Paris, including his own. Following the Nazi invasion, Nicolaevsky helped others, before escaping to the South of France and then to New York, while his future wife, Anna Mikhailovna Bourguina, stayed behind at great risk to protect their archival treasures, many of which had been evacuated from Paris to what they had hoped would be a safe house in Amboise. Bourguina was actually on hand in Amboise at the end of August 1940, when the Germans confiscated the archives, but Nicolaevsky never knew their fate⁹³.

When Nicolaevsky heard about the ERR materials in Offenbach after the war that had been found by the Americans in the Institute for the Study of the Jewish Question (IEJ) in Frankfurt (and later Hungen) he erroneously assumed the plundered IISH materials and his own collections from Paris were with them, believing as he did that IEJ was named the «Institute on Judaism and Bolshevism»⁹⁴. In fact, IEJ was the destination for many of the books and archival materials seized by the ERR in Paris from Jewish collections. Those found after the war by the Americans were brought to OAD, and restituted to France, along with those from

other countries. That also explains the presence in OAD of the Jewish institute files from Kiev that later became intermixed with the Smolensk materials. The few socialist library materials that came to OAD had come from the ERR anti-*Bolshevik* operations in Berlin and later Ratibor by way of Bavaria. Many of them bore book markings of Russian, Ukrainian or other Soviet libraries, and hence were legitimately in line for restitution given U.S. postwar policy.

b) Eastern Destinations for the Paris IISH Collections

What Nicolaevsky did not know was that a large part of his collection and those of the IISH, and especially Russian socialist materials, were sent by the ERR to Berlin rather than Frankfurt. Many of the books were added to the *Ostbücherei*, the special ERR library for ERR anti-*Bolshevik* research, which, as explained above, was evacuated to the ERR Silesian center in Ratibor in 1943. Most of the plundered books and other materials from the Ratibor area were found by Red Army trophy units in the spring of 1945 and sent to Minsk in November 1945⁹⁵.

However, the ERR was forced to turn over most of the archival materials of the IISH, Nicolaevsky, and other socialist sources they seized in Paris, to the Reich Security Main Office — RSHA (*Reichssicherheitshauptamt*) Amt VII. First in Berlin, they were evacuated to Silesia starting in 1943. Most of that archival loot ended the war in the RSHA Amt VII archival center in Wölfelsdorf (120 km south of Breslau/Wrocław), where it was found by the Red Army in the summer of 1945. By October and November of 1945, 28 wagonloads were already in Moscow⁹⁶. Most of Nicolaevsky own papers from Paris were transferred to the Central State Archive of the October Revolution of the USSR (TsGAOR SSSR) and remain today in its successor *GARF*. While a large part of the Paris IISH materials were transferred to the Central Party Archive (now *RGASPI*), a smaller part of the IISH collection remained in the Central State Special Archive (TsGOA)⁹⁷. Most of that latter part was finally returned to the Netherlands in 2002/2003 from the successor Russian State Military Archive (RGVA)⁹⁸.

c) Nicolaevsky's Campaign against OAD Restitution to the USSR

Not knowing about the centers in Silesia, Nicolaevsky tried to convince American authorities that most of the ERR-plundered anti-*Bolshevik* research collection was in OAD. In September of 1946 in New York he met a representative of the American Federation of Labor (AFL) recently returned from Europe who reported having seen what he «believe[d] to be the “Rosenberg steal” ...now in the basement of one of the

«I.G. FARBEN Industrie» buildings in Offenbach... — about 2,000,000 volumes plus other documents in the French, German, Russian and other languages». He claimed that some of the boxes bore «the name of Boris I. Nicolaevsky»⁹⁹.

Nicolaevsky thereupon prepared a strongly worded memorandum as «one of the spoiled» by Alfred Rosenberg, who had «founded an Institute for the study of the theories and practices inimical to Nazism, and first of all, Bolshevism». Agents of Rosenberg had «confiscated in Paris and in Ambroise» the IISH library «together with his personal library... (no less than 1200—1500 large cases). All the confiscated material is now to be found in Offenbach... about 2,000,000 books, not counting the very great number of various documents. The scientific value of this collection is ...not to be equaled in the world». Nicolaevsky had heard «according to American journalists... there is a plan to turn over to Soviet Russia all books and documents in the Russian language». He considered «This would constitute an entirely unjustified act: Russian books and documents were robbed ...from many Russians who lived abroad, and in particular, from the author of this memorandum»¹⁰⁰. Furthermore, Nicolaevsky continued,

«Since the war, a systematic study of Russia has become even more urgent, ...to permit a clear understanding of what is going on behind the iron curtain... The material collected by Rosenberg, which is now in possession of the United States Army, is destined by its very nature to become the nucleus for such a future Institute. It should, therefore be immediately brought to the United States...»¹⁰¹

Already in early 1946, Nicolaevsky had sent a memorandum to different American authorities, including Harvard University and the Library of Congress, proposing establishment of an IISH branch in the United States. After both Harvard and the Library of Congress dismissed his proposal, Nicolaevsky continued a heated correspondence trying to use the good auspices of the Library of Congress Mission in Germany to prevent the return of the Russian materials in OAD and bring them to the U.S.¹⁰²

On 26 September 1946, OAD director Capt. Isaac Bencowitz informed the Library of Congress Mission, in «Reply to Inquiry regarding Library of Boris I. Nicolaevsky»:

1. There are no books in the OAD identified by the name of Boris I. Nicolaevsky. We have eight books identified by the name of Nikol'skij, N.M.

2. If the books ... Mr. Nicolaevsky [is] suggesting [are from] Paris or France, then they should be looked for among the books restituted to France¹⁰³.

However, such a reply hardly put a damper on Nicolaevsky's campaign. A copy of Nicolaevsky's «Memorandum» that reached the Pentagon at the end of September appears to have been the trigger for the 29 September 1946 War Department cable to USFET G-2 (Frankfurt) mentioned above, calling for further investigation of the Russian holdings at OAD! Two days before (27 September 1946), Colonel J.A. Michela of the Army Intelligence Office at the Pentagon traveled to New York to meet with Nicolaevsky and his AFL colleague just back from Germany, who had reported «the "Rosenberg steal"... now in the basement of ...Offenbach...» After the Colonel reported back to the Pentagon, «Col. Clarke, Deputy Director of Intelligence, authorized sending a cable to the C[ommanding] G[eneral], USFET, requesting information on the status of the material mentioned above»¹⁰⁴.

Nicolaevsky's campaign thus apparently resulted in the 29 September cable to G-2 Frankfurt calling for the G-2 investigation of «Russian holdings in OAD». A month later the Smolensk files and other Russian archival materials were on their way to the States. Since Nicolaevsky never would have known about that «secret» shipment, he continued his relentless campaign. By December 1946 Nicolaevsky's memorandum had reached the CIA, as we know from a confidential notation on a copy of it in a CIA file, explaining:

In top secret memo of 30 Dec. 46, Col. Eunis of IC wrote to CIA that this Rosenberg collection had been screened by WD representatives and material of intelligence value sent to Washington, D.C. USFET thought that the [rest of the] collection could not be shipped to U.S. and that commitments had been made to return some 300,000 volumes to USSR of which 75,000 volumes had already been returned¹⁰⁵.

d) Nicolaevsky Visits OAD: Restitution Delayed for More Soviet Materials

Nicolaevsky devised several further schemes to prevent the return of the Russian-related materials to the USSR. On 31 March 1947 Matthew Woll, Chairman of the International Labor Relations Department of the AFL, addressed a two-page letter to Lt. General Lucius D. Clay, Commander in Chief of OMGUS, on Nicolaevsky's behalf requesting his visit to Offenbach to identify the materials and arrange their subsequent return «to their rightful owners»¹⁰⁶. Clay's reply on 16 April firmly denied the request:

I am at a loss to understand the reported statement that books are being sent to Russia merely because they happen to be in the Russian language, since this is contrary to our established policy and procedure and, obviously, would make no sense. No such order as you report has ever been given, nor have our officers ever proceeded in this manner. In fact, restitution actually consists of returning looted items to the country from which they were looted. It is surprising that some unnamed American journalist should report finding «considerable material belonging to the Paris branch» of the Institute of Social History when competent archivists, searching the depot for many months, have only been able to find two books belonging to the organization. There is no indication whatever that the entire collection is now in Offenbach¹⁰⁷.

Although no more books from the IISH collections were found, Nicolaevsky succeeded in arranging a «highly confidential» visit to OAD in May 1947, accompanied by a high-level CIA agent, arranged by USFET G-2. At that time he selected «about 10 cases of books and brochures» for the CIA, which were turned over to G-2 for shipment to the United States. During subsequent visits in May and June 1947, Nicolaevsky set aside more books, but both G-2 officers and OAD were very suspicious of Nicolaevsky. A G-2 shipment to the States in October contained only seven cases of «intelligence value» which had been «segregated by two G-2 officers from the approximately 30 cases which Nicolaevsky [sic] had selected for himself, claiming them as property of the Paris Branch of the Institute of Social History». The OAD directors were very dubious, because the materials Nicolaevsky had set aside for the CIA, the Library of Congress, and himself, had no ownership markings, or to the contrary had clear markings of Soviet provenance.

As to the IISH materials, one OAD director reported, «Not a single item now in the Depot can definitely be identified as the property of the Institute». He further explained:

It is felt that it would be unwise to place too much credence in the statements of Boris Nicolaevsky. His conduct while inspecting the subject materials here at Offenbach was, to say the least, questionable. He was seen for example removing Ex-Libris from certain Russian language materials which he was permitted (at the request of G-2) to examine¹⁰⁸.

The whole episode at OAD and U.S. government procedures, nonetheless well demonstrate the American commitment to restitution, despite Nicolaevsky's pleas to send all the Russian materials to the United States. Yet the record also shows that, with Nicolaevsky's encouragement, materials even remotely deemed of «intelligence value», including several sets

of the Great Soviet Encyclopedia, were withheld from restitution. Besides, some materials from the «Alfred Rosenberg Collection (Offenbach)» were shipped to the United States as part of a four-ton shipment (42 boxes) «destined for the Library of Congress» on 23 May 1947, soon after Nicolaevsky's first visit, and some «Russian newspapers (Ear-marked for B.I. Nicolaevsky)» were among a shipment to the War Department on 15 August 1947, two months after his visit to OAD¹⁰⁹.

OAD released another 320 cases (40,395 books and archival materials) to the Soviet Union on 24 October 1947, but held back some others that Nicolaevsky had claimed. After OAD was closed down, in 1951, the State Department determined that «Books identified as the property of Russian State libraries should be restituted to the Soviet Union as soon as any items in this category which are of interest to the Intelligence agencies of the United States have been microfilmed»¹¹⁰. The final Berlin consignment of 2,249 books and periodicals (earlier at OAD) transferred to the Soviet Union in 1952 had been delayed five years because they had been among those claimed by Nicolaevsky at Offenbach¹¹¹.

e) Nicolaevsky's Three Smolensk Files

The AGAR-S list entitled «Documents shipments to the War Department» is the only circumstantial evidence that Nicolaevsky was an intended recipient of Russian materials from Offenbach. No additional clue links Nicolaevsky's visits to OAD with the original Smolensk file in his collection. The «Smolensk Archive» was already in Washington before his visits; he could not have known about its shipment to the Pentagon in October 1946 by G-2; and certainly GMDS or the CIA would not have passed a Smolensk file to him.

The other two Smolensk files now at Hoover are copies that Nicolaevsky could have acquired only in the 1950s. The first file is a photocopy of a 1935 file (WKP 86 [earlier WKP 136]) that Nicolaevsky acquired from Harvard University¹¹². The second file is a typescript transcription of as yet unidentified documents from the «Smolensk Archive» that were presumably being prepared for publication. The file also includes a copy of a 1957 Russian article (from the Munich émigré serial *Svoboda*) describing (with excerpts) some of the documents in the «Smolensk Archive»¹¹³. Published a year before Fainsod's book came out, the anonymous author had «seen the archive in Washington». It is not impossible that Nicolaevsky could have been involved with that publication, or a prospective sequel¹¹⁴.

The third file in the Hoover Collection (238 numbered folios) — a complete original file (missing only its cover) from the Smolensk CP archive — raises more serious questions as to how, where, and when

Nicolaevsky acquired it. It is hardly one that would have been chosen for special analysis or publication, or even worthy of theft. Unquestionably an original, «file no. 23» from an unspecified fond number contains signed minutes (*protokoly*) of meetings of the CP cell (primary party organization) within the special NKVD Department for Highway Construction — OShOSDOR UNKVD — in the *Stalin Raion* of the city of Smolensk (3 January 1936 — 8 September 1937). The quality of paper and original signatures on documents in various colored ink further attest to its authenticity. We cannot tell if it might be one of the three missing «WKP» numbers (see below), because its cover and initial leaf (where such a designation would have appeared) are both missing¹¹⁵.

We should not rule out the possibility the original Smolensk file had been stolen at some point, either in Germany or in GMDS, and then passed on to Nicolaevsky. We also know that Nicolaevsky spent several days searching Russian materials in OAD, and his «sticky fingers» are well known to archivists. While most of the other original Smolensk files from Offenbach were already in the States, quite possibly that particular Smolensk file could have been left behind. Several other original Smolensk files were returned to the USSR from OAD with some of the Kiev materials.

When I included a section about Nicolaevsky in my «The Odyssey of the Smolensk Party», I had not known about the three Smolensk files in the Hoover Institution. Nor had I known about Nicolaevsky's meeting with a Pentagon intelligence officer two days before the War Department's September 1946 cable to G-2 in Frankfurt. Yet in his memorandum and the controversial reports about his visit at OAD, Nicolaevsky exemplified burgeoning Cold War reactions that would have encouraged American intelligence concerns about the Soviet Union. Kodin does not include Nicolaevsky among more academic American sovietologists involved with the «Smolensk Archive», because as far as is known Nicolaevsky never wrote about those files. Yet like other violently anti-*Bolshevik* exiles and émigré scholars of his generation, Nicolaevsky was among the first who contributed to the postwar development of Soviet studies in America in a significant Cold War context.

Now we know his advice probably triggered American retention of the Smolensk files, although he never could have known about the «Smolensk Archive» in Offenbach. Nicolaevsky had many sources of acquisition for the Russian archival materials in his collection now in Hoover, and no smoking gun has surfaced to explain his acquisition of the original Smolensk file. We can only speculate that, if not passed on to him by an acquaintance, he might have found it at OAD.

Coincidentally, when the IISH materials were returned from Moscow to the Netherlands in 2002—2003, the Russian Archival Service (*Rosarkhiv*) refused to return one important folder of Nicolaevsky correspondence relating to IISH collections (from his Paris deposit). At that point *Rosarkhiv* did not know that one original file from the Smolensk Party Archive was held among the Nicolaevsky Collection in the Hoover Institution in California. Quite by chance, they unwittingly found retribution for Nicolaevsky's anti-restitution stance sixty years earlier at OAD!

4. With Fellow Travelers in the United States

a) *Non-Smolensk Components*

The «Smolensk Archive», first configured in GMDS, and as returned to Smolensk, is indeed a jumbled collection, which had gathered a number of stray files from several sources at various points during its odyssey. Miakushev was not the first to have noticed that an estimated five percent (if not more) of the files were not of provenance in the Party Archive of Smolensk *Oblast*¹¹⁶. Since their return Smolensk archivists have designated 17 files as «non-profile»¹¹⁷. Most likely most of the intermixing took place in American hands, if not in OAD or Oberursel, then in GMDS or the U.S. National Archives. Especially in response to Miakushev's «questions», it is appropriate to comment briefly on the related components.

1) Ukrainian Jewish Components. Most of the Jewish archival materials that came to OAD had been collected for the Institute for the Study of the Jewish Question (IEJ) in Frankfurt am Main, and its evacuation site in the town of Hungen (near Giessen, NE of Frankfurt). Those materials arrived at OAD in an exceedingly jumbled state, and were sorted by people (mostly local Germans) who did not read Russian or Yiddish, and could not distinguish between Ukrainian and Russian.

That would explain the presence of nine (and part of a tenth) stray files from the Institute of Jewish Proletarian Culture (*Institut evreiskoi proletarskoi kul'tury*) under the All-Ukrainian Academy of Sciences (VUAN) in Kiev, dating from the 1920s and 30s, which undoubtedly the ERR shipped from Kiev to Frankfurt am Main and/or Hungen for IEJ¹¹⁸. Those that ended up in the Smolensk collection were presumably intermixed with the Smolensk files by mistake in OAD and went on with them to Oberursel and the Pentagon. As described in my «The Odyssey of the Smolensk Archive», documents, include personnel questionnaires (curricula vitae) for specialists in the Kiev Institute, accounting records including 1935 pay receipts for graduate students (in Ukrainian), and even typescript studies in Russian and Yiddish of agricultural problems in the

Jewish Autonomous Oblast¹¹⁹. Some other files from the Kiev Institute were returned to Kiev from OAD and are held today in the Hebraica section of the Vernadskii National Library of Ukraine (NBUV)¹²⁰. Still others found their way to Israel, undoubtedly with some of the transfers from OAD¹²¹. The U.S. National Archives gave copies of those files to the Ukrainian Embassy in Washington, DC, in December 2002 when the Smolensk collection was returned to Moscow¹²². Indicative of the intermixing, several Smolensk files were found with those Jewish files returned from OAD to Kiev in the 1940s. Another Smolensk file was returned to Smolensk from Kiev in 1988¹²³.

2) Files from Other Sources. A few other stray files intermixed in the «Smolensk Archive» were undoubtedly picked up by the Germans elsewhere, including some documents of Belarusian Jewish provenance. One file had found its way to the Reich before the ERR retreat from Rati-bor¹²⁴. Three other files bear stamps of the joint British-American Military Intelligence Section (MIRS), which had offices in London and Washington from May 1943 through July 1945¹²⁵. None of the miscellaneous documents included would appear to have been of CP or even of Smolensk provenance. For example, one file with a German «Leitz» folder contains ant-fascist photographs and cartoons, including American bank robbers Sacco and Vanzetti (WKP 478), along with other Soviet wartime posters. GMDS was the direct successor to MIRS (reorganized in July 1945), which would explain the migration of those files to the Smolensk collection.

3) Other Fonds of Russian Provenance. As apparent from the October 1946 G-2 «inventory», the Smolensk files were not alone in either the «17 boxes» of archival material removed from OAD by G-2 or the «27 boxes of Russian Library material from Offenbach» shipped to the Pentagon from Oberursel. Two other groups of Russian materials that G-2 seized in OAD accompanied them on the «odyssey» in American hands.

First, the «Miscellaneous Russian Documents» component combined the relatively uninteresting collections of predominately published materials with a few stray archival documents, together with some micro-films and propaganda editions. Miakushev correctly noticed «Smolensk Archive» files with an earlier «RS» numbers. Since Smolensk files WKP 535 — WKP 538 had earlier designations of RS 921 — RS 924, he projected that there must be a separate fond or series (or even a separate military or intelligence archives) where at least 924 items would have been located. In fact there were 5,309 «RS» items in the so-called «Miscellaneous Russian Records, 1870—1942», none of which were from Smolensk, but which had come with the «Smolensk Archive» from OAD

to GMDS. In the early 1990s the collection was still held in the Federal Records Center in Suitland (a branch of the National Archives)¹²⁶.

Printed components with «RS» numbers «rang[ed] from a full set of the *Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia* and other Soviet reference works to scientific, technical, and economic tracts, along with stray serial publications from the 1920s and 1930s, to military training and operational handbooks from the war years that were retrieved by intelligence units or captured with prisoners of war». These were undoubtedly among the total figure of 5,957 items transferred from OAD to the Documents Section of G-2 of OMGUS, as some of them were also listed in the October 1946 G-2 «inventory» for the shipment to the Pentagon¹²⁷. A few of the more important «archival» documents (RS 921—RS 924) were moved to the Smolensk collection in the 1950s and assigned numbers WKP 535—538, although they were not of Smolensk provenance¹²⁸. After the National Archives moved to the new building (Archives II) in College Park (MD), printed matter in the «RS» collection — considered of no archival value — was donated to the Hoover Institution (Palo Alto, CA). If Miakushev were to examine the 18 remaining «RS» files of Russian documents in the National Archives in College Park (MD), or on the microfilm publication from NARA, he will be sadly disappointed¹²⁹. If *Rosarkhiv* wants to file a formal claim for the eighty-odd volumes of the «Great Soviet Encyclopedia» or extra copies of the works of Lenin and Stalin once held in the «RS» files, it will now have to apply to the Hoover Institution.

A second small group of files of Soviet Russian provenance described in the October 1946 G-2 «inventory» comprised fragmentary files from the Soviet Trade Commission in Prague (*Torgovoe predstavitel'stvo SSSR v Prage*), with «“important” correspondence between Skoda and Russian economic, industrial, and trade agencies»¹³⁰. While always traveling with the «Smolensk Archive», they have been included in every subsequent published list of U.S. captured records and guides to the National Archives¹³¹. As a further example of the dispersal of displaced and captured records, one file from the Prague series is now held in the Archives of the YIVO Jewish Research Institute in New York City¹³².

b) From GMDS and DRB to the National Archives

Miakushev further questioned allegedly «secret facts» about U.S. custody of the «Smolensk Archive». Today such details are openly available to researchers. The complicated inter-connection of the various federal agencies, including intelligence units «utilizing» the captured German records and the «Smolensk Archive», have been well explained in various publications, including several articles from a 1970 conference at

the National Archives on «Captured German and Related Records», where the Smolensk files are listed in an appended list of captured records¹³³.

Since in the United States, all records from military and intelligence agencies eventually come to the National Archives, the only other possible files remaining would be those constituting «incorporated documents». In 1993, in searching for information about the U.S. capture of the «Smolensk Archive», I addressed a Freedom of Information (FoI) inquiry to the National Archives. Robert Wolfe, who then still headed the Center for Captured German records, replied on 26 August 1993 that «no further clarification has been found». He goes on to explain:

Enemy documents (in some cases, microfilm thereof) captured during or seized after the Second World War, and not interfiled with American agency records, were accessioned in toto from the U.S. Army during the first half of 1958, and at other times from the Navy, the State Department, and other federal agencies. All of these unincorporated records have been returned after extensive microfilming to the country of origin or its legal successors. Those incorporated into American files are being discovered only in the course of individual research, or by extensive research projects like that underway by the U.S. Holocaust Memorial Museum.

Since such captured documents are strewn throughout many American agency records... the National Archives cannot justify devoting the staff time that such a search would require. ...This is in no way involves security classified documents. No known captured documents are being withheld or remain classified once discovered. The problem lies in the magnitude of the effort to find them¹³⁴.

1) Early GMDS/CIA Finding Aids. As the Smolensk files were worked over by U.S. intelligence specialists in the German Military Documents Section (GMDS) in Camp Ritchie and then in Alexandria, finding aids were developed that remained with the collection. Brief card descriptions of 494 documents were prepared for GMDS and the CIA by Michael Halyshyn, along with a few abstracts and translations. Clearly very limited data was being sought by the U.S. intelligence community, since the resulting card indexes (later included with the microfilm edition) were hardly an adequate appraisal or summary of the file contents¹³⁵. An initial CIA finding aid for the Smolensk files was printed in a classified status in 1950¹³⁶.

As noted in a 1953 confidential CIA «GMDS Research Aid», American specialists had apparently tried to put the files in a rudimentary subject order¹³⁷. The Smolensk files listed as «Record Group 1056 — Communist Party» were described as consisting of:

«494 Russian documents of the Smolensk area, 1917—41, arranged according to the following breakdown: Minutes, correspondence, directives, financial, Jewish Autonomous Republic, minority groups, propaganda, welfare, religious affairs, party press, industry, agriculture, women's activity, youth activity, party control, investigations, activity reports, information bulletins»¹³⁸.

There is no evidence, however, that the files were ever consistently grouped under those rubrics. Historians who have used the materials could discern no intelligible order. Kodin quite appropriately characterized the materials as «unsystematized by time, territory, recordkeeping [*deloproizvodstvennye*] units, or thematic content»¹³⁹.

2) Declassification and Access for Fainsod. The «Smolensk Archive» was declassified the 11th of May 1953, along with the Prague materials and the miscellaneous Russian «RS» collection mentioned above, and was listed in the published «General List of Seized Records Available for Unofficial Research», then under the Documents Records Branch (DRB) of the Adjutant General's Office. The Declassification memorandum notes, «the Department of State... also recommends that research into these records by private historians and other scholars be encouraged... and that interested individuals be granted access to these records»¹⁴⁰.

Given that statement, some people concerned about open archival access might wonder why Harvard University Professor Merle Fainsod was given «exclusive» access to the newly opened archival «treasure trove». His work with the Smolensk materials was initially supported by contract research with the U.S. Air Force, first directly, and then through the Rand Corporation, a prominent Cold War «think tank». That was the height of the Cold War and beginning of the McCarthy era, which also may help explain priority access to a senior American scholar who could «appropriately» interpret the data to be culled from the Smolensk files and present the «truth» about «totalitarianism» in the USSR. Subsequent researchers were to take issue with him regarding the political or social science construct of «totalitarianism», but his achievement is obvious in the attention still given to the «Smolensk Archive» and his study based on it.

According to a note in his papers, Fainsod initially received «9 footlockers» with «524 documents [files]», along with a box of index cards — with three missing files from the numbered sequence of 527 specified by the Army, for use at the Russian Research Center at Harvard University¹⁴¹. Apparently he received a few more later as he specified 536 files in the «Bibliographical Note» at the end of his book¹⁴². Fainsod's «Selective Index» imposed a new subject order according to the chapters planned for his book¹⁴³.

A year after the files had been sent to Harvard, and three years before Fainsod's book, an article on the «Secrets of Soviet held by the U.S. Army», appeared in the *New York Times* in January 1955. Authored by Soviet area specialist Harry Schwartz, it was the first public disclosure of the «Smolensk Archive» in America. The Army was embarrassed by the headline, no less than by a *Times* editorial the next day about «Russia's "1984"»¹⁴⁴. When the issue of «privileged access» was raised by other journalists, the Army backed down. Since Schwartz's «access had not been authorized through proper channels»¹⁴⁵, the Army refused Fainsod's request to keep the original Smolensk files longer at Harvard University. Even the Rand Corporation, which was then sponsoring Fainsod's research and publication through Air Force subsidy, had to find non-governmental funding for the project. Fainsod was forced to return the original files to Alexandria, but the Rand Corporation arranged for photostatic copies of the entire collection¹⁴⁶.

At that point, the original records were technically under custody of the Departmental Records Branch (DRB) in Alexandria (later the Captured Records Branch of the National Archives), under responsibility of the Office of the Adjutant General. Following Schwartz's story and the *Times* editorial, other journalists at home and abroad demanded access. Even as the files were opened, the Army tried to keep under wraps the question of how or where the Army had acquired the Smolensk files. When the military editor of *U.S. News and World Report*, retired General A. Robert Ginsburgh, raised that question in May 1955, the Adjutant General «sought to dissuade General Ginsburgh from making any mention of acquisition by the Army of these records». When General Ginsburgh took issue, they found a compromise, as explained in a now-declassified DRB journal entry: «DRB authorized a phrase such as "These documents are among the records captured by the U.S. Army during World War II"»¹⁴⁷.

c) *The «Smolensk Archive» in the National Archives*

1) Microfilms. Microfilms of the «Smolensk Archive», prepared starting in 1953 under the auspices of the American Historical Association, before Fainsod received the originals, were soon made available for low-cost public sale by the National Archives. They reproduced the earlier GMDS/CIA card descriptions and Fainsod's «Selective Index» on the first roll of the microfilm publication (T87, no. 1).

An official 1955 «Disposition Form», signed by Herman G. Goldbeck, Chief of the Captured Records Section, described the «All-Union (Russian) Communist Party, Smolensk District», as «Record Group № 1056, 1917—1941, 32 linear feet, 527 documents»¹⁴⁸. At that time, the

other two groups of «captured Russian archives» mentioned above were held in the same facility. Contrary to Miakushev's allegation, the location of the archive at the time of Fainsod's publication was no secret¹⁴⁹.

The same year Fainsod's book appeared (1958) the Smolensk files were transferred to the custody of the National Archives, along with many other U.S.-captured German records¹⁵⁰. Soon afterwards, they were moved to the main Archives building on Pennsylvania Avenue. An updated «Record Group Summary» for RG 1056 bears a penciled notation (probably added later) reads «Material approved for return to Soviets»¹⁵¹.

2) NARA «Guide». Two decades after Fainsod's «Index», the 1980 NARA «Guide to the Records of the Smolensk Oblast of the All-Union Communist Party of the Soviet Union, 1917—1941», tried to impose another computer-sorted «subject» order on the collection¹⁵². But for those using the microfilms, the NARA «Guide» has proved extremely awkward in organization and underlines the lack of order in the Smolensk files. Researchers in the National Archives were never permitted access to the originals. Arch Getty's description a decade later provides a helpful brief survey of the collection and bibliography of scholarly publications on the basis of the archive¹⁵³.

The three components of the NARA microfilms and the complicated numbering systems (with earlier variants) for the files in the «Smolensk Archive» collection confused not only Miakushev, but have further inhibited reference access and identification of the provenance of the files. Besides, the introduction to that «Guide» erroneously stated that seven of the original files had been «inadvertently transferred to Germany» with other captured records. To the contrary, I investigated this matter in the early 1990s and discovered that the original files in question were all in Washington, DC. In the end, the Archivist of the United States even apologized to her German colleague for the erroneous reference in the NARA «Guide» that had led to the confusion¹⁵⁴.

3) Folio Estimates and Number of Files. My more detailed answers to Miakushev's questions are discussed in a separate publication, including the confusion caused by Fainsod's exaggerated estimate that the Smolensk collection «200,000 pages of documents»¹⁵⁵. To add to the confusion, J. Arch Getty repeats (without questioning) Fainsod's estimate. But when translated into Russian Getty's figure became «200,000 documents (*dokumenty*)», which would be even more unlikely¹⁵⁶. Miakushev contrasts those numbers to the «72,373 folios (*listy*)» reported today by Smolensk archivists. Unfortunately the discrepancy in figures becomes a cardinal point in Miakushev's «questioning» that America had not returned all of the Smolensk files. The confusion can be resolved to a large extent, because when Fainsod and his assistants (with no Soviet archival

experience) were estimating «pages», they would have probably counted recto plus verso of each folio separately, whereas Russian archivists would usually count the number of «folios» or «leaves». That alone would cut Fainsod's total up to half, although not all leaves were written on both sides. That could reduce the discrepancy to 30,000 «pages» or 15,000 «leaves».

Today there is no reason to dwell on that discrepancy. If Russian archivists fear they are missing «pages» or folios, they should consult the microfilms. It should be remembered, in contrast to Soviet archives, the U.S. National Archives never counts pages, leaves, or folios in archival description, and hence no earlier U.S. lists or inventories of the Smolensk files provide such figures. The number of files involved in the «collection» actually grew in American hands, as we have seen. But the linear measurement of «28 linear feet» (the standard measurement used by the U.S. National Archives) was relatively constant — or the 1955 figure (probably based on the addition of the «RS» files) of «32 linear feet»¹⁵⁷. Most important at this point, however, all of the «538/541 files» returned to Smolensk, despite the three missing «WKP» file numbers.

5. A Pawn in Restitution Politics

a) Attempted U.S. Return in the 1960s

Not long after the appearance of Fainsod's book, Soviet authorities became troubled by the «Smolensk Archive» in Washington, but then chose to ignore it. The Soviet Union joined the International Council on Archives (ICA) in 1956, and was anxious to plan an active role. In that period the ICA was significantly involved with the problem of devolution of archives in connection with the end of colonial empires and the succession of States, especially affecting the major Western European colonial powers active in the ICA leadership. Few then knew about the extent of captured records and other cultural treasures in the Soviet Union, but some hints were turning into hard facts. Already in the late 1950s, along with many of the treasures of the Dresden Gallery, Soviet authorities returned some of the plundered archives «rescued by the Soviet Army», mostly to East Germany and Soviet-bloc countries. And even a few «rescued» files were returned to France in 1960¹⁵⁸.

1961 ICA Round Table Conference on Archives (CITRA) in Warsaw, in the context of discussion of displaced archives resulting from decolonization, addressed one of its main resolutions to World War II displacements, the first of a long series of international resolutions on the subject:

**Официальная церемония передачи «Смоленского архива»
(Москва, Министерство культуры Российской Федерации, 2002 г.)**

**The official ceremony of the "Smolensk Archive" returning
(Moscow, Ministry of Culture of Russian Federation, 2002)**

Выступление Рональда С.Лаудера.
Справа налево — В.П. Козлов — руководитель Федеральной архивной службы РФ, М.Е. Швыдкой — министр культуры Российской Федерации, раввин Яков Бидерман; вице-президент ВЕК Рональд С. Лаудер, посол США в России Александр Вершбоу. 2002

Ronald S. Lauder's speech.

Right left V.P. Kozlov, Head of the Federal Archive Service of Russian Federation; M.E. Shvydkoi, Minister of Culture of the Russian Federation; Rabbi Jacob Biderman; Ronald S. Lauder, vice-president of the World Jewish Congress; Alexander Vershbow, Ambassador of the United States of America in Russian Federation. 2002.

Момент передачи. 2002.
The moment of "Smolensk Archive" handing. 2002.

Справа налево — В.В. Петраков, заместитель руководителя Департамента по сохранению культурных ценностей Министерства культуры РФ, Константин Акинша, Исследовательский проект по искусству и архивам (США), А.В. Кибовский, заместитель руководителя Департамента по сохранению культурных ценностей Министерства культуры РФ. 2002.

Right left V.V. Petrakov, Deputy Head of the Department of Preservation of Cultural Assets, Ministry of Culture of Russian Federation; K. Akinsha, Research Project on Art and Archives (USA); A.V. Kibovsky, Deputy Head of the Department of Preservation of Cultural Assets, Ministry of Culture of Russian Federation. 2002.

В центре — Е.Ю.Гениева, генеральный директор ВГБИЛ. 2002.
In the centre — E.Genieva, Director General, VGBIL. 2002.

Considering that archives are for every nation part of the most valuable cultural property and that each nation has the right to hold its own archives;

On the base of international law and in order to promote peace and friendship among peoples;

The VIIth International Conference of the Round Table on Archives deem desirable to call on archival institutions and archivists all around the world, asking them to take the suitable measures for returning to their rightful owners archives groups and documents which have been displaced during World War II¹⁵⁹.

With the recent publication of Fainsod's book, awareness was spreading about the «Smolensk Archive» being held in the United States. Not surprisingly, in the context of CITRA discussions in Warsaw, Soviet archivists informally inquired about its possible return¹⁶⁰. By that time the U.S. Government — in agreement with the British — were returning most of their captured records to Germany, Japan, and other countries of provenance. Accordingly, in February 1963, Archivist of the United States Wayne C. Grover sent a memorandum to the U.S. Army and State Departments recommending restitution of the Russian records:

[since] the Japanese records have been restituted and restitution of the German materials is almost complete, ... it has become more embarrassing for the United States to fail to act on the Russian records. This is particularly true concerning the Smolensk records which have been declassified and microfilmed and are open to use by American students... [I recommended] that restitution of the Smolensk records should be seriously considered¹⁶¹.

Within a month approval came through that «the Department of State would have no objection to the return of the Smolensk records»¹⁶². And the Adjutant General «requested the State Department to arrange with the Soviet authorities to reconstitute the Smolensk records»¹⁶³. NARA followed up in the fall with a memo to the Counselor of the Soviet Embassy with «a brief description of the Smolensk records»¹⁶⁴. But there was no reply, and the required official claim was never filed. Subsequently, when a U.S. archivist offered to show a visiting Soviet official the original Smolensk files, the Soviet official showed no interest¹⁶⁵.

Thanks to newly opened CPSU Central Committee records, we now know why Soviet archival authorities rejected American proposals for restitution of the «Smolensk Archive» in the Cold War era. In fact, in July 1965, *Glavarkhiv* chief Gennady A. Belov recommended to the Central Committee against an official request for the return of the «Smolensk Archive»:

Among the documentary materials of the Oblast Party Archive...there are telegrams and other documents of KPSS leadership... materials on the effects of collectivization, on operational organs of the NKVD and others, and even including testimony of tolerated errors in collectivization procedures and extensive repression and brutality.

An official petition (claim) by the Soviet Union to the State Department could be used in the USA as an official recognition of the authenticity of those documentary materials, and thus even contribute to falsified display in public exhibits and further published utilization with the aim of anti-Soviet propaganda and hence appear to substantiate concrete examples of events which took place during the 1930s.

In this connection, GAU recommends that it is not appropriate at the present time to raise with the State Department the question of the return of the Smolensk Archive, and further especially because it currently presents no special practical value.

The Ministry of Foreign Affairs agrees in this matter¹⁶⁶.

Soviet archivists never got another chance, and it was a quarter of a century before the return of the «Smolensk Archive» would again be raised. In the meantime, Soviet authorities quietly returned many German historical records to the German Democratic Republic, as for example, two million files in 1966, including part of the medieval records the Hanseatic municipalities brought to Moscow after the war. Another few files were returned to France that same year. And there was another round of archival restitution in the late 1970s¹⁶⁷. Forty tons of German records were handed over to the GDR in the late 1980s, including vast captured German Masonic files, and, following the fall of the Berlin Wall, remaining parts of the medieval Hanseatic municipal archives from Bremen, Hamburg, and Lübeck finally went home in October 1990, in exchange for the Tallinn Municipal Archive that had remained hostage in West Germany¹⁶⁸.

b) Planned Restitution Foiled Again in 1992

Revelation in the fall of 1991 about the extensive captured records from Western Europe held secretly since World War II in the Special Archive — *TsGOA (Tsentral'nyi gosudarstvennyi osobyi arkhiv)* in Moscow put Russian archivists on the defensive¹⁶⁹. Yet Soviet internationalist views of archival restitution virtually collapsed with the Soviet regime. While post-1991 Russian archivists were immediately turning to the West for economic assistance in opening the archives, restitution of foreign archives in Moscow was not readily part of the bargain. If they were going to have to return Western «trophy» archives, Russian archivists decided they should retrieve all possible alienated archival Rossica in exchange.

In that context, they started more aggressive inquiries about the «Smolensk Archive», as an already famous example of politically inspired archival seizures being utilized against Russia on the international archival front. Even before the collapse of the Soviet Union, the last Soviet archival chief Fedor Vaganov had raised the issue of the «Smolensk Archive» during a visit with the U.S. Archivist, and Anatolii Prokopenko, director of the Special Archive, who in the fall of 1991 was negotiating a multi-million dollar microfilming project with the Hoover Institution in California again raised the issue. Thus context of expanding American involvement with Russian archives, joint publications, and prospective major microfilming projects, all provided incentive for immediate restitution on the American side. The Archivist of the United States would be glad to get rid of the small remaining collection of captured records that was causing so much uproar abroad. In 1992, NARA quietly returned remaining Polish files to Warsaw. After overtures from both Vaganov and Prokopenko an internal memorandum within the U.S. National Archives suggested already in Smolensk files, U.S. Archivist Trudy Peterson wrote in a 12 November 1991 memorandum since «all the records are filmed, there is no objection in principle to the records to their owner», although at that point, she had a problem about «who is the legitimate heir»¹⁷⁰. Already that problem was resolved by early February 1992, when Rudolf Pikhoia, the new President of the Committee of Archival Affairs of the Russian Federation (Roskomarkhiv), wrote a letter to U.S. Archivist Don Wilson. Pikhoia requested that «taking into account the recent «significant changes in relations between the united States and Russia, and also taking into account the development of cooperative relations between Roskomarkhiv and scholarly archival relations in the United States, that the question of the return to Russia of the records of the «Smolensk Archive be reconsidered»¹⁷¹.

Symbolic of new post-Cold War attitudes and political normalization after the collapse of the USSR, after the necessary consultations within the government, the American Archivist immediately agreed. In a letter of reply to his Russian counterpart, Don Wilson proposed that the June 1992 Summit meeting in Washington, DC, between President Yeltsin and American President George Bush, would be the occasion for the transfer of the Smolensk files held in Washington «with our respective presidents to participate in the ceremony», since «the most propitious time for their return has now arrived»¹⁷². The ceremony was to take place simultaneously with the opening of the exhibit of «Revelations from Russian Archives» at the Library of Congress, symbolizing that records similar to the Smolensk files from throughout the Russian Federation were being

opened for public research. But the plans of professional archivists were foiled by politicians.

The planned transfer ceremony never took place, however, and the 538/541 displaced files of the «Smolensk Archive» remained in the National Archives for another decade. Restitution was halted by a unanimous petition in the U.S. Senate, initiated by Senator Albert Gore, linking the «Smolensk Archive» to the unresolved claim from Hasidic heirs in Brooklyn for the return of the Schneerson Collection of Hebrew books and manuscripts held in the Russian State Library (former Lenin Library) in Moscow. That collection, which had belonged to the Hasidic community in Lubavichi (now in Smolensk Oblast) before 1914 was nationalized after the Revolution, and held for decades under wraps in the Lenin Library. After learning about their collection, the Hasidic group staged a candlelight vigil and sit-in at the Lenin Library in Moscow, and pursued their claim in Russian courts, but their claim in the end was not recognized. As U.S. Secretary of State James Baker explained to Senator Joseph Lieberman, «I personally informed President Yeltsin that we would be willing to return the important Smolensk archives to Russia as part of an arrangement in which the Schneerson manuscripts were released to the Lubavitchers»¹⁷³.

The Schneerson claim, in contrast to the «Smolensk Archive», raises the issue of the right of heirs to claim religious institutional cultural property nationalized under a predecessor regime, and the further question arose of the right of heirs now living in emigration or exile to claim and alienate abroad library and manuscript materials created or held within the former Soviet Union. Both are forbidden under Russian law and are further opposed to the strong state proprietary provisions of other recent Russian legislation. By that time the Lenin Library had been renamed the Russian State Library (RGB) and its contents designated as registered components of the Russian national heritage. Hence enacting a transfer to the Brooklyn heirs would not only be illegal, but would raise a hornets nest of precedents affecting nationalized property of many religious groups, including Russian Orthodox monasteries, within Russia and Russian émigrés abroad. Political factors and the ugly specter of anti-Semitism further aggravated appropriate resolution both of the Schneerson claim and the agreed-upon restitution of the «Smolensk Archive». Obviously the linkage of these two claims was inappropriate from an international legal perspective.

Curiously, there is a substantive link between the two collections: Lubavichi, the ancestral home of the Schneerson Collection, an ultra-conservative Hasidic community, today lies in Smolensk Oblast. Besides, and quite coincidentally, reports in one file in the «Smolensk Archive» re-

veal the ugly anti-Semitism that persisted in Lubavichi in the 1930s under the Soviet system and the attempt to eradicate the memory of the Jewish community in the area¹⁷⁴. When claims arose for the Schneerson Collection, and when visiting American leaders were pressing the matter, the Ministry of Culture considered a compromise proposal to establish a memorial to the Schneerson Hasidic community in Lubavichi and restore the collection to a local museum. But the official group that visited Lubavichi decided that the village as it remains today would not be an appropriate site for such a cultural center and a local museum could not assure preservation of the collection¹⁷⁵.

At that point, as an American living in Moscow collaborating closely with Russian archivists on our newly launched ArcheoBiblioBase computerized archival directory project (under IREX, IISH, and Soros sponsorship), I was in regular contact with Russian archival and library leaders. Having been the one to reveal the extensive remaining captured foreign records in Russia, I became a target for criticism of my country's refusal to return the «Smolensk Archive». Thus personally involved in its fate, I also started investigating its odyssey. As an active individual member of the International Council on Archives, it became impossible for me to justify both the American refusal on the Smolensk issue and Russian recalcitrance for immediate restitution of foreign records captured by the Soviet Union, particularly in light of the mounting pressure from European archival leaders. As a host (under IREX funding) and informal interpreter for the Russian delegation at the Montreal Congress of the International Council on Archives in 1992, I was privy to various international restitution and microfilming negotiations involving Russia. At the same time, having come out strongly in print in favor of restitution and knowledgeable about holdings in Russia and archival Rossica abroad, I was often personally involved in advising European archival leaders about archives in Russia and restitution problems. The international politics of archival restitution had reached a crisis phase on the highest diplomatic levels.

My lecture on the subject in Paris in November 1992 at the National Center for Scientific Research (CNRS) coincided with the signing of a Franco-Russian diplomatic agreement providing for the return of the French archives by the end of 1994, a fact that did not escape the correspondent from *Le Monde* and French archival leaders who attended my seminar¹⁷⁶. I had been able to document the Soviet capture of the voluminous French archives (an estimated seven linear kilometers) in Nazi hide-outs in Czechoslovakia and Silesia in 1945. The French might have wanted to ignore the Smolensk case, because the example hardly helped their negotiations. Despite Smolensk and the American recalcitrance, the French case for restitution from Russia appeared to be progressing to the

1992 agreement with presidential pressure, although France was obliged to pay half a million dollars for selected microfilming (and another 400,000 francs for copies of the Russian finding aids) and was obliged to return to Russia «in exchange» some earlier displaced archival Rossica (mostly from the nineteenth century) still held in France. Amidst the euphoria of 1992, Russia also signed agreements for archival restitution with the Netherlands, Belgium, Poland, as well as Germany. None of them were to be implemented soon, although the French did receive more than half of their archives before the spring 1995 Russian boycott on restitution.

c) Amidst Russian Anti-Restitution Politics

Meanwhile in Moscow, Rosarkhiv launched a high-level government program (with backing of the Foreign Ministry) to locate and retrieve Russian archival materials held abroad. I was urged to prepare a survey essay, which was quickly published in the Russian professional archival journal, even when I urged distinction between «provenance» and «pertinence» and descriptive priorities¹⁷⁷. Placed on the presidium of a Rosarkhiv conference on «Problems of Archival Rossica Abroad» in 1993, together with Dutch colleague Jaap Kloosterman, the director of the International Institute of Social History (Amsterdam), one of the targets of archival Rossica retrieval efforts, we tried to put restitution issues for Russian archival holdings abroad in a larger perspective¹⁷⁸. My specially request report on the case of the «Smolensk Archive» delighted my Russian colleagues. In deference to the end of the Cold War, I suggested that the position of the American Congress was «a serious blight on the American image on the international — and especially Russian — archival front». By that time, Deputy Director of the former Central Party Archive (TsPA, then RTsKhIDNI, now RGASPI) Valerii Shepelev had already revealed that most of the «Smolensk Archive» (four to five freight-cars) had been returned to Smolensk in 1945¹⁷⁹. A.M. Petrov, an archivist in the former Central Committee archive (then TsKhSD, now RGANI) revealed the newly declassified 1965 Belov memorandum (mentioned above) on the Soviet refusal to claim the «Smolensk Archive» when it was offered by the United States¹⁸⁰.

The latter two points from a scholarly conference were quickly forgotten in the halls of the Russian Parliament, where the «Smolensk Archive» took center stage. In the spring of 1994, Duma leaders got wind of the huge French trucks that had arrived in Moscow to collect the second load of «twice-plundered» French archives. The Russian politics of restitution peaked in another crisis. The Duma resolved emphatically to block

further return of the French archives, and the French trucks were forced to return home empty.

Emotions were high when the matter was raised in the Duma on 20 May 1994. One deputy, who admitted that the French materials should undoubtedly be returned to France, suggested that storage charges should be exacted from France for the million files that had been preserved in Moscow for fifty years. Then the issues became much broader, and the «Smolensk Archive» became a pawn in the political fray. A Duma deputy challenged Rosarkhiv Deputy Chairman Vladimir A. Tiuneev:

To what extent are efforts being made for the return of the Smolensk Archive, which should be returned to us on the same grounds under which we are obliged to return the French archives?

Tiuneev was emphatic in reply:

In connection with the Smolensk Archive, ...we have made representations on all possible levels, but we have not received any documents.

Now all sorts of international organizations and foreign representatives are making representations to us to return their documents... But now, I personally think, perhaps we should wait a little for the return of the Smolensk Archive. Why? Because that is our only trump card... You reproach us that we got too little in the bargain from France. But I believe, that if there had not been the Smolensk example, we would have received nothing...

If we speak strictly about the Smolensk Archive, then that small archive, approximately 600 files... which has been so well written about, that it has virtually no value, neither for our historians, nor for anyone else. Hence, it is only a matter of our prestige to insist on its return.

Russian Minister of Culture, E. Sidorov, was more emphatic in addressing the Duma:

the Americans will never give it [the Smolensk Archive] back to us. We have no agreement on that account... When I was in America, a deal was proposed (I won't say by whom): okay, we'll give you the Smolensk Archive, and you give us, the Hassids that is, the well-known Schneerson Collection... I repeated some of same arguments. I answered that such a bargain, first of all, is not a very correct one, and secondly, there is no equivalence, because the 12,000 item Schneerson Collection obviously is worth much more than the Smolensk Archive, which has already been completely published and utilized in the work of American sovietologists¹⁸¹.

The Duma passed a resolution banning further restitution of displaced foreign cultural treasures that had ended up in Russia in the aftermath of the Second World War until a new law could be passed regulating the matter. The «Smolensk Archive» had become once more a symbol

of the political use of archives on both sides of the Atlantic. Even while the Russian Parliament tried to block all archival and other cultural restitution resulting from wartime seizures, and cited «democratic» America in justification, the U.S. Senate still held in hostage some 541 files of the so-called «Smolensk Archive» — not all of which are even from Smolensk. The collections of Smolensk files and Schneerson books thus became linked in another more important way — both of them now symbolize the inadequacy of international law to resolve such issues. Distressed as I was by such developments, when in Moscow at the time, I personally addressed a letter of appeal to Vice-President Albert Gore, dated 26 July 1994, but to no avail¹⁸².

Several months later, in October 1994 I was invited by ICA Secretary General Charles Kecskemeti as a special observer to the Conference of the International Round Table on Archives (CITRA) in Thessalonica (Salonica), chaired by Acting Archivist of the United States, Trudy Huskamp Peterson. I was sitting between the Russian and Polish delegations when a resolution outlawing the seizure of archives as «trophies of war» or objects of exchange came to a vote. The resolution passed unanimously — but with the Russian and one African delegate sitting nearby abstaining¹⁸³. Subsequently, Rosarkhiv has been avoiding the term «trophy» archives in connection with the captured European records held in Moscow!

Terminology hardly changed the situation. In 1995 the Russian Duma passed a moratorium on cultural restitution, citing the «Smolensk Archive» in the United States to justify their refusal. Reaction in the European Community was intense, and the International Council on Archives led efforts to make archival restitution a *cause célèbre*. As one of the conditions imposed on Russia in joining the Council of Europe in January 1996, Russian agreed «to expedite the restitution process of cultural treasures of member States — including archives»¹⁸⁴. That stricture was never published in Russia to be sure, and it was 2000 before the latest two groups of French archives were returned (with still a few fonds of French provenance left behind).

There were three years of discussion and debates before a Russian law was passed in 1997 regulating cultural treasures displaced to Russia as a result of World War II, but in the end the Duma listened to the law's chief patron, Nikolai Gubenko. Earlier the last Soviet Minister of Culture under Mikhail Gorbachev, and then chair of the Committee on Culture in the Duma, Gubenko became the spokesman for anti-restitution sentiments, at loggerheads with Russian President Boris Yeltsin. Gubenko emphasized the symbolic significance of the «struggle for Victory» in adopting the law to nationalize Russia's cultural trophies, comparing it

«to the Battle of Stalingrad». He was «thinking only of the 27 million who perished and the graves on the Volga», implying that «even symbolic restitution to Germany would be like spitting on those graves». But the struggle was not over, when the Council of the Federation overrode the presidential veto in May 1997, and passed the long-debated law, President Yeltsin refused to sign. A year later he was forced to do so by the Constitutional Court in an equivocal decision. Gubenko and other Russian politicians justified provisions that «restitution of cultural treasures» to the «aggressor nations ...could be possible only by exchange for Russian cultural treasures», many of which, he claimed, had gone across the ocean, rather than being returned to the Soviet Union after the war. Still the law could not be implemented before a new version was signed by President Putin in May 2000¹⁸⁵.

Following contest in the Constitutional Court, President Putin signed an amended version into law in May 2000, still ruling out the return of records to Germany and its wartime allies, even those from «enemies of the regime» confiscated by the Nazis in Germany (which under some readings of the law should be eligible for restitution). Gradually, after the first law went through, the archives captured by Soviet authorities during and after World War II have been going home, but only gradually and usually after long and tedious negotiations. Even before the «Smolensk Archive» was returned to the Russian Federation, Lichtenstein (1996), Great Britain (1997), Belgium (May 2001), the Rothschild family (November 2001), the Netherlands (December 2001/January 2002) and Luxembourg (2003) received many of the records that the Soviets captured after World War II — but not without high storage charges, filming charges, and exchange for «archival Rossica» found in those countries — or in the case of Lichtenstein and the Rothschilds, purchased through auction houses for «exchange». As the latest transfers more recently, eight boxes of Masonic materials were handed over to Luxembourg in August 2003, and at the end of May 2003 an official ceremony in the Hague marked the return of the final designated nine fonds of Dutch provenance (22 had been returned in 2001) from the former Special Archive in Moscow¹⁸⁶.

d) A New Ingredient for Smolensk Restitution Barter

What is clear is that politics can too often make mockery of international law and resolutions, and that the world still lacks professionally formulated mechanisms for the resolution of archival claims or legal procedures for the restitution of displaced archives and manuscript collections. Ironically, when U.S. intelligence units removed the Smolensk files from the designated restitution process at Offenbach in 1946, that was a

year after Soviet authorities had already secretly transferred the Nazi-captured French files and many other European archives to Moscow.

Half a century later, while the Russian Parliament voted to block the return of French and other foreign cultural treasures in Moscow, the U.S. Senate transformed the «Smolensk Archive» into a much larger pawn to the retrogressive detriment of the international restitution process. I wrote several more letters to Vice-President Gore and others urging the American return of the «Smolensk Archive» to the point of its creation and original archival home could be an important example to the world of «democratic» American willingness to stop playing politics with the archival heritage of other nations and a new symbol of a more appropriate professional restitution process in the spirit of international archival cooperation. I had no more success with follow-up appeals to the National Security Council. In 1994 with Evgenii Kodin, I arranged a meeting with the attorneys in the special office Vice-President Gore had established to deal with the issue. When we left the Executive Office Building, I recall Kodin remarking to me, «The “Smolensk Archive” will never return to Smolensk»! I, too, was discouraged about the prospects, although I kept writing letters and raising the issue whenever the opportunity presented itself.

Eventually, while my efforts bore no success, higher politics and an important motive within the Jewish community that had initially opposed the move, succeeded in breaking through the impasse. International concern about the retrieval of «Holocaust-Era» assets brought new focus to restitution politics. The 1998 Washington Conference on Holocaust-Era Assets set forth new principals for cultural restitution, and the Commission on Art Recovery under the Jewish World Congress set a new agenda for the description of displaced Jewish cultural assets still hidden in Russia. My friend Konstantin Akinsha, who all too well understands the issues involved in Russia. As a consultant for a new Russian-American project under the Commission on Art Recovery, he proved to be in a better position to carry through the crusade and what little background help I was able to provide could be turned to better use. But as he explains below, the continual presence of the «Smolensk Archive» in the United States proved to be a major impediment to their newly launched project in Moscow. There were both incentives and trade-offs. With a new Republican administration, and more influence among the Hasidic claimants in Brooklyn, his group had the clout needed to overcome the resistance and stalemate Albert Gore and Joseph Lieberman left behind. Fortunately, I had retained copies of the documentation on the case that I had gathered, which, as Akinsha explains, could be put to good use in subsequent suc-

successful negotiations. Thanks to our combined efforts, the Smolensk files in Washington could complete their odyssey and return home.

Indeed, in addition to a «school for American Sovietology», the «Smolensk Archive» also became, as I was quoted in the *New York Times* at the time of their return, «a symbol of the international problem of displaced archives and restitution problems that arose after World War II»¹⁸⁷. Not only was the Second World War the most disastrous war in human history, it was also the most disastrous ever for European archives and other cultural treasures. In a symbolic way, those fragmentary files from the «Smolensk Archive» are but a microcosm, one of many examples of wartime-captured records held as prisoners of war for over half a century. Even after the Cold War ended, during the last ten years before their return, those fragmentary files from Smolensk were a pawn for politicians and diplomats on both sides of the Atlantic. In April 1997, for example, a front-page story in the *New York Times* exposed «A Hot Issue for Russia: Should It Return Nazi Plunder?» which «has emerged as one of Russia's most vexing foreign policy quandaries»¹⁸⁸. The «Smolensk Archive» had again become a «trump card» in that quandary for politicians both in Russia and the United State. Cited in the Duma and widely in the Russian press as justification for Russian non-return of captured records now held in Moscow, the Smolensk files in Washington (the fact that there were only 538 or 541 files was not mentioned) were compared by Russian politicians to the over seven linear kilometers of French records that had been seized first by the Nazis and in 1945 then by Soviet authorities in Berlin, Silesia, and Czechoslovakia. While the British and Americans returned almost all of their captured records in the 1960s, including those from the Third Reich, memories of the war (and Stalin-era propaganda) have been too bitter about the Nazi occupation of Soviet lands for the Russians to do likewise¹⁸⁹.

In the course of its odyssey during six decades, the «Smolensk Archive» may have served as a «tool» for Nazi propaganda and American «Sovietology», and may also have provided an excuse for Russia's not returning all of the «trophy» cultural treasures of foreign provenance that were still located in the Russian Federation. But with the return of the «Smolensk Archive», Russia no longer had such an acclaimed «trump card» in the United States. Perhaps the fact that such an excuse no longer existed may explain why Russian archivists were so reluctant to place a «period» on the matter. The «questions» they raised have extended the present inquiry, and low and behold, we find there is still one original Smolensk file in California. It would be nice if that original file could go home to Smolensk as well, but at least there is already a microform copy in Moscow. The counterpart materials that Nicolaevsky was convinced

were in Offenbach and that led to his efforts to stop restitution to the USSR in 1946 and 1947 instead turned out to be in Moscow and still remain there. Nicolaevsky may not have found that one file from Smolensk, if instead he had found his own and the collections he had gathered for the International Institute of Social History in Amsterdam.

When I finally visited Smolensk for the first time to address a conference in 1997, I was ashamed as an American to report about the Smolensk files that still remained in Washington. Ironically, however, had I not already written about their fate and urged their return, I would never have been invited to Smolensk by Evgenii Kodin. I mentioned that fact in a toast at the final conference banquet, and I vowed not to return to Smolensk before the «Smolensk Archive» was home from Washington. I regret I was unable to attend the homecoming ceremony in March 2003, but at least now I will be able to return to Smolensk with a cleaner conscience. Yet I'm not sure today if the return of the «Smolensk Archive», or even the possible return of the one renegade file still in California, will encourage the homeward journey of more archives and cultural treasures from other countries displaced during the Second World War. We can only hope the analytic effort undertaken here can provide an incentive for identification and description of more of those treasures remaining in Russia.

¹ The official act of transfer cites 77 boxes. Smolensk archivists counted 541 files. «WKP» designations come from the German (and Polish) transliteration of «VKP», the abbreviation for All-Russian Communist Party — Bolshevik (VKP[b]).

In the U.S. National Archives (and the NARA microfilms), 4 numbers were missing in the consecutive numeration from WKP 1 through WKP 541 (nos. 276, 388, 473, 487). But as noted in the «Preface», when Smolensk archivists verified the files received in Smolensk, they are still counting 541, because they found 3 files as prt of file number WKP 33, and the designation WKP 90 had been assigned to 2 files. Now, because of the very questionable and confusing American arrangement, they are now subdividing many files, so the corresponding total number of files will be much higher, as explained in the article by the Smolensk archivist involved in the reprocessing.

² See my monograph *The Odyssey of the Smolensk Archive: Plundered Communist Archives for the Service of Anti-Communism // Carl Beck Occasional Papers in Russian and East European Studies*. № 120. Pittsburgh PA: University of Pittsburgh, 1995; now available in a PDF file at http://www.iisg.nl/archives_in_russia/bibliography.html.

³ Miakushev S.D. «*Smolenskii arkhiv*» *vozvrashchen, voprosy ostalis'* // *Otechestvennye arkhivy*. № 1. 2004. P. 13—25. In a lengthy meeting (September 2004), I was able to answer most of Miakushev's «questions» to his satisfaction

and thus countered any speculation that parts of the «Smolensk Archive» were still hiding in the United States. Miakushev admitted to me that although he had an advance copy of my monograph, he was acquainted with only a few fragments that had been translated for him (my monograph was never published in Russian), nor had he seen the 1980 NARA guide to the «Smolensk Archive» (see fn. 158) nor other finding aids included in the microfilm edition. Only a few reels of the microfilm are held in Russia (RGASPI).

⁴ Indicative of how such impressions spread in Russia, Vladimir Kozlov, head of the Russian State Archival Agency (*Rosarkhiv*) and Chief Archivist of Russia, in calling my attention to Miakushev's article (Moscow, August 2004), suggested that he showed «where the remaining archival fragments were located in the United States».

⁵ Shcherbatov A. *Iz vospominanii. Smolenskii arkhiv* // *Novyi zhurnal*. N.Y., 2003. P. 200—210. Evgenii Kodin first alerted me to the Internet version <http://magazines.russ.ru/nj/2003/233/sherbat.html>. See also the Russian edition: Aleksei Shcherbatov and Larisa Krivoruchkina-Shcherbatova, *Pravo na proshloe* (Moscow: Izdanie Sretenskogo monastyrja, 2005), where the chapter entitled «*Smolenskii arkhiv*» appears on p. 276—88. See further discussion below.

⁶ Shcherbatov also cites a publication by Maksudov S. (pseud. of Aleks Babenyshev). *Neuslyshannye golosa. Dokumenty Smolenskogo arkhiva. Kniga pervaja, 1929: Kulaki i parteitsy*. Ann Arbor: Ardis, 1987, which presents an edition of 65 documents from the CP archive relating to «dekulakization»— on the basis of photocopies held in Harvard and microfilms in Columbia University. A large article with part of the projected second volume appeared in Paris: Maksudov S. *Nekotorye dokumenty Smolenskogo arkhiva o raskulachivanii i vysylke kulakov // Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*. № 4. 1987. P. 169—250.

⁷ According to the «Akt» submitted to the Smolensk commission on losses during the war (12.XII.1944) // *Gosudarstvennyi arkhiv Smolenskoï oblasti (GASO)*. 1630/2/32, folios 1—2. Another document among Glavarkhiv records in Moscow reference seven wagons to be returned in 1945. GARF. 5325/2/1313, folio 2.

⁸ *Spravka o sostoianii partiinogo arkhiva Smolenskogo obkoma VKP* (b) (21.VII.1945) // *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* (hereafter *RGASPI*; formerly *TsPA*). 71/6/19, folio 119—119v. I appreciate the assistance of RGASPI deputy director Valerii Shepelev in documenting Smolensk archival developments during and after the war.

⁹ Solodovnikova L.S. *Konets odissei «Smolenskogo arkhiva»* // *Otechestvennye arkhivy*. № 5. 2003. P. 16. She cites the order in the former Smolensk Party Archive. TsDNISO. 6/1/687, folio 3.

¹⁰ Fainsod M. *Smolensk Under Soviet Rule*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958. P. 3.

¹¹ *Ibid.* P. 3.

¹² Transcript of telegram by Schubert to the Foreign Minister (Berlin, 2.VIII.1941), Sonderkommando v. Künsberg. № 52. PA, AA, R 27575. Evgenii Kodin. «*Smolenskii arkhiv*» i *amerikanskaia sovetologiya*. P. 8, cites a 17 July reference to archives in Smolensk from the Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg (ERR), but that report is clearly from a Künsberg commando. As far as is known,

the ERR did not reach Smolensk before November. The same error is also repeated by Solodovnikova. *Konets odissei «Smolenskogo arkhiva»*. P. 16.

¹³ The prewar quantity and location are confirmed in several reports — including *«Dokladnaia zapiska»* by Archive Chief Medvednikov (7.V.1941), *GANISO*. 6/1/725, folios 203—206. Medvednikov noted plans to accession 25,000 more files in 1941, but that there was no more room in the church. See also the report of a Moscow inspector (4.IV.1940). *RGASPI*. 71/6/19, folios 66—69. The church building is still mentioned in a 1945 report to Moscow (Smolensk, 21.VI.1945). *RGASPI*. 71/6/19, folios 119. Details about destruction of the church are not available. See more details in Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 6—7. I am grateful to Solodovnikova S.L. in Smolensk and Shepelev V.N. in *RGASPI* for finding those reports for me in 1994.

¹⁴ Freiherrn von Waldenfels to Chef der Heeresarchiv Potsdam (Smolensk, 21.IX.1941). *RGVA*. 1387k/1/115, folios 51—52. The same text is repeated by the Chef der Heeresarchiv to Zipfel, Kommissar für der Archivschutz (7.X.1941), folio 50. Waldenfels reports from other cities visited during the same period are preserved in the same file. Many original German files with his reports are now in the former Special Archive in Moscow with the captured German records of the *Heeresarchiv* (fond 1387k). A copy of Waldenfels report is available on National Archives Microfilm Publication T-78, Records of the German Army High Command (*Oberkommando des Heeres*), roll 26, frames 698295-296, as kindly reported to me by T. Mulligan in a letter of 19 December 2002.

¹⁵ *«Kartoteka "Z" Operativnogo shtaba «Reichsleiter Rozenberg»: Tsennosti kul'tury na okkupirovannykh territoriakh Rossii, Ukrainy i Belorussii, 1941—1942»*. M.: MGU, 1998. P. 63. № 42 (28.XI.1941) — Fust., HAG-Mitte, and P. 41. № 10 (4.XII.1941) — Weise, HAG-Ostland. The Historical Archive of Smolensk Oblast was in the building of the former Consistory, part of the Cathedral complex. The so-called «Card File "Z"», published in a bilingual Russian-German edition, was discovered after the war in Poland and is now part of the ERR fond in *RGVA* (fond 1401k, file № 75). An ERR report from Riga (22.IV.1942) — *TsDAVO*. 3676/1/176, folio 38 — refers to an earlier report on archival preservation in Smolensk — *«Betreffend Archivschutzmassnahmen in Smolensk vom 4.12.4»* but a copy of that document has not been located.

¹⁶ *Ibid.* P. 83. № 73 (3.VI.1942) — Dr. Nerling, the «Abrahams Klosterkirche».

¹⁷ *Ibid.* P. 57. № 33 (31.VII—15.VIII.1942) — Dr. Speer. Other Smolensk registrations are found on p. 46, 71—85. № 17—18, 58—77.

¹⁸ Dr. Nerling, ERR Sondercommando im Operationsgebiet der Heeresgruppe-Mitte to ERR Stabsführung, Berlin (Smolensk, 17.V.1942), «Arbeitsverhältnisse in Smolensk». *YIVO*. RG 215 (Berlin Collection), box 32, file 32 (photostat in BAB. NS 30/195).

¹⁹ Nerling to Wunder (Smolensk, 15 June 1942). *TsDAVO*. 3676/1. I quote from a Russian-language translation kindly furnished to me by Smolensk archivist Svetlana Solodovnikova; a copy of the German original is not currently available.

²⁰ Wunder to Mommsen (Berlin, 6.VI.1942). *TsDAVO*. 3676/1/136, folio 37.

²¹ See Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Archive: Plundered Communist Archives for the Service of Anti-Communism*. P. 20—23.

²² *Ibid.* P. 24—25.

²³ See, for example, an ERR quarterly report 1.VII—30.IX.1942 (Berlin, 9.X.1942). CDJC. CXLI—147, folio 2; CXLI—428. Earlier reports have not been found.

²⁴ Ilia Morozov studied at the Moscow Archeological Institute and then in military school. From 1926 to 1930 he served as an instructor and archivist in Smolensk *Guberniia* (after 1929 Western *Oblast*) Archival Bureau, but was arrested in 1931. He returned to Smolensk in 1941 and worked in the historical and ZAGS archives under the Nazis. After the Americans turned him over to Soviet authorities (under repatriation agreement), he returned to Smolensk but was sentenced to 23 years as a Nazi collaborator in 1949 and probably died in prison. Solodovnikova kindly gave me copies of available documents about Morozov, which she also cites in her own account. See Solodovnikova S. *Konets odissei «Smolenskogo arkhiva»*. P. 16—18.

²⁵ «Verzeichnis der Archivbestände der ehemaligen Allrussischen Kommunistischen Partei ere Bolschewiken» (Bearbeitung des kommunistischen Parteiarchivs in Smolensk) (Smolensk, 29.I.1943). BAB. NS 30/78. There are two variant copies of a list of 348 fonds, along with a separate list of 191 fonds of local district/raion Party organizations. The inventories were prepared by ERR specialists Gustav Mücke and translated by Alfred Pastor.

²⁶ Four file-level inventories (dated Smolensk, 29 January 1943), prepared by Dr. Mücke, remain in BAB NS 30/78, all carbon copies. They cover 1921 (125 files), 1922 (163 files), 1923 (168 files), 1926 (231 files).

²⁷ See the message to Mommsen to this effect (Riga, 7.XII.1942). TsDAVO. 676/1/136, folio 22.

²⁸ «Bericht des Staatsarchivrates Dr. Mommsen über seine im Januar 1943 durchgeführte Dienstreise nach Witebsk und Smolensk und den Abtransport des Smolensker Partei-Archivs nach Wilna». ERR HAG-Ostland. Sonderstab Archiv. BAB. NS 30/78, folio 2.

²⁹ Shcherbatov A. *Iz vospominanii. Smolenskii arkhiv // Novyi zhurnal*. N.Y., 2003. P. 200—201.

³⁰ See Grimsted P.K. *Twice Plundered or Twice Saved? Russia's «Trophy» Archives and the Loot of the Reichssicherheitshauptamt*. P. 191—244.

³¹ «Bericht des Staatsarchivrates Dr. Mommsen... im Januar 1943», folios 3—6.

³² «Bericht des Staatsarchivrates Dr. Mommsen über seine Dienstreise nach Witebsk, Smolensk, Brjansk und Gomel vom 30. März bis 17. April 1943». BAB. NS 30/160, and a copy in NS 30/78. Other copies of Mommsen's reports are found among ERR records in Kiev. *TsDAVO*. 3676/1/136, folios 45—52, 84—88, 96—100; shipping reports are found in *TsDAVO*. 3676/1/136, folio 91; and 3676/1/144, folio 480—480v, 304—304v. See extracts from Mommsen's evacuation reports in Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 23—32.

³³ «Verzeichnis der Archivbestände des ehem. Archivs der Allrussischen kommunistischen Partei der Bolschewiken im Awramijewkloster (Zimmer

Nr. 1)», prepared by the CP Archive in Smolensk, translated by Pastor. BAB. NS 30/78. Mommsen and other Germans frequently used «Commission» rather than «Committee».

³⁴ Soviet archivists often claim that the Germans destroyed the archives when they were leaving, but given the German commitment to archival preservation and their hope to return to the «Ostland», it is equally possible that they were destroyed by Soviet bombs.

³⁵ See Lommatzsch to ERR Berlin (Vilnius, 8.V.1943). CDJC CXLI-161; BAB. NS 30/163. Also held in the same facility were b) materials from the Tenishev Museum and c) five freight cars of nineteenth-century Russian archives from Smolensk, among others from Minsk and Vitebsk.

³⁶ Berg to Stabsführung-Berlin (Vilnius, 8.V.1943). BAB. NS 30/78, includes an outline of the archival organization.

³⁷ Pirson (Obereinsatzführerin), «Bericht über den Stand der Arbeiten im Smolensker Parteiarchiv» (17.III.1945), documents 159 and 160 from the Rosenberg File under the Office of Chief Counsel for War Crimes (IMT), from CDJC in Paris. A photostat copy is available in RGASPI (fond 71/5/1088, folios. 115—120) but lacks the first page. Deputy Director Shepelev V. kindly alerted me to this file, but I have not located the originals in Paris. See Grimsted P.K. *Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 33—42.

³⁸ «Erster zusammenfassender Bericht über die Akten der Industrieabteilung des Smolensker Gebietsarchivs der kommunistischen Partei», forwarded by Rudolf (Ratibor, 12 May 1944) to ERR Headquarters. Pirson's report was entitled «Zusammenfassendes über die Befunde der bisherigen Durchsicht der Akten der Industrieabteilung des Smolensker Gebietsarchivs der KP». BAB. NS 30/78. A registration sheet for the report in Ratibor indicates that Wunder was one of those to receive a copy.

³⁹ For example, Rumiantsev I.P. Über die Liquidierung von Kulacken (30.I.1930) («streng Geheim»). LCVA. R-633/1/30, folio 1—1v. I am grateful to the State Archives in Vilnius for sending me copies of these documents in 1993. I later saw the originals in Vilnius. None of those documents bear the «WKP» designation later used for the American-captured Smolensk files.

⁴⁰ The German translated documents date from January — March 1930. LCVA. R-633/1/30, folios 1—14. Cf. Fainsod, *Smolensk*, ch. 12; *The Story of Collectivization*. P. 238—64.

⁴¹ See the letter from Stein G. with the document in RGASPI 71/5/1088, folios 115—120.

⁴² Described by Shepelev V.N. *Novye fakty o sud'be dokumentov «Smolenskogo Arkhiva» (po materialam RTsKhIDNI) // Problemy zarubezhnoi arkhivnoi Rossiki*. P. 129—130. As a longtime specialist in the Central Party Archive, Shepelev was one of the best informed about the fate of the «Smolensk Archive».

⁴³ Pirson E. «Berichte» (March 1944), CDJC (RGASPI copy). Evacuation plans and priorities were noted «Aktennotiz. Besprechungen mit Dr. Nerling und Dr. Speer in Riga. Am 26 und 27 April 1944», signed by Gerh. Spinkler, Einsatzführer (Vilnius, 28.IV.1944). LCVA. R-633/1/30, folio 16.

⁴⁴ Bartashiunas to Kruglov. LCVA. R-234/1/15, fol. 18. The shipment to Liepaja was also reported by Jegelevicius. *Lietuvos archyvai 1940—1945 m.* //

Lietuvos archyvai. 1990. № 2. P. 13—14. Copies of these reports were kindly furnished to me by the Lithuanian State Archives.

⁴⁵ Evacuation from Vilnius was reported by Utikal to Rosenberg, «Aktenvermerk für den Reichsleiter» (Berlin, 12.VII.1944). BAB. NS8/261, folios 97—99. See also the ERR report (14.IX.1944). BAB. NS 30/35.

⁴⁶ *Ibid.*

⁴⁷ See more details and notes from ERR Ratibor reports in Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 14—18, and regarding the plunder of files from the Party Archive from Dniepropetrovsk. P. 20—23.

⁴⁸ Hans Müller, ERR monthly report (Pless, 1.XII.1944). BAB. NS 30/55. Dr. Hans Müller, who had earlier worked with the ERR in Smolensk and Riga was directing the Newspaper Division in Pless.

⁴⁹ The typescript and proof copies of Wunder's book «Die Mauer Fällt: Das Wahre Gesicht des Bolschewismus», being published in Munich by «Zentralverlag der NSDAP Franz Eher Nachf», are among the ERR records in BAB. NS 30, files № 108—114. No record has been found that the book was ever published.

⁵⁰ Report of the Chief of the Main Political Directorate (GlavPU) of the Red Army intelligence service (RKKA), Shikin I.V. (1 March 1945) to Malenkov G.M. TsK VKP(b). RGASPI. 17/125/308, folios. 11—12; Aleksandrov G.F. and Shikin I.V. to Malenkov G.M. TsK VKP(b) (1.III.1945). RGASPI. 17/125/308, folios 14—17. Extracts of the reports were published by Shepelev V. Sud'ba «Smolenskogo arkhiva» // *Izvestiia TsK KPSS*. 1991. № 5. P. 135—136. The return of «three and a half freight cars from Dziedzice» is noted in one report to Moscow from Smolensk (21.VI.1945); a later letter (17.VII.1945). RGASPI. 71/6/191, folio 119, mentions «four freight-car loads» — RGASPI. 71/6/191, folio 115. Dziedzice is a railroad junction a few kilometers south of Pless; one Russian report confused it with Dresden. See Grimsted P. *The Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 44—48.

⁵¹ *Ibid.*

⁵² Solodovnikova S.L. *Konets odisei «Smolenskogo arkhiva»*. P. 19.

⁵³ Pshenichnyi A.P. *Arkhivy na okkupirovannoi territorii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* // *Otechestvennye arkhivy*. 1992. № 4. P. 94. Technically the Ratibor part of Silesia had been annexed to the Third Reich and hence Soviet sources often referred to it as Germany.

⁵⁴ Utikal G. Aktenvermerk für den Reichsleiter (25.I.1945). BAB. NS8/261.

⁵⁵ Utikal G. Aktenvermerk für den Reichsleiter (25.I.1945). BAB. NS8/261. See Grimsted P.K. *The Road to Minsk for Western «Trophy» Books: Twice Plundered but Not Yet «Home from the War»* // *Libraries & Culture*. № 4. 2004. P. 351—404.

⁵⁶ *TsDAVO*, fond 3676, 5 opis.

⁵⁷ See Wunder's detailed report on evacuation from Ratibor in his «Meldung an den Stabsführer» (Staffelstein, 23.II.1945). BAB. NS 30/50.

⁵⁸ Rorimer J. *Survival*. N.Y.: Abelard, 1950. P. 159—160.

⁵⁹ Most of Wunder's remaining office papers from Ratibor (as late as January 1945) are now held in Berlin-Lichterfelde (BAB, NS 30), including some recently processed personal and family papers. I am grateful to BAB archivist Jana Blumberg for assistance.

⁶⁰ Gerd Wunder (1908—1988), an NSDAP member since 1930, had been a librarian in Dusseldorf and teacher in Chile, and then director of the Düsseldorf Library before joining the ERR and heading the library operations in Paris, 1940—1941. Wunder was interrogated in connection with the Alfred Rosenberg trial in Nürnberg (18 and 26.VIII.1947); transcripts are available on NARA Microfilm Publication M1019, roll 81, frames 102—121. Subsequently, Wunder taught in a secondary school and studied local genealogy. Biographic data omit his work with the ERR during the Nazi period. Mention is made that he served with the infantry in Belgium and France, and then Russia, where he was subsequently involved with «a party office for research regarding Communism in the Soviet Union, in Riga, Berlin, and Ratibor». See Wunder D. Gerd Wunder // *Festschrift für Gerd Wunder = Württembergisch Franken. Jahrbuch* 58, Schwabisch Hall: Historischer Verein für Württembergisch Franken, 1974. P. 7—13, and Ennen E. Sehr verehrter, lieber Herr Wunder! (Laudatio Gerd Wunder) // *Württembergisch Franken. Jahrbuch* 67. Schwabisch Hall, 1983. P. 3—9.

⁶¹ See especially Pomrenze S.J. Policies and Procedures for the Protection, Use, and Return of Captured German Records // *Captured German and Related Records: A National Archives Conference*. Athens OH: Ohio University Press, 1974. P. 5—30. Many of the U.S. documents Pomrenze collected for this article remain in a special series relating to captured records policies and procedures, AGAR-S (Adjutant General Army Records), now part of NACP. RG 242.

⁶² A very readable summary of the cultural operations (with emphasis on art) is provided by Lynn Nicholas, *The Rape of Europa: The Fate of Europe's Treasures in the Third Reich and the Second World War* (N.Y.: Alfred A. Knopf, 1994), especially chapters VII—XIII. For more of the legal background, see Michael J. Kurtz, *Nazi Contraband: American Policy on the Return of the European Cultural Treasures, 1945—1955* (N.Y.: Garland Press, 1985. See also his and other contributions and bibliography regarding American restitution policies in *The Spoils of War: World War II and Its Aftermath: The Loss, Reappearance, and Recovery of Cultural Property* / ed. Elizabeth Simpson (N.Y.: Henry N. Abrams, 1997).

⁶³ See more details in my introduction to «U.S. Restitution of Nazi-Looted Cultural Treasures to the USSR, 1945—1959: Facsimile Documents from the National Archives of the United States»; foreword by Kurtz M.J. (CD-ROM ed.; Washington, DC: GPO, 2001). There were also three transfers from Austria, the first of which involving books from Salzburg, is also documented there.

⁶⁴ The quoted passage occurs twice in the revised version of Poste's doctoral dissertation (from the Library School at the University of Chicago, 1958), *The Development of U.S. Protection of Libraries and Archives in Europe during World War II* (Fort Gordan, GA: U.S. Army Civil Affairs School, 1964). P. 306, 311. Poste devotes a major chapter to Offenbach (p. 258—301). See also his article Books Go Home from the Wars // *Library Journal* 73 (1 December 1948). P. 1704. See the more recent essay by Frits Hoogewoud. The Nazi Looting of Books and Its American «Antithesis»: Selected Pictures from the Offenbach Archival Depot's Photographic History and Its Supplement // *Studia Rosenthaliana*. 26(1/2) (1992). P. 174—92. A popular account with bibliography appears the

website of the U.S. Holocaust Memorial Museum — «Offenbach Archival Depot — Antithesis to Nazi Plunder» — <http://www.ushmm.org/oad/>.

⁶⁵ The AGAR-S series (Pomerenze Collection), covering U.S. captured records in Germany has copies of many reports and lists, none of which reference Smolensk before the file for October 1946 discussed below.

⁶⁶ Shcherbatov A.P. *Pravo na proshloie*. Moscow: Izd-vo Srietenskogo monastiria, 2005. P. 276—288. After attending Army intelligence training program in Paris in 1944, Shcherbatov was serving with the Third Army, 22nd Corps as his widow kindly informed me, and is explained in his memoirs.

⁶⁷ Shcherbatov A. *Iz vospominanii*. Smolenskii arkhiv // *Novyi zhurnal*. N.Y., 2003. P. 201—203.

⁶⁸ See the page and a half of file listings under «Secret Police» in the index at the end of the National Archives *Guide to the Records of the Smolensk Oblast* (Washington, DC: NARA, 1980). P. 237—38.

⁶⁹ For example, an MFA&A report (8.XII.1945) describes many materials removed from Banz, but does not mention Russian ones — BAK. B-323/550.

⁷⁰ Several documents involving G-2 (Office of the Assistant Chief of Staff, USFET, APO 757 reference ERR documents at the Bamberg Collecting Point and their transfer to Frankfurt. But those transfers came after the Smolensk files had already left for the Pentagon at the end of October 1946 (see below).

⁷¹ See the transfer documents signed by Soviet recipients in facsimile in «U.S. Restitution to the USSR», transfers 1 and 2. My introduction includes more details about U.S. library and archival restitution to the USSR.

⁷² OAD monthly reports and in-coming receipts from 1946 are preserved in NACP. RG 260 (OMGUS). Ardelia Hall Collection (AHC). OAD records are now available on NARA Microfilm Publication M1942. The quoted transfer directive from Major L.B. LaFarge, Chief, MFA&A Section, OMGUS, to MFA&A Section, OMG for Greater Hesse (3 April 1946). Those OAD reports are both in M1942, roll 9. Charles Winick earlier reported on the Russian technical library collection (1880—1941) found at Gera to Chief, G-2 Documents Control Section, Headquarters, USFET (7 February 1946), copy in RG 242, AGAR-S. № 1863.

⁷³ Fechenheim was a document center near Frankfurt; Shcherbatov mentioned the Smolensk materials were being transferred from Bamberg to Frankfurt, «*Iz vospominanii: Smolenskii arkhiv*». P. 203—204.

⁷⁴ As specified in the OAD Monthly Report (30 April 1946). M 1942, roll 9. Photographs are preserved of the book transfers from Banz in NACP. RG 260 (POAD—II—10). Reproduced from an OAD photographic album in US NA by Hoogewoud. P. 187, and also in «U.S. Restitution to the USSR», illustration № 8. All of the OAD albums are now available on NARA Microfilm Publication M 1942, roll 11.

⁷⁵ See the receipt dated 9 May 1946 to OMG Bavaria from OAD Director Capt. Isaac Bencowitz, in box 252. The same number is mentioned in the OAD Monthly Report (31 May 1946), M1942, roll 9. The OAD albums of book stamps have been preserved in the NACP, and all of those from libraries in the Soviet Union are reproduced in *U.S. Restitution to the USSR*, and M1942, rolls 11—13.

⁷⁶ «Removal of Books from Collecting Point and Bürgermeister Staffelnstein, LK Bamberg», Receipt by OAD Director Isaac Bencowitz (18 June 1946),

M1942, roll 4; also noted in the Monthly Report for June, M1942, roll 9. A photograph of that transfer is reproduced in «U.S. Restitution to the USSR» (from RG 260, POAD-II-12), illustration № 9.

⁷⁷ One was made on 10 June with 760 cases of books (167,200 items) and a second on 31 July with 295 cases of books (64,900 items). Related documents for transfer № 4 and 5 explain that they were combined in the train shipment of 7 August 1946. See my introduction to «U.S. Restitution to the USSR», and the documents for transfers 4 and 5 with photographs; the one with the train appears on the cover of the CD.

⁷⁸ Headquarters, US FET, incoming classified message — W-81678 (27.IX.1946), from AGWAR to USFET [for G-2]. NACP. RG 242. AGAR-S. № 1887. N.B. See my earlier section on OAD in «*The Odyssey of the Smolensk Archive*». P. 49—57.

⁷⁹ Lt. Colonel M.C. Taylor. Investigation of Library Collection in Offenbach (7 October 1946). NACP. RG 242. AGAR-S. № 1887.

⁸⁰ The G-2 «Report on findings at the Archival Depot, Offenbach» (in the same file) explained that, the Russian library materials had already been cleared for restitution. NACP. RG 242. AGAR-S. № 1887.

⁸¹ The receipt bears the letterhead of Headquarters USFET, G-2 Division, Document Control Section, signed by H. Weiner, USC, of the Research Branch «For the Chief of Documents Section» who was identified as Capt. Winick. NACP. RG 260. Property Division. AHC. OAD, now in M1942, roll 10. The OAD Monthly Report for November 1946 (also roll 10) cites «3,740 items — 17 cases» as having been handed over to G-2.

⁸² «List of Repositories of captured German Documents in the European Command» (30.III.1948) from HQ USFET, Office of the Deputy director of Intelligence (APO 757), over the signature of Lt. Col. W.R. Rainford. NACP. RG 319. Entry 47D, box 181.

⁸³ «INVENTORY» (SECRET) and «“Short Report” of INVENTORY of Russian Material» (SECRET), enclosed with the unsigned copy of the outgoing report in the name of Lt. Colonel M.C. Taylor Investigation of Library Collection in Offenbach, from Headquarters, USFET, Office of the Acting Chief of Staff, G-2, to Director of Intelligence, War Department General Staff (attention: Chief of Captured Enemy Documents Branch) (7.X.1946). NACP. RG 242. AGAR-S. № 1887 (copy).

⁸⁴ «INVENTORY» (SECRET) and «Short Report» of INVENTORY of Russian Material (SECRET). NACP. RG 242. AGAR-S. № 1887 (copy).

⁸⁵ NACP. RG 319 (Records of the Army Staff). Entry 47C. Records of the Assistant Chief of Staff for Intelligence, Army Intelligence Project Decimal File, box 475. The Dispatch Notice on the letterhead of the USFET G-2 Document Control Section (APO 757) bears the registration № 505. I am very grateful to NARA Archivist Robin Cooksen for assisting me in tracking down this original file in January 2005.

⁸⁶ NACP. RG 319. Entry 47C, box 475. Unlike the copy of the same inventory in the Pomrenze Collection, that copy bears a penned notation «Reg. #505; Disp #594», corresponding to the registration number on the dispatch notice.

⁸⁷ A copy of the list «Documents Shipments to War Department» (n.d.), covering the period 24 Aug. 1945 through 27 August 1947, is in US NA. RG 242. AGAR-S. № 1553.

⁸⁸ «Documents Shipments to War Department». US NA. RG 242. AGAR-S. № 1553. № 64 bears the notation «Entire shipment LC Material».

⁸⁹ See «U.S. Restitution to the USSR». Transfer № 12 (24.X.1947) — «329 cases» of «library books, card files, and archival materials» (40,395 items), predominantly from Ukraine and Belarus and № 15 (9.XII.1948) — 3 cases of books and brochures (397 items) and 14 cases of meteorological materials (753 items).

⁹⁰ See «U.S. Restitution to the USSR», Transfer № 16 (Berlin, HiCOG, 2.II.1952).

⁹¹ Elena Danielson, director of the Archives and Library at the Hoover Institution informed me about the Smolensk CP files in the Nicolaevsky Collection and deputy archivist Carol Leadenham kindly assisted me in analysis. They are identified in the published finding aid — Series 217, box 193, files 1—3 — Guide to the Boris I. Nicolaevsky Collection in the Hoover Institution Archives. Stanford, CA: Hoover Institution, 1989. P. 219. I use the preferred Americanized spelling rather than the original Russian «Nicolaevskii».

⁹² Regarding Nicolaevsky, see the biographic essays by Kristof L.K.D. B.I. Nicolaevsky: The Formative Years // Revolution and Politics in Russia: essays in memory of B.I. Nicolaevsky. Bloomington, Indiana University Press [1973, c 1972]. P. 2—32; and Mosely P.E. Boris Nicolaevsky: The American Years. P. 33—38.

⁹³ See Mosely P.E. Boris Nicolaevsky, and Nicolaevsky. Memorandum to Library of Congress. Hoover Institute. Nicolaevsky Collection, box 470, folder 3. See also excerpts of Nicolaevsky's account about Amboise within a 1945 report by IISH director N.W. Posthumus, in Maria Hunmink, *De papieren van de revolutie: Het Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, 1935—1947* (Amsterdam: IISG, 1986). P. 334. The volume includes a list of major collections the IISH had acquired before the war.

⁹⁴ Mosely P.E. Boris Nicolaevsky: The American Years. P. 33—34, repeats the erroneous designation. Additional documentation about Nicolaevsky's search for his library and archive are in the Nicolaevsky Collection, box 470, folder 1.

⁹⁵ See Grimsted P.K. The Road to Minsk for Western Trophy Books: Twice Plundered But not Yet Home from the War // *Libraries & Culture*. 39. № 4. 2004. P. 351—404. Some of the Ratibor materials were apparently found by the Poles.

⁹⁶ See Grimsted P.K. *Twice Plundered or Twice Saved?* P. 209—211.

⁹⁷ *Ibid.* Many of the IISH Paris collections remain in the former CP Archive in Moscow (now *RGASPI*).

⁹⁸ Regarding the fonds returned to Amsterdam in 2003, see also the IISH website: http://www.iisg.nl:80/archives_in_russia/index.html/.

⁹⁹ Michela J.A., Colonel GSC. Memorandum for the Record (27.IX.1946 «office copy»). NACP. RG 319 (Army Staff OACSI), entry 47D. Army Intelligence Project Decimal File, box 181.

¹⁰⁰ «Memorandum» by Nicolaevsky B.I., Director, The American Labor Research Institute, Inc., filed with the Michela J.A. Memorandum for the Record (27.IX.1946). NACP. RG 319 (Army Staff OACSI), entry 47D. Army Intelligence Project Decimal File, box 181.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² A large file of correspondence between Nicolaevsky and Verner W. Clapp at LC remains in the Hoover Institution, Nicolaevsky Collection, box 470, folder 3.

¹⁰³ Bencowitz I. to LC Mission (26.IX.1946). NACP. RG 260. AHC. OAD. box 251, now in NARA Microfilm Publication 1942, roll 2.

¹⁰⁴ Michela J.A. Memorandum for the Record. Ibid.

¹⁰⁵ Nicolaevsky B.I. Memorandum. Copy in NACP. RG 242. AGAR-S. № 1367.

¹⁰⁶ Matthew Woll to Lt. General Lucius Clay (31.III.1945). RG 260. Records of the Executive Office. AG Decimal Files (cc RG 260. Economics Division, box 115).

¹⁰⁷ Lt. General Lucius Clay to Matthew Woll (16.IV.1945). RG 260. Records of the Executive Office. AG Decimal Files (cc RG 260, Economics Division, box 115).

¹⁰⁸ OAD to OMGUS. NACP. RG 260, Economics Division, Restitution Branch, MFA&A section (21.I.1945), copy in French claims files. F-151. NARA Microfilm Publication M-1949.

¹⁰⁹ «Documents Shipments to War Department» (n.d.). NACP. RG 242. AGAR-S. № 1553. No shipping lists for the materials sent to LC have been found.

¹¹⁰ Acheson to HICOG, Frankfurt, confidential (12.IX.1950). NACP. RG 260. OAD records. M-1942, rolls 2—3 (box 251).

¹¹¹ A separate HICOG file remains about the transfer. Official transfer documents for the October 1947 (from OAD) and the February 1952 (Berlin) consignments are included on the CD edition, «U.S. Restitution to the USSR», transfer 16.

¹¹² Hoover Institution. Nicolaevsky Collection, series 227, box 293, file 1. The Harvard photocopying order form is the first folio, while the second is the familiar typed GMDS summary card describing WKP 86 with exactly the same text found in the NARA Guide, identifying it as «Protocols from the City Regional CP Committee and subordinate CP agencies in Smolensk» (1935). An initial Cyrillic handwritten title identifies it as *delo* № 176 with 90 folios; folios 9—40 have been transposed to the end of the file.

¹¹³ Nicolaevsky Collection, series 227, box 293, file 2. The «*ukazatel'* (fols. I—III)» lists 23 documents or extracts (1926—1938) in the 176-page typescript, including one 10-point compendium about the «*chistka* of 1935» following the Kirov assassination. A handwritten notation at the top of the unsigned printed article «*Zhivogo arkhiva*» (unnumbered folios within the file) identifies its origin as «*Svoboda* (Munich). № 8 (July 1957). P. 25—27». Checking the original issue at the Library of Congress, the clipping is actually from the August issue. No indication of authorship was found in the rest of the issue or subsequent ones.

¹¹⁴ Smolensk does not appear in published bibliographies of Nicolaevsky's writings, such as the one compiled by Bourguina in *Revolution and Politics in*

Russia. P. 322—341. In addition to Hoover archivist Carol Leadendam, Professor emeritus Alexander Rabinovitch (Indiana University) kindly advised me on this matter.

¹¹⁵ Nicolaevsky Collection, series 227, box 293, file 3; the two first folios are missing, the file starts with folio 3; all others are foliated through folio 238. A title on folio 3 reads «*Delo № 23, Protokoly partorganizatsii OShOSDORa [Otdel stroitel'stva shosseinykh dorog] UNKVD Z/O Stalinskogo RK VKP/b/. Nachato 3 ianvaria 1936 g., okoncheno 8 sentiabria 1937 g. na 238 listakh*». There are 11 signed *protokoly* for 1936 and 21 for 1937. A typical Soviet archival note on a small slip at the end verifies the number of pages as of 4/VI-1940. A microfilm copy with the rest of the Boris Nicolaevsky Collection, is available in the State Archive of the Russian Federation (GARF). Roberta Manning and Carol Leadendam kindly assisted my analysis.

¹¹⁶ Non-Smolensk components became particularly apparent to me when I was permitted to examine the originals in Washington, DC, in 1994 (then in the National Archives Pennsylvania Avenue building). At that time, I could spot check only a limited number of boxes — after the problem of provenance became apparent — on the basis of «suspicious» descriptions in the NARA *Guide to the Records of the Smolensk Oblast*. Washington, DC: NARA, 1980. I appreciate the assistance of NARA archivists, and especially Robert Wolfe and Robin Cooksen. Such technical archival problems would be less apparent to researchers not familiar with Soviet archival practices and who are required to use the microfilm.

¹¹⁷ As reported by Evgenii Kodin and the Smolensk archivists, the «non-profile [neprofil'nye delo]» files are the following: WKP 123, 179, 358, 446, 447, 449, 455, 456, 475, 484—486, 488, 490, 501, 508. — See M.L. Stepchenkova (GANISO [former Smolensk Party Archive]), «Osobennosti ucheta i opisaniia kolleksii dokumentov “Smolenskii arkhiv”» in: *The Return of the «Smolensk Archive»*. As far as I know, Smolensk archivists had not been aware of my earlier (and slightly variant) analysis. The matter may still require further discussion, because some cases, parts of WKP-numbered files are involved.

¹¹⁸ Jewish materials shipped from Kiev are mentioned in a number of ERR reports, although there is no specific mention of records from that Institute in outgoing lists.

¹¹⁹ For example, US NACP. RG 242. WKP 179 (earlier 366), 358, 475, 484 (earlier № 94), 485 (earlier № 347), 486 (earlier № 479), 488—490. See more details in Grimsted P.K. *Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 74—76, 128—29 (notes 214—219).

¹²⁰ Natsional'na biblioteka Ukraïny im. V.I. Vernads'koho (NBUV), Institute of Manuscripts (Instytut rukopysu (IR) (formerly Viddil rukopysiv TsNB), fond 190 (Kabinet evreyskoy kul'tury AN USSR).

¹²¹ Most of the records and collection of working manuscripts from the Kiev Institute and its successors (liquidated in 1947/49), are held in the Hebraica Division of the Vernads'kyi National Library of Ukraine, although some files remain in the Archive of the National Academy of Sciences of Ukraine, also held in NBU. Some of the other materials evacuated by the ERR from Kiev that ended up after the war in Offenbach (OAD) are now in the Jewish National and University Library (JNUL) in Jerusalem. I am grateful to L.A. Dubrovina, Director of

the Institute of Manuscripts, and I.A. Serheeva, Head of the Hebraica section, for clarifying this matter. Serheeva had seen some of the files in Israel.

¹²² *Derzhkomarkhiv* filed a formal claim of the originals from Russia, but there has been no response.

¹²³ As reported by Kiev colleagues, some files were returned to Kiev earlier. The 1988 transfer from *TsNB* in Kiev of a 1926 Komsomol file (494 folios) is confirmed in a letter from Smolensk archive director S.L. Solodovnikova to *Rosarkhiv* director V.P. Kozlov (12.XI.2003). I am grateful to Miakushev for providing me a copy.

¹²⁴ Inside the back folder of WKP 474 (old № WKP 381) is a German use list from the *Reichsministerium für Ernährung und Landwirtschaft*. The file itself contains two radio texts dating from 1931 and protocols of meetings of the Kunia Raion Komsomol committee — «*Protokol Kuninskogo biuro RK VLKSM*» (5 and 25.XII.1930). Kun'ia, a raion center of *Velikie Luki* would have been part of the Western Oblast at that date, but it is possible the file may have been picked up locally by another Nazi agency.

¹²⁵ «Smolensk Archive». WKP 478, 480, 496. The German folder for WKP 478 is dated 2.VII.1943, suggesting it might have come when the rest of the collection was still in Vilnius.

¹²⁶ I examined the item-level card index in the early 1990s, when the collection was held in Suitland.

¹²⁷ «INVENTORY» (SECRET) and «Short Report» of INVENTORY of Russian Material (SECRET). (7.X.1946). US NA. RG 242. AGAR-S. № 1887 (copy). The quoted passages are from Grimsted P.K. *Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 51, 117 (fn. 148).

¹²⁸ An undated finding aid «German Military Documents Section: Catalog of Russian Section», mimeographed (n.p., n.d. 93 p.) with a 30-page supplement covering photographs was produced by GMDS, and I recall a card catalogue available in Suitland. The entire «RS» collection is available as NARA Microfilm Publication T88 — «Miscellaneous Russian Records Collection», 4 rolls.

¹²⁹ Those documents, now listed as part of Record Group 242 in the NARA guide and website of the National Archives, «National Archives Collection of Foreign Records Seized» (RG 242.18.3), comprise RS 129, 131, 132, 372, 372a, 373, 373a-b, 374, 486, 488, 494, 500, 504, 524, 524a, 529, and 4600.

¹³⁰ «INVENTORY» (SECRET) and «Short Report» of INVENTORY of Russian Material (SECRET). (7.X.1946). US NA. RG 242. AGAR-S. № 1887 (copy). The Prague materials were Halyshyn M. and Roszkowski E. «Catalogue of the Records of the Soviet Purchasing Commission in Prague» (*Torgovoje predstavitel'stvo SSSR v Prage*), (November 1949; 47 p.), prepared for the CIA. A copy is in RG 242, GMDS reference aids, box 157. № 33. See Grimsted P.K. *Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 51, 116 (fn. 147).

¹³¹ They are 49 linear feet (earlier listed as 37 linear feet), dating from 1936—1941, and are still held as part of Record Group 242 (Captured Records), entry 283B, in 116 legal size archives boxes.

¹³² YIVO. RG 222 (IEJ — Institut der NSDAO zur Erforschung der Judenfrage), file № 144, materials of the Soviet Trade mission in Prague, 1940—1941.

¹³³ See especially Goldbeck H.G. The German Military Documents Section and the Captured Records Section // *Captured German and Related Records: A National Archives Conference*, Athens OH: Ohio University Press, 1974. P. 36. See also the important article by Pomrenze S. J. (the first director of OAD) cited above (fn. 63). The «Miscellaneous Russian Records Collection» and the «Smolensk Archive» are listed on p. 273. The various contributions in that volume provide essential data about the U.S. intelligence operations with respect to captured records, that included the Smolensk files, which should answer most of the questions Miakushev's raised.

¹³⁴ Wolfe R. to Grimsted P.K. (26.VIII.1993).

¹³⁵ See details about some of the intelligence analysis notes in Grimsted P.K. *Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 55—57, 123—26, some of which are included in the NARA microfilms, others can be found in the Fainsod Papers, Harvard University Archive (HUG 4382.47) see [box 1]. The brief card descriptions for WKP 1 through WKP 538 prepared by M. Halyshyn are included on reel 1 of the microfilm publication T87.

¹³⁶ An «inventory» of the «records of the All-Union Communist Party, Smolensk District», appeared as an appendix to «GMDS Monthly Historical Report, December 1950», Captured Records Section (CRS-NNMC File). A copy remains among the GMDS finding aids collection in the National Archives.

¹³⁷ Acting Master Sgt. Michael Halyshyn was listed as the head of GMDS section 5 — Non-German Foreign Records, in its first and subsequent reports with organizational structure, copies of which are preserved in NACP. RG 498. Records of Headquarters, European Theater of Operations, U.S. Army (World War II). G-2. Admin Branch, Classified Decimal File RE Captured Documents, 1945. Related reports are found in the Pomrenze collection. NACP. RG 242. AGAR-S 1818.

¹³⁸ Collections and Indexes of the GMDS (AGO) ([Washington, DC]: CIA, May 1953; CIA/CD Research Aid, № 5). US NACP. RG 242. GMDS reference collection, box 164. № 8. A slightly different breakdown of subjects was given in Goldbeck's «Disposition Form», and by 1955 NARA was counting 527 files in the record group.

¹³⁹ Kodin E. «Smolenskii arkhiv» kak «zerkalo sovietskoi deistvitelnosti» // *Voprosy istorii*. 2003. № 9. P. 8.

¹⁴⁰ A copy of the declassification memorandum was kindly furnished me by NARA from their administrative records (RG 64).

¹⁴¹ Chief, DRB OAG to Rand and Fainsod (29.VI, 1954), Fainsod Paper, HUA. I am grateful to Merle Fainsod's daughters for permission to consult their father's papers in the Harvard University Archive. See also Rand to DRB and M. Fainsod (17.VI.1954), *ibid*. The missing files were № 276, 388, and 487. That is the same number of files — WKP 1—527 — specified in the initial section of the American Historical Association microfilming control notice. Added to the collection later (and included in different films), according to the film control notes were EAP 116/154 e, f, c; EAP 116/155, 156, 171; and RS 921—924.

¹⁴² Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958. P. [456]. The seven he lists there were NARA temporary «EAP» numbers 116/154e—h, 116/155, 116/156, 116/171, and also RS 921 and

RS 924, were later numbered WKP 528—538. Divergence of some of the numbers cited has led to confusion such as Miakushev noted. See Kodin's explanation about the four missing items and one unnumbered item in the collection returned to Smolensk in his article below.

¹⁴³ «The Smolensk Archives, A Selective Index to Items of Principal Interest», prepared for the Rand Corporation by Merle Fainsod (typescript, September 1954), carbon copy in Fainsod Papers, HUA.

¹⁴⁴ Schwartz H. Secrets of Soviet Held by the U.S. Army // *New York Times*. 23 January 1955. P. A-13.

¹⁴⁵ DRB Journal (Captured Records Publicity) (21 January 1955). NACP. RG 407. Records of the Administrative Service Division (Office of the Adjutant General). DRB classified decimal files. DRB Journal, box 3.

¹⁴⁶ Fainsod to OAG, US Army (27.I.1955); Rand to Fainsod (8.II.1955); and related letters, Fainsod Papers, HUA. The original receipted copy of Fainsod's letter is in NACP. RG 407. OAG. DRB, decimal file, with a typed notation (signed by Sherrod East, Chief. DRB. 8.II.1955) to the effect that «the Rand Corporation is directing Professor Fainsod to return the records to DRB». Those copies furnished by Rand remain in the Harvard College Library.

¹⁴⁷ DRB Journal (4 May 1955), box 3.

¹⁴⁸ Goldbeck H.G. Disposition Form: «The Smolensk Archives» (11.II.1955). Copy furnished to the author by NARA. That form noted that «494 documents have been described on 3x5 catalog cards», with the «identification code» as «WKP» or «VKP». The Disposition Form concluded, «Captured Records Section has in its custody the original files plus microfilm negative». But it did not note the three missing «WKP» numbers, or the added files. The Prague materials were listed as RG 1055, the miscellaneous Russian records as RG 1054.

¹⁴⁹ The Smolensk files were then held, as Fainsod correctly noted, in the Departmental Records Branch (formerly GMDS) of the regional Federal Records Center (at that point the National Archives was still controlled by the General Services Administration). Fainsod quite precisely explained in his «Bibliographical Note» (P. 456), although Miakushev apparently did not understand the American nomenclature.

¹⁵⁰ Freedom of Information reply from Robert Wolfe to Patricia K. Grimsted (26.VIII.1993). According to Wolfe, the Smolensk files accessioned as part of a large body of captured records that were transferred to the National Archives from the U.S. Army.

¹⁵¹ Departmental Records Branch, TAGO, «RG Summary Nr 1056 «Records of the All-Union Communist Party, Smolensk District, 1917—1941. 28 linear feet». A penciled undated note states «This material is now in the Nat[ional] Arch[ives] Bldg. Call [Sherrod] East if anyone wishes to see it».

¹⁵² Guide to the Records of the Smolensk Oblast of the All-Union Communist Party of the Soviet Union, 1917—1941. Washington, DC: NARA, 1980.

¹⁵³ Getty A. Guide to the Smolensk Archive. P. 92; the bibliography is included in fn. 4. P. 94—95. In his 1991 publication, Shepelev cites Getty's article and lists selected publication from Getty's bibliography *Sud'ba «Smolenskogo arkhiva»*. P. 137.

¹⁵⁴ Copies of letters in my possession from Trudy Huskamp Peterson, Acting Archivist of the U.S. (5.VIII.1994), and Bundesarchiv President Friedrich Kahlenberg (5 July 1994) and foreign affairs specialist Kai von Jena (30.VII and 30.VIII.1994) clarify the matter. See more details and explanation of the files involved in Grimsted P.K. *Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 51, 127 (fn. 209). Arch Getty repeated the mistaken note in the 1980 inventory (Getty A. *Guide to the Smolensk Archive*. P. 94; fn. 1), which caused Miakushev to question the figure for the number of files returned, and to attribute the error to me.

¹⁵⁵ Fainsod M. *Smolensk Under Soviet Rule*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958. P. 3.

¹⁵⁶ Getty A. *Guide to the Smolensk Archive // A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s*. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1990. P. 85. Russian translation: *Fondy «Smolenskogo arkhiva» // Sovetskie arkhivy*. 1991. № 1. P. 95. Getty kindly replied in September 2004 that he never thought of questioning Fainsod's figure and had no interest in counting for himself.

¹⁵⁷ Since the Smolensk files were microfilmed before being sent to Fainsod in Cambridge, perhaps the matter could be resolved by counting the number of «pages» or «folios» on the NARA microfilms or the printed copies Fainsod received, which remain at Harvard University. In any case, as Kodin and Smolensk archivists agree, the number of files is not in question.

¹⁵⁸ See, for example, Baskakov E.G. and Shablovskii O.V. *Vozvrashchenie arkhivnykh materialov, spasennykh Sovetskoi Armiei // Istoricheskii arkhiv*. 1958. № 5. P. 175—179; *Peredacha dokumentov Natsional'nomu arkhivu Frantsii // Voprosy arkhivovedeniia*. 1960. № 6. P. 107.

¹⁵⁹ First published in *Actes de la Sixième conférence de la Table ronde des archives. Les archives dans la vie internationale* (Paris, 1963); reprinted in Council of Europe, *Reference Dossier on Archival Claims*, comp. Hervé Bastien ([Paris]: ICA Legal Matters Committee, 1995); French edition: *Dossier de référence sur les Contentieux Archivistique* (Strasbourg: Conseil de l'Europe, 1997; CC LIVRE [97] 1).

¹⁶⁰ Ernst Posner's report in the *American Archivist* (January 1962). P. 15—23, aroused the interest of the Archivist as is apparent from an internal memorandum in a NARA file. «Dossier on Seized Enemy Record—Smolensk». NACP. RG 64. Stuart L. Butler kindly furnished me a copy of this and related documents from the dossier when I was researching my monograph. At first no administrative file could be found on the «Smolensk archive».

¹⁶¹ Wayne C.G., Archivist of the U.S. to Major General J.C. Lambert, U.S. Army Adjutant General (12.II.1963); and to William M. Franklin, Director Historical Office, Bureau of Public Affairs, U.S. Department of State (13.II.1963). NACP. RG 64.

¹⁶² William M. Franklin, Director Historical Office, Bureau of Public Affairs, U.S. Department of State, to Robert H. Bahmer, Deputy Archivist of the U.S. (5.III.1963). US NA. RG 64.

¹⁶³ Major General J. C. Lambert, Adjutant General, to Wayne C. Grover, Archivist of the U.S. (17.IV 1963). NACP. RG 64.

¹⁶⁴ Robert H. Bahmer, Deputy Archivist of the U.S. to Igor K. Kolossovsky, Counselor, Embassy of the USSR (16.X.1963). NACP. RG 64. NARA enclosed copies of the summary sheets for the two record groups of Russian provenance — Miscellaneous Russian Records Collection (RG summary 1054) and the Soviet Purchasing Commission in Prague (RG summary 1055), as well as the Smolensk records (RG summary 1054), the latter there described as «28 linear feet».

¹⁶⁵ As reported to me by Robert Wolfe in the early 1990s.

¹⁶⁶ The GAU letter (2.VII.1965) was found in a recently declassified Central Committee file in RGANI. 5/35/212, folios 158—159. Belov's meeting with Bahmer took place in London during a meeting of the ICA Executive Committee. The incident was first mentioned briefly by RGANI (then TsKhSD) archivist A.M. Petrov in a report at the December 1993 Rosarkhiv conference on Archival Rossica Abroad — Voprosy vozvrashcheniia arkhivnoi Rossiki v dokumentakh TsK KPSS (1953—1986 gg. // *Problemy zarubezhnoi arkhivnoi Rossiki: Sbornik statei*. M.: Russkii mir, 1997. P. 170—178. Petrov kindly assisted me in finding related documents.

¹⁶⁷ See Kapran M.I. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo sovetskikh arkhivistov // *Sovetskie arkhivy*. 1968. № 3. P. 33. Tikhvinskii S.L. Pomoshch' Sovetskogo Soiuzu drugim gosudarstvam v vossozdanii natsional'nogo arkhivnogo dostoiianiia // *Sovetskie arkhivy*. 1979. № 2. P. 11—16.

¹⁶⁸ See the report by Wolfram Schmidt Übernahme von Archivgut aus der UdSSR // *Archivmitteilungen*. 39(5). 1989. P. 179—180; *Vozrashchenie ganzeiskikh arkhivov* // *Sovetskie arkhivy*. 1991. № 1. P. 111; Kuz'min E. *Netrofeinaia istoriia* // *Literaturnaia gazet*. 1990. № 41. P. 10. See more details about Soviet archival restitution in Grimsted P.K. *Trophies of War and Empire: The Archival Heritage of Ukraine, World War II, and the International Politics of Restitution*. Cambridge, MA: distributed by Harvard University Press for the Ukrainian Research Institute, 2001. Especially ch. 8. P. 307—314.

¹⁶⁹ Kuz'min E. Vyvezti... unichtozhit' ...spriatat'... Sud'by trofeinykh arkhivov (interview with P.K. Grimsted) // *Literaturnaia gazeta*. № 39. 2.X.1991. P. 13; publication of that interview was delayed for almost a year and was permitted in print only after August 1991. I also discussed the Russian «Captured Records» in Grimsted P.K. *Perestroika in the Archives? Further Efforts at Soviet Archival Reform* // *American Archivist*. 54 (Winter 1991). P. 75—77. TsGOA director Anatolii Prokopenko confirmed my story and expanded on the foreign holdings in an interview with Ella Maksimova. «Arkhivy Frantsuzskoi razvedki skryvali na Leningradskom shosse» // *Izvestiia*. № 240. 9.X.1991.

¹⁷⁰ Memorandum of U.S. Assistant Archivist Trudy Peterson to U.S. Assistant Archivist Don Wilson (12 November 1991), enclosing a memorandum from Hoover Institution librarian Joseph Dwyer to Hoover Archivist Charles Palm (4 November 1991), reporting that during their final meeting in October, «Anatolii S. Prokopenko, Deputy Chairman of the Committee on Archival Affairs, Council of Ministers, RSFSR ...expressed his deep regret that in these times of "glasnost" (openness), the originals of the Smolensk Oblast Communist Party Archives, currently deposited in the National Archives, has not yet been returned to the Soviet Union (i.e., Russia). This was so, he said, even though the German

documents captured at the same time had been returned to Germany after micro-filming».

¹⁷¹ Letter from Rudol'f Pikhoia, Chairman of the Committee on Archives of the Russian Federation, to Don Wilson, Archivist of the U.S. (13.II.1992), copy in my possession, kindly furnished by the Chabad

¹⁷² Letter from Don Wilson, Archivist of the U.S. to Rudolf Pikhoia, Chairman of the Committee on Archives of the Russian Federation (18.III.1992), copy in my possession, kindly furnished by Rudolf Pikhoia.

¹⁷³ A copy of the letter from James A. Baker, III to Senator Joseph Lieberman (26 June 1992) was kindly furnished to me by the Chabad.

¹⁷⁴ See, for example, Smolensk Archive. RG 242. WKP 17. Fainsod recorded detailed notes from that file and noted it as an example of the situation of the Jews, although he was unaware of the earlier Hasidic community in Lubavichi — Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. P. 440—443.

¹⁷⁵ As reported to the author by colleagues in the Ministry of Culture in Moscow. See more details about the Chabad claim and the political linkage in the article by Akinsha K. below.

¹⁷⁶ See the article by Isnard J. and Tatu M. *Moscou accepte de restituer 20 tonnes de documents des Deuxième bureaux // Le Monde*. 14 November 1992, which also reported details from my lecture.

¹⁷⁷ See Grimsted P.K. *Zarubezhnaia arkhivnaia Rossika i Sovetika. Problemy proiskhozhdeniia dokumentov i ikh otnoshenie k istorii Rossii (SSSR), potrebnost' v opisaniu i bibliografii // Otechestvennyye arkhivy*. 1993. № 1. P. 20—53, and the expanded version *Archival Rossica / Sovietica Abroad — Provenance or Pertinence, Bibliographic and Descriptive Needs // Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 34. № 3. 1993. P. 431—480.

¹⁷⁸ See Grimsted P.K. *Arkhivnaia Rossika / Sovetika: K opredeleniiu tipologii russkogo arkhivnogo naslediia za rubezhom // Problemy zarubezhnoi arkhivnoi Rossiki*. P. 7—43.

¹⁷⁹ My Smolensk report was not published, but Shepelev cites a preliminary draft presented orally, which eventually turned into my monograph: Shepelev V.N. *Novye fakty o sud'be dokumentov «Smolenskogo arkhiva» (po materialam RTsKhIDNI) // Problemy zarubezhnoi arkhivnoi Rossiki*. P. 124—133.

¹⁸⁰ See Petrov A.M. *Voprosy vozvrashcheniia arkhivnoi Rossiki v dokumentakh TsK KPSS (1953—1986 gg.) // Problemy zarubezhnoi arkhivnoi Rossiki: Sbornik statei*. M.: Russkii mir, 1997. P. 174.

¹⁸¹ Federal'noe Sobranie, parlament Rossiiskoi Federatsii, *Biulleten'*. № 34, *Zasedaniia Gosudarstvennoi Dumy, 20 maia 1994 goda*. M., 1994. P. 31—32.

¹⁸² Grimsted P.K. to Vice-President Gore (Moscow, 26.VII.1994), copy in possession of author.

¹⁸³ The text of the resolution is reprinted in Grimsted P.K. *Trophies of War and Empire: The Archival Heritage of Ukraine, World War II, and the International Politics of Restitution*. Cambridge, MA: distributed by Harvard University Press for the Ukrainian Research Institute, 2001. Appendix VI. P. 555—557.

¹⁸⁴ Council of Europe Parliamentary Assembly / Conseil de l'Europe Assemblée parlementaire, Opinion № 193 (1996) — «On Russia's Request for Mem-

bership of the Council of Europe», adopted by the Assembly on 25 January 1996, when Russia was admitted to membership on its basis.

¹⁸⁵ See more details about the passage of the Russian law and international reaction in Grimsted P.K. *Trophies of War and Empire: The Archival Heritage of Ukraine, World War II, and the International Politics of Restitution*. P. 389—422. The quotations from Gubenko are from a press conference reported on Russian television, 16 March 1997, fragments from which were reported by Piiuk B. *Ty mne — Ia tebe // Itogi*. 16(49). 22 April 1997. P. 13—14.

¹⁸⁶ More recent transfers and full citations of the related legal instruments will be found in Grimsted P.K. *Russia's Trophy Archives: Still Prisoners of World War II?* Electronic version: Budapest: Open Society Archive (Central European University): <http://www.osa.ceu.hu/publications/2002/RussianTrophyArchives/RussianTrophyArchives.html>.

¹⁸⁷ Bohlen C. A Stray Record of Stalinist Horrors Finds Its Way Home // *New York Times*. 14 December 2002. P. A21.

¹⁸⁸ Gordon M. A Hot Issue for Russia: Should It Return Nazi Plunder? // *New York Times*. April 1997. P. 1.

¹⁸⁹ See Grimsted P.K. *Russia's Trophy Archives: Still Prisoners of World War II?* CEU. Budapest.

Путь назад: библиотека Шнеерсона и возвращение «Смоленского архива»

Константин Акинша
(совместно с П.К. Гримстед)

В 2002 году закончилась печальная одиссея «Смоленского архива»¹. Захваченная нацистами в качестве трофея, а затем обнаруженная американцами на развалинах побежденной Германии, эта разрозненная коллекция документов местной организации Коммунистической партии, относящихся к 20-м и 30-м годам, на протяжении более 60 лет привлекала внимание политических лидеров разных стран, от Иосифа Сталина до Альберта Гора. По словам Збигнева Бжезинского, советника по национальной безопасности Президента США Джимми Картера, смоленские документы дали американским историкам «действительно достоверный взгляд снизу на социальное и институциональное уродство» Советского Союза при Сталине². Однако, если в годы «холодной войны» «Смоленский архив» использовался и для научных целей, и для целей антикоммунистической пропаганды, то в 90-е годы отказ американцев вернуть архив использовался российскими политиками националистического толка для разжигания растущих антиамериканских и антиреституционных настроений.

Многие россияне не верили, что архив когда-нибудь вернется домой. Не так давно студенты Смоленского государственного педагогического университета даже поместили в Интернете шуточную викторину, в которой был вопрос: «Какой ученый из Смоленска имел возможность работать со “Смоленским архивом” в Америке?» (Правильный ответ: первый проректор профессор Евгений Кодин, известный российский исследователь американской коллекции)³. Сегодня смоленским историкам нет необходимости ехать в Вашингтон (округ Колумбия) или Колледж-Парк (Мэриленд) для изучения этих документов, которые проливают свет на историю сталинских репрессий — они могут заказать их в читальном зале местного архива.

Возврат «Смоленского архива» в Российскую Федерацию был осуществлен по инициативе некоммерческой организации «Исследовательский проект по искусству и архивам» (RPA&A), сопредседателями которой являются Рональд С. Лаудер и Эдгар М. Бронф-

ман. Эта структура была создана после того как заместитель министра финансов США Стюарт Айзенштат в октябре 2000 года объявил на Международном форуме по похищенным культурным ценностям эпохи Холокоста (Вильнюс), что «аукционный дом Кристи предложил, чтобы какая-нибудь частная некоммерческая организация мобилизовала средства, оценила научные заявки и выделила гранты на создание специального реестра перемещенных культурных ценностей, находящихся в России»⁴. Средства на новый проект выделили Эдгар М. Бронфман, президент Всемирного еврейского конгресса, и Рональд С. Лаудер, председатель Комиссии по возврату произведений искусства при Всемирном еврейском конгрессе и Всемирной еврейской организации по реституции⁵.

4 декабря 2001 года Министерство культуры Российской Федерации заключило договор о сотрудничестве с «Исследовательским проектом по искусству и архивам». Задача нового совместного проекта, названного «Обретенное наследие» (Heritage Revealed) — изучить и обнародовать информацию о культурных ценностях, принадлежавших жертвам Холокоста, которые были перемещены на территорию Российской Федерации в результате Второй мировой войны⁶.

Уже само подписание подобного соглашения рассматривалось на Западе как важный шаг вперед на пути выявления культурных ценностей эпохи Холокоста — до этого русские отрицали само наличие еврейских культурных ценностей среди российских «военных трофеев». Кроме того, Россия очень медленно двигалась вперед в вопросах информирования общественности о находящихся в России картинах и рукописях, конфискованных нацистами в Венгрии, Польше и других европейских странах. Однако с самого начала Проект столкнулся с серьезным препятствием на пути сотрудничества с Россией в поиске культурных ценностей, разграбленных в ходе Второй мировой войны. Этим препятствием был «Смоленский архив», находившийся на территории США.

Многие российские политики стремились использовать факт невозвращения архива как доказательство того, что в США находятся российские культурные сокровища, конфискованные нацистами, а затем тайно вывезенные американской армией из побежденной Германии. В 1994 году, в ходе слушаний в Государственной Думе Российской Федерации, первый министр культуры Российской Федерации Евгений Сидоров утверждал, что американцы никогда не вернут «Смоленский архив»: «Я могу сказать о судьбе «Смоленского архива», что американцы никогда не вернут его. У нас нет с ними договоренности по этому вопросу»⁷.

В 1999 году, на Вашингтонской коференции по имуществу эпохи Холокоста, Николай Губенко, последний министр культуры Советского Союза, а ныне председатель Комитета по культуре Государственной Думы, заявил (цитирую по статье в немецкой газете *Die Zeit*): «русских ограбили дважды: вначале фашистская Германия, а затем их же союзники; 80% досталось американцам»⁸. В словах бывшего министра культуры не было ничего нового. Еще в начале 1997 года Губенко выразил сожаление, что американцы не последовали примеру русских, которые организовали выставки своих культурных трофеев, чтобы продемонстрировать хранившуюся в тайне добычу⁹.

В этой атмосфере подозрительности и политических спекуляций по поводу «Смоленского архива» его возврат в Российскую Федерацию был более чем желательным. В 1992 году Главный архивист Соединенных Штатов Дональд Уилсон согласился на реституцию тех смоленских дел, которые хранились в Национальном архиве США¹⁰. Рудольф Пихоя, тогдашний Главный архивист России и глава российского архивного ведомства Росархив, гордо заявил во время онлайн-переговоров с директором Библиотеки Конгресса Джеймсом Биллингтоном: «Мы предварительно договорились о возврате в Россию «Смоленского архива» (захваченного немцами). Эти документы войдут в учебные пособия и учебники для российских учащихся любого возраста»¹¹. Однако предполагаемый возврат не состоялся. В тот момент судьба документов, вывезенных из Смоленска, оказалась политически связанной с судьбой библиотеки ребе Джозефа Айзека Шнеерсона, много лет хранившейся в Библиотеке им. В.И.Ленина в Москве¹².

До Первой мировой войны хасидская община, которую возглавлял пятый ребе, Шалом Бер Шнеерсон (1860—1920), находилась в селе Любавичи, в западной части Российской империи. Члены общины жили там, начиная с XVIII века, и за этот период собрали библиотеку священных книг¹³. По данным современных документов, в 1915 году ребе Шнеерсон бежал из Любавичей в Ростов-на-Дону. Это произошло в начале Первой мировой войны, когда германские войска вторглись в Россию. Он переслал свою библиотеку, накопленную Хабадом за два века (35 деревянных ящиков), в Москву, где оставил ее на хранение в складском комплексе, принадлежавшем З. Персицу, на так называемом Кокоревском дворе (рядом с Софийской набережной, обращенной к Кремлю). После смерти ребе Шалома Шнеерсона в 1920 году директор библиотеки Румянцевского музея (предшественника Ленинской библиотеки) по распоряжению Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) 1 марта

1920 года «наложил две сургучные печати на двери хранилища, помещавшегося в Литературном корп., д. 3, 13-й этаж, в котором находится Библиотека Персица — 35 ящиков еврейских книг из библиотеки Шнеерсона». В том же году был выдан «мандат» на передачу библиотеки Государственному Румянцевскому музею. 9 июля 1921 года книги были перевезены со склада в Москве в Румянцевский музей¹⁴. По словам российских официальных лиц, «эти книги были национализированы согласно двум декретам, изданным в 1919 и 1920 годах Советом народных комиссаров (СНК), и переданы Румянцевской публичной библиотеке», впоследствии реорганизованной в Государственную библиотеку им. В.И. Ленина (ГБЛ), а в настоящее время — РГБ. По утверждению библиотекаря РГБ Л.М. Коваль, коллекция была переведена в Румянцевскую библиотеку лишь в 1924 году. К тому времени 5 из 35 ящиков были повреждены, в результате чего верхнему слою книг был нанесен значительный ущерб. Содержимое ящиков насчитывало 400 рукописей, 11 000 книг (2 300 томов XVI—XVII веков)¹⁵.

Шестой ребе, Джозеф Айзек Шнеерсон (1880—1950), после смерти отца и конфискации библиотеки оспорил действия советского государства и попытался вернуть библиотеку, принадлежавшую его семье и общине. В письме директору Румянцевского музея (22 ноября 1922 года) он утверждает, что «Управление государственных библиотек при Народном комиссариате просвещения в 1921 году издало постановление, санкционирующее возврат книг». В тот момент он не мог обеспечить их немедленную перевозку в Ростов. В 1922 году раввин вновь поставил под сомнение законность конфискации его библиотеки, исходя из того, что действие Декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 3 ноября 1920 года «О централизации и библиотеках в РСФСР», распространялось только на библиотеки юридических лиц и (или) объединений¹⁶. Позже он утверждал, что 2 декабря 1920 года получил разрешение от Народного комиссариата просвещения вывезти свою библиотеку и что 6 декабря 1920 года это решение было утверждено Управлением научных библиотек. Оно так никогда и не было выполнено¹⁷.

После переезда в Ленинград ребе Шнеерсон направил еще одно письмо (от 5 февраля 1925 года) в адрес Главного управления науки, в котором подчеркивал, что если его библиотека была оставлена на хранение, это не значит, что она была брошена. Далее он объясняет, что «по советским законам частные книжные собрания не подлежат конфискации государством, особенно собрания книг, принадлежащие ученым, которые пользуются этими источниками для занятий наукой». По словам Шнеерсона и его последователей, его коллекция

могла считаться только частной религиозной научной библиотекой. В заключение своего официального заявления он выражает надежду, «что мое собрание книг, которое, между прочим, представляет интерес лишь для очень немногочисленного, узкого круга еврейских религиозных ученых и не представляет абсолютно никакого интереса для Музея, будет возвращено мне законно»¹⁸. Закон о бесхозном имуществе не распространялся на библиотеку Шнеерсона — власти прекрасно знали, кому она на самом деле принадлежала, поскольку Шнеерсон никогда не отказывался от своей библиотеки.

Однако советские руководители так же хорошо знали и ценность старинных еврейских книг. По словам П.А. Судоплатова, печально известного главы советской разведывательной организации, в 1920-е годы средства от продажи за границей древних хасидских рукописей из Библиотеки имени В.И. Ленина были использованы Яковом Блюмкиным для финансирования советской разведывательной сети в Турции. Впрочем, Блюмкин, будучи другом Троцкого, передал часть этих средств ссыльному лидеру, который в тот период нашел убежище на Принцевых островах¹⁹. Достоверно не известно, были ли какие-нибудь из принадлежавших Шнеерсону книг или рукописей проданы для финансирования советских агентов или других целей, но такая возможность не исключается, учитывая, что в 1920-е и в начале 1930-х годов советские власти распродали значительное количество гебрайки и иудаики²⁰.

Оказавшись в Ленинграде, ребе Шнеерсон отнюдь не получил назад свою библиотеку, а был арестован в 1927 году, приговорен к смерти и посажен в одиночную камеру Шпалерной тюрьмы. Впоследствии приговор был заменен на три года ссылки в Кострому²¹. Благодаря вмешательству иностранных политиков его освободили, после чего он эмигрировал в Латвию, где стал главным раввином Риги (1927—1933 гг.). При отъезде из Ленинграда ему было разрешено взять с собой книги (59 упаковок)²². В 1933 году он переехал в Варшаву, но после немецкого вторжения в сентябре 1939 года бежал обратно в Ригу. Затем его спасли и вывезли в США²³. Больше ему никогда не пришлось вновь увидеть свою библиотеку, как и часть своего архива, оставшуюся в Варшаве, несмотря на все усилия вернуть библиотеку. Предпринимавшиеся в ноябре и декабре 1933 года попытки Конгресса США заставить Ленинскую библиотеку вернуть коллекцию ребе Шнеерсону не дали результатов²⁴. В 1946 году он, окончательно обосновавшись в США, представил описание ряда отсутствующих рукописей, архивов и библиотечных материалов, удостоверяющее их принадлежность Хабаду, и ходатайствовал пе-

ред Государственным департаментом о содействии в возврате собственности²⁵.

На протяжении более чем полувека библиотека Шнеерсона скрывалась среди громадных книжных фондов самой большой библиотеки Советского Союза. Но, будучи утерянной, она не была забытой. Члены Хабада в Бруклине знали, что их священные книги спрятаны в России. Тем временем для сохранения хасидских традиций в мире и для предъявления от имени Хабада США официальных исков на книги, оставленные ими в Москве, они создали в Бруклине крупную библиотеку-правопреемника. Ребе Шнеерсон в 1946 году представил описание некоторых утерянных рукописей, архивов и библиотечных материалов, которые он был вынужден оставить в Варшаве (по некоторым данным в Посольстве США), которые были перевезены в Берлин и впоследствии «всплыли» в одном из московских архивов. Ребе Шалом ДовБер, директор Библиотеки «Агудас Хассидей Хабад Охел Йосиф-Ицхак», много сделал для того чтобы обнаружить и вернуть библиотеку, потерянную в Москве.

Начало политических перемен в СССР в 80-е годы ознаменовало и новые попытки вступить в контакт с Советским правительством. Американский предприниматель международного масштаба Арманд Хаммер проявил особый интерес к делу Шнеерсона. Еще в 1984 году от лица бруклинской библиотеки Хабада он вручил копию сохранившегося дореволюционного каталога библиотеки Шнеерсона советскому министру культуры В.Г. Захарову. Следует отметить, что в этом машинописном каталоге на иврите насчитывалось 5 619 названий (в том числе рукописи и, по крайней мере, три инкунабулы). Именно таков был состав библиотеки перед Первой мировой войной, когда она была вывезена из местечка Любавичи (сейчас оно относится к Смоленской области)²⁶. Количество названий требует уточнения, поскольку многие из них либо насчитывают несколько томов, либо являются конволютами.

Российская исследовательница Вероника Ирина-Коган утверждала, что в 1989 году она обнаружила следы собрания Шнеерсона в Отделе редких книг (Музее книги) Ленинской библиотеки, но оказалось, что «за 70 лет всего 87 из них были каталогизированы. Остальные остаются недоступными в своих старых ящиках». Она подтвердила, что книги из собрания Шнеерсона, некоторые даже с экслибрисами Шнеерсона, имели библиотечную помету «П» (также и в шифре), потому что Ленинская библиотека получила их вместе с библиотекой Поляковых, еврейской купеческой семьей, известной до Революции своей благотворительностью, и книги Шнеерсона не были выделены в отдельный фонд. (Следует отметить, что в советский пе-

риод серьезное каталогизирование гебраики и иудаики не считалось приоритетным.) Ирина-Коган утверждала, что установила связь этих книг с библиотекой Шнеерсона. Вероятно, с того времени, когда книги перевезли из Кокоревских складов в Ленинскую библиотеку, и вплоть до 80-х годов их настоящее происхождение не было известно²⁷. Ирина-Коган информировала хасидскую общину о своих открытиях, но по существу они лишь подтвердили то, что уже было известно.

Ребе Левин и несколько его хасидских коллег впервые приехали в Москву в начале января 1988 года, но оказанный им прием был не слишком дружеским, хотя они и получили подтверждение тому, что библиотека Шнеерсона находится в Ленинской библиотеке. В отделе ГБЛ, который в то время назывался Сектором зарубежного Востока, они встретились со специалистом по гебраике Львом Моисеевичем Даговичем, и он помог им обнаружить 12 книг из этого собрания в Музее книги (Отделе редкой книги), но больше искать книги им не разрешили. Л.М. Дагович сообщил им о каталоге Отдела рукописей, который, по имеющимся данным, был составлен Игорем Медведевым. Они с большим трудом сумели попасть в ту часть здания библиотеки, где находился Отдел рукописей, и попросили о встрече с Медведевым. Вскоре после того как Медведев вышел к ним, появились двое вооруженных милиционеров, которые сообщили раввинам, что им не разрешено пользоваться каталогом²⁸. Хасидская община вновь обратилась к своему могущественному посреднику Арманду Хаммеру и вручила ему памятную записку (от 15 января 1988 года) с описанием проблем, возникших у них в Ленинской библиотеке. Хабадские раввины обнаружили, что и другие части этого собрания хранятся в Ленинской библиотеке. В своей памятной записке они объяснили, что книги Шнеерсона были ошибочно помечены как часть поллекции Полякова. «Мы убеждены, что это то, что мы ищем», — писали раввины²⁹.

После встречи с хабадскими раввинами Медведев подготовил краткую справку по хасидским рукописям, хранящимся в Отделе рукописей, которая была опубликована годом позже в выходившем в Москве ежемесячном журнале на идиш, *Sovetish heymland* (апрель 1989 года). Медведев утверждает, что имеется всего около двухсот рукописей, большинство из которых — копии XIX века, и идентифицирует рукописи как приобретенные в 1924 году со склада в Москве, где они были оставлены членами общины Хабад из Любавичей. Он упоминает среди прочего разные группы рукописей, в том числе библейские тексты, раввинскую и талмудистскую литературу, каббалистические тексты, и приводит ряд конкретных примеров.

Он нигде не указывает номер фонда, что говорит о том, что рукописи не прошли полную обработку и не вполне доступны для исследователей, но так или иначе хабадским раввинам никогда не разрешали их увидеть³⁰.

Раввины не знали, что после того как Хаммер еще в 1984 году передал их старый (до 1914 года) каталог министру культуры, в середине 80-х годов специалист по ивриту в Отделе редкой книги Самуил Гольденберг начал составлять предварительный карточный каталог (на русском и иврите) почти 100 названий из собрания Полякова. Практически все они относились к XVII веку и имели средиземноморское происхождение (многие были напечатаны, например, в Константинополе и Венеции). По-видимому, это был тот самый каталог, о котором говорила Вероника Ирина-Коган, но в нем были учтены только издания, хранившиеся в Музее книги. Вероятно, те 12 книг, которые раввины видели на выставке в Музее книги в январе 1988 года, также были в числе каталогизированных С. Гольденбергом, хотя, как утверждает В. Ирина-Коган, к тому времени 87 названий были отнесены к библиотеке Шнеерсона. В 1992 году С. Гольденберг эмигрировал в США, и в Музее книги не осталось ни одного специалиста по ивриту. Этот каталог остается незаконченным и по сей день. По данным, которыми располагали специалисты по редким книгам на октябрь 2000 года, примерно 67 из более чем 125 книг на иврите из собрания Полякова, которые были уже описаны (на русском и иврите), могут быть отнесены к библиотеке Шнеерсона, а остальные 20—30 книг требуют дальнейшего изучения (следует отметить, что многие названия насчитывают более одного тома)³¹.

После получения памятной записки хабадских евреев в январе 1988 года Хаммер дал телеграмму В.Г. Захарову, который тогда был министром культуры СССР. «Я бы хотел продолжить наш телефонный разговор... относительно книг любавического движения», — писал Хаммер. Он информировал министра о том, что делегация раввинов установила, что примерно 7500 книг из собрания Шнеерсона находятся в Ленинской библиотеке и что они продолжают поиски. «Я бы хотел держать с Вами связь в отношении перспектив вывоза книг в Соединенные Штаты», — оптимистически заканчивает Хаммер свою телеграмму Захарову³². Но вмешалась всемогущая судьба, которая помешала осуществлению этого плана. В 1989 году Николай Губенко сменил Захарова на посту министра культуры.

Хаммер пытался вовлечь нового министра в переговоры о судьбе библиотеки Шнеерсона, но его усилия не принесли никаких положительных результатов. В декабре 1990 года, устав от бесплодных

попыток убедить Н.Н. Губенко вернуть библиотеку, Хаммер написал: «Я взял на себя смелость направить прилагаемое письмо Президенту Горбачеву, а также поблагодарить его и Вас и выразить надежду, что будут приняты все меры, чтобы приурочить возврат книг к ежегодному Празднику движения Хабад в Нью-Йорке, который отмечается в Нью-Йорке в следующий четверг»³³.

Намеченный четверг прошел, книги не вернулись, и вмешательство Горбачева не изменило ситуацию. Через несколько дней Хаммер получил письмо от Н.Н. Губенко, который писал: «Хочу информировать Вас о том, что собрание книг “Шнеерсон Агудас Хасидей Хабад” было национализировано в 1921 году и стало собственностью государства. Его передача противоречит интересам советского еврейства, потому что эта коллекция является национальным наследием страны и ценнейшим историческим памятником. В то же время я желал бы заверить Вас, что буду делать все, что могу, чтобы передать, в пределах возможного, копии этих документов заинтересованным религиозным деятелям. Этот вопрос необходимо тщательно обсудить в научных и религиозных кругах, чтобы определить соответствующую юридическую основу, что потребует времени»³⁴. Эти слова Губенко повторял снова и снова. Он даже направил личное письмо ребе Шнеерсону лишь для того, чтобы заявить, что библиотека является частью российского культурного наследия³⁵. Дело о хасидской библиотеке Н.Н. Губенко воспринял как цель своей жизни, свою миссию, и делал все возможное, чтобы не допустить возврата библиотеки Хабаду.

Вскоре Н.Н. Губенко получил отзывы советских «научных кругов». Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев заявил, что считает «необходимым вернуть рукописи и книги, хранящиеся в ГБЛ (Государственной библиотеке имени Ленина) их законному владельцу, седьмому любавическому раввину». Д.С. Лихачев писал: «По моему мнению, они не представляют научной ценности для древнееврейских исследований в СССР, потому что в них содержатся только богословские и литургические материалы, связанные с любавической ветвью хасидизма». Академик подчеркнул свою уверенность в том, что «передача указанных рукописей и книг не создаст прецедент для передачи любых других рукописей и книг другим странам»³⁶. Того же мнения придерживался Семен Якерсон, хранитель еврейского фонда в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР³⁷. Но Н.Н. Губенко не собирался менять свое решение.

Сотрудники Ленинской библиотеки вели настоящую «войну» с хасидскими раввинами, которые требовали возврата своих священ-

ных книг. Война разгоралась в условиях полного упадка как материальной базы, так и системы обслуживания библиотеки. В здании книгохранилища появились трещины в результате строительства под ним станции метро «Боровицкая». Изящный Дом Пашкова (XVIII век), выходящий окнами на Кремль, уже в 1982 году остро нуждался в капитальном ремонте. К 1991 году на нем появилось множество трещин. В 1989 году Министерство культуры СССР, по согласованию с директором Ленинской библиотеки Н.С. Карташовым, объявило о плане, по которому библиотека закрывалась на реконструкцию на неопределенный срок, но это предложение вызвало общественный протест и, в конце концов, было отвергнуто. Разразившийся скандал обсуждался даже в Верховном Совете СССР³⁸. В годы гласности и перестройки жалобы на библиотеки были очень часты в среде интеллигенции и научных работников России. Например, как раз в момент приезда раввинов в Россию в январе 1988 года, сложившаяся ситуация в Отделе рукописей Ленинской библиотеки побудила десять заслуженных советских ученых, в том числе академика Д.С. Лихачева и председателя Археологической комиссии С.О. Шмидта, написать составленное в резких выражениях открытое письмо министру культуры В.Г. Захарову³⁹.

28 декабря 1989 года Верховный Совет сформировал Специальную экспертную комиссию, которая объявила открытый конкурс на замещение должности директора Ленинской библиотеки. Комиссия рекомендовала назначить директором библиотеки Игоря Святославовича Филиппова. Однако к ее рекомендации не прислушались. Министр культуры предпочел назначить на место Н.С. Карташова его заместителя А. Волика. План закрытия библиотеки был временно отложен. Однако два года спустя власти попытались оживить его.

Представители хабадского движения любавичей, в том числе Левин, возглавляющий Хабадскую библиотеку в Бруклине, вновь приехали в Москву 27 ноября 1990 года и пробыли там до мая 1992 года⁴⁰. Во время этого приезда ребе Левин передал Ленинской библиотеке еще один экземпляр дореволюционного каталога Хабада. Он вместе с коллегами сделал попытку самостоятельно сверить этот каталог с карточным каталогом восточного фонда ГБЛ, включающего гебраику (в том числе редкие книги). Во время своего пребывания в Москве в январе 1991 года группа Хабад получила экземпляры списков предварительного карточного каталога на иврите (281 карточка) по фонду, который в Отделе рукописей ГБЛ числился как «Коллекция рукописей на иврите» (фонд 182)⁴¹. Однако им не разрешили изучить ни одну из рукописей, которые уже были идентифицированы как имеющие происхождение из коллекции хасидских любавичей.

В мае 1991 года им позволили посетить Музей книги, где они лично встретились со специалистами по ивриту Самуилом Гольденбергом и Львом Даговичем. Когда их провели к стеллажам Отдела редких книг, на которых хранились книги Шнеерсона (и Полякова), Левин сразу опознал многие из книг Шнеерсона по особенностям переплета. Библиотечное руководство забеспокоилось, и хабадской группе была вынесена для изучения одна-единственная книга. На этот раз Левин указал Гольденбергу отчетливые пометы на переплете и инициалы Шнеерсона «J. S». (на иврите), которыми отмечались книги, принадлежавшие ребе Шнеерсону. На самом деле, как они объяснили работникам Отдела редкой книги, на всех его книгах имеются характерные пометы, в том числе характерный переплет из темно-зеленой искусственной кожи (обычно с маленькими отверстиями для шнуровки) с черным корешком из настоящей кожи, а также особенный экслибрис. Хабладу не была предоставлена возможность работать в читальном зале и не разрешали изучать книги, которые они ранее опознали в генеральном каталоге габраики (включающем редкие книги), расположенном на третьем этаже⁴².

Уже к началу 1990 года стало очевидно, что перемещение библиотеки Шнеерсона непосредственно в Бруклин вызовет сильное противодействие со стороны России. Была предложена еще одна идея: создать мемориал Шнеерсону в селе Любавичи Смоленской области. Такой мемориал в далекой деревушке мог бы включать музей или библиотеку, куда можно было бы перевезти книги. 15 декабря 1990 года заместитель председателя Совета Министров РСФСР Н. Малышев информировал представителей Хабада о поддержке «идеи создания мемориала “Любавичи” в деревне Любавичи в Смоленской области»⁴³. Н. Малышев также отметил предложение об организации Дома Маймонида в виде еврейского религиозно-медицинского центра, которое предполагалось представить на рассмотрение правительства города Москвы. Однако село Любавичи не оправдало ожиданий. Чиновники, совершившие туда весьма утомительную поездку, решили, что это неподходящее место для размещения хасидского центра⁴⁴.

По утверждению источников Хабада, президент М.С. Горбачев обещал хасидской общине, что библиотека Шнеерсона будет возвращена Любавической общине. Этого не произошло, и Хабад подал заявление в суд в Москве. В ответ на заявление Государственный арбитраж РСФСР 8 октября 1991 года издал постановление, в котором делалось заключение, что «представленные документы не подтверждают факт приобретения библиотекой Шнеерсона статуса государственной собственности. Оспариваемая коллекция книг и ру-

копией также не может быть объявлена бесхозной, поскольку в течение ряда лет, начиная с 1922 года, владелец книг и рукописей обращался в разные советские государственные органы с ходатайством об их возврате».

Итак, Государственный арбитраж постановил: «Признать иск религиозной еврейской хасидской любавической общины ХАБАД о возврате собрания книг и рукописей, известных как библиотека Шнеерсона, действительным и удовлетворенным. Обязать Государственную библиотеку им. В.И. Ленина вернуть в течение одного месяца библиотеку Шнеерсона религиозной еврейской хасидской любавической общине ХАБАД»⁴⁵.

10 октября коллектив Ленинской библиотеки провел собрание, которое, признав, что решение суда «незаконно», отказалось возвращать библиотеку Шнеерсона и потребовало, чтобы правительство увеличило вдвое зарплату всем сотрудникам и закрыло здание на реконструкцию. В случае если их требования не будут удовлетворены до 1 ноября, работники библиотеки начнут забастовку.

В решении собрания коллектива говорилось: «Дорогие соотечественники! Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина находится под угрозой разрушения и разграбления... Государственный арбитраж РСФСР под давлением исполняющего обязанности Председателя Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатова решил передать еврейской религиозной общине Хабад, организованной в январе 1991 года [речь идет о российском отделении Хабада — К.А.], часть собрания Государственной библиотеки имени В.И. Ленина, спасенного библиотекой в 20-е годы и в тот же период национализированного государством... Создан прецедент — началось разграбление фондов Библиотеки»⁴⁶.

До забастовки дело не дошло, но сотрудники стали саботировать свои обязанности чисто по-русски: во всех читальных залах из настольных ламп исчезли электролампы. Но закаленные жизнью русские читатели нашли выход: они приходили в библиотеку с собственными лампочками и ввинчивали их в настольные лампы⁴⁷.

Тем временем судебное решение перешло в более высокую инстанцию. 18 ноября 1991 года Государственный арбитраж РСФСР отменил прежнее решение об «установлении прав собственности на Библиотеку Шнеерсона». Другими словами, он не принял никакого решения по доводу Ленинской библиотеки, что «оспариваемая коллекция книг и рукописей была национализирована и является собственностью государства; как таковая она не может быть предметом спора о праве собственности». Вместо этого он принял компромиссное решение, признав, что с середины ноября месяца в дело была

включена «Еврейская национальная библиотека» (в Москве). Суд распорядился, чтобы «Государственная библиотека имени Ленина передала всю коллекцию книг и рукописей, известных как библиотека Шнеерсона, Еврейской национальной библиотеке». Физическая передача должна была «начаться 18 ноября 1991 года». В решении также принимались во внимание «существующие трудности и различные толкования термина “библиотека Шнеерсона”», и что если экспертам не удастся договориться о составе библиотеки, «суд отдельным решением назначит независимых экспертов»⁴⁸.

Поскольку вывоз книг за границу исключался, была сделана новая попытка достичь компромисса: идея состояла в том, чтобы немедленно создать Еврейскую национальную библиотеку в рамках новой Еврейской академии в Москве, организуемой с помощью Хабада, как «компромиссное местонахождение» для книг Шнеерсона. Поскольку такая библиотека находилась все еще на этапе планирования, в 1991 году было создано высшее учебное заведение под названием Государственная еврейская академия. Возглавляемая Вероникой Ириной-Коган в 2000 году эта академия вошла в состав новой Государственной классической академии им. Маймонида⁴⁹. Однако в конце 1991 года, с развалом СССР и при едва функционирующем правительстве, руководство ГБЛ отказалось выполнить решение Государственного арбитража. Правительство было едва ли в состоянии обеспечить исполнение судебного решения⁵⁰.

20 ноября разочарованные представители Хабада объявили голодовку в вестибюле подъезда № 2 административного корпуса библиотеки, требуя исполнения решения. Через два дня библиотека была закрыта на основании «Предписания технической инспекции труда № 5/28» (от 20 ноября). Официальной причиной закрытия стало «превышение допустимого уровня концентрации пыли, микробов и т.д.», но реальной причиной были хасидские раввины, молившиеся в одном из главных вестибюлей Библиотеки⁵¹.

Настойчивые попытки представителей Хабада вернуть библиотеку Шнеерсона спровоцировали антисемитские демонстрации на ступенях закрытой библиотеки. Ультранационалистическая московская газета «Земщина» писала: «Хасидские рукописи из библиотеки Шнеерсона... хранящиеся в ГБЛ (Государственной библиотеке имени Ленина), принадлежат русскому народу как неоспоримое свидетельство ритуальных преступлений талмудических жидов»⁵².

Тем не менее в Ленинской библиотеке в 1991 году проблему воспринимали серьезно — была сформирована комиссия с участием сотрудников — специалистов по ивриту для изучения библиотеки Шнеерсона. В отчете комиссии содержалась обоснованная оценка

коллекции, но, тем не менее, утверждалось, что «собрание книг и рукописей составляет неотъемлемую часть фондов Государственной библиотеки СССР и часть национального наследия». Отчет был подписан семью членами комиссии, и в нем объяснялось, что коллекция отражена в каталоге как часть так называемой библиотеки Полякова, но что при этом не имеется никаких данных о том, что известный еврейский банкир и строитель железных дорог Самуил Поляков (1889—1937) вообще когда-либо имел библиотеку. Так называемая «Библиотека Полякова» на самом деле представляла собой смесь иудаики и гебраики из восьми других дореволюционных коллекций, помимо коллекции Шнеерсона. В нее вошли фонды Библиотеки Московской богословской академии, Московской центральной еврейской библиотеки, Троице-Сергиевой лавры и нескольких других еврейских источников. Очевидно, эти материалы, приобретенные Румянцевским музеем, а позже Ленинской библиотекой, в ходе национализации, никогда полностью не обрабатывались, и большая часть их все еще хранилась в Химках. В отчете отмечалось, что в 1985 году 1 200 книг (издания 1500—1600 гг.) прошли повторную обработку, которая не обнаружила никаких признаков принадлежности их Полякову. Далее описывались экслибрисы и другие отличительные пометы, имевшиеся на многих книгах Шнеерсона, а также содержание и характер десяти категорий литературы, представленных в коллекции (что было несомненным следствием посещения и указаний хабадской делегации). Комиссия согласилась с тем, что следует организовать соответствующее место для сохранения этой уникальной коллекции, где она стала бы доступной для отечественных и иностранных специалистов, а также изготовить страховые микрофильмы⁵³.

24 января 1992 года библиотека открылась вновь, и ее директором назначили И.С. Филиппова, но книги, когда-то принадлежавшие Шнеерсону, так и не были возвращены. 29 января правительство Российской Федерации издало распоряжение № 175-п «удовлетворить ходатайство представителей движения... Агудас Хассидей Хабад о передаче бывшей Государственной библиотекой имени В.И. Ленина книг и рукописей из собрания Шнеерсона в Государственную еврейскую академию имени Маймонида». 30 января И.С. Филиппов подписал приказ (второй приказ, изданный новым директором) о создании специальной комиссии из четырех человек, которая отвечала бы за отбор и передачу книг Шнеерсона. В комиссию должен был войти и ребе Левин⁵⁴. Однако книги так и не были переданы⁵⁵.

Одновременно, на фоне неразберихи переходного периода, Ленинская библиотека пыталась «пересмотреть решение, принятое Госарбитражем Российской Федерации от 18 ноября 1991 года». 14 февраля 1992 года исполняющий обязанности Государственного арбитра Российской Федерации Б.И. Пугинский издал постановление, объявлявшее утратившими юридическую силу решения, принятые советским Арбитражем в последние месяцы 1991 года. Среди прочих факторов суд получил официальное уведомление, что «ни Министерство культуры Российской Федерации, ни Московский городской комитет по культуре не получал никакого заявления о регистрации юридического лица под названием «Еврейская национальная библиотека “Дом Маймонида”». К тому же «эта община не имеет полномочий подавать иск о физической передаче имущества». Кроме того, вывод о том, «что библиотека Шнеерсона принадлежит Любавическому ребе, не имеет под собой оснований». На основании всего перечисленного суд постановил отменить все решения 1991 году по делу Шнеерсона № 350/13 и «прекратить все судопроизводство по иску 350/13», поданному в советский Госарбитраж⁵⁶. Даже после смены Государственного арбитра Российской Федерации, по данным Хабада, Президент Б.Н. Ельцин обещал, что библиотека Шнеерсона будет возвращена общине Любавичей. Однако он не сдержал слова.

Антисемитская пропаганда «Земщины» и других газет фашистского толка оказалась весьма эффективной. В 1992 году произошел взрыв в хасидской синагоге на улице Большая Бронная, в которой «Дом Маймонида» был зарегистрирован и куда предполагалось перевезти библиотеку Шнеерсона. Год спустя была сожжена еще одна московская синагога, расположенная в Марьиной Роще. В 1996 году в результате сильного взрыва погибли три человека, и была разрушена стена только что восстановленного здания этой синагоги⁵⁷. В 1998 году в здании снова прогремел взрыв. В заявлении Конгресса российской интеллигенции говорилось, что этот взрыв «лишь одно звено в цепи событий, связанных с проявлениями фашизма и неонацизма в России»⁵⁸. Никто из виновных в этих преступлениях не был найден и наказан.

После отмены иска и отказа в дальнейшей судебной тяжбе со стороны заново созданного российского суда Хабад стал на путь политического давления. За океаном, в Америке, усилия разных групп любавических хасидов, ратовавших за возврат коллекции Шнеерсона, охотно поддерживались влиятельными политиками. В марте 1992 года Альберт Гор, тогда сенатор от штата Теннесси, доложил о деле Шнеерсона в сенате США. В письме Гора, переданном в «Отче-

ты Конгресса», говорилось: «Если решения российских судов не в состоянии противостоять решениям советских министров, тогда ничего не изменилось. Любой западный бизнесмен, подумывающий о том, чтобы установить финансовые отношения с любым российским учреждением, должен учитывать, что в Российской Республике контракты обеспечены правовой санкцией не в большей мере, чем они были обеспечены в Советском Союзе. В будущем правительству Соединенных Штатов при передаче на утверждение сената любых соглашений с участием России будет трудно объяснить, как будут регулироваться споры судебным путем, если российские суды бессильны приводить свои решения в исполнение»⁵⁹. В письме Гора утверждалось, что в такой политической атмосфере возврат «Смоленского архива» России представляется совершенно невозможным. Увязка «Смоленского архива» и библиотеки Шнеерсона выстраивалась Госсекретарем США Джеймсом Бейкером, который писал сенатору Либерману о том, что он «лично проинформировал Президента Ельцина о том, что мы готовы вернуть России “Смоленские архивы” как часть соглашения, согласно которому рукописи Шнеерсона возвратились бы Любавичам»⁶⁰.

20 января 1993 года Уильям Клинтон был торжественно введен в должность Президента Соединенных Штатов. Альберт Гор стал вице-президентом. Отныне судьба архивных дел, захваченных в качестве трофея нацистами в Смоленске, находилась под личным контролем вице-президента Соединенных Штатов. 14 апреля 1993 года исполняющая обязанности Главного архивиста Соединенных Штатов Труди Хаскэмп Питерсон направила в адрес Альберта Гора ответ на запрос, в котором писала: «Недавно во время одного разговора Ваш помощник Брэд Висс пожелал получить заверения, что Национальное управление архивов и документации не будет в одностороннем порядке возвращать документы Смоленской области правительству России. Я заверяю Вас, что Национальный архив не будет предпринимать никаких действий в этом направлении без консультации с Управлением вице-президента и Государственным департаментом»⁶¹. Таким образом, по требованию Управления вице-президента возврат «Смоленского архива» был заблокирован. Теперь у Вашингтона появился «заложник», и в 1993 году между Соединенными Штатами и Российской Федерацией были продолжены дипломатические переговоры на высоком уровне от имени Хабда, причем у руля стоял не кто иной как вице-президент Альберт Гор.

В результате был выработан «Меморандум взаимопонимания», который и был подписан 16 декабря 1993 года Леоном Фюзртом,

помощником вице-президента Гора по вопросам национальной безопасности, и Е.Ю. Сидоровым, министром культуры Российской Федерации. В нем излагался ряд мероприятий, призванных ослабить — но едва ли разрешить — спор о библиотеке Шнеерсона. В «Конфиденциальных согласованных принципах» содержались планы создания новой структуры, в которой эта коллекция «будет доступна всем серьезным пользователям», где будут предусмотрены «возможности для совершения религиозных обрядов», «как можно скорее будет осуществлена каталогизация» и «коллекция также будет микрофильмирована». Далее подчеркивалась необходимость проведения экспертной оценки. Расходы по «обеспечению сохранности, содержанию, использованию, каталогизации, микрофильмированию, обучению и страхованию коллекции» должны были делиться между двумя сторонами, причем Хабад «проявил готовность нести справедливую долю расходов»⁶².

С целью освящения соглашения 16 декабря 1993 года российская сторона вручила вице-президенту Гору одну книгу XIX века из собрания Шнеерсона в Москве. Во время посещения Альбертом Гором Музея книги РГБ ему показали хорошо оборудованное книгохранилище, где хранились редкие книги из этой коллекции. Ему не объяснили, что даже через десять лет эти редкие книги не предполагалось переводить в новую структуру вместе с остальной частью библиотеки Шнеерсона. Наверное, для сопровождавшей его прессы знакомство Гора с древнееврейскими раритетами было прекрасным сюжетом для фотографий, но в бруклинском очаге Хабада царило разочарование. Ни Хабад, ни заново созданная Российская государственная библиотека (РГБ) не участвовали в подписании «Конфиденциальных согласованных принципов», и этим, может быть, объясняется их затянувшаяся реализация и то, что даже обещанный каталог едва сдвинулся с места.

В связи с увязкой «Согласованных принципов» с заокеанскими президентскими интригами «перевод коллекции на новое место в Москве [должен был] начаться ко времени встречи в верхах между президентами Клинтон и Ельциным, намеченной на середину января 1994 года»⁶³.

То, что последовало за этим, было, пожалуй, еще одной неловкой попыткой найти компромисс и спасти престиж в трудной тупиковой ситуации, которая быстро перерастала в очередной политический кризис. Зимой 1994 года Российская государственная библиотека выдала семь книг из собрания Шнеерсона по международному межбиблиотечному абонементу Библиотеке Конгресса. Книги были торжественно вручены Президенту Клинтону во время его визита в

Москву в январе того же года. Передача ряда книг Шнеерсона по межбиблиотечному абонементу была одним из пунктов «Меморандума о договоренности» 1993 года, но то, что перевод всей коллекции в новую структуру в Москве планировалось приурочить к встрече в верхах в 1994 году, разумеется, не афишировалось.

Идея о межбиблиотечном обмене (до сих пор никак не документированная) была совместным детищем американских политиков и российского Министерства иностранных дел. Имелась договоренность, что выданные книги на самом деле будут не более чем «жестом доброй воли». Предполагая, что русские не станут требовать возврата книг, Библиотека Конгресса передала их общине Хабад. Однако Министерство культуры по запросу Российской государственной библиотеки стало требовать их возвращения. Чиновник российского Министерства внутренних дел И. Петелин пообещал американскому послу Томасу Пикерингу, что вопрос о возврате семи книг больше не будет подниматься. Однако он был поднят. В начале лета российская сторона принялась составлять список из 24 книг, которые она хотела бы получить в качестве «компенсации» за семь книг, переданных по «межбиблиотечному абонементу». В июле месяце вице-президент Гор имел встречу с премьер-министром В.С. Черномырдиным, во время которой американцам был передан список пожеланий. Ребе Кьюнин продемонстрировал невероятную оперативность в нахождении книг, затребованных российской стороной. Все они были обнаружены в Израиле и в течение суток посланы в Посольство США в Москве. Однако обмен так и не произошел.

В августе месяце Альберт Гор встретился с председателем Совета Федерации Российской Государственной Думы В.Ф. Шумейко во время его визита в США. Вице-президент обсудил с ним проблему книг Шнеерсона, но без всякого результата. В сентябре ребе Кьюнин и посол Томас Пикеринг планировали встретиться в Москве с И. Петелиным и М.Е. Швыдким, в то время заместителем министра культуры, для обсуждения вопроса о планируемом обмене, но встреча была отменена, поскольку российская сторона изменила свое решение и настаивала на том, чтобы американцы вернули семь книг, выданных Библиотеке Конгресса⁶⁴.

22 сентября 1994 года сенаторы Джордж Митчелл, Джозеф Либерман, Боб Доул и Фрэнк Лотенберг направили на имя Владимира Шумейко письмо, в котором просили его содействия в возврате коллекции Шнеерсона: «И администрация и Конгресс неоднократно поднимали этот вопрос перед президентом Ельциным и бывшим послом Лукиным; оба заверяли нас, что книги будут возвращены в

ближайшем будущем. Несмотря на эти заверения, на сегодняшний день только восемь книг из коллекции общим числом 12 тысяч томов возвращены в Библиотеку Конгресса США»⁶⁵. В тот же день сенаторы обратились к вице-президенту Гору с просьбой усилить давление на российскую сторону. Они писали: «Ваше ведущая роль в этом вопросе имела решающее значение для получения от России согласия вернуть тексты и в возвращении тех восьми книг, которые уже получены»⁶⁶. В своих письмах сенаторы говорят не о семи, а о восьми книгах. Это не ошибка: российская сторона вручила еще одну книгу из библиотеки Шнеерсона вице-президенту Гору во время его визита в Москву в 1993 году.

Раздраженные позицией российского Министерства культуры, представители Хабада в США угрожали, что если коллекция Шнеерсона не будет возвращена, они будут выступать за принятие законодательства, которое перекроет любое финансирование Министерства культуры со стороны США. Ребе Кьюнин уже имел опыт подобной политической тактики: он вел работу среди законодателей за включение в законодательство по «Фонду свободы» специального положения, известного как поправка Гора-Либермана, гласящего, что любая организация, получающая средства из «Фонда свободы», не должна вести дела с Российской государственной библиотекой⁶⁷.

В начале 1995 года Российская государственная библиотека подала жалобу в Международную федерацию библиотечных ассоциаций (ИФЛА) в Гааге, в которой заявлялось, что Библиотека Конгресса не вернула книги, полученные по международному абонементу⁶⁸. Библиотека Конгресса стала заложником политической игры в «жесты доброй воли», которая на поверку оказалась не более чем неумелой попыткой ельцинского правительства временно снять проблему, которую оно не могло решить на деле.

Российские политики и бюрократы воспользовались возможностью использовать отказ США вернуть смоленские архивные дела, пока книги Шнеерсона покрывались пылью в хранилищах Российской государственной библиотеки (бывшей Библиотеки имени Ленина), в качестве «козырной карты» в переговорах Российской Федерации с правительствами европейских стран, требовавших возврата из Москвы их собственных захваченных архивов⁶⁹.

А тем временем в России принимались новые законы и президентские указы, исключавшие возврат библиотеки Шнеерсона. Был наложен запрет на 1) право законных наследников заявлять права на негосударственные культурные ценности, национализированные при советской власти, и 2) право наследников, постоянно проживающих за рубежом, заявлять права или отчуждать за границу библиотечные

и рукописные материалы, созданные или хранящиеся на территории России. Кроме того, 3) согласно официальному постановлению, по которому Государственная библиотека имени Ленина (ГБЛ) переименована в Российскую государственную библиотеку (РГБ), ее фонды признавались «особо ценной, неотъемлемой частью российского культурного наследия», а принятый ранее, в 1991 году, указ президента запрещал «распыление такой собственности путем продажи, дарения или любой другой формы отчуждения»⁷⁰. Все эти юридические препятствия объясняют трудности, с которыми столкнулось российское правительство в своих попытках разрешить возврат коллекции, и почему даже политические лидеры высокого ранга прибегали к таким уловкам, как межбиблиотечный абонемент.

Среди юридических причин Гримстед отмечает, что возврат хасидских книг неосуществим потому, что данное собрание «по действующему российскому законодательству должно признаваться составной частью официального архивного наследия Российской Федерации»⁷¹. Однако это высказывание не вполне верно: данная коллекция включает главным образом книги, в то время как только рукописи и книги со значимыми формально подпадают под действие российского законодательства по архивам. Эту мысль подтверждает высказывание, сделанное в предисловии к тому Утраченных архивных фондов, подготовленному совместно Министерством культуры Российской Федерации и Российской федеральной архивной службой (Росархивом). Возражая против американских предварительных условий возврата «Смоленского архива», авторы предисловия подчеркивают, что библиотека Шнеерсона «не имеет ничего общего... с российскими архивами в целом»⁷². В момент появления этой публикации хасидская община в Бруклине не знала, что в Российском государственном военном архиве (ранее входившем в состав Центрального государственного особого архива, или ЦГОА) по-прежнему хранился фонд Шнеерсона. Оказывается, эти рукописные материалы представляют собой документы, перемещенные в результате Второй мировой войны, и поскольку они были похищены у жертв Холокоста, сегодня можно требовать их реституции.

Ирония ситуации в том, что возврат «Смоленского архива» был возможен при смене президентских администраций в США. Такая смена произошла в 2001 году. А в 2002 году представители «Проекта по искусству и архивам» организовали дискуссию о необходимости реституции «Смоленского архива». Эти действия были бы невозможны, если бы не информация, найденная Патрицией Гримстед, которая в течение многих лет выступала за возврат архива в Смо-

ленск. На начальном этапе дискуссии стало ясно, что вокруг «Смоленского архива» в Вашингтоне возникла некая легенда.

Сенатские слушания по библиотеке Шнеерсона и заявление, переданное Гором в «Отчеты Конгресса» в 1992 году, послужили основой для всеобщей убежденности, что архив невозможно вернуть в Россию на законных основаниях, потому что резолюция сената была будто бы оформлена как законодательный акт Конгресса. Однако на самом деле сенат в 1992 году не предпринял никаких юридических действий в связи со смоленскими архивными делами. Юриисконсульт Национального архива подтвердил открытие Патрисии Гримстед. Фактически не имелось никаких юридических препятствий для реституции архива. Но политические препятствия были более чем серьезными. Усилия Государственного департамента, и особенно посла Джеймса Бинденейджела, а также политические маневры влиятельных сторонников возврата архива в Россию, позволили преодолеть серьезные, а нередко и неожиданные, шаги известных политиков, имеющих тесные связи с хасидской общиной.

С другой стороны, многие представители Хабада понимали, что агрессивные действия едва ли помогут разрешить проблему библиотеки Шнеерсона. Хасидский раввин Берл Лазар, назначенный Главным раввином России, сказал в интервью одной из ведущих российских газет:

«Необходимо принять во внимание, что эти уникальные книги собирались хасидской общиной в течение 200 лет. Для евреев это было ужасной потерей. В данном случае имелось решение суда; затем Президент Ельцин издал собственный указ о возврате этих сокровищ. Однако, как мы знаем, проблема все еще не решена. Я понимаю позицию, занимаемую сегодня правительством. Мы говорим о культурных ценностях.

Если мы создадим прецедент и возвратим бывшим владельцам то, что было конфисковано в годы советской власти, в суды будут поданы тысячи исков. Невозможно вернуть все всем. Если подобный процесс начнется, его будет невозможно остановить. Такая позиция правительства, и я прекрасно ее понимаю, но я не могу ее принять. Для всех евреев собрание Шнеерсона является в первую очередь культурным и духовным сокровищем. В этой ситуации шумные действия не помогают разрешению спора, а только делают его невозможным⁷³.

Очевидно, без ведома еврейской прессы и общественности по обе стороны Атлантики, к тому времени, когда писались эти эмоциональные слова, Бруклинский Хабад и Российская государственная библиотека пришли к пониманию и спокойным совместным

действиям в отношении объема и содержания наследия Шнеерсона в Москве, хотя до сих пор не было ни каталога, ни даже списка сокращенных названий, который является предварительным условием любого официального иска.

По сообщению директора Бруклинской библиотеки Хабада ребе Левина, в течение следующих двух недель его пребывания в Москве в июле 2000 года он проверил 12 тысяч книг, считавшихся составной частью собрания Полякова в Восточном фонде РГБ. Вместе с сотрудником библиотеки, который занимался описанием книг на иврите, он опознал 4 354 книг, имевших четкие пометы Шнеерсона (экслибрисы, характерные переплеты или другие идентифицирующие знаки). Большинство из них хранилось на 11-м этаже главного книгохранилища РГБ, но часть находилась на 10-м этаже вспомогательного библиотечного здания в Химках. На те книги, в отношении которых они приходили к согласию, наклеивался ярлык «Любавическая коллекция». В своем отчете Левин пишет о «первоначальном каталоге Любавического собрания», хранящемся в Бруклинской библиотеке Хабада (насчитывающем 5 619 названий), копия которого была представлена в РГБ, но за недостатком времени они не смогли проверить все 12 тысяч томов. Они установили, что многие из тех 12 тысяч книг, которые были получены Ленинской библиотекой в 1920-е годы как часть Библиотеки Полякова, не принадлежали к Любавической библиотеке и имели другие пометы о происхождении⁷⁴.

Левин уехал разочарованный в возможности дальнейшей работы по опознанию, понимая, что потребуется большой и утомительный труд, чтобы сверить весь Любавический каталог с каталогами РГБ и изучить все без исключения тома для определения библиотечных помет. Он пробыл в Москве всего две недели — время, которого едва ли хватило бы на то, чтобы закончить изучение 12 тысяч томов. Пять лет спустя в справке, подготовленной к слушаниям в Конгрессе США (апрель 2005 года), он жалуется на то, что «руководство Российской государственной библиотеки не дало мне возможности закончить изучение содержания Библиотеки». Он объясняет, что ему не «разрешили увидеть ни одну из 381 рукописей... мне также не разрешили закончить сверку первоначального каталога, в котором описывается содержание Библиотеки, с подборкой книг, которые, как утверждала Российская государственная библиотека, содержали книги, составлявшие Библиотеку»⁷⁵. Со времени отчета Левина 2000 года не появилось никаких сведений о дальнейшем прогрессе со стороны сотрудников РГБ даже в продолжении предварительной идентификации, при том что в РГБ все еще не хватает квалифициро-

ванных специалистов по ивриту. РГБ не предоставила специалистов и не желает взять на себя сколько-нибудь значительную часть расходов на оценку и обработку книг, которые она так стремится держать у себя. Хабад также не стремится нести дальнейшие расходы по каталогизации⁷⁶.

Левин сообщал о наличии «еще по крайней мере 110 любавических книг в Отделе редких книг [Музее книги] РГБ», но во время его приезда в 2000 году ему, по его словам, не разрешили изучить ни одну из книг, находящихся в Музее книги⁷⁷. Однако в октябре 2004 года специалисты по редкой книге Российской государственной библиотеки ставят под сомнение эту цифру, утверждая, что до сих пор только 67 названий (плюс, может быть, еще 20—30) были положительно опознаны как принадлежащие к библиотеке Шнеерсона. Кроме того, застопорилась работа по завершению предварительного каталога, составленного С. Гольденбергом в 1980-е годы, и сверке его с первоначальным любавическим каталогом и самими книгами. С момента эмиграции С. Гольденберга в 1992 году и по настоящее время, в Музее книги нет специалиста по ивриту, и подобная ситуация не внушает оптимизма в отношении скорейшего завершения идентификации и профессионального описания книг.

Левин также утверждает, что еще примерно 280 рукописей на иврите из библиотеки Шнеерсона хранятся в Отделе рукописей РГБ⁷⁸. Как и во время предыдущих посещений, в 2000 году в Москве ему не разрешили изучить ни одну рукопись. Поэтому данная цифра основывается на предварительном списке из 281 рукописи, хранящихся в фонде 182 Отдела рукописей РГБ, как указано в копиях карточек, выданных хабадской группе до 1988 года. И в этом случае, как выяснила Патриция Гримстед во время беседы со специалистами по восточным рукописям в Отделе рукописей РГБ в октябре 2004 года, работа по описанию совсем не велась. Специалисты не могли даже предоставить количественную оценку рукописей шнеерсоновского происхождения, которые могли содержаться в их не до конца обработанной коллекции рукописей на иврите⁷⁹.

По словам специалистов из Отдела рукописей (октябрь 2004), изготовлены микрофильмы рукописей Шнеерсона, которые сейчас находятся в Еврейской национальной и университетской библиотеке (JNUL) в Иерусалиме. Когда специалистам из РГБ был задан вопрос о характере и объеме шнеерсоновских рукописей, находящихся в Москве, они предложили обратиться в JNUL. Патриция Гримстед адресовала этот вопрос директору Центра микрофильмированных ивритских рукописей при JNUL Бенджамину Рихлеру, но, поскольку Рихлер не изучал *de visu* подлинники рукописей в самой Москве и не

имел представления ни об источнике, ни о подробностях их приобретения, он был не в состоянии дать оценку их происхождения, основываясь лишь имеющихся микрофильмах 275 рукописей. Когда же он высказал предположение, что часть шнеерсоновских рукописей поступила из Библиотеки Страшуна в Вильнюсе, а прочие — из Крыма, стало ясно, что эти рукописи никогда не входили в состав библиотеки Шнеерсона⁸⁰. Вполне возможно, что некоторые из шнеерсоновских рукописей, находящихся в Отделе рукописей РГБ, перемешались с «трофейными» рукописями различного происхождения, которые ГБЛ получила из Особого архива (ЦГОА) в первое послевоенное десятилетие. Возможно, некоторые рукописные материалы поступили в конце 1940-х годов из Особого архива, который получил их с материалами, оставленными Шнеерсоном в Варшаве в 1939 году. В этом случае эти материалы отвечают требованиям реституции согласно российскому законодательству, которое допускает возврат собственности жертвам нацистской агрессии⁸¹. Этот вопрос очень запутан, потому что, вероятно, многие из поступлений на иврите с начала 20-х годов никогда полностью не обрабатывались в Ленинской библиотеке, в отличие от рукописей Библиотеки Гинцберга, которые были приобретены и описаны в XIX веке⁸². Более того, до сих пор неясно, являются ли примерно 200 хасидских рукописей, описанных Игорем Медведевым, составной частью того же собрания⁸³.

По-видимому, большинство рукописей на иврите, приобретенных в 20-е и 30-е годы, дополненные теми, которые поступили вместе с военными «трофеями», до сих пор хранилось в не полностью обработанной «Коллекции рукописей на иврите» (фонд 182). Рихлер в начале 90-х годов, когда он посетил библиотеку с целью организовать микрофильмирование для JNUL, имел возможность ознакомиться с этим фондом. По его утверждениям, не все рукописи были зарегистрированы и должным образом обработаны (учитывая их «трофейный» статус), и он опасается, что некоторые из самых ценных, «исчезли» — перекочевали на рынок антиквариата либо в Восточной Европе, либо, что вполне возможно, в Израиле⁸⁴.

Когда полемика вокруг коллекции возникла в Конгрессе США, Отдел гебраики Библиотеки Конгресса приобрел микрофильмы JNUL 275 рукописей, в том числе из библиотеки Шнеерсона. Хотя они не были обработаны как индивидуальные поступления, коллекция микрофильмов доступна для ученых в Отделе гебраики, причем имеется путеводитель на иврите, где приводятся краткие заглавия и авторы, взятые из онлайн-базы данных JNUL, со ссылкой на

первоначальные шифры РГБ и номера рулонов микрофильмов JNUL⁸⁵.

Итак, мы имеем чрезвычайно запутанную картину собрания библиотеки Шнеерсона, приобретенной Ленинской библиотекой в 1920-е годы, а ныне хранимой ее преемником РГБ, притом настолько ревностно, что все еще невозможно представить объективные данные о численности книг, редких книг и рукописей. Гebraика и иудаика в советское время не подпадала под особый режим хранения, и точно так же, как выдвигались обвинения в возможной распродаже в 20-х годах, так и сейчас делаются заявления о неустановленных рукописях, «пропавших» в последние десятилетия. Хотя новый Восточный центр задуман как место, куда стекаются все книги на иврите и идише, числящиеся в Восточном фонде РГБ (причем для материалов Шнеерсона выделена отдельная комната), согласно действующим планам и договоренностям, не может быть и речи о передаче в этот центр редких книг и рукописей — вероятно, самой ценной части наследия Шнеерсона в РГБ. Но даже если бы имелись финансовые средства на изготовление микрофильмов редких книг и рукописей, подобный проект не мог бы начаться до тех пор, пока библиотекари по обе стороны Атлантики не придут к общему мнению о количестве книг и рукописей и не сделают подробное описание всей коллекции.

Согласно отчету ребе Левина 2000 года в Москве имеются примерно 98 архивных дел любавического происхождения, датируемых 1927—1933 годами, а именно, фонд документов ребе Йозефа-Исаака Шнеерсона, хранившиеся в бывшем Особом архиве (ЦГОА СССР), который ныне входит в Российский государственный военный архив (РГВА). Хотя фонд не числится в новейшем списке фондов, опубликованном РГВА, сотрудники РГВА подтверждают его наличие здесь (РГВА. Фонд 706к. 98 дел, 1907—1932 гг.)⁸⁶. Фонд описан в недавно вышедшем путеводителе по материалам, относящимся к истории и культуре евреев в трофейных коллекциях бывшего Особого архива⁸⁷. Библиотека Хабада в Бруклине купила ксероксные копии всех документов фонда. Насколько удалось выяснить, эти материалы остались в Варшаве (вероятно, в Американском посольстве), когда ребе Шнеерсон бежал в Ригу вслед за германским вторжением в 1939 году. По словам архивистов РГВА, эти дела были приобретены вместе с содержимым другого большого тайника еврейских документов, поступившего из Силезского архивного центра RSHA в Вёльфельсдорфе (близ Хабельсвердта, в 110 км к югу от Бреслау/Вроцлава)⁸⁸. В этом фонде 706к сегодня, возможно, представлены не все архивные материалы Шнеерсона, захваченные советскими

властями после Второй мировой войны. По некоторым сведениям, несколько дополнительных дел Шнеерсона были ошибочно отнесены к другим трофейным еврейским фондам в РГВА; но все эти материалы требуют более профессиональных и общедоступных каталогизационных данных. Нам известно, что в 1948 и 1949 годах в Ленинскую библиотеку был передан ряд материалов, написанных «древнееврейским письмом», так что теперь они, вероятно, перемешаны с материалами Шнеерсона в Отделе рукописей РГБ.

Тем временем политическая увязка реституции библиотеки Шнеерсона с возвратом «Смоленского архива» сохранялась, особенно после смены президентских администраций. 13 декабря 2002 года на церемонии в Министерстве культуры Российской Федерации посол США Александр Вершбоу вручил несколько символических дел из «Смоленского архива» министру культуры Российской Федерации М.Е. Швыдкому. В тот же день по другую сторону Атлантики представитель Государственного департамента и Национального архива США в Колледж-Парке (шт. Мэриленд) передал основную часть «Смоленского архива» представителю Российского посольства и главе Архивной службы Министерства иностранных дел Российской Федерации⁸⁹.

Впрочем, московские торжества не могли пройти без упоминания библиотеки Шнеерсона. И посол Александр Вершбоу и Рональд Лаудер в своих выступлениях выразили надежду на то, что проблема хасидских книг будет решена. В заявлении для СМИ, составленном аппаратом пресс-секретаря Государственного департамента, указывалось, что «Правительство США одобряет возврат нескольких томов из библиотеки Шнеерсона общине любавичей и предлагает Российскому правительству как можно быстрее вернуть остальную часть собрания Шнеерсона»⁹⁰.

Через три дня после официальной церемонии в Министерстве культуры шестнадцать книг из собрания Шнеерсона (предположительно дубликаты в РГБ) были переданы московской синагоге, возглавляемой любавичами. Еврейская пресса отреагировала незамедлительно: «Понадобились усилия трех американских администраций, обращения всех 100 американских сенаторов, руководителей государств из разных стран и еврейских лидеров всего мира, “чтобы получить эти 16 томов”, — заявил лос-анжелесский ребе Дэвид А. Кьюнин, который стоял во главе движения за возврат любавических книг», — сообщало Еврейское телеграфное агентство⁹¹. Было очевидно, что передача 16 книг была не более чем ответным жестом российской стороны на возврат «Смоленского архива». По словам журналиста Льва Кричевского, «Государственный департамент, ко-

торый годами добивался возврата “Смоленского архива”, мог бы договориться о разумном компромиссе: оба возврата не были бы официально или публично взаимосвязаны, но русские вернут общине любавичей в Москве хотя бы символический пакет шнеерсоновских книг после того, как Национальный архив США отправит дела из “Смоленского архива” в Москву»⁹².

Возможно, эта символическая передача любавичам и потеря «Смоленского архива» как «заложника» для обмена могли бы создать дополнительный стимул для дальнейшей серьезной работы по составлению профессионального каталога (с указанием помет о происхождении) по всем книгам Шнеерсона, начиная с особо редких книг и рукописей, в настоящее время находящихся в Москве. Даже если в ближайшее время возврат общине невозможен в России, составление каталогизационных описаний наряду с соответствующей работой по сохранению коллекции и организация открытого доступа в Российской государственной библиотеке в Москве послужили бы увеличению ее использования как верующими, так и другими исследователями. Издание какого-нибудь каталога библиотеки Шнеерсона, пусть даже в виде базы данных в Интернете, дало бы возможность самим членам общины Хабад и другим специалистам по ивриту во всем мире оценить наследие Шнеерсона в Москве и опознать его все еще разбросанные части. Кроме того, подобный каталог мог бы послужить основой для изготовления необходимых в целях сохранности микроформ, особенно редких книг и рукописей, и в свою очередь мог бы служить важным инструментом на переговорах о механизме объединения коллекции (по крайней мере, виртуального) в Бруклине. Пожалуй, можно было бы осуществить «виртуальное» компромиссное решение проблемы неудовлетворенных исков как альтернативы чрезмерно дорогостоящим судебным процессам. Вероятно, качественные оцифрованные копии могли бы удовлетворить потребности Российской государственной библиотеки, более ориентированной на «научные исследования» и «сохранение культурного наследия», и она бы могла возратить хабадским истцам оригиналы, имеющие религиозное значение.

Реакция прессы на реституцию «Смоленского архива» была в целом положительной. Впервые широкая российская общественность получила возможность познакомиться с историей архива, включая попытку Америки вернуть его в СССР в 1963 году. Большинство журналистов подчеркивали большое значение архива для американской советологии. Сергей Иванов писал в «Еженедельном журнале»: «В течение полувека “Смоленский архив” играл для сове-

тологов ту же роль, какую берестяные грамоты играли для исследователей древней Руси»⁹³.

Однако в прессе также попадались некоторые кисло-сладкие намеки: «Если бы американская сторона вернула документы... России в 1992 году, это могло бы иметь взрывной эффект. За последние десять лет мы столько узнали о нашей довоенной истории, что несколько новых цифр или фактов едва ли могли что-нибудь добавить к этому», — писали «Известия»⁹⁴.

Другие публикации видели в возвращении архивных дел из Вашингтона первый шаг заранее обдуманного заговора. Массовый журнал «Итоги» напечатал статью Дениса Бабиченко под язвительным заголовком «Меняем «сталинскую макулатуру» на шедевры Эрмитажа». В статье утверждалось: «Признанные музееведы опасаются, что возврат в Россию «сталинского мусора»... может дать начало массовой реституции». Д. Бабиченко нашел деятельность «Проекта по искусству и архивам» более чем подозрительной: по его словам, попытки собрать информацию о культурных ценностях жертв Холокоста в России могут привести к искам по таким объектам⁹⁵.

Д. Бабиченко назвал перечни культурных ценностей, принадлежащих жертвам Холокоста, которые были составлены российскими экспертами, сотрудничавшими с проектом, «самообличением». Он боится, что сотрудничество Министерства культуры Российской Федерации с проектом может привести к созданию «полного каталога ценностей с неясным правовым статусом, находящихся в России». В своей статье Д. Бабиченко ссылается на «Договор о сотрудничестве между Министерством культуры Российской Федерации и Научным проектом по искусству и архивам», который, по его словам, «Итоги» не могли получить. (В тот период договор был свободно доступен на веб-сайте Комиссии по возвращению произведений искусства)⁹⁶.

Д. Бабиченко не упоминает, что создание «полного каталога» не является задачей «Проекта по искусству и архивам», а скорее юридической обязанностью Министерства культуры, которому было предложено создать и опубликовать такой каталог не благодаря желанию и финансированию его американских партнеров, а во исполнение положений российского законодательства. Журналист не заметил, что в постановлении Правительства Российской Федерации «О мерах по реализации федерального закона «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР во время Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации»» от 11 марта 2001 говорится, что «информация о наличии культурных сокровищ,

перемещенных на территорию Российской Федерации в результате Второй мировой войны, должна быть опубликована в специальном каталоге, изданном Министерством культуры Российской Федерации»⁹⁷.

Перевод дел из Москвы в Смоленск 5 марта 2003 года вызвал новую волну статей в прессе, а также хорошо документированный отчет руководителя Архивного управления Смоленской области, напечатанный в российском журнале «Отечественные архивы»⁹⁸. Смоленские газеты ликовали. Однако корреспондент «Сельской жизни» А. Глазков обратил внимание на определенную иронию, присутствующую в этой ситуации: одно из хранилищ «Смоленского архива» сегодня размещается в здании католического костела, на который заявляет права местный приход. Польское правительство неоднократно обращалось к местным властям в поддержку этих претензий, но судьба костела по-прежнему остается нерешенной. В то же время основное здание архива находится в ужасном состоянии и в последние пять лет в нем ведется капитальный ремонт⁹⁹.

Еще одна смоленская газета напечатала на передней полосе фотографию польского костела с увеличенным изображением замка на входной двери под заголовком «Американцы вернули «Смоленский архив». Но сумеем ли мы его сохранить?» Автор приводит слова директора Государственного архива Смоленской области: «Здесь, в церкви, у нас хранится 740 тысяч дел, и с 1991 года никто не имел к ним доступа, даже наши собственные архивисты». В заключение он цитирует Евгения Кодина: «Я был в Америке и работал с этими документами на микрофильмах (они никому не выдавали оригиналы, даже Президенту). С точки зрения исторической ценности, никаких сенсаций здесь не откроется... Действительно, в 1990-х годах было требование обмена на библиотеку Шнеерсона... Их нельзя даже сравнивать». Этот момент подчеркивали и другие. В постскриптуме к статье говорится, что на церемонии передачи «подчеркивалось, что документы возвращались “не в порядке какого-либо обмена”»¹⁰⁰.

В конце сентября 2003 года в Москве прошла презентация проекта нового Восточного центра при Российской государственной библиотеке, получившая широкое освещение в СМИ. Заново реорганизованный отдел библиотеки, созданный на базе главного Восточного фонда, накопленного на протяжении многих десятилетий бывшей Ленинской библиотекой (свыше миллиона книг), включает одну из богатейших коллекций иудаики и гебраики в России. По инициативе расположенного неподалеку Центра еврейских исследований и еврейской цивилизации при Институте Азии и Африки МГУ был открыт специальный зал литературы на иврите. Сейчас новый

центр размещается в историческом дворце Шаховских, где раньше был Музей М.И. Калинина, напротив Дома Пашкова и главного комплекса зданий РГБ¹⁰¹. По состоянию на октябрь 2004 года, ремонт закончен, и скоро начнется перевод фондов. РГБ надеется, что официальное открытие будет в начале 2005 года, но когда пишутся эти строки (февраль 2005 года), дата открытия еще не объявлена.

Российские официальные лица надеются, что организация такого учреждения поможет уменьшить напряженность в отношениях с хасидской общиной. Еврейское телеграфное агентство приводит слова Генерального директора РГБ В. Федорова: «Учитывая еврейские религиозные интересы, и особенно деликатный вопрос о книгах Шнеерсона, библиотека выделила отдельную комнату, примыкающую к ее новому залу литературы на иврите, специально для любавической коллекции. В этом зале можно молиться, не беспокоя других читателей». Представители Хабада не сочли новое «компромиссное решение» приемлемым и протестовали против попытки создать смешанное светско-религиозное учреждение. Как объяснял в ноябре 2004 года библиотekarь Хабада ребе Левин, община абсолютно не заинтересована в подобной структуре и отказывается признавать законность ее создания. Она требовала и продолжает требовать возврата принадлежащих ей книг¹⁰². Однако, по словам Мэри Трифоненко, возглавляющей Восточный центр, вопросы объединения фонда библиотеки Шнеерсона еще не решены, потому что РГБ в настоящее время не планирует переводить в новый центр редкие книги и рукописи Шнеерсона, хранящиеся в других отделах РГБ. А по ту сторону Атлантики, в Бруклине, Хабаду не терпится продолжить (но, конечно, не финансировать) работу по каталогизации, оцифровыванию или микрофильмированию в целях сохранности.

В конечном счете страхи Д. Бабиченко оказались необоснованными. Возврат «Смоленского архива» едва ли вызвал тотальную реституцию, да и вообще не способствовал сколько-нибудь значительной дальнейшей реституции культурных ценностей. Возврат последних десяти голландских архивных фондов (которые не были включены в предыдущие передачи) в мае 2003 года был запланирован на более раннюю дату, а Люксембург осенью 2003 года действительно получил 8 ящиков масонских дел, захваченных нацистами. В других же отношениях события 2003 года на культурном фронте показали, что даже давно согласованный возврат Бременской картинной галереи так называемой Балдинской коллекции рисунков старых мастеров удалось превратить в грандиозный политический скандал, и вопрос был вновь заморожен¹⁰³. В разгар последнего балдинского скандала Н.Н. Губенко, по-прежнему возглавляющий Ко-

миссию по культуре Госдумы Российской Федерации, обвинил министра культуры Российской Федерации в государственной измене и собрался подавать на него в суд, поскольку Министерство наконец готово было вернуть эту коллекцию. Ее привез с войны рядовой Советской Армии, который перед смертью просил вернуть ее Германии. Н.Н. Губенко сказал во время популярной телевизионной передачи, что «80% трофеев находится в Форт-Ноксе в Соединенных Штатах Америки, потому что американцы вывозили и наши сокровища, разграбленные немцами, и немецкие сокровища, находившиеся на оккупированной США территории». Когда ведущий спросил его, вернут ли их американцы, председатель Комитета по культуре Государственной Думы ответил, не долго думая: «Американцы присвоили им на сто лет гриф “совершенно секретно”. Больше никакой информации не имеется»¹⁰⁴.

История возврата «Смоленского архива» отражает и особенности политической жизни в Вашингтоне, и российский подход к вопросам реституции. Отрицание необходимости возврата культурных трофеев становится составной частью антилиберальной программы, ныне модной в России. Андрей Коблов, откровенно антизападный журналист, писал с горькой иронией: «Они дают нам плоды своей масс-культуры, а мы даем им трофейные шедевры; они будут писать учебники по нашей истории, мы будем возвращать им библиотеку Шнеерсона; они будут отсрочивать платежи наших долгов, мы будем продавать им по бросовой цене свои природные богатства и свою землю. Главное — не свернуть с пути либеральных реформ». Он заключает с ноткой сарказма: «ведь Запад нас плохому не научит»¹⁰⁵.

В ноябре 2004 года организация «Агудас Хасидей Хабад» подала в Центральный окружной суд Калифорнии иск против Российской Федерации, Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Российской государственной библиотеки и Российского государственного военного архива. Похоже, что представители хасидской общины решили, что дальнейшие попытки достичь соглашения с российскими официальными лицами бессмысленны. Они уверены, что калифорнийский суд постановит, что «ответчики должны немедленно вернуть Библиотеку ее законному владельцу, Хабаду»¹⁰⁶. По утверждению истца, попытки обеспечить возврат библиотеки Шнеерсона политическим путем закончились неудачей, несмотря на обещания М. Горбачева и Б. Ельцина и решения российских судов. Неудачей закончилась и попытка вернуть архив хабадского раввина, конфискованный нацистами в Варшаве и обнаруженный в конце войны советскими трофейными бригадами.

В иске говорится, что представители Хабада 10 июня 2004 года направили письма на имя Президента В.В. Путина, министра иностранных дел и министра культуры Российской Федерации с требованием вернуть архив. Но после того, как прошло пять месяцев и они не получили никакого ответа, к 5 ноября они решили, что лучшим вариантом будет судебный процесс как еще одно возможное «компромиссное» решение¹⁰⁷.

Пока мы празднуем возвращение «Смоленского архива», за океаном хасидские наследники Любавической общины предпринимают очередной шаг в направлении возврата их утраченной библиотеки (которая по иронии судьбы также происходит из Смоленской области). Возбужденное в Калифорнии судебное дело сопровождается политическим давлением и пропагандой через прессу. В марте 2005 года библиотека Шнеерсона вновь удостоилась статьи в *New York Times*, в которой описывается сражение в суде Лос-Анжелеса¹⁰⁸. Тем временем в залах Конгресса 100 сенаторов подписали петицию о возврате коллекции Шнеерсона ее наследникам, которая была вручена работником аппарата Президента США делегации Президента Путина во время визита Президента Буша в Братиславу в феврале 2005 года. Слушание в Конгрессе перед Хельсинкской комиссией, прошедшее 6 апреля 2005 года, принесло больше эмоций, чем новых открытий, свидетельствуя о громадном религиозном значении, которое библиотека Шнеерсона имеет для Хабада, и о религиозном рвении, с которым община требует возврата своих перемещенных книг. Актер и борец за права человека Джон Войт, лауреат премии Американской академии киноискусств, пылко воскликнул во время слушаний:

В этих книгах голоса предков еврейского народа. Когда кто-то другой заявляет на них права, это напоминает о всей той антисемитской грязи, которая накопилась за годы геноцида и уничтожения человеческих жизней. Они вам не служат, ибо вы их не используете так, как им предназначено¹⁰⁹.

Ни один представитель Российского посольства на слушаниях не появился, но в представленном заявлении говорилось: «наша позиция заключается в том, что Библиотека принадлежит России»¹¹⁰.

5 мая, за несколько дней до того, как Президент Буш должен был прибыть для участия в тщательно продуманных торжествах по случаю Дня Победы в Москве, 300 членов Палаты представителей США подписали обращение к Президенту России В.В. Путину:

...В то время как Российская Федерация готовится отпраздновать 9 мая 2005 года шестидесятилетие Дня Победы и капитуляции

нацистской Германии, мы призываем вас воспользоваться этой возможностью, чтобы вернуть всю библиотеку Шнеерсона ее законным владельцам в Соединенных Штатах. Такое своевременное действие с вашей стороны было бы значимым жестом обязательства вашего правительства соблюдать законность, права человека и религиозную толерантность¹¹¹.

В Америке Хабад не мог участвовать в праздновании Дня Победы. День 9 мая прошел без новых передач книг и без какого-либо отклика с российской стороны. А между тем ни та ни другая сторона по этой спорной претензии не знает точное количество рукописей и книг, входящих в это собрание религиозных текстов, которые хранятся сегодня в Российской государственной библиотеке.

¹ Патриция Кеннеди Гримстед озаглавила свою монографию, посвященную судьбе этого архивного фонда *The Odyssey of the Smolensk Archive. Plundered Communist Records for the Service of Anti-Communism* (Pittsburgh, 1995: Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. № 1201). Я благодарен ей за помощь в написании этой статьи, и особенно за полученную от нее информацию о состоянии фондов собрания Шнеерсона в Российской государственной библиотеке (РГБ) в Москве, основанную на ее беседах с работниками ряда отделов РГБ, а также в Библиотеке «Агудас Хасидей Хабад» в Бруклине. Мы очень благодарны сотрудникам обеих библиотек, а также Библиотеке Конгресса за помощь в нашем исследовании.

Эта статья была написана в начале 2005 года и уже подготавливалась к печати, когда появилось сообщение, что 6 апреля 2005 года в Сенате США пройдут слушания перед Хельсинкской комиссией США на тему библиотеки Шнеерсона. Публикация была задержана, с тем, чтобы дополнить текст новыми сведениями, представленными в свидетельских показаниях, часть которых ранее была недоступна авторам. Особенно важно, что мы включили в текст этой статьи соответствующие ссылки из справки *Separating Fact from Fiction. A Submission by Agudas Chasidei Chabad of United States to the U.S. Helsinki Commission, April 6, 2005* [Как отделить факты от вымысла. Объяснение, поданное Агудас Хасидей Хабад Соединенных Штатов Хельсинкской комиссии США, 6 апреля 2005 г.] (она раздавалась на слушаниях и была любезно предоставлена авторам Библиотекой Конгресса), а также тексты объяснений, поданных Посольством Российской Федерации и Государственным департаментом США. Неофициальная стенограмма слушаний доступна на веб-сайте http://www.csce.gov/index.cfm?Fuseaction=ContentRecords.ViewDetail&ContentRecord_id=340&Region_id=0&Issue_id=0&ContentType=N&CFID=412366&CFTOKEN=96819397. См. также дополнительные сведения на веб-сайте Хабада <http://www.lubavitch.com/Article.asp?Section=60&Article=597>.

² Ringle K. Russia's Collective History. U.S. Returns Files Bearing Witness to Soviet Horrors // *Washington Post*. December 14, 2002.

³ <http://www.smolensk.ru/user/sgpu/viktorin.htm>.

⁴ Henry M. Vilnius conference urges speedier restitution of Nazi-looted cultural property // *Jerusalem Post*. Thursday. 2 November 2000.

⁵ См. веб-сайт Всемирного еврейского конгресса — <http://www.wjc.org.il/>.

⁶ «Договор о сотрудничестве между Министерством культуры Российской Федерации и “Научным проектом по искусству и архивам, Инк.” (США) в поиске произведений искусства, утраченных или перемещенных во время Второй мировой войны» раньше имелся на веб-сайте Комиссии по возврату произведений искусства, но сейчас этот веб-сайт больше не функционирует.

⁷ Бюллетень № 34 заседания Государственной Думы 20 мая 1994 года. М., 1994. С. 32.

⁸ *Washington Conference on Holocaust-Era Assets. November 30 — December 3, 1998. Proceedings* (Washington DC: U.S. Department of State, 1999). P. 517.

⁹ Губенко Н.Н. По закону правды // *Завтра*. № 15 (176). 1997. 15 апреля.

¹⁰ Grimsted P.K. *Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 80.

¹¹ «Transcript of an online discussion carried by America Online and led from the National Demonstration Laboratory at the Library of Congress by James Billington, Librarian of Congress, and Rudolf Pikhov, Russian Archivist», 18 June 1992 — <http://193.125.152.107/pub/misc/soviet.archive/conferen.log/>.

¹² Ребе Джозеф Айзек Шнеерсон (1880—1950) (иногда пишется Йосеф-Ицхак Шнеерзон) в начале 20-х годов жил в Ростове, но из-за враждебного отношения к нему переехал в Ленинград. В марте 1940 года Шнеерсон эмигрировал в США. «Rabbi Joseph Isaac Schneersohn — the Rebbe Rayatz» www.Chabad.org/library/article.asp?AID=425

¹³ Сейчас Любавичи находятся в Смоленской области, до 1917 года — в Оршском уезде Могилевской губернии.

¹⁴ Из санкционированного судом перевода на английский «мандата № 656», приложение F. Дата и номер «копии» мандата 1920 года неразборчивы. Там дается следующий адрес склада: «Большой Казачий переулоч, д[ом] 4». Ср. письмо Шнеерсона (полученное 22 ноября 1922 года) в *Separating Fact from Fiction*, приложение E, в котором называется Кокоревский склад.

¹⁵ Коваль Л.М. Не славы ради... О частных дарениях и общественном почине в пользу Московского публичного и Румянцевского музеев, Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина, Российской государственной библиотеки. СПб.; М., 2000. С. 150.

¹⁶ Шнеерсон И. «Заявление» директору Румянцевского музея (получено 22 ноября 1922 года), копия и заверенный перевод приводятся в справке *Separating Fact from Fiction*, приложение D. См. также Кузьмин Е. и Манилова Т. «Библиотечная политика»: www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2003/trud/tom1/plen/Doc4.HTML.

¹⁷ Письмо от Агудас Хасидей Хабад (Москва) министру культуры СССР Н.Н. Губенко (март 1991 г.), факсимиле приводится к кн.: Shalom DovBer Levine (иногда Levin или Levinson), *Yoman ha-shelihut ha-meyuhedet: ha-mishlahat she-shalah ha-Rabi le-Rusyah le-itur u-ge'ulat osef sifre rabotenu nersi' enu/ ha-yoman nikhtav be-mahalakh ha-shelihut... 'al wede Shalom Duber*

Levin (Brooklyn: Sifriyat Agudat Hasside Habad, Ohel Yosef Yitshak, Lyubavitch, 5761/2001). P. 114. См., в особенности, «О библиотеке-собрании книг Любавических Реббе Шнеерсонов. Иньюрколлегия» (14 декабря 1990), факсимиле. Дневник Левина и воспоминания о том, как он пытался обнаружить в России местонахождение библиотеки Шнеерсона и организовать ее возврат, имеются только на иврите, так что нам приходилось обращаться за помощью, чтобы ознакомиться с ними. Ниже в тексте приводятся факсимиле целого ряда соответствующих документов на русском языке. Мы пользуемся именем «Левин», поскольку именно этим именем подписаны свидетельские показания, сделанные на слушаниях в Конгрессе США в апреле 2005 года, хотя нас информировали, что в паспорте указана фамилия «Левинсон», и эта же фамилия фигурирует в ряд русскоязычных документов, приводимых в справке.

¹⁸ Шнеерсон И. «Заявление» в Главнауку (копия), копия и заверенный перевод приводятся в справке «*Separating Fact from Fiction*», приложение Н.

¹⁹ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930—1950. М.: Олма-Пресс, 1997. С. 136. См. также публикацию сопутствующих документов о Блюмкине из архива КГБ: Нелидов А. Персидский купец Яков Блюмкин: Некоторые извлечения из архивов КГБ / *Журналист*. № 4. 1992, апрель. С. 64—70.

²⁰ См., например, Afanas'ev Mikhail D. The Export of Books from the USSR from 1918 to the 1930s / *Solanus*. 15. 2001. P. 59—60; и дополненный вариант на русском языке: Экспорт дореволюционных книг из СССР в 1918—1930-е гг. // Исследования и материалы. Сборник. 79. 2001. С. 184—196.

²¹ См.: Schneersohn J. The Heroic Struggle: The Arrest and Liberation of Rabbi Yosef Y, Schneersohn of Lubavitch in Soviet Russia, translated and adapted from the memoirs of the Rebbe by Alter B.Z. Metzger (Brooklyn: Kehot Publication Society, 1999), excerpts in *Separating Fact from Fiction*, Exhibit H.

²² «Дело» (transaction) (Ленинград, 3 августа 1927 г.), копия и заверенный перевод в справке *Separating Fact from Fiction*, Exhibit I. Количество ящиков было уточнено Хабад по просьбе Гримстед П.К.

²³ См. веб-сайт <<http://www.Chabad.org/library/article.asp?AID=425>> и недавно опубликованное сообщение: Bryan Mark Rigg *Rescued from the Reich: How one of Hitler's Soldiers Saved the Lubavitcher Rebbe* (New Haven: Yale University Press, 2004).

²⁴ Internal copies at the Library of Congress from the archives of the U.S. Senate: correspondence of Senator Millard Tydings to Secretary of State Cordell Hull, as referenced by the European Division of the Library of Congress.

²⁵ Йозеф Шнеерсон Александру Маркусу копия и заверенный перевод приводятся в справке «*Separating Fact from Fiction*», приложение J.

²⁶ Левин показал копию каталога Патриции Гримстед, когда она посетила Бруклинскую библиотеку. Каталог насчитывает около 300 страниц и содержит сокращенные названия на иврите с указанием даты и места издания каждого. По данным Хабада, действительное количество документов — 12 000 книг. Сверка каталога с реальным количеством документов никогда не проводилась.

²⁷ Шниер В. Классика в Переделкино // *Вечерний клуб*. № 11. 2002. 14 марта. По словам сотрудников РГБ, особенно из Восточного отдела, все книги Шнеерсона уже каталогизированы, но не для всех установлена при-

надлежность к собраниям Шнеерсона или Полякова. Цифра 87, скорее всего, относится только к редким книгам, хранящимся в Музее книги.

²⁸ Левин сообщил эти подробности Патриции Гримстед во время их встречи в Бруклине в ноябре 2004 года. В первой части его воспоминаний/дневника даются подробности его посещения Москвы в 1988 году: Levin, op. cit. P. 3—79 (имеется только вариант на иврите).

²⁹ Факсимиле письма делегации любавичей д-ру Арманду Хаммеру (15 января 1988 г.) см.: Levin. Op. cit. P. 25. Описание встречи раввинов с Медведевым см.: Levin. Op. cit. P. 41—43.

³⁰ Medvedev I. Khasidische ksovyadn in di fondn fun der Melukhisher Bibliyotek af V.I. Lenins nomen // *Sovetish heymland*. 1989. № 4. P. 132—134. Мы очень благодарны Лии Оренд из Отдела иудаики Гарвардской университетской библиотеки за сделанные для нас перевод и описание этой статьи на идиш.

³¹ Предварительный рукописный карточный каталог Самуила Абрамовича Гольденберга по-прежнему находится в Музее книги, но он так и не был окончательно оформлен для общего пользования. В 1992 году Гольденберг эмигрировал в США. В октябре 2004 года коллеги из Музея книги РГБ любезно показали каталог Патриции Гримстед, в то время как Левин заверял ее, что делегации Хабада его никогда не показывали. Описания в каталоге говорят о высоком уровне профессионализма, но прежде чем его можно будет передать в общее пользование, его необходимо переписать и отредактировать. По имеющимся данным, делаются усилия, чтобы найти финансирование для завершения и публикации каталога Гольденберга, в котором учтены самые старые редкие и первопечатные книги и инкунабулы из собрания Шнеерсона. По словам Левина, на многие из этих книг нет записей в генеральном каталоге фонда гебраики РГБ, расположенного на третьем этаже главного корпуса.

³² Факсимиле телеграммы д-ра Арманда Хаммера министру культуры СССР Василию Захарову (18 января 1988 г.) см.: Levin. Op. cit. P. 26

³³ Факсимиле письма д-ра Арманда Хаммера Н.Н. Губенко от 3 декабря 1990 г. см.: Levin. Op. cit. P. 101.

³⁴ Факсимиле письма Н.Н. Губенко д-ру Арманду Хаммеру от 10 декабря 1990 г. см.: Levin. Op. cit. P. 102.

³⁵ Факсимиле письма Н.Н. Губенко ребе Шнеерсону (март 1991 г.) см.: Levin. Op. cit. P. 253.

³⁶ Факсимиле «Справки» академика Д.С. Лихачева (3 февраля 1991 г.) см.: Levin. Op. cit. P. 173.

³⁷ Факсимиле письма В. Можайского, зам. начальника Отдела иностранного представительства Инюрколлегии, раввинам Кьюнину, Аранову, Левинсону и Когану (20 февраля 1991 г.) см.: Levin. Op. cit. P. 193.

³⁸ Храпко Р. Как закрывали главную библиотеку страны // *Вестник*. № 11(270). 2001. 22 мая.

³⁹ Избрать наконец достойных! Открытое письмо министру культуры СССР тов. В.Г. Захарову // *Советская культура*. 1988 г. 28 января. С. 2. Подробный отчет об этих событиях вместе с прочими критическими комментариями прессы см.: Grimsted P.K. *Glasnost' in the Archives Recent Developments on the Soviet Archival Scene // American Archivist*. 52. April 1989. P. 228—30.

⁴⁰ Дневник/воспоминания Левина о его поездке (ноябрь 1990 г. — июнь 1992 г.) и работе в России составляют основную часть его книги, в которой напечатано факсимильных документов: *op. cit.* P. 80—485.

⁴¹ Во время посещения Гримстед П.К. Библиотеки Хабад в Бруклине Левин показал ей ксерокопию предварительного карточного каталога из Отдела рукописей ГБЛ/РГБ. Подробнее о фонде рукописей см. ниже.

⁴² На основе интервью Гримстед П.К. с ребе Левиным в ноябре 2004 года. Эти восемь помет на книгах, принадлежавших лично ребе Шнеерсону, были описаны д-ру Гримстед, но некоторые другие книги в любавической коллекции имеют различные пометы.

⁴³ Letter from Nikolai Malyshev, deputy head of the Council of Ministers of the RSFSR to Agudas Hassidei Chabad (15 December 1990), facsimile, in Levine, *op. cit.* P. 109.

⁴⁴ Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 82.

⁴⁵ Государственный арбитраж РСФСР, «Решение по иску религиозной еврейской хасидской любавической общины ХАБАД против Государственной библиотеки им. В.И. Ленина, Москва, касающегося возврата собственности в натуральной форме». Дело № 350/13, копия и заверенный перевод имеются в кн.: *Separating Fact from Fiction*. Exhibit P. Предыдущее постановление (от 26 сентября 1991 года) наложило арест на эту коллекцию, которая определялась как состоящая из «381 рукописи (в данное время хранящейся в Отделе рукописей); 2000 книг, в настоящее время находящихся в Центральном хранилище; 87 книг, в настоящее время хранящихся в Румянцевском музее книги; и 10 000 книг, в настоящее время находящихся в Химкинском хранилище», «Решение». Дело № 350/1 (26 сентября 1991 г.) / *Separating Fact from Fiction*. Exhibit O.

⁴⁶ Факсимиле обращения, принятого единогласно на собрании трудового коллектива ГБЛ 10 октября 1991 года, см.: Levine. *Op. cit.* P. 400.

⁴⁷ Храпко Р. *Op. cit.*

⁴⁸ Государственный арбитраж Совета министров РСФСР, «Постановление» по делу № 350/13Н» (18 ноября 1991 г.), факсимиле в кн.: *Separating Fact from Fiction*. Exhibit Q; и в кн.: Levine. *Op. cit.* P. 427.

⁴⁹ Официальный адрес академии — 103104 Москва, Большая Бронная, 6, но на самом деле она расположена по адресу ул. Садовническая, 52/45. См. веб-сайт: <http://www.gka.ru/>.

⁵⁰ Переводы всех постановлений суда и других важных документов, связанных с этим делом, использовались Альбертом Гором, но не были включены в Отчет Конгресса. Гор заявил: «Я не буду требовать включения в Отчет документов, на которые я ссылался, но мое Управление сможет предоставить их в распоряжение всех заинтересованных сторон». — *U.S. Congressional Record-Senate*. 31 March 1992. S. 453740.

⁵¹ Там же.

⁵² К вопросу о выдаче хасидских рукописей (т. н. Библиотек Шнеерсона и Гинцбурга), хранящихся в фондах ГБЛ // Земщина. 1991. № 53.

⁵³ «Справка о книжной и рукописной коллекции Шнеерсона» (машинописный текст), Москва, ГБЛ, б.д. [1991]). Ребе Левин любезно предоставил мне один экземпляр этого недатированного отчета, но сопроводительное письмо отсутствует. Часть первой страницы и последняя страница с подпи-

сями восьми членов комиссии представлены в виде факсимиле в книге Левина, *op. cit.* P. 403.

⁵⁴ Российская государственная библиотека, «Приказ» № 2 (30 января 1992 г.), (факсимиле) см.: Levin. *Op. cit.* P. 444.

⁵⁵ См. справку по истории вопроса, подготовленную Юлией Вишневской на Радио Свободная Европа / Радио Свобода, «Controversy over Shneerson Collection Still Unresolved». 6 February 1992.

⁵⁶ «Decree regarding reconsideration of the ruling» in case № 350/13N», signed by B.I. Puginskii, Deputy Chief Arbiter of the Russian Federation (14 February 1992), facsimile and certified translation, in *Separating Fact from Fiction*. Exhibit R. Хабад был проинформирован об этом поздно, и у его представителей не было возможности представить доказательства.

⁵⁷ Москва — Хозяйство. Информационный сервер — <http://www.mo.ru/news/index.html?topic=accident&date=1999-07-13>.

⁵⁸ Заявление Конгресса российской интеллигенции, <http://www.kir.ru/Classic/archive/Outgoing/19980515.htm>.

⁵⁹ *U.S. Congressional Record-Senate*. 31 March 1992. S4537—40.

⁶⁰ Копия письма Джеймса Бейкера сенатору Йозефу Либерману (26 июня 1992) была любезно предоставлена Хабад автору.

⁶¹ Письмо исполняющей обязанностей Главного архивиста США Труди Питерсон вице-президенту США Альберту Гору (14 апреля 1993 г.) — копия находится во владении Патриции Кеннеди Гримстед.

⁶² «Memorandum of Understanding: Confidential Principles of Accord» (16 December 1993), facsimile (with signatures), in *Separating Fact from Fiction*. Exhibit S.

⁶³ «Memorandum of Understanding: Confidential Principles of Accord» (16 December 1993), facsimile (with signatures), in *Separating Fact from Fiction*. Exhibit S.

⁶⁴ Хабад подтвердил, что запланированная встреча не состоялась.

⁶⁵ Письмо сенаторов Митчелла, Либермана, Доула и Лотенберга Председателю Совета Федерации России Владимиру Шумейко от 22 сентября 1994 года — копия находится во владении автора. Названная здесь цифра 12 тысяч отличается от количества названий в более старом каталоге, находящимся во владении Библиотеки Хабада, и числа томов, проверенных в Москве. До сих пор не установлена надежная цифра количества книг и рукописей, хранимых в РГБ.

⁶⁶ Письмо сенаторов Митчелла, Либермана, Доула и Лотенберга вице-президенту Альберту Гору от 22 сентября 1994 года, копия находится во владении автора.

⁶⁷ Поправка Гора-Либермана была принята 24 октября 1992 года. В письме Хабад Патриции Гримстед от 12 июля 2005 года «госсекретарь США Лоуренс Иглбергер утверждал 2 декабря 2005 года, что Россия допускает грубое нарушение, поскольку имеет место незаконное удерживание собственности, которую суд признал принадлежащей гражданам США».

⁶⁸ Я не видел копию этого протеста, но сотрудники РГБ уверяли П.К. Гримстед, что такая жалоба была направлена в ИФЛА.

⁶⁹ *Бюллетень № 34 Заседания Государственной Думы 20 мая 1994 года*. М., 1994. С. 32.

⁷⁰ См.: Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 83—84, где даются ссылки на ряд российских законов и постановлений.

⁷¹ Там же. С. 83.

⁷² Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны / Summary Catalogue of the Cultural Valuables Stolen and Lost during the Second World War, том 4: Государственные архивы Российской Федерации: Утраченные архивные фонды / *State Archives of the Russian Federation: Lost Archives Funds*, Книга 1 (Москва — Санкт-Петербург: Российская государственная архивная служба, Всероссийский НИИ документоведения и архивоведения, Министерство культуры Российской Федерации, 1999). С. 20.

⁷³ Славин Д. Конфликтуют ли еврейские организации? На этот и другие вопросы отвечает раввин Бер Лазар // Труд. 2000. 21 июля.

⁷⁴ Rabbi Shalom DovBer Levine. «Report and Summary — The Lubavitch collection in the Russian State Library (RSL) in Moscow. Work on the collection, and discussion with Library officials during the period of July 10—20 2000». Копию этого отчета любезно передала П.К. Гримстед М.Е. Трифоненко, заведующая Восточным центром Российской государственной библиотеки (РГБ). Подробнее об организации и истории упомянутых отделов РГБ см.: see Grimsted et al. *Archives of Russia: Moscow and St. Petersburg*. N.Y.: M.E. Sharpe, 2000. Vol. 2. P. 669—84.

⁷⁵ Statement of Rabbi Shalom DovBer Levine // *Separating Fact from Fiction*. April 2005.

⁷⁶ В ноябре 2004 года д-р Гримстед встретила с ребе Левиным в Бруклине, и в ходе беседы он рассказал о некоторых подробностях, упомянутых в его отчете, который д-р Гримстед видела в Москве.

⁷⁷ Levine. Report and Summary.

⁷⁸ Levine. Report and Summary.

⁷⁹ Эта информация в октябре 2004 года была предоставлена Патриции Гримстед Отделом рукописей РГБ. Причина, по которой рукописи не выдавались читателям, возможно, заключалась в том, что правила РГБ запрещают это делать до тех пор, пока материалы полностью не обработаны. Но пока специалистам Хабада не позволят изучить рукописи и приглашенные специалисты не подтвердят, окончательно установить их происхождение будет трудно.

⁸⁰ Основано на переписке П.К. Гримстед с Б. Рихлером; копии писем находятся в собственности автора.

⁸¹ См. ниже ссылку на фонд РГВА 707к (ф. 75). На основании имеющихся источников невозможно установить, были ли переданы в ГБЛ из Варшавы какие-либо шнеерсоновские материалы вместе с другими трофейными материалами на иврите в конце 1940-х гг.

⁸² Что касается материалов Гинцберга в РГБ, большая часть которых была заново каталогизирована в JNUL, см. списки в кн.: *Grimsted et al, Archives of Russia*. Vol. 2. P. 681—82. См. также более подробный See also the more detailed coverage of catalogues for the Ginzberg Collection with Hebrew titles by Benjamin Richler, *Guide to Hebrew Manuscript Collections* (Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1994. P. 126—127). See also the updates to Richler's catalogue on the JUNL website — «Corrections and Additions» at <http://jnul.huji.ac.il/imhm/guidecor.htm>.

⁸³ Б. Рихлер в своем *Guide to Hebrew Manuscript Collections* (Р. 126—27) упоминает, что в РГБ хранится «примерно 300—400 рукописей, которые были конфискованы нацистами из еврейских библиотек», таких как Еврейская богословская семинария в Бреслау и Берлинская еврейская община.

⁸⁴ Патриция Гримстед получила ответ на этот счет от Рихлера, и такие же подозрения он высказывает в своем вышеупомянутом приложении на сайте в Интернете (fn. 70).

⁸⁵ Согласно отчетам Отделу Гебраики Библиотеки Конгресса и Б. Рихлера в Иерусалиме. В письме Хабада Гримстед (12 июля 2005) говорится, что Иерусалим в настоящее время предпринимает усилия для «составления полного каталога». Остается надеяться, что в РГБ будет проведена сверка каталога.

⁸⁶ Хотя фонд 706к и не числится в последнем *Указателе фондов иностранного происхождения... РГВА* (М.: РГВА, 2001), он числится в более раннем немецком указателе фондов: Götz Aly und Susanne Heim, *Das Zentrale Staatsarchiv in Moskau («Sonderarchiv»): Rekonstruktion und Bestandsverzeichnis verschollen geglaubten Schriftguts aus der NS-Zeit* (Duesseldorf, 1992. S. 39). Мы благодарны заместителю директора РГВА Владимиру И. Коротаеву за данные по сверке и комплектованию.

⁸⁷ Описание фонда, подготовленное специалистами РГГУ, можно найти в Путеводителе по еврейским собраниям РГВА. Документы по истории и культуре евреев в трофейных коллекциях Российского государственного военного архива. Путеводитель / Под ред. В.Н. Кузеленкова, М.С. Куповецкого. М.: РГВА, РГГУ, 2005. С. 157—159. Составители предполагают, что некоторые документы Шнейерсона попали в другие фонды РГВА, в том числе и в Венскую еврейскую коллекцию (ф. 707к).

⁸⁸ Что касается еврейских материалов из Вёльфельсдорфа, см.: Grimsted P.K. *Twice Plundered or Twice Saved? Russia's «Trophy» Archives and the Loot of the Reichssicherheitshauptamt / Holocaust and Genocide Studies*. 15 (2). 2001. P. 191—244.

⁸⁹ Return of Smolensk Archive. Media Note, Office of the Press Secretary, U.S. Department of State, Washington DC. 13 December 2002. <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2002/15942.htm>.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Krichevski L. Literary treasure. Lubavitch receives books from Russia // *Jewish News of Greater Phoenix*. 3 January 2003.

⁹² Там же.

⁹³ Иванов С. Военная тайна // *Еженедельный журнал*. 2002. 18 декабря.

⁹⁴ Американцы вернули смоленский архив // *Известия*. 2002. 4 декабря.

⁹⁵ Бабиченко Д. Меняем «сталинскую макулатуру на шедевры Эрмитажа» // *Итоги*. № 51 (341). 2002. 24 декабря.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 11 марта 2001 г. № 174 «О мерах по реализации Федерального закона “О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации” от 11 марта 2001 года» № 174 — http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_26663.html.

⁹⁸ См.: Солодовникова С.Л. Конец одиссеи «Смоленского архива» // *Отечественные архивы*. 2003. № 5. С. 15—21.

⁹⁹ Глазков А. Тайны смоленского архива / Сельская жизнь. № 26 (22838). 1 апреля 2003 г. См. также полнополосную статью Кононова В. и Красновского И. Судьба «Смоленского архива»: от партийной святыни до «сталинской макулатуры» // Смоленская газета. 200320 марта. С. 10; с яркой картиной внешнего вида «польского костела» и подписью, объясняющей, что в здании «сейчас хранится 740 тысяч из 1 090 000 дел Государственного архива Смоленской области... неподходящее здание, не защищенное против аварийных ситуаций». См. также пространную статью, напечатанную раньше, которая включает интервью с Евгением Кодиным: Владимир Грнич «Стоит ли овчинка выделки? Или Какова реальная ценность «Смоленского архива»... // Московский комсомолец в Смоленске. 2002. 17—24 декабря.

¹⁰⁰ Чернова Т. Американцы вернули «Смоленский архив». Но сумеем ли мы его сохранить? // Рабочий путь. № 232. 2002. 17 декабря. Следует отметить, однако, что бывший смоленский партийный архив имеет намного более новое здание, чем бывший государственный архив.

¹⁰¹ Jewish Academic Library Opens in Moscow // *RJC Monitor*. 12 September 2003 — <http://www.ncsj.org/AuxPages/091203RJC.shtml>.

¹⁰² Krichevsky L. Russian library launches Jewish room, but some of its contents stir controversy // *JTA*. 26 September 2003 — http://www.ncsj.org/AuxPages/092603JTA_books.shtml.

¹⁰³ Zolotov A. Schvydkoi Could Face Charges over German Art Exchange // *The St. Petersburg Times*. № 855. 28 March 2003.

¹⁰⁴ ТВЦ, «Момент истины», 16 марта 2003 г. — http://www.tvc.ru/programs/moment_archive.html/archive/323030332d30332d3136.

¹⁰⁵ Коблов А. Мы другие // *По Ярославке*. 2001. 10 октября.

¹⁰⁶ Agudas Chasidei Chabad of United States vs. Russian Federation; Russian Ministry of Culture and Mass Communications; Russian State Library, and Russian State Military Archive. United States District Court, Central District of California, Case № CVO4-9233 PA(PLAX). P. 20.

¹⁰⁷ Ibid. P. 14.

¹⁰⁸ Torrejon V. «BELIEFS: Chabad Battles Russia for Trove of Works. After exhausting other avenues, rabbis and attorneys go to court in L.A. seeking all of a Lubavitch collection compiled over 200 years» // *New York Times*. 12 March 2005. См. стенограмму слушаний перед Хельсинкской комиссией США (фонд 1).

¹⁰⁹ См. стенограмму слушаний перед Хельсинкской комиссией (фонд 1).

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Члены Палаты представителей США — Президенту Российской Федерации Владимиру Путину (5 мая 2005 г.). Копия этого письма была любезно предоставлена авторам Государственным департаментом США.

On the way back. The Schneerson Collection and the Return of the «Smolensk Archive»

**by Konstantin Akinsha
(with Patricia Kennedy Grimsted)**

The sad odyssey of the «Smolensk Archive» came to an end in 2002¹. Looted by the Nazis and then found by Americans in the ruins of defeated Germany, this collection of scattered local Communist Party documents from the 1920s and 1930s arrested the attention of international political leaders from Joseph Stalin to Albert Gore for more than 60 years. According to Zbigniew Brzezinski, national security adviser to U.S. President Jimmy Carter, documents from Smolensk gave American historians «a truly authentic worm's-eye view of the social and institutional ugliness» of the Soviet Union under Stalin². However, if during the Cold War the «Smolensk Archive» was used for the purposes of both academic research and anti-Communist propaganda, during the 1990s the American refusal to return the archive was exploited by nationalist Russian politicians to fuel growing anti-American and anti-restitution sentiments.

Many Russians believed that the archive would never come back home. Recently, students of the Smolensk State Pedagogical University even posted a comic quiz on-line, which included the question «What scholar from Smolensk had the chance to access the Smolensk Archive in America?» (The correct answer — «First Deputy Rector Professor Evgenii Kodin» — a well-known Russian researcher on the American collection)³. Today, historians from Smolensk have no need to travel to Washington, DC (or College Park, MD), to research those documents shedding light on the history of the Stalinist repressions; they can order them in the reading room of their local archive.

The return of the «Smolensk Archive» to the Russian Federation was realized as part of a major initiative by the Research Project for Art and Archives (RPA&A), a non-profit organization co-chaired by Ronald S. Lauder and Edgar M. Bronfman. The project was established after Stuart Eizenstat, deputy secretary of the Treasury, announced in October of 2000 during the International Forum on Holocaust-Era Looted Cultural Assets in Vilnius, «that the auction house Christie's proposed that a private, nonprofit organization would raise funds, evaluate research propos-

als, and make grants to help create a special register of displaced cultural objects in Russia»⁴. Edgar M. Bronfman, president of the World Jewish Congress, and Ronald S. Lauder, chairman of the Commission for Art Recovery affiliated with the World Jewish Congress and the World Jewish Restitution Organization, provided funds for the new project⁵.

On 4 December 2001 the Ministry of Culture of the Russian Federation entered into a cooperation agreement with the Research Project on Art & Archives. The task of the new joint project, «Heritage Revealed», was to research and to publish information about cultural property belonging to victims of the Holocaust that had been removed to the territory of the Russian Federation as a result of World War II⁶.

Even the signing of such an agreement was seen in the West as an important step forward in the identification of Holocaust-era cultural assets, because previously the Russians had denied the very existence of Jewish cultural property among the Russian «spoils of war». Besides, Russia was moving very slowly in making public information available about Russian holdings of paintings and manuscripts confiscated by the Nazis in Hungary, Poland, and other European countries. From the start, however, the Project encountered a major obstacle that created difficulties for cooperation with Russia in research on cultural property looted during World War II and its aftermath. That obstacle was the presence of the «Smolensk Archive» in the United States.

Numerous Russian politicians sought to use the fact that the archive was not returned as proof of the location in the United States of Russian cultural treasures confiscated by the Nazis and then secretly removed by the American Army from defeated Germany. In 1994, during hearings in the Russian State Duma to put a moratorium on archival restitution to France, the first Minister of Culture of the Russian Federation, Evgenii Sidorov, stated that the Americans would never return the «Smolensk Archive»: «I can say about the fate of the «Smolensk Archive» that the Americans will never give it back. We have no agreement with them regarding this matter»⁷.

During the Washington Conference on Holocaust-Era Assets in 1999, Nikolai Gubenko, the last Minister of Culture of the Soviet Union and currently head of the Committee on Culture of the State Duma, was quoted in an article in the German newspaper *Die Zeit*, according to which «the Russians were robbed twice, first by the fascist Germany and then by their allies: 80% fell to Americans»⁸. There was nothing new in the words of the former Minister of Culture. As early as 1997, Gubenko had expressed regret that the Americans were not following the example set by the Russians, who organized exhibitions of their cultural trophies to show their secret loot⁹.

In this atmosphere of suspicion and political speculations about the «Smolensk Archive», its return to the Russian Federation was more than desirable. In 1992, Donald Wilson, then the Archivist of the United States, had agreed to the restitution of those files from Smolensk that were being held in the U.S. National Archives¹⁰. Rudolf Pikhov, then Chief Archivist of Russia and head of the Russian archival agency Rosarkhiv, proudly stated in his on-line discussion with James Billington, the Librarian of Congress: «We have preliminarily agreed to have the Smolensk Archives (captured by Germans) returned to Russia. These documents will become part of the school materials and texts for all Russian students of all ages»¹¹. However, the awaited return did not take place at that time. The fate of the documents removed from Smolensk became politically linked to the fate of the Schneerson Collection of Hasidic books, held for many years in the Lenin Library in Moscow¹².

Before the First World War, the Hasidic community headed by Rabbi Shalom Ber Schneerson (1860—1920), the fifth Rebbe, was based in the village of Lubavichi on the Western area of the Russian Empire, where they had lived since the eighteenth century and gathered a library of sacred books¹³. According to contemporary documents, Rabbi Schneerson fled from Lubavichi to Rostov-on-Don in 1915 at the start of the German invasion of Russia early in World War I. He sent his library accumulated by the Chabad over two centuries (35 wooden crates), to Moscow where it was deposited in a warehouse complex owned by Zalka Persits, at the so-called Kokorev courtyard (behind the Sofiiskaia Embankment facing the Kremlin). After Rabbi Shalom Schneerson's death in 1920, a head librarian from the Rumiantsev Museum (predecessor of the Lenin Library), under order of the People's Commissariat of Education (Narkompros), on 1 March 1920, «affixed two wax seals to the doors of the storage facility housed in the Literary Bldg., D.III, 13th floor, which contains Persits Library — 35 crates of Jewish books of the Schneerson Collection». A subsequent 1920 «Mandate» ordered transfer to the State Rumiantsev Museum. On 9 July 1921 they were transported from the warehouse in Moscow, to the Rumiantsev Museum¹⁴. According to Russian officials, «these books were nationalized by two decrees issued in 1919 and 1920 by the Soviet of People's Commissars (SNK) and transferred to the Rumiantsev Public Library», which was subsequently reorganized as the Lenin Library (GBL). According to a later compendium by RGB librarian Ludmila Koval', the collection was transported to the Rumiantsev Library only in 1924. Five of 35 crates by that time were broken and the upper layers of books in them were damaged. The crates contained 400 manuscripts, 11,000 books (of which 2,300 volumes were imprints of the 16th—17th centuries)¹⁵.

After the death of his father and the seizure of the library, Rabbi Joseph Isaac Schneerson (1880—1950), the sixth Rebbe, contested the Russian state action and sought to recover his family and community collection. In a letter to the director of the Rumiantsev Museum (received 22 November 1922), he claimed that «the Department of State Libraries under the auspices of the People's Commissariat of Education issued a resolution in 1921, approving the return of the books». At the time he was unable to have them transferred immediately to Rostov. In 1922 the rabbi again questioned the legality of the seizure of his library, based on the fact that the Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 3 November 1920, «Concerning the Centralization and Libraries in RSFSR», was applicable only to the libraries of legal entities and/or associations¹⁶. He later claimed that on 2 December 1920 he had received permission from the People's Commissariat of Enlightenment to export his library, and that the Department of Scientific Libraries had approved this decision on 6 December 1920. It was never enforced¹⁷.

After he had moved to Leningrad, Rabbi Schneerson wrote another letter (5 February 1925) to the Department of Science (Glavnauka) stressing that his library had not been abandoned, just because it was placed in storage. And he further explained that «in accordance with Soviet laws, private book collections were not appropriated by the government, especially collections of books which belonged to scholars who used these resources to engage in research». According to Schneerson and his followers, who was then promoting Jewish education for youth, his collection could be considered only as a private religious scholarly library. His official statement ended with the expectation «that my collection of books, which, by the way, is of interest only to the very select, small circle of Jewish religious scholars and is of no interest whatsoever to the Museum, will be rightfully returned to me»¹⁸. The law about abandoned property was not applicable to the Schneerson Collection — officials knew very well to whom it really belonged, since Schneerson never purposefully abandoned the books.

However, Soviet authorities also knew the value of early Jewish books. According to Pavel Sudoplatov, the notorious Soviet spy-master, the proceeds received as a result of the sale of ancient Hasidic manuscripts from the Lenin Library (RGB) abroad in the 1920s were used by Iakov Blumkin to finance the Soviet spy-network in Turkey. (However, Blumkin, being a friend of Trotsky, gave part of the funds to the exiled leader, who at that time found refuge on the Princess Islands)¹⁹. It is not known for certain whether any of the books or manuscripts belonging to Schneerson were sold to finance the activities of Soviet spies or for other purposes, but such a possibility can not be excluded, because consider-

able Hebraica and Judaica was sold by Soviet authorities in the 1920s and early 30s²⁰.

Instead of receiving his library in Leningrad, Rabbi Schneerson was arrested in 1927, sentenced to death, and put in solitary confinement in Shpalernaia Prison. His sentence was subsequently commuted to a three-year exile in Kostroma²¹. The intervention of international politicians led to his release and immigration to Latvia, where he became Chief Rabbi of Riga (1927—1933). At the time of his departure from Leningrad, he was permitted to take 59 crates of books with him²². He moved to Warsaw in 1933, but escaped back to Latvia after the German invasion in September 1939. He was then rescued and granted immigrant status in the United States²³. He never saw his library again, nor the manuscripts and part of his archive he had left in Warsaw, despite interim efforts to retrieve those materials.

Attempts had been made by the U.S. Congress as early as November and December 1933, to get the Lenin Library to return the collection to Rabbi Schneerson, but to no avail²⁴. In 1946 Rabbi Schneerson, when he was already settled in the United States, submitted a description of some of the missing manuscripts, archives, and library materials certifying to the Chabad ownership of the books and requesting State Department assistance in their recovery²⁵.

For more than a half a century, the Schneerson Collection was hidden among the vast book holdings of the most important library of the Soviet Union. No one in the Soviet Union knew it was there, let alone used it, because it was hidden away and never catalogued. But if it was lost it was not forgotten — members of Chabad in far away Brooklyn knew that their holy books were hidden in Russia. Meanwhile, they had established an important successor library in Brooklyn, keeping alive the international Hasidic traditions and again certifying claim on behalf of Chabad in the United States to the books they had been forced to leave behind in Moscow. Rabbi Schneerson in 1946 also submitted a description of many of the missing manuscripts, archives, and library materials he had been forced to abandon in Warsaw (reportedly in the United States Embassy), but which unbenounced to Rabbi Schneerson, Nazi authorities had sent to Berlin. (At that point he could not have known their fate, and that they would later resurface in a Moscow archive). Rabbi Shalom DovBer Levine, the present director of the Library of Agudas Chassidei Chabad Ohel Yosef Yitzchak Lubavitch in Brooklyn, has devoted considerable efforts to locating and retrieving the lost library in Moscow, as his published diary in Hebrew with relevant facsimile documents attest.

The beginning of political changes in the USSR in the 1980s sparked new attempts to approach the Soviet government. American international

business leader Armand Hammer took a special interest in the Schneerson cause. Already in 1984, on behalf of the Chabad Library in Brooklyn, Hammer presented a copy of the surviving prerevolutionary catalogue of the Schneerson Collection from Lubavichi to Soviet Minister of Culture Vasilii Zakharov. That typescript Hebrew catalogue, it should be noted, listed 5,619 titles (including only the printed items and not the manuscripts) that comprised the library on the eve of World War I, at which time it was moved from Lubavichi (now in Smolensk Oblast). The number of titles and individual items still needs to be verified, because many of them are in several volumes or parts and some are bound as convolutes²⁶.

A young Russian scholar, Veronika Irina-Kogan, claimed that she discovered the presence of the Schneerson Collection in the Rare Book Department (Museum of the Book) of the Lenin Library in 1989, but found that, «in 70 years only 87 of them have been catalogued. The rest remain in their original crates, accessible to no one». She confirmed that the books from the Schneerson Collection, some even with Schneerson ex libris, were marked with the library code «P» (also in the call number), because the Lenin Library received them with the collection of the book depository of the Poliakovs, a prerevolutionary Jewish merchant family renowned for its charitable activities, and the Schneerson books had not been identified as a separate entity. (It should be noted that (1) serious cataloguing of Hebraica and Judaica had not been a priority during the Soviet period, and (2) there is no evidence that the Poliakov family even had significant library holdings). Irina-Kogan claimed to have established the connection of those books to the Schneerson Collection. Apparently from the time the books were moved to the Lenin Library from the Koko-revskie storage facility until the 1980s their true origin was not known²⁷. Irina-Kogan informed the Hasidic Community about her findings, but in effect that simply confirmed their own.

Rabbi Levine and several Hasidic colleagues visited Moscow for the first time in early January 1988, but their reception was not always friendly, although they did obtain confirmation that the Schneerson Collection was in the Lenin Library (GBL). They met with Lev Moseevich Dagovich, a Hebraic specialist in what was then known as the Sector of Foreign Literature of the Orient (*Sektor zarubezhnogo Vostoka*), who helped them locate 12 books from the collection in the Museum of the Book (*Muzei knigi* — Rare Book Department), but they were not permitted to see more. Dagovich told them about a catalogue in the Manuscript Department, which had reportedly been prepared by Igor Medvedev. They had great difficulty trying to enter the separate building within the library complex housing the Manuscript Department, but they finally suc-

ceeded and requested to meet Medvedev. Not long after Medvedev came to meet them, two armed militia men appeared, escorted him away, and informed the rabbis that they were not permitted to consult the catalogue²⁸. The Hasidic Community then turned again to their powerful broker — Armand Hammer — with a memorandum (15 January 1988) describing their problems in the Lenin Library. The Chabad rabbis discovered that other parts of collection were kept in the Lenin Library as well. In their memorandum, they explained that the Schneerson books were erroneously marked as part of the Poliakov collection. «We are convinced that it is what we are looking for», the rabbis wrote²⁹.

After Medvedev's abortive meeting with the Chabad rabbis he prepared a brief survey of the Hasidic manuscripts held in the Manuscript Department, which was published a year later in the Moscow Yiddish popular monthly, *Sovetish heymland* (April 1989). Medvedev explained that there are approximately two hundred manuscripts, most of them copies from the nineteenth century, and identified the manuscripts as having been acquired in 1924 from a Moscow warehouse where they had been left by Chabad Jews from Lubavichi. He mentioned different groups of manuscripts including biblical writings, rabbinical and Talmudic literature, cabalistic texts, among others, with some specific examples. He mentions no fond number for the collection, suggesting that they had not been fully processed and not readily available to researchers, but in any case the Chabad rabbis have never been permitted to see them³⁰.

Unbeknownst to the rabbis, and apparently even before Hammer had presented their pre-1914 catalogue to the Minister of Culture in 1984, a Hebrew specialist in the Rare Book Department (Museum of the Book), Samuel Goldenberg, had started preparing a preliminary card catalogue (in Russian and Hebrew) of close to 100 titles in the Poliakov collection, almost all of them imprints from the sixteenth century and predominantly of Mediterranean provenance (many printed in Constantinople and Venice, among other places). Apparently this was the catalogue to which Veronika Irina-Kogan had referred, but it covered only those imprints held in the Museum of the Book. Apparently the 12 books the rabbis had been shown in the Museum of the Book in January 1988 were among those catalogued by Goldenberg, although according to Irina-Kogan, by that time 87 of the titles had been identified with the Schneerson Collection. After Goldenberg emigrated to the United States in 1992, there was no Hebrew specialist in the Museum of the Book, and his catalogue remains unfinished to this day. According to rare book specialists in October 2004, approximately 67 of the over 125 Hebrew books in the Poliakov collection books that had been catalogued (in Russian and Hebrew), could be definitively identified as of Schneerson provenance, and another 20 or

30 would require further study (it should be pointed out that many of the titles involved more than one volume)³¹.

After Hammer received the Chabad memorandum in January 1988, he sent a cable to Vasili Zakharov, who at that time was still Minister of Culture of the USSR. «I wish to follow up on our telephone conversation... regarding the books of the Lubavitcher movement», Hammer wrote. He informed the minister that the delegation of rabbis had established that about 7,500 books belonging to the Schneerson Collection were in the Lenin Library, and that they were continuing their search. «I would remain in contact with you regarding the prospects for exporting the books to the United States», Hammer optimistically finished his cable to Zakharov³². However, all-powerful fate stepped in to change this plan. Nikolai Gubenko, a former actor in the liberal Taganka Theatre, replaced Zakharov as Minister of Culture in 1989.

Hammer tried to involve the new minister in negotiations about the fate of the Schneerson Collection, but his efforts attained no positive results. In December 1990, tired from fruitless attempts to convince Gubenko to return the library, Hammer wrote, «I have taken the liberty of writing the enclosed letter to President Gorbachev, also thanking him and you, and expressing my hope that all steps can be taken so that the books can be released in time for the annual Celebration of the Chabad movement in New York this Thursday»³³.

That Thursday passed, the books were not returned, and the sought-for intervention of Gorbachev did not change the situation. A few days later, Hammer received a letter from Nikolai Gubenko, who wrote, «I want to inform you that the collection of books of Schneerson Agudas Chassidei Chabad was nationalized in 1921 and became the property of the State. Its transfer contradicts the interests of Soviet Jewry, because the collection is the national heritage of the country and a most valuable historical monument. At the same time I want to reassure you that I will do everything in my power to transfer, within the limits of the possible, copies of those documents to interested religious figures. This question has to be thoroughly discussed in scholarly and religious circles, to determine suitable legal grounds, which will take some time»³⁴. Gubenko was to repeat these words again and again. He even sent a personal letter to Rabbi Schneerson just to state that the library was a part of the Russian cultural heritage³⁵. Gubenko took the case of the Hassidic library as a personal mission, and did everything he could not to return the library to Chabad.

Soon Gubenko received the opinions of Soviet «scholarly circles». Academician Dmitrii Likhachev stated that he believed that «it is necessary to return the manuscripts and books kept in GBL (State Lenin Library) to their legal owner, the seventh Lubavitch Rabbi». Likhachev

wrote, «In my opinion, they have no scholarly value for the development of Hebraic studies in the USSR, because they contain only theological and liturgical materials connected to the Lubavitch branch of Hassidism». The respected academician stressed his belief that «The transfer of the mentioned manuscripts and books would not create a precedent for the transfer of any other manuscripts or books to other countries»³⁶. Semen Iakerson, the custodian of Jewish holdings in the prestigious Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Science of the USSR (LO IVAN) was of the same opinion³⁷. But Gubenko had no intention of changing his mind.

The Lenin Library staff started a real war with the Hasidic rabbis, who were demanding the return of their holy books. This war escalated in the context of the complete decline of both the facilities and the services of the library. The building of the book depository cracked as a result of the construction of the «Borovitskaia» metro station underneath. The elegant eighteenth-century Pashkov Palace facing the Kremlin, which had traditionally housed the Rumiantsev Museum and then the GBL Manuscript Department, badly needed major renovation as early as 1982. By 1991, it was covered with numerous cracks. In 1989, the Ministry of Culture of the USSR, in agreement with Lenin Library director Nikolai Kartashov, proclaimed a plan to close the library for reconstruction for an indefinite period of time, but this proposal provoked a loud public outcry and in the end was rejected. The library scandal was discussed even by the Supreme Soviet of the USSR³⁸. In those years of *glasnost* and *perestroika*, complaints about the library were rampant in the Russian intellectual and academic community. Just at the time of the rabbis' visit in January 1988, for example, the disturbing situation in the Lenin Library Manuscript Department prompted ten distinguished Soviet scholars, including Academician D.S. Likhachev and Archeographic Commission chairman S. O. Schmidt, to write a strongly worded open letter to Minister of Culture V.G. Zakharov³⁹.

On 28 December 1989 the Supreme Soviet established a Special Expert Commission, which organized an open competition for the position of director of the Lenin Library. The Commission recommended the appointment of Igor Filippov as the director of the library. However, their recommendations remained unheeded. The Minister of Culture preferred to replace the odious Kartashov with his deputy, Anatolii Volik. The plan for closing down the library was temporary abandoned. However, officials tried to revive it two years later.

Representatives of the Chabad Lubavitcher including Levine, who heads the Chabad Library in Brooklyn, again went to Moscow on 27 November 1990, remaining until May 1992⁴⁰. During that visit, Rabbi Le-

vine gave the Lenin Library another copy of the Chabad prerevolutionary catalogue, and he and his colleagues undertook efforts themselves to check that catalogue of the printed books against the card catalogue of the GBL Oriental holdings with Hebrew coverage (including rare books). While in Moscow in January 1991, the Chabad group was given copies of preliminary Hebrew-language catalogue card listings (281 cards) from what was identified as a «Collection of Hebrew Manuscripts» (fond 182) in the GBL Manuscript Department⁴¹. They were not, however, permitted to examine any of the manuscripts, which had already been identified in print as of Hasidic Lubavichi provenance.

In May 1991, they were permitted to visit the Museum of the Book, where they actually met with Hebrew specialists Samuel Gol'denberg and Lev Dagovich. When they were shown the stacks of the Rare Book Department where the Schneerson (and Poliakov) books were kept, Levine was immediately able to identify many of the Schneerson books by binding characteristics. Library authorities thereupon became apprehensive, and only one book was brought out for the Chabad group to examine more closely. In that case, Levine was able to show Goldenberg the distinctive markings on the bindings and the Schneerson initials «J. S». (in Hebrew) on the books that that belonged to Rabbi Schneerson. In fact, all of his books have eight distinctive markings, including a distinctive dark green imitation leather cover binding (usually with small holes for lacing) with real leather black spines, as well as a unique *ex libris*, as they were able to explain to the rare book librarians. At that time, the Chabad were given no possibility of further work in the reading room, nor were they permitted to examine any more of the books they had identified earlier in the general RGB Hebraica catalogue (including rare books) on the third floor⁴².

Even by early 1990, it had become clear that transfer of the Schneerson Collection directly to Brooklyn would create very strong opposition in Russia. Another idea proposed was to create a memorial to Schneerson in the village of Lubavichi in Smolensk Oblast. The memorial in the remote village could include a museum or a library where the books could be transferred. On 15 December 1990, Nikolai Malyshev, deputy head of the Council of Ministers of the RSFSR, informed representatives of the Chabad of support for «the idea of creating a «Lubavitcher» memorial in the village of Lubavitchi in Smolensk Oblast»⁴³. Malyshev also noted the proposal for establishing a (Moses) Maimonides Home», as a Jewish religious-medical center, which was to be considered by the Moscow City Government. The village of Lubavichi, however, proved to be a disappointment. Officials who made a special arduous visit there decided that it was not an appropriate site to house the Hasidic center⁴⁴.

In the meantime, according to Chabad sources, Soviet President Mikhail Gorbachev had promised to return the Library, but he failed to do so before he found himself out of office. Losing patience with other possibilities of a favorable settlement, and rebuffed in attempts to verify their library holdings in the Lenin Library earlier in the year, the Chabad turned to a legal appeal in Moscow. In response to a court petition initiated by the Hasidic community, on 8 October 1991 the State Court of Arbitration of the RSFSR issued a ruling, concluding that

«the documents provided did not confirm the fact of Schneerson Library acquiring a status of National property. The disputed collection of books and manuscripts also cannot be declared ownerless, as for a number of years, starting from 1922, the owner of books and manuscripts applied to various bodies of the Soviet State, requesting their return».

The State Arbitrators thus decided

To declare the Claim of CHABAD, the Religious Jewish Hasidic Lubavitch Community, for the return, in kind, of the collection of books and manuscripts, known as the Schneerson Library, valid and granted.

To bind the V.I. Lenin State Library to return within one month the Schneerson Library to CHABAD, the Religious Jewish Hasidic Lubavitch Community⁴⁵.

On 10 October, the staff of the Lenin Library held a meeting during which it claimed that the decision of the court was «illegal», refused to return the Schneerson Collection, and demanded that the government double all salaries of the library employees and close the building for reconstruction. In the case their demands were not satisfied by the 1 November deadline the library staff threatened to go on strike.

The decision of the staff meeting stated:

«Dear compatriots! The State Lenin Library of the USSR is threatened with danger of destruction and plunder... The State Arbitration Court of the RSFSR under pressure of R.I. Khasbulatov, acting Chairman of the Supreme Council of RSFSR, decided to transfer to the Jewish Religious Community Chabad, organized in January 1991 [(reference to the Russian branch of Chabad — K.A.)] a part of the collection of the State Lenin Library (GBL) saved by the library during the 1920s and during the same time nationalized by the state... A precedent is established — the pillage of the collections of the Library is started»⁴⁶.

The promised strike did not materialize, but the staff started to sabotage its duties in true Russian fashion — electric bulbs disappeared from

table lamps in the library reading rooms. However, life-hardened Russian readers found their way around — they started to visit the library with their own electric bulbs in their pockets, which they screwed in the library lamps⁴⁷.

Meanwhile, court adjudication went in appeal to a higher instance. On 18 November 1991 the State Court of Arbitration of the RSFSR revoked the previous ruling for «establishment of proprietary rights to the Schneerson Library». In other words, it left unresolved the argument of the Lenin Library that the «Disputed collection of books and manuscripts was nationalized and is the property of the state; as such, it cannot be the subject of the dispute concerning property rights». Instead it decided on a compromise solution, in recognizing that the «Jewish National Library» (in Moscow) had been incorporated into the case as of mid-November. The Court ordered the «Lenin State Library to transfer entire collection of books and manuscripts known as the Schneerson Library to the Jewish National Library». Physical transfer was «to commence on 18 November 1991». The decision further took into consideration «existing complications and various interpretations of the term “Schneerson Library”», and that if experts failed to agree on the composition of the library, the «Court will appoint independent experts in a separate ruling»⁴⁸.

Since export abroad was ruled out, a new attempt was made for possible compromise: the idea was to create promptly a Jewish National Library, as part of a new Jewish Academy in Moscow, established with the support of the Chabad, as the «compromise location» for the Schneerson books. However, such a library in Moscow was still only in the planning stage, but in fact a State Jewish Academy (*Gosudarstvennaia evreiskaia akademiia*), was created already in 1991 as an institution of higher education. Headed by the above-mentioned Veronika Irina-Kogan, in 2000 it was to become a part of the new Maimonides State Classical Academy (*Gosudarstvennaia klassicheskaia akademiia im. Maimonida*)⁴⁹. At the end of 1991, however, with the Soviet Union itself collapsing and a new government hardly functioning, GBL library officials refused to observe the decision of the State Court of Arbitration. There was hardly a government to enforce the ruling⁵⁰.

On 20 November, the disappointed representatives of the Chabad started a hunger strike in the hallway of the administrative entrance (№ 2) of the library, demanding enforcement of the ruling. Two days later, the library was closed on the basis of the «Instruction of the technical inspection of labor conditions No. 5/28», dated 20 November. The official reason for the closing of the library was «exceeding the permitted limits of concentration of dust, microbes, etc». The real reason was Hasidic rabbis praying in one of the main entranceways in the library⁵¹.

The hunger vigil and other highly visible efforts of the representatives of Chabad to secure return of their Schneerson collection provoked anti-Semitic demonstrations on the steps of the closed library. A new round of confrontation was not unexpected. The ultra-nationalist Moscow newspaper *Zemshchina* wrote: «Hasidic manuscripts from the Schneerson collection... kept in GBL (Lenin State Library) belong to the Russian people as incontestable evidence of the ritual crimes of Talmudic Yids»⁵².

Nonetheless, behind the scenes, the Lenin Library was taking the problem seriously in 1991 and had appointed a commission including GBL Hebrew specialists to investigate the Schneerson Collection. The commission report presented a reasonable appraisal but nevertheless determined that the «collection of books and manuscripts was an integral part of the holdings for the State Library of the USSR and part of the national heritage». The report signed by the seven-member commission explained that the collection had been classified as part of the so-called Poliakov collection (P), but that there was no indication that the prominent Jewish banker and railroad developed Samuil Poliakov (1889—1937) had ever had a library collection. The so-called «Poliakov Collection» was in fact a conglomeration of Judaica and Hebraica from eight other prerevolutionary collections, in addition to the Schneerson Collection. These included holdings from the Library of the Moscow Theological Academy, the Moscow Central Jewish Library, Sergei Holy-Trinity Lavra, among several others Jewish sources. Apparently these materials acquired by the Rumiantsev Museum and later Lenin Library during nationalization processes had never been processed, and most of them were then still stored in Khimki. Notice was given that in 1985 1200 books (1500—1600 imprints) had been reprocessed, and no indication of books of Poliakov ownership had been found. The report went on to describe the ex libris and other distinctive markings to be found on many of the Schneerson books, and also described the subject and nature of ten categories of literature to be found within the collection, undoubtedly as a result of the visit and instructions of the Chabad delegation. The commission agreed that an appropriate facility to preserve the unique collection should be arranged where it could be available to domestic and foreign specialists, and that preservation microfilm copies be prepared⁵³.

On 24 January 1992, the library was open again with Igor Filippov appointed the new director, but the books once belonging to Schneerson were not returned. On 29 January, the Government of the Russian Federation issued Order No 175-p «to satisfy the request of the representatives of the movement of ...Agudas Hassidei Chabad to transfer books and manuscripts from the Schneerson collection to the Maimonides State Jewish Academy by the former Lenin State Library». On 30 January Filippov

signed an order (only the second order issued by the new director) about the establishment of a special seven-member commission responsible for the selection and transfer of the Schneerson books. The commission had to include Rabbi Levine⁵⁴. However, the books were not transferred⁵⁵.

Simultaneously, amidst all the confusion of transition between the Soviet Union and the then independent government of the Russian Federation, the Lenin State Library sought «reconsideration of the ruling made by the State Court of Arbitration of the RSFSR on 18 November 1991». But with the Soviet court system in shambles, Russian court procedures were hastily reconstituted. On 14 February 1992, the Deputy Chief State Arbiter of the Russian Federation B.I. Puginskii issued a ruling essentially declaring null and void the series of decisions issued by the Soviet Court of Arbitration during the final months of 1991. Among other factors, the Court received notification that «neither the Ministry of Culture of the Russian Federation, nor the Moscow City Cultural Committee, has received an application to register legal entity under the name «the Jewish National Library “Maimonides House”». Furthermore, the «Community has no authority to file suit seeking physical transfer of the property». And besides, the conclusion «that the Schneerson Library belongs to the Lubavitcher Rebbe is without merit». Based on all of the factors listed, the Court ruled to revoke all of the 1991 rulings in the Schneerson case No 350/13 and «to cease all further action in the Case 350/13 filed» with the Soviet State Arbitration Court⁵⁶.

Even after the overturned the ruling State Arbiter overturned the ruling of the Soviet State Arbitration Court upholding the Chabad, according to Chabad sources Russian President Yeltsin that the Schneerson collection would be returned to the Lubavichi community. However, he did not keep his promise.

The anti-Semitic propaganda of *Zemshchina* and other neo-fascist newspapers proved to be highly efficient. In 1992, the Hasidic synagogue on Bolshaia Bronnaia Street was bombed, namely the building where the Maimonides Institute was officially registered and to which it had been proposed to transfer the Schneerson Collection. One year later, another Moscow synagogue situated in Mar'ina Roshcha was burned down. In 1996 a strong explosion killed three people and destroyed a wall of the just-reconstructed building of that synagogue⁵⁷. In 1998, the building was bombed again. According to a declaration of the Congress of Intelligentsia of the Russian Federation this explosion was «just one link in succession of events connected with manifestations of fascism and nazism in Russia»⁵⁸. None of the perpetrators of these crimes were found or punished.

With the case reversed and further litigation rejected by the newly reconstituted Russian court, the Chabad turned to political pressure in the United States. Across the ocean in America, the Lubavichi Hasidic groups found willing support of influential politicians in their quest for the return of the Schneerson Collection. In March 1992, Albert Gore, then Senator from Tennessee, reported the Schneerson case to the United States Senate. Gore's letter read into the *Congressional Record*, stated that

«If it is impossible for the judgment of the Russian courts to withstand the personal willfulness of the Soviet ministers, then nothing has changed. Any western business thinking of entering into a financial relationship with any Russian institution must take into account that contracts are not enforceable in the Russian Republic any more than they were in the Soviet Union. The United States Government, in presenting any future agreement involving Russia for the Senate's approval will also find it difficult to explain how disputes are to be legally settled if Russian courts are powerless to enforce their decisions»⁵⁹.

Gore's letter affirmed that in such a political climate the return of the «Smolensk Archive» to Russia appeared clearly impossible. The link was firmly forged by U.S. Secretary of State James Baker who, as he wrote to Senator Lieberman, «personally informed President Yeltsin that we would be willing to return the important Smolensk archives to Russia as part of an arrangement in which the Schneerson manuscripts were released to the Lubavitchers»⁶⁰.

On 20 January 1993 William Clinton was inaugurated as the President of United State. Albert Gore became Vice-President. Now the future of the files looted by the Nazis in Smolensk was under the personal scrutiny of the Vice President of the United States. On 14 April 1993 Trudy Huskamp Peterson, the Acting Archivist of the United States, wrote a requested letter to Albert Gore, that

In a recent conversation, your assistant Brad (Weiss [sic]) Wiss sought assurance that the National Archives and Record Administration will not unilaterally return the records of the Smolensk Oblast to the Government of Russia. I assure you that the National Archives will take no action on this matter without first fully consulting with the Office of the Vice President and the Department of State⁶¹.

At the request of the Vice-President's Office, the return of the «Smolensk Archive» was thereby blocked. Once that «hostage» was secured in Washington, further high-level diplomatic negotiations on behalf of the Chabad proceeded in 1993 between the United States and the Russian Federation, with none other than Vice-President Gore at the helm.

On 16 December 1993 a resulting «Memorandum of Understanding» was signed by Leon Fuerth, then Assistant to Vice President Gore for National Security Affairs, and Evgenii Sidorov, then Minister of Culture of the Russian Federation, setting forth a series of measures which were intended to diffuse but hardly resolve the dispute about the Schneerson Collection. The «Confidential Principles of Accord» included plans for a new facility where the collection «will be open to access by all serious users» with «facilities to conduct religious devotions»; «cataloguing will take place as soon as possible», and «the collection will also be microfilmed». Further provisions called for reputable appraisal. Expenses for «preservation, maintenance, operation, cataloguing, microfilming, training, and insurance of the collection» were to be allocated between the two sides, the Chabad «having indicated its willingness to bear a fair share of the costs»⁶².

To sanctify the agreement, the Russian side presented one late nineteenth-century book from the Schneerson Collection to Vice President Gore in Moscow on 16 December 1993. When he visited the RGB Museum of the Book, he was shown the well-equipped stack areas where the rare books from the collection were kept. They did not explain that even ten years later, there were no plans to move those rare books to the new facility with the rest of the Schneerson Collection. Gore's visit to the Hebrew rarities may have provided a fine photo opportunity for accompanying press, but apart from the potential political fallout, there was only disappointment in the Chabad's home in Brooklyn. Neither the Chabad nor the newly reestablished Russian State Library (RGB) were signatory to the «Confidential Principles of Accord», which may help account for the fact that implementation has been delayed, and even even the promised catalogue has hardly begun.

Linking implementation of the «Principles of Accord» to transatlantic presidential politics, the «transfer of the collection to new premises in Moscow was [supposed] to begin by the time of the Summit meeting between Presidents Clinton and Yeltsin in mid-January 1994»⁶³. The follow-up was perhaps another awkward attempt at compromise and a way to save face in a difficult impasse that was escalating into yet another political crisis. In the winter of 1994, seven books belonging to the Schneerson Collection were transferred by the Russian State Library through international interlibrary loan to the Library of Congress. The books were solemnly handed to President Clinton during his visit to Moscow in January of that year. The provision for transfer of some of the Schneerson books by Interlibrary Loan had been another point in the 1993 «Memorandum of Understanding», but the fact that transfer of the entire collec-

tion to a new facility in Moscow had been projected to coincide with Clinton's 1994 Summit visit was obviously not highlighted.

The idea of a small inter-library loan — also as yet with no documents available — was the common brainchild of American politicians and the Russian Ministry of Foreign Affairs. It was agreed that the loan in reality would be no more than «a gesture of good will». There was some suggestion that the Russians would not claim the books back, and as a consequence, the Library of Congress transferred them to the Chabad. However, by fall the Ministry of Culture, on request of the Russian State Library, began to demand the return of the books. Igor Petelin, official in the Russian Ministry of the Interior, promised American Ambassador Thomas Pickering that the issue of the return of the seven books would not be raised again. However, it was. In the beginning of the summer, the Russian side started to compose a wish list of 24 books which they wanted to receive in «compensation» for the seven books transferred through the «interlibrary loan». In July, Vice President Gore met with Prime Minister Viktor Chernomyrdin, during which time the wish list was given to Americans. Rabbi Cunin demonstrated unbelievable speed in finding the books the Russian side wanted to receive. All of them were found in Israel and within 24 hours were sent to the U.S. Embassy in Moscow. However the exchange never took place.

In August, Gore met with Vladimir Shumeiko, the chairman of the Council of Federation of the Russian State Duma, who was visiting the United States. The Vice President discussed the issue of the Schneerson books with Shumeiko, but with no result. In September, Rabbi Cunin and Ambassador Thomas Pickering were preparing to meet in Moscow with Petelin and Mikhail Shvydkoi, the deputy Minister of Culture, about the planned exchange, but the meeting was called off when Russian side changed its mind and insisted that the Americans must send back the seven books loaned to the Library of Congress. In September, Rabbi Cunin and Ambassador Thomas Pickering met in Moscow with Petelin and Mikhail Shvydkoi, the deputy Minister of Culture, about the planned exchange, but the Russian side changed its mind and insisted that the Americans must send back the seven books loaned to the Library of Congress⁶⁴.

On 22 September 1994, Senators George Mitchell, Joseph Lieberman, Bob Dole, and Frank Lautenberg sent a letter to Vladimir Shumeiko asking him to help return the Schneerson Collection: «Both the administration and the Congress have raised this issue on numerous occasions with President Yeltsin and former Ambassador Lukin; both assured us that the books will be returned in the near future. Notwithstanding these assurances, to date only eight books of the 12,000 volume collection have

been released [for the Chabad] to the to the U.S. Library of Congress»⁶⁵. The same day, the senators addressed Vice President Gore, asking him to put more pressure on the Russian side. They wrote: «Your leadership on this issue has been critical in winning Russian commitment to return the texts and in achieving the return of the eight books which have been received so far»⁶⁶. In their letters, the senators mentioned not seven but eight books, which included the one presented to Vice President Gore in 1993.

Annoyed by the position of the Russian Ministry of Culture, representatives of Chabad in the U.S. requested that if the Schneerson collection were not returned, the amendment to the Freedom Support Act be implemented whereby U.S. government funding would be cut off from reaching the Ministry of Culture. Rabbi Cunin had already had significant success with such political tactics — he had successfully lobbied for the inclusion of what had come to be known as the Gore-Lieberman amendment, namely the special provision in the Freedom Support Act that would prohibit anyone who receives funds from dealing with the Russian State Library⁶⁷.

In the beginning of 1995, the Russian State Library filed a complaint with the International Federation of Library Associations (IFLA) in the Hague stating that the Library of Congress did not return books taken out on interlibrary loan⁶⁸. The Library of Congress had become a hostage of a political game of «gestures of good will», which proved to be nothing more than wishful attempts of the Yeltsin government to temporarily defuse a problem that it could not manage in reality.

Russian politicians and bureaucrats seized the opportunity to use the American refusal to restitute the files from Smolensk as long as the Schneerson books collected dust in the vaults of the Russian State Library (the former Lenin Library) as the «trump card» in the Russian Federation's negotiations with European governments demanding the return of their own looted archives from Moscow⁶⁹.

In the meantime, since 1991, new laws and Presidential decrees making the return of the Schneerson Collection impossible were adopted in Russia: Prohibition was imposed (1) on the right of legal heirs anxious to claim non-state cultural property that had been nationalized under the Soviet regime and (2) on the right of heirs now resident abroad to claim or alienate abroad library and manuscript materials created or held within Russia. Besides (3) by the official decree reestablishing the Lenin Library (GBL) as the Russian State Library (RGB) which recognized its holdings as «especially valuable inalienable component of the Russian Cultural Heritage», while (4) an earlier 1991 presidential decree that prohibited «dispersal of such property by sale, gift, or other form of alienation»⁷⁰.

Such legal impediments explain the difficulty of the Russian government in permitting return of the collection, and why even high political leaders resorted to such gimmicks as inter-library loan.

Among those other legal reasons, Grimsted mentions that return of the Hasidic books was unachievable because the collection «would be recognized under current Russian law as part of the official Archival Heritage of the Russian Federation»⁷¹. This statement, however, turns out not to be entirely appropriate — the collection in question in RGB includes mostly books, and only the manuscripts and books with significant inscriptions would technically fall under the Russian law on archives. A statement in the introduction to the volume *Lost Archives Fonds*, prepared in cooperation of the Ministry of Culture of the Russian Federation and the Russian Federal Archival Service (Rosarkhiv), confirms this thought. Protesting against American preconditions for the return of the «Smolensk Archive», the authors of the introduction stressed that the Schneerson Collection «has nothing in common... with the Russian archives in general»⁷². At the time of that publication, the Hasidic Community in Brooklyn had not known about the Schneerson fond archival materials still held today in the Russian State Military Archive (formerly part of the Central State Special Archive —TsGOA). And it turns out that those manuscript materials constitute records displaced as a result of World War II and hence today would be eligible for restitution as having been plundered from Holocaust victims.

The irony of the situation was that the return of the «Smolensk Archive» was possible only with a change of the U.S. presidential administration. In 2001 such a change did happen. In 2002, the representatives of the Project for Art and Archives initiated a discussion about the necessity to reconstitute the «Smolensk Archive». This effort would have been impossible without information found by Patricia Grimsted, who for many years championed the return of the archive to Smolensk. In the initial stages of the discussion, it became clear that a certain legend connected to the «Smolensk Archive» had formed in Washington.

The statement Gore had read into the *Congressional Record* in 1992, and the fact that the archive had not been returned as planned at the Yeltsin-Bush Summit in Washington in June 1992 had become the foundation of a common belief that the archive could not legally be returned to Russia, and that a Senate resolution had been executed as an Act of Congress. However, in 1992 the Senate did not in fact take any such legal action connected to the fate of the files from Smolensk. Legal counsel for the National Archives verified Grimsted's findings. There were in fact no legal obstacles that could prevent restitution of the archive. However, the political obstacles were more than serious. The efforts of the State De-

partment, especially of Ambassador J.D. Bindenagel, and the political maneuvering of influential supporters of the archive's return to Russia, helped overcome the serious and sometimes unexpected opposition of well-known politicians with strong ties to the Hasidic community.

On the other hand, many representatives of Chabad understood that aggressive action was unlikely to lead to a resolution of the problem of the Schneerson Collection. Berl Lazar, a Hasidic Rabbi who was appointed the Chief Rabbi of Russia, said in his interview to one of the leading Russian newspapers:

It is necessary to take into account that these unique books were collected by the Hasidic community for 200 years. For Jews it was a horrible loss. There was a court decision in this case; then President Yeltsin issued his own decree about return of these treasures. However, as we know, the problem is still not resolved. I understand the position taken by the [Russian] government today. We are talking about cultural treasures.

If to create a precedent and to return to the former owners something, which was confiscated during the period of the Soviet power, thousands of claims will be filed in courts. It is impossible to return everything to everyone. If such process will begin, it will impossible to stop it. This is the position of the government and I perfectly understand it, but I cannot accept it. For all Jews the collection of Schneerson is first and foremost a cultural and spiritual treasure. In this situation loud actions are not helping to solve the discussion, but only making it impossible⁷³.

Apparently unbeknownst to the Jewish press and public on either side of the Atlantic, by the time those emotional words were written, both the Brooklyn Chabad and the Russian State Library had come to a better understanding — with quiet cooperative action — about the extent and specific composition of the Schneerson legacy in Moscow, although there was still no catalogue or even short-title list that would be a prerequisite for any formal claim.

During another two weeks in Moscow in July 2000, Rabbi Levine, director of the Chabad Library in Brooklyn, reported that he had checked 12,000 books that were considered part of the Poliakov collection within the RGB Oriental Holdings (*Vostochnyi fond*). He, together with GBL librarian Oleg Serikov, who catalogues Hebrew books in RGB, identified 4,354 books that had distinctive Schneerson markings (ex libris, distinctive bindings, or other identifiable labels), most of which were then held on the 11th floor of the main RGB stacks, but part of them on the 10th floor of the library satellite building in the Moscow suburb of Khimki. Labels identifying the «Lubavitch Collection» were placed on the books

they both agreed upon. Levine's report refers to the «original catalogue of the Lubavitch collection» held in the Chabad Brooklyn Library (which lists 5,619 titles), a copy of which had been furnished to RGB, but time did not permit verification of all 12,000 volumes or identifying any more of them. They further determined that many of the 12,000 books originally received by the Lenin Library in the 1920s as part of the so-called «Poliakov Collection» were not part of the Lubavitch library and had alternative provenance markings⁷⁴.

Levine came away discouraged about the possibility of further identification efforts, realizing that considerable tedious work would be required to check the entire Lubavitcher catalogue against RGB catalogues and examine each and every volume to determine library markings. He was only in Moscow for two weeks, which hardly would have given time enough to complete the examination of 12,000 volumes. Five years later in reporting for the U.S. Congressional hearings (April 2005), he complains that «Russian State Library officials prevented me from completing the examination of the Library's contents». He explains that he was not «permitted to see any of the 381 manuscripts... I was also not allowed to complete my comparison of an original catalog describing the Library's contents with the assortment of books that that the Russian State Library claimed contained the books that comprised the Library»⁷⁵. Frustrations and ill-will on both sides are evident. Since Levine's 2000 report, there has been no indication of further progress on the part of RGB librarians to continue even preliminary identification, and qualified Hebrew specialists are still lacking at RGB. Because RGB has not provided expertise and nor assumed a major part of the costs of appropriate appraisal and processing for the books they are so anxious to keep, the Chabad has been less than anxious to bear further cataloguing costs themselves⁷⁶.

Levine reported that there were «at least another 110 Lubavitch books in the RGB Rare Book Department [Museum of the Book]», but during his 2000 visit he says he was not permitted to examine any of those in the Museum of the Book⁷⁷. As of October 2004, however, RGB rare book specialists question that figure, because they claim that earlier only 67 and a possible additional 20—30 had been positively identified as part of the Schneerson Collection. Besides, no progress had by then been made there in finalizing the preliminary catalogue compiled by Goldenberg's in the 1980s (noted above) and verifying it against the original Lubavitchi catalogue and the actual books themselves. Currently, since Goldenberg's emigration in 1992 there has been is no Hebrew specialist to complete his catalogue in the Museum of the Book, a situation that does not lead to optimism that identification and professional cataloguing can soon be completed.

Levine also claims that an additional approximately 280 Hebrew manuscripts from the Schneerson Collection are held in the RGB Manuscript Department⁷⁸. As had been the case on earlier visits, he was not permitted to examine any of the manuscripts in Moscow 2000. That figure accordingly is still based on the 281 manuscripts in RGB MS Department fond 182 indicated in the xerox copies of the preliminary cataloguing cards that the Chabad group had been given earlier on 1988. Again, as apparent in Patricia Grimsted's consultations with Oriental manuscript specialists in the RGB Manuscript Department in October 2004, there has been no progress in descriptive efforts there. Specialists could not even provide a reliable estimate of how many manuscripts of Schneerson provenance might be held in their still unprocessed reserve collection of Hebrew manuscripts⁷⁹.

When the RGB manuscript curators were queried further about the nature and extent of Schneerson manuscripts in Moscow, they suggested inquiry to the Jewish National and University Library JNUL. They explained that microfilm copies of the Schneerson manuscripts were prepared and are now available in (JNUL) in Jerusalem. However, when inquiry on the subject to the director of the JNUL Center for Microfilmed Hebrew Manuscripts, Benjamin Richler was much less than definitive in reply. Not having examined *de visu* all the original manuscripts in Moscow himself, and unaware of the source or details of acquisition, Richler was understandably not able adequately to define provenance on the basis of the microfilms of the 275 manuscripts in the collection received in Jerusalem. When he suggested that some of the Schneerson manuscripts had come from the Strashun Collection in Vilnius, and others from the Crimea, we knew that those manuscripts had never been part of the Schneerson Collection⁸⁰. Quite possibly some of the Schneerson manuscripts in the RGB Manuscript Department had become intermixed with «trophy» manuscripts of varying provenance that were acquired by GBL from the Special Archive (TsGOA) in the late 1940s, having been received there with the materials Schneerson been forced to leave in Warsaw in 1939 (see below); if so, those should qualify for restitution under the Russian law allowing return to victims of Nazi aggression⁸¹. The whole problem is complicated because, apparently, many Hebrew acquisitions since the early 1920s have never been fully processed by the Lenin Library, unlike those in the Günzburg Collection that had been acquired and catalogued in the nineteenth century⁸². Furthermore, it is also still not clear if the approximately 200 Hasidic manuscripts described by Igor Medvedev mentioned above are all part of the same collection⁸³.

Apparently, most of the Hebrew manuscripts acquired in the 1920s and 1930s, augmented by those acquired in post-World War II «trophy»

receipts, were and still are (as of June 2005) held in a not fully processed «Collection of Hebrew Manuscripts» (fond 182). During a visit to the library in the early 1990s to arrange microfilming for JNUL, Richler had an opportunity to peruse briefly this fond as well as the collection/fond of «trophy» manuscripts. As he told us recently, because not all the manuscripts had been registered and adequately processed (given their «trophy» status), he fears that some of the most valuable ones had unfortunately «disappeared» — quite probably siphoned out to antiquarian markets either in Eastern Europe, or quite possibly in Israel⁸⁴.

When controversy about the collection arose in the U.S. Congress, the Hebraica Division of the Library of Congress acquired a copy of the JNUL microfilms of the 275 manuscripts including the Schneerson Collection. Although they are not processed as individual accessions, the microfilm collection is available to researchers in the Division with a Hebrew language finding aid providing short titles and authors taken from the JNUL on-line database with reference to the original RGB numbers and the reel numbers for the JNUL microfilms⁸⁵. Across the Atlantic, it is also curious that, if RGB is so intent on keeping the Schneerson manuscripts, they have not made serious efforts to have professional descriptions prepared and available to the public.

Thus we end up with an exceedingly unclear picture of the Schneerson library collection acquired by the Lenin Library in the 1920s and now held by the successor RGB, to the extent that it is still impossible to provide reliable statistics for the number of books, rare books, and manuscripts currently held. Hebraica and Judaica were not given priority treatment during the Soviet period, and, just as there were allegations of possible sales in the 1920s, there are now allegations of undetermined «missing» manuscripts from more recent decades. Although the new Oriental Center is the intended recipient of all of the Hebrew and Yiddish books within the RGB Oriental holdings, with a separate room allocated for the Schneerson holdings, under current plans and arrangements there could be no consideration of transfer of rare books and manuscripts — probably the most valuable part of the Schneerson legacy in RGB. But even if there were to be new provisions for preparation of microform or digitized copies of the rare books and manuscripts, a proposal for such a project could not proceed before librarians on both sides of the Atlantic can agree on how many books and manuscripts there are, and before definitive identification and further cataloging of the entire collection.

According to his 2000 report, Rabbi Levine had also learned of the existence in Moscow of some 98 archival files of Lubavitcher provenance, dating from 1927 to 1933, namely a fond of papers of Rabbi Joseph Isaac Schneerson, held in the former Special Archive (TsGOA

SSSR), now part of the Russian State Military Archive (RGVA). Although that fond does not appear in the latest list of fonds published by RGVA, its existence there is confirmed by RGVA staff (fond 706k, 98 files, 1907—1932)⁸⁶. The fond, with background details about Rabbi Schneerson is described in the recent guide to Jewish-related materials in the former Special Archive⁸⁷. The Chabad Library in Brooklyn purchased xerox copies of all of the documents in the entire fond from RGVA. As far as is known the Chabad has not filed a formal claim for the archival originals under terms of the 1998/2000 Russian law regarding cultural treasures displaced to the Russian Federation as a result of World War II, which provides the possibility of restitution to the owners or heirs of such treasures belonging to victims of Nazism. As far as has been determined, Rabbi Schneerson was forced to leave those materials behind in Warsaw — reportedly in the American Embassy — when fled to Riga in the wake of the German 1939 invasion. According to RGVA archivists, those files were acquired with the other large cache of Jewish records that came from the RSHA Silesian archival center in Wölfelsdorf (near Habelswerdt, 110 km south of Breslau/Wroclaw)⁸⁸. That fond 606k may now not represent all of the Schneerson archival materials captured by Soviet authorities after World War II. Reportedly, several additional Schneerson files have been misassigned to other trophy Jewish fonds in former TsGOA (now RGVA), but all of those materials deserve more professional and openly available catalogue data. Some of the materials «in early Jewish writing» we also know were transferred to the Lenin Library in 1948 and 1949, and so now may be intermixed with the Schneerson holdings in the RGB Manuscript Department.

Meanwhile, clearly, political linkage of the restitution of the Schneerson Collection to the return of the «Smolensk Archive» had run its course in the United States, especially following a change of presidential administrations. On 13 December 2002 during a ceremony in the Ministry of Culture of the Russian Federation, U.S. Ambassador Alexander Vershbow presented a few symbolic files from the «Smolensk Archive» to Mikhail Shvydkoi, Minister of Culture of the Russian Federation. Ronald Lauder, Co-Chairman of the Project for Art and Archives, attended the ceremony in Moscow. The same day, across the Atlantic, the major portion of the «Smolensk Archive» was turned over to a representative of the Russian Embassy and the head of the Archival Service of the Foreign Ministry of the Russian Federation by a representative of the State Department and the U.S. National Archives in College Park, MD⁸⁹.

The Moscow festivities could not have taken place, however, without mentioning the Schneerson Collection. Both Ambassador Vershbow and Ronald Lauder stated in their speeches their hope that the problem of

the Hasidic books would be resolved. A media note about the return of the archive prepared by the Office of the Press Secretary of the Department of State stated that «the U.S. Government welcomes the return of some volumes in the Schneerson Collection to the Lubavitch community and encourages the Russian Government to return the balance of the Schneerson collection as soon as possible»⁹⁰.

Three days after the official ceremony at the Ministry of Culture, sixteen books from the Schneerson Collection (presumable duplicates in RGB) were transferred to the Lubavichi-run synagogue in Moscow. Reaction in the Jewish press was immediate: «It took three U.S. administrations, appeals by all 100 U.S. senators, heads of state from various nations and Jewish leaders from around the world “to get these 16 volumes”, said Los Angeles-based Rabbi Boruch S. Cunin, who has been spearheading the effort for the return of the Lubavichi books returned», — the Jewish Telegraphic Agency reported⁹¹. It was obvious that the transfer of 16 books was no more than a reciprocal gesture on the Russian side, following the return of the «Smolensk Archive». According to journalist Lev Krichevski,

«the State Department, which had for years argued for the return of “the Smolensk Archive”, might have negotiated a smart compromise: The two returns would not be officially or publicly linked, but the Russians will send back to the Lubavitcher community in Moscow at least a token package of Schneerson books once the U.S. National Archives ships the Smolensk files to Moscow»⁹².

Perhaps that token transfer to the Lubavitchers, and the loss of the «Smolensk Archive» as a hostage for «exchange», could provide further incentive for further serious work needed to prepare a professional catalogue (with indications of provenance markings) for all of the Schneerson books, starting especially with the rare books and manuscripts now remaining in Moscow. Even if return to the community may not be an immediate possibility, descriptive cataloguing, together with appropriate preservation and open access by the Russian State Library in Moscow (including the manuscripts), as provided for by the 1993 agreement would serve to enhance its use for believers and other researchers alike. The publication of a catalogue of the Schneerson Collection, if only in an Internet database, would make it possible for the Chabad themselves and other Hebrew specialists throughout the world to appreciate the Schneerson legacy in Moscow and identify its still dispersed components. Such a catalogue could further provide a basis for highly desirable preservation microforms or digitized copies, especially of the rare books and manuscripts, and in turn could serve as an important tool in negotiating ar-

rangements to unite the collection — at least virtually — in its ultimate Brooklyn home. Perhaps a more «virtual» compromise solution to pending claims could also become a reality, as an alternative to excessively expensive lawsuits and uncompromising ill-will. Perhaps quality digitally based reproductions could satisfy the more «research» and «preservation of heritage» needs of the Russian State Library (RGB), which might free the originals — with more religious significance — for return to the Chabad claimants.

Press reaction to the restitution of the «Smolensk Archive» was in general positive. For the first time the history of the archive, including the American attempt to return it to the USSR in 1963, was openly admitted to the broad Russian public. The importance of the archive for U.S. Sovietology was stressed by the majority of journalists. Sergei Ivanov wrote in *Ezhenedel'nyi zhurnal*, «For a half of a century the “Smolensk Archive” played for Sovietologists the same role birch bark charters played for the researchers of ancient Rus’»⁹³.

However, press coverage also had some bittersweet overtones. «If the American side could have returned the documents... to Russia in 1991, it could have had an explosive effect. During the last ten years we have learned so many things about our prewar history, that some new numbers or facts hardly could add anything», *Izvestiia* wrote⁹⁴.

Other publications saw the return of the files from Washington as the first step of a premeditated plot. The popular magazine *Itogi* published an article by Denis Babichenko with the biting headline, «We are exchanging “Stalinist waste paper (*makulatura*)” for masterpieces of the Hermitage». The article claimed that, «Established museum experts fear that the return to Russia of the “Stalinist trash”...could give start to the beginning of mass restitution». Babichenko found the activities of the Project for Art and Archives more than suspicious — according to him, attempts to collect information about the cultural property of victims of the Holocaust in Russia could lead to claims on such objects⁹⁵.

Babichenko called the lists of cultural property belonging to the victims of the Holocaust composed by Russian experts cooperating with the project «self-denunciation». He was afraid that the cooperation of the Ministry of Culture of the Russian Federation with the Project could lead to the creation of the «complete catalogue of valuables with unclear legal status kept in Russia». In his article, Babichenko referred to the «Agreement for Cooperation between the Ministry of Culture of the Russian Federation and the Research Project for Art and Archives», which according to him *Itogi* was not able to obtain. (At that time the agreement was still openly available on the website of the Commission of Art Recovery)⁹⁶.

Babichenko failed to mention that the creation of «the complete catalogue» is not the task of the Project for Art and Archives but rather the legal obligation of the Ministry of Culture, which was required to create and publish such a catalogue, not because of the wish and funding of its American partners, but in realization of the provision of Russian law. The journalist failed to notice that the order of the Government of the Russian Federation «About Measures on Realizations of the Federal Law “On Cultural Treasures Transferred to the USSR during World War II and Held on the Territory of the Russian Federation”», dated 11 March 2001, stated that, «information about the presence of cultural treasures transferred to the territory of the Russian Federation as a result of World War II has to be published in a special catalogue issued by the Ministry of Culture of the Russian Federation»⁹⁷.

The transfer of the files from Moscow to Smolensk on 5 March 2003 provoked another wave of press coverage, along with a well-researched report by the head of the Smolensk Oblast Archival Administration in the professional Russian archival journal⁹⁸. Local Smolensk newspapers rejoiced. However, Arkadii Glazkov, correspondent of *Sel'skaia zhizn'* noticed a certain irony in the situation — one of repositories of the Smolensk archives is situated today in the building of a Roman Catholic church, which is claimed by the local parish. The Polish government many times has addressed local authorities supporting this claim, but the fate of the church still remains undecided. At the same time, the main building of the archive is in terrible condition and for the past few years has been undergoing major renovation⁹⁹.

Another Smolensk paper pictured the Polish church on the front-page with an inset enlarged image of the lock on the front door, with a headline «America Returns the “Smolensk Archive”. But Can We Manage to Preserve It?» The author quoted the director of the State Archive of Smolensk Oblast, «Here we have 740,000 files in the church, and no one has had access since 1991, not even our own archivists». In conclusion, Evgenii Kodin was quoted as saying, «I was in America, and worked with those documents on microfilm (they did not give out the originals, even to the President). In terms of historical value, there are no sensations to be revealed. ...Indeed in the 1990s, there was an exchange requirement for the Schneerson library. ...There is simply no comparison». That point has been stressed by others as well. A postscript to the article noted that at the transfer ceremony «it was emphasized that the documents were returned “not in some sort of exchange”»¹⁰⁰.

At the end of September 2003, the project for the new Oriental Center under the Russian State Library (RGB) was presented with considerable publicity in Moscow. The newly reorganized library department es-

established on the basis of the main Oriental holdings accumulated over many decades by the former Lenin Library (over one million books), includes one of the richest Judaica and Hebraica collections in Russia. A separate Hebrew reading room has resulted from initiatives of the nearby Center for Jewish Studies and Jewish Civilization of Moscow State University's Institute of Asian and African Countries. The new center is now housed in the historical Shakhovskoi Palace, which formerly housed the Kalinin Museum, across the street from the Pashkov Palace and the main building RGB complex¹⁰¹. Renovations were finished in 2004, and as of the spring of 2005, transfer of the printed books from the RGB basic Oriental is being completed. The formal opening of the Judaica Reading Room took place on 20 June 2005 with an exhibition of manuscripts from the Günzberg Collection. There are no plans, however, to transfer the rare books from the Schneerson collection in the RGB Museum of the Book or the still uncatalogued manuscripts from the Manuscript Department.

Russian officials remain hopeful that the establishment of such an institution could discharge some of the tensions in its relations with Hasidic community. RGB general director Viktor Fedorov was quoted by the Jewish Telegraph Agency as saying, «taking into account Jewish religious concerns — and especially the sensitive issue of the Schneerson books — the library has set aside a separate room adjacent to its new Hebrew reading room exclusively for the Lubavitch collection. “One can pray in this room without disturbing other readers”, Fedorov explained». Representatives of Chabad found no solace in the new «compromise solution» and protested against this attempt to create a hybrid secular and religious institution. As Chabad librarian Rabbi Levine explained in November 2004, they have no interest whatsoever in such an arrangement and refuse to recognize the legitimacy of its creation. They have demanded before and continue to demand the return of their books to the community¹⁰². Consolidation issues for the Schneerson Collection have not been resolved, however, according to Meri Trifonenko, who heads the Oriental Center, because RGB currently has no plans to transfer the Schneerson rare books and manuscripts held in other RGB departments to the new center. And across the ocean in Brooklyn, the Chabad has no patience to pursue (and certainly not to support) further cataloguing, digitizing, or preservation filming.

Ultimately, the fears of Denis Babichenko proved to be unwarranted. The return of the «Smolensk Archive» has hardly provoked total restitution, nor indeed has it promoted any further cultural restitution to speak of. The return of the final nine Dutch archival fonds (withheld in the earlier transfer) in May 2003 had been scheduled earlier, and Luxembourg

did receive eight boxes of Nazi-plundered Masonic files in the fall of 2003. Otherwise, the events of 2003 on the cultural restitution front demonstrate that even the long agreed-upon return of the so-called Baldin collection of master drawings to the Bremen Kunsthalle could be turned into a grand political scandal and frozen once again¹⁰³. In the midst of the latest Baldin scandal, Nikolai Gubenko, who still heads the Committee on Culture in the Russian Duma, accused the Minister of Culture of the Russian Federation of high treason and prepared to sue him in court, because the Ministry was finally ready to reconstitute the collection, taken home after the war by a private Russian soldier who before his death requested its return to Germany. In an interview given to a popular TV program, Gubenko said that, «80% of the trophies are located in Fort Knox in the United States of America, because Americans were removing both our treasures looted by the Germans and German treasures, which were located on the territory occupied by the U.S». When he was asked by the TV anchor if the Americans would return them, the head of the Committee on Culture of the State Duma answered without hesitation: «The Americans have classified them as «top secret» for one hundred years. No further information is available»¹⁰⁴.

The history of the return of the «Smolensk Archive» reflects both the particulars of political life in Washington and the Russian approach to restitution. A denial of the necessity to return cultural trophies is becoming a part of the anti-liberal agenda in vogue in Russia today. Andrei Koblov, an outspoken anti-Western journalist, wrote with bitter irony: «They are giving us the creations of their mass-culture, we are giving them trophy masterpieces; they will write text books on our history, we will give them back the Schneerson library; they will prolong the payments of our debts, we will sell them at a giveaway price our mineral wealth and our land. The main thing is not to turn away from liberal reforms», the author concludes, adding still another twist of sarcasm, «because the West would not teach us bad things»¹⁰⁵.

In November of 2004 Agudas Chasidei Chabad filed a case in the Central District Court of California against the Russian Federation, the Russian Ministry of Culture and Mass Communications, the Russian State Library, and the Russian State Military Archive. It seems that the representatives of the Hasidic Community decided that further attempts to reach agreement with the Russian officials are senseless. They believe that the California court has to decide that the «defendants must immediately return the Collection to its rightful owner, Chabad»¹⁰⁶. According to the claim political efforts to secure the return of the Schneerson Collection have failed despite the promises of Gorbachev and Yeltsin and decisions of the Russian courts. An attempt to return the archive of the Cha-

bad Rebbe confiscated by the Nazis in Warsaw and found at the end of the war by Soviet trophy brigades failed too. According to the claim, the Chabad officials sent letters on 10 June 2004 to President Vladimir Putin, to the Minister of Foreign Affairs and the Minister of Culture of the Russian Federation, demanding the return of the archive. However, when they never received any response after five months, by November 2005, a lawsuit appeared to them as the best yet another possible «compromise» solution¹⁰⁷.

While we may celebrate the return of the «Smolensk Archive», the Hasidic heirs of the Lubavichi community across the ocean are taking yet another step to obtain the return of their lost library, ironically also of provenance in Smolensk Oblast. The legal case filed in California has been accompanied by political pressure and press publicity on the East Coast. In March 2005 the Schneerson Collection again merited an article describing the Los Angeles court battle in the *New York Times*¹⁰⁸. Meanwhile in the halls of Congress, 100 U.S. senators signed a petition for the return of the Schneerson Collection to its heirs, delivered by a U.S. presidential staffer to the President Putin's delegation during President Bush's visit in Bratislava in February 2005. A congressional hearing before the Helsinki Commission held on the 6th of April brought more emotions than new revelations, indicative of the tremendous religious importance the Schneerson Collection retains for the Chabad, and the religious fervor that has not abated in demanding their displaced books. John Voight, Academy award-winning actor and human rights activist, emotionally exclaimed during the hearings:

«These books are the voices of the ancestors of the Hebrew Nation. For anyone else to claim them as their own is a reminder of all the anti-Semitic pollution through years of genocide and destruction of human life. They do not serve you since you are not putting them to use, as they are meant to be»¹⁰⁹.

No representative of the Russian Embassy appeared at the hearings, but a deposition forwarded stated, «it is our position that the Collection belongs to Russia»¹¹⁰.

On the 5th of May, several days before President Bush was due to attend the elaborate «Victory Day» festivities in Moscow, 300 members of the U.S. House of Representatives signed an appeal to Russian President Vladimir Putin:

«...As the Russian Federation prepares for the May 9, 2005 celebration marking the 60th anniversary of Victory Day and the surrender of Nazi Germany, we urge you to take this opportunity to return the entire Schneerson Collection to its rightful owners in the United States. Your

timely action would be a significant gesture of your government's commitment to justice, human rights, and religious tolerance»¹¹.

The Chabad in America could not join in the Victory Day celebration. The 9th of May passed with no further transfers of their books, and as yet no response from the Russian side. In the meantime, however, neither of the opposing sides in the disputed claim know the exact quantity of manuscripts and books belonging to the Schneerson Collection of religious texts that are kept today in the Russian State Library (RGB).

¹ Patricia Kennedy Grimsted called her monograph dedicated to the fate of this archival collection *The Odyssey of the Smolensk Archive: Plundered Communist Records for the Service of Anti-Communism*. Pittsburgh, 1995: Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. № 1201. I am grateful for her assistance with the present paper and especially the updated information she has able to supply about the present status of the holdings from the Schneerson Collection in the Russian State Library (RGB / *often in English RSL*) in Moscow, based on her interviews in several departments there and with the Library of Agudas Chassidei Chabad in Brooklyn. We are very grateful for the cooperation of librarians in both institutions in connection with our research, as well as the Library of Congress.

This article was completed in early 2005 and already being prepared for press, when hearings before the U.S. Helsinki Commission in the U.S. Senate on the subject of the Schneerson Collection were announced for 6 April 2005. Publication has been delayed so the text could be updated on the basis of documentation presented in evidence, some of which had not previously been available to the authors. Most particularly we include appropriate citations from the compendium *Separating Fact from Fiction. A Submission by Agudas Chasidei Chabad of United States to the U.S. Helsinki Commission, April 6, 2005*, copies of which were distributed at the hearing, and were kindly furnished to the authors by the Library of Congress, in addition to the texts of statements by the Embassy of the Russian Federation and the U.S. Department of State. An unofficial transcript of the hearings is available at http://www.csce.gov/index.cfm?Fuseaction=ContentRecords.ViewDetail&ContentRecord_id=340&Region_id=0&Issue_id=0&ContentType=H&CFID=412366&CFTOKEN=96819397. See the additional coverage at the Chabad website <http://www.lubavitch.com/Article.asp?Section=60&Article=597>.

² Ringle K. Russia's Collective History. U.S. Returns Files Bearing Witness to Soviet Horrors // *Washington Post*. 14 December 2002.

³ <http://www.smolensk.ru/user/sgpu/viktorin.htm>.

⁴ Henry M. Vilnius conference urges speedier restitution of Nazi-looted cultural property // *Jerusalem Post*. Thursday. 2 November 2000.

⁵ See the website of the World Jewish Congress — <http://www.wjc.org.il/>.

⁶ The «Agreement for Cooperation between Ministry of Culture of the Russian Federation and the Research Project for Art and Archives, Inc. (USA) in the Search for Art Lost or Displaced during World War II» was earlier published on the website of the Commission for Art Recovery, but that website is no longer functioning.

⁷ Biulleten № 34 zasedaniia Gosudarstvennoi Dumy 20 maia 1994 goda. M., 1994. P. 32.

⁸ Washington Conference on Holocaust-Era Assets. 30 November — 3 December 1998. Proceedings (Washington DC: U.S. Department of State, 1999). P. 517.

⁹ Gubenko N. Po zakonu pravdy // *Zavtra*. № 15 (176). 15 April 1997.

¹⁰ Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 80.

¹¹ «Transcript of an online discussion carried by America Online and led from the National Demonstration Laboratory at the Library of Congress by James Billington, Librarian of Congress, and Rudolf Pikhov, Russian Archivist», 18 June 1992 — <http://193.125.152.107/pub/misc/soviet.archive/conferen.log/>.

¹² Rabbi Joseph Isaac Schneerson (1880—1950, sometimes Yosef Yitzchak Schneersohn) lived in Rostov in the beginning of the 1920s, but as a result of animosity surrounding him and his followers (reported persecution and anti-Semitism), he moved to Leningrad. In March of 1940, Schneerson fled to the United States from Latvia and granted immigrant status. «Rabbi Joseph Isaac Schneersohn — the Rebbe Rayatz» // www.Chabad.org/library/article.asp?AID=425.

¹³ Now in Smolensk Oblast in the Russian Federation, Lubavichi before 1917 was located in the Orsha uezd (district) of Mogilev Guberniia.

¹⁴ From a court-authorized English translation of the «Mandate № 656» for sealing in *Separating Fact from Fiction*. Exhibit F. The date and number on the «copy» of the 1920 mandate for transport are not legible. The warehouse address is there given as «*Bol'shoi Kazachii periulok, d[om]*». Cf the Schneerson letter (received 22 November 1922), in *Separating Fact from Fiction*. Exhibit E, which gives the location as the Kokorev warehouse (Kokorevskii sklad).

¹⁵ Koval' L.M. *Ne slavy radi... O chastnykh dareniiakh i obshchestvennom pochine v pol'zu Moskovskogo publichnogo i Rumiantsevskogo muzeev, Gosudarstvennoi biblioteki SSSR imeni V.I. Lenina, Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki*. M.; St. Petersburg: RGB, 2000. P. 150.

¹⁶ Schneerson I. «Zaiavlenie» (Statement) to the director of the Rumiantsev Museum (stamped as received 22 November 1922), copy and certified translation in *Separating Fact from Fiction*. Exhibit D. See also Evgenii Kuz'min and Tat'iana Manilova, «Bibliotechnaia Politika», www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2003/trud/tom1/plen/Doc4.HTML.

¹⁷ Letter from Agudas Chassidei Chabad (Moscow) to Nikolai Gubenko, Minister of Culture of the USSR (March 1991), facsimile, in Shalom Duber Levine (sometimes Levin or Levinson), *Yoman ha-shelihut ha-meyuhedet: ha-mishlahat she-shalah ha-Rabi le-Rusyah le-itur u-ge'ulat osef sifre rabotenu nersi' enu/ ha-yoman nikhtav be-mahalakh ha-shelihut... 'al wede Shalom Duber Levin* (Brooklyn: Sifriyat Agudat Hasside Habad, Ohel Yosef Yitshak, Lyubavitsh,

5761/2001). P. 114. See particularly «O biblioteke-sobranii knig Lubavicheskikh Rebbe Schneersonov. Iniurkollegiia» (14 December 1990), facsimile. Levine's diary and memoirs of the struggle in Russia to locate and arrange the return of the Schneerson Collection is available only in Hebrew, so we have had to rely on assistance in consultation. Some of the many relevant facsimile Russian documents included are cited in the text that follows. We use the name of Levine as he signed his name to testimony for the U.S. Congressional hearings in April 2005, although we have been informed that his passport reads «Levinson», the name that also appears on several Russian-language documents in the compendium.

¹⁸ Josef Sneerson, «Zaiavlenie» (Statement) to Glavnauka (copy), copy and certified translation in *Separating Fact from Fiction*. Exhibit H.

¹⁹ Sudoplatov P. *Spetsoperatsii. Lubianka i Kreml, 1930—1950*. M.: Olma-Press, 1997. P. 136. See also the publication of related documents regarding Blumkin from the KGB archive by Aleksei Velidov. *Persidskii kupets Iakov Bliumkin: Nekotorye izvlecheniia iz arkhivov KGB // Zhurnalist*. April 1992. № 4. P. 64—70.

²⁰ See, for example, Mikhail D. Afanas'ev. The Export of Books from the USSR from 1918 to the 1930s // *Solanus*. 15. 2001. P. 59—60; and the updated Russian version, *Ekspert dorevoliutsionnykh knig iz SSSR v 1918—1930-e gg. Kniga. Issledovaniia i materialy. Sbornik*. 79. 2001. P. 184—96.

²¹ See Joseph Isaac Schneerson, *The Heroic Struggle: The Arrest and Liberation of Rabbi Yosef Y., Schneerson of Lubavitch in Soviet Russia*, translated and adapted from the memoirs of the Rebbe by Alter B.Z. Metzger (Brooklyn: Kehot Publication Society, 1999), excerpts in *Separating Fact from Fiction*, Exhibit H.

²² «Akt» (transaction) (Leningrad, 3 August 1927), copy and certified translation in *Separating Fact from Fiction*. Exhibit I. The number of crates was verified to Grimsted by The Chabad.

²³ See the website — <http://www.Chabad.org/library/article.asp?AID=425> — and the recent account by Bryan Mark Rigg, *Rescued from the Reich: How one of Hitler's Soldiers Saved the Lubavitcher Rebbe*. New Haven: Yale University Press, 2004.

²⁴ Internal copies at the Library of Congress from the archives of the U.S. Senate: correspondence of Senator Millard Tydings to Secretary of State Cordell Hull, as referenced by the European Division of the Library of Congress.

²⁵ Josef Sneerson to Dr. Alexander Marcus copy and certified translation in *Separating Fact from Fiction*. Exhibit J.

²⁶ Levine showed a copy of the catalogue to Patricia Grimsted in the Brooklyn Chabad library. Its ca. 300 pages provide short-title listings in Hebrew with the place and date of publication of each title. Chabad sources suggest that verification of that catalogue against the actual holdings might result in as high as 12,000 books, since many have multiple volumes. The fact that this catalogue has never been fully verified against the original volumes in RGB may mean the resulting confusion and wide range of numbers attributed to the collection.

²⁷ Shitser V. *Klassika v Peredelkino // Vechernii klub*. № 11. 14 March 2002. According to RGB librarians, and especially the Oriental Department, all of the

Schneerson books have been catalogued, but not all of them identified with either the Schneerson or Poliakov collection. The figure 87 would have referred only to the rare books held in the Museum of the Book.

²⁸ Levine related these details to Patricia Grimsted, during her meeting with him in Brooklyn in November 2004. The first part of his memoirs/diary provides details of his 1988 visit to Moscow — Levine. Op. cit. P. 3—79 (only a Hebrew version is available).

²⁹ Letter of Lubavitch delegation to Dr. Armand Hammer (15 January 1988), facsimile, in Levine, op. cit. P. 25. The meeting of the rabbis with Medvedev is described by Levine. Op. cit. P. 41—43.

³⁰ Medvedev I. Khasidische ksovyadn in di fondn fun der Melukhisher Bibliyotek af V.I. Lenins nomen // *Sovetish heymland*. 1989. № 4. P. 132—134. We are very grateful to Leah Orent of the Judaica Department of Harvard University Library for translating and describing the Yiddish article for us. As a specialist on Hasidic manuscripts, she was not impressed with the professional qualifications demonstrated in Medvedev's article.

³¹ Samuel Abramovich Goldenberg's preliminary handwritten card catalogue remains in the Museum of the Book, but was never finalized for public reference. Gol'denberg emigrated to the United States in 1992. RNB colleagues in the Museum of the Book kindly showed the catalogue to Patricia Grimsted in October 2004, although Levine assured her it was never shown to the Chabad delegations. The catalogue suggests a high level of professional description, but it will require transcription and editing before it is ready for public access. Reportedly efforts are being made to find funding for completion and publication of the Goldenberg catalogue covering the earliest rare/early printed books and incunabula in the Schneerson Collection. According to Levine, entries for many of the books involved do now appear in the general catalogue of RGB Hebrew holdings on the third floor of the main building.

³² Cable from Dr. Armand Hammer to Vasilii Zakharov, Minister of Culture of the USSR (18 January 1988), facsimile, in Levine. Op. cit. P. 26.

³³ Letter from Dr. Armand Hammer to Nikolai Gubenko (3 December 1990), facsimile, in Levine. Op. cit. P. 101.

³⁴ Letter from Nikolai Gubenko to Dr. Armand Hammer (10 December 1990), facsimile, in Levine. Op. cit. P. 102.

³⁵ Letter from Nikolai Gubenko to Rabbi Schneerson (March 1991), facsimile, in Levine. Op. cit. P. 253.

³⁶ Academician Dmitrii Likhachev, «Spravka» (3 February 1991), facsimile in Levine. Op. cit. P. 173.

³⁷ Letter of V. Mozhaiskii, deputy head of the Department for Foreign representation of Inyurkollegia to Rabbis Cunin, Aranov, Levinson, and Kogan (20 February 1991), facsimile, Levine. Op. cit. P. 193.

³⁸ Khrapko R. Kak zakryvali glavnuui biblioteku strany // *Vestnik*. № 11 (270). 22 May 2001.

³⁹ Izbrat' nakonets dostoinykh! Otkrytoe pis'mo ministru kul'tury SSSR Tov. V.G. Zakharovu // *Sovetskaia kul'tura*. 28 January 1988. P. 2. See the detailed account of these developments with other press criticism in Grimsted, «Glasnost'

in the Archives» Recent Developments on the Soviet Archival Scene // *American Archivist*. 52. April 1989. P. 228—30.

⁴⁰ Levine's diary/memoirs of his visit (November 1990 — June 1992) and work in Russia comprise the main part of his book with many facsimile documents included. Op. cit. P. 80—485.

⁴¹ During her visit to the Chabad Library in Brooklyn in November 2004, Levine showed Dr. Grimsted a copy of the xeroxed copy of the preliminary catalogue cards from the GBL/RGB MS Department. See more details about the MS holdings below.

⁴² Based on Dr. Grimsted's interview with Rabbi Levine in November 2004. The eight markings on the books belonging personally to Rebbe Schneersohn were described to Dr. Grimsted, but some other books in the collection from Lubavichi have variant markings.

⁴³ Letter from Nikolai Malyshev, deputy head of the Council of Ministers of the RSFSR to Agudas Hassidei Chabad (15 December 1990), facsimile, in Levine. Op. cit. P. 109.

⁴⁴ Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 82.

⁴⁵ RSFSR State Arbitration Tribunal, «Decision (Reshenie) on the Claim of CHABAD, the Religious Jewish Hasidic Lubavitch Community against the V.I. Lenin State Library, Moscow regarding return of property in kind», Case #350/13, copy and certified translation in *Separating Fact from Fiction*. Exhibit P. A previous ruling (26 September 1991) had placed a lien on the collection which it defined as consisting of «381 manuscripts (currently held in the Manuscripts Department); 2000 books currently at the Central Depository; 87 books currently at the Rumiantsev Book Museum [sic Museum of the Book]; and 10,000 books currently at the Khimki Depository». «Ruling» (Reshenie), Case № 350/1 (26 September 1991), in *Separating Fact from Fiction*. Exhibit O.

⁴⁶ Appeal, issued by unanimous decision of the meeting of the GBL labor collective» (Priniato edinoglasno na sobranii trudovogo kolektiva GBL) (10 October 1991), facsimile, in Levine. Op. cit. P. 400.

⁴⁷ Khrapko R. Op. cit.

⁴⁸ Gosudarstvennyi arbitrazh RSFSR (Order of the State Court of Arbitration of the Council of Ministers of the Russian Federative Socialist Republic), «Postanovlenie», in case № 350/13N» (18 November 1991), facsimile, in *Separating Fact from Fiction*. Exhibit Q; and in Levine. Op. cit. P. 427.

⁴⁹ The official address of the Academy at Bol'shaia Bronnaia, 6 (103104 Moscow), but it is actually is located at ul. Sadovnicheskaia, 52/45. See the website: <http://www.gka.ru/>.

⁵⁰ Translations of all court decisions and other important documents connected to the case were used by Albert Gore, but not included in the Congressional Record. Gore said, «I will not ask that the exhibits referred to in the document be reproduced in the record, but my office will make them available to all interested parties». *U.S. Congressional Record-Senate* (31 March 1992): S4537—40.

⁵¹ Ibid.

⁵² K voprosu o vydache khasidskikh rukopisei (t.n. bibliotek Schneersona i Gintsburga), khраниashchikhsia v fondakh GBL // *Zemshchina*. 1991. № 53.

⁵³ «Spravka o knizhnoi i rukopisnoi kollektzii Schneersona» (typescript, Moscow, GBL, n.d.[1991]). Rabbi Levine kindly furnished me a copy of the undated report, but a covering letter is not available. Part of the first page together with the final page with signatures of the eight members of the commission are presented in facsimile in Levine. Op. cit. P. 403.

⁵⁴ Russian State Library (RGB). «Prikaz (Order) № 2» (30 January 1992), facsimile, in Levine. Op. cit. P. 444.

⁵⁵ See the Radio Free Europe/Radio Liberty background report by Julia Wishevsky, «Controversy over Schneerson Collection Still Unresolved» (6 February 1992).

⁵⁶ «Decree regarding reconsideration of the ruling» in case № 350/13N», signed by B.I. Puginskii, Deputy Chief Arbiter of the Russian Federation (14 February 1992), facsimile and certified translation, in *Separating Fact from Fiction*. Exhibit R. It was only much later that the Chabad had been informed and claim there was no hearing or opportunity to present evidence.

⁵⁷ Moskva — Khoziaistvo. Informatsionnyi server — <http://www.mo.ru/news/index.html?topic=accident&date=1999-07-13>.

⁵⁸ Zaiavlenie Kongressa rossiiskoi intelligentsii, <http://www.kir.ru/Classic/archive/Outgoing/19980515.htm>.

⁵⁹ U.S. Congressional Record-Senate (31 March 1992). S. 4537—40.

⁶⁰ A copy of the letter from James A. Baker, III to Senator Joseph Lieberman (26 June 1992) was kindly furnished to the author by the Chabad.

⁶¹ Letter of Trudy Huskamp Peterson, Acting Archivist of the United States, to Albert Gore, Vice President of the United States (14 April 1993) — copy in the possession of Patricia Kennedy Grimsted.

⁶² «Memorandum of Understanding: Confidential Principles of Accord» (16 December 1993), facsimile (with signatures), in *Separating Fact from Fiction*, Exhibit S.

⁶³ «Memorandum of Understanding: Confidential Principles of Accord» (16 December 1993), facsimile (with signatures), in *Separating Fact from Fiction*. Exhibit S.

⁶⁴ The Chabad have confirmed that the planned meeting never took place.

⁶⁵ Letter from Senators Mitchell, Liberman, Dole, and Lautenberg to the Honorable Vladimir Shumeiko, Chairman of the Federation Council of Russia, 22 September 1994 — copy in the possession of the author. In contrast to the 12,000 figure quoted here, note the number of titles in the earlier catalogue in possession of the Chabad Library, and the number of volumes verified in Moscow. A reliable figure for the number of books and manuscripts in RGB has not yet been established.

⁶⁶ Letter from Senators Mitchell, Liberman, Dole, and Lautenberg to Vice President Albert Gore (22 September 1994), copy in the possession of the author.

⁶⁷ The Gore-Lieberman Amendment was enacted on 24 October 1992. According to the 12 July 2005 memorandum sent by the Chabad to Patricia Grimsted, «Secretary of State Lawrence Eagleburger certified on December 2, 1992

that Russian entities were in violation of that provision, since they were unlawfully holding property that their own courts had ruled belonged to U.S. citizens.» Rabbi Cunin's involvement in the amendment is affirmed by a highly reliable source who insists on anonymity.

⁶⁸ Although I have not seen a copy of the protest, RGB librarians assured Patricia Grimsted that a complaint was filed with IFLA.

⁶⁹ Biulleten № 34 zasedaniia Gosudarstvennoi Dumy 20 maia 1994 goda. M., 1994. P. 32.

⁷⁰ See Grimsted P.K. *The Odyssey of the Smolensk Archive*. P. 83—84, with citations to several of the Russian laws and decrees.

⁷¹ *Ibid.* P. 83.

⁷² Svodnyi katalog kul'turnykh tsennostei, pokhishchennykh i utrachennykh v period Vtoroi mirovoi voiny / Summary Catalogue of the Cultural Valuables Stolen and Lost during the Second World War, vol. 4: Gosudarstvennye arkhivy Rossiiskoi Federatsii: Utrachennye arkhivnye fondy / State Archives of the Russian Federation: Lost Archives Funds[sic], Book 1 (Moscow; St. Petersburg: Russian Federal Archives Service, All-Russia Research Institute of Documents and Archives Studies, Ministry of Culture of the Russian Federation, 1999). P. 20.

⁷³ Slavin D. Konfliktuiut li evreiskie organizatsii? Na etot i drugie voprosy otvechaet ravin Ber Lazar // *Trud*. 21 July 2000.

⁷⁴ Rabbi Shalom DovBer Levine. «Report and Summary — The Lubavitch collection in the Russian State Library (RSL) in Moscow. Work on the collection, and discussion with Library officials during the period of July 10—20 2000». A copy of this report was kindly communicated to Patricia Grimsted by Meri E. Trifonenko, Head of the Oriental Center of the Russian State Library (RGB). For more details about the organization and history of the RGB Departments mentioned, see Grimsted, et al., *Archives of Russia: Moscow and St. Petersburg* (N.Y.: M.E. Sharpe, 2000). Vol. 2. P. 669—84.

⁷⁵ Statement of Rabbi Shalom DovBer Levine // *Separating Fact from Fiction*. April 2005.

⁷⁶ In November 2004, Dr. Grimsted met with Rabbi Levine in Brooklyn, and during the interview, he expanded on some of the details in his report that Dr. Grimsted had seen in Moscow.

⁷⁷ Levine. Report and Summary.

⁷⁸ Levine. Report and Summary.

⁷⁹ Information furnished to Patricia Grimsted by the RGB Manuscript Department in October 2004. The fact the manuscripts had not been fully processed may explain, according to RGB rules, why they could not be shown to readers. But until the Chabad specialists are permitted to examine the manuscripts and other Hebrew manuscript experts are brought in to confirm, it will be difficult definitively to determine provenance.

⁸⁰ Based on correspondence of Patricia Grimsted with Benjamin Richler, copies in the possession of the author.

⁸¹ See the reference to RGVA fond 706k below (fn. 75). It is impossible to determine from available sources if any of the Schneerson materials from Warsaw

were transferred to GBL with other trophy Hebrew manuscript materials in the late 1940s. The Hebrew MSS involved had not been identified, and apparently there was no one in TsGOA who can read Hebrew. They were never catalogued in the Lenin Library either, and only in recent years specialists are starting to identify the trophy Hebrew MSS there (now RGB).

⁸² Regarding the Günzburg holdings in RGB, most of which now have been recatalogued by JNUL, see the listings in Grimsted et al, *Archives of Russia*. Vol. 2. P. 681—682. See also the more detailed coverage of catalogues for the Günzburg Collection with Hebrew titles by Benjamin Richler, *Guide to Hebrew Manuscript Collections* (Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1994). P. 126—27. See also the updates to Richler's catalogue on the JUNL website — «Corrections and Additions» at <http://jnul.huji.ac.il/imhm/guidecor.htm>.

⁸³ Richler, in his *Guide to Hebrew Manuscript Collections* (P. 126—27) mentions that RGB holds «about 300—400 MSS confiscated by the Nazis from Jewish libraries», such as the Breslau Jewish Theological Seminary and the Berlin Jewish Community.

⁸⁴ Patricia Grimsted received a reply to this effect from Richler, and such suspicions are mentioned on his Internet supplement mentioned above (fn. 70).

⁸⁵ According to reports from the Hebraica Division in the Library of Congress and Benjamin Richler in Jerusalem. According to the Chabad memorandum to Grimsted (12 July 2005), efforts are currently being made in Jerusalem «to compile an accurate and complete catalog». It is to be hoped that the catalogue once completed can also be verified in the Russian State Library in Moscow.

⁸⁶ While not listed in the latest *Ukazatel' fondov inostrannogo proiskhozhdeniia... RGVA* (M.: RGVA, 2001), fond 706k is listed in the earlier German-published list of fonds by Götz Aly and Susanne Heim, *Das Zentrale Staatsarchiv in Moskau («Sonderarchiv»): Rekonstruktion und Bestandsverzeichnis verschollen geglaubten Schriftguts aus der NS-Zeit* (Dusseldorf, 1992). P. 39. We are grateful to Vladimir I. Korotaev, RGVA deputy director, for verification and acquisition data.

⁸⁷ A recent description of the fond, prepared by specialists from RGGU, appears in the guide to Jewish holdings in RGVA, *Dokumenty po istorii i kul'ture Evreev v trofeinykh kollektiiakh Rossiiskogo gosudarstvennogo voennogo arkhiva. Putevoditel' / ed. V.N. Kuzelenkov, M.S. Kupovetskii, and David E. Fishman* (Moscow, 2005; RGVA, RGGU, a publication of Project Judaica), p. 157—59. The compilers suggest that some Schneerson documents have become intermixed in other fonds in RGVA, most specifically one of the Jewish collections from Vienna (fond 707k).

⁸⁸ Regarding the Jewish holdings from Wölfelsdorf, see Patricia K. Grimsted, *Twice Plundered or Twice Saved? Russia's «Trophy» Archives and the Loot of the Reichssicherheitshauptamt // Holocaust and Genocide Studies*. 15 (2). 2001. P. 191—244.

⁸⁹ Return of Smolensk Archive. Media Note, Office of the Press Secretary, U.S. Department of State, Washington DC, 13 December 2002. <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2002/15942.htm>. I was also present in Moscow, hence my first-hand report.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Krichevski L. Literary treasure. Lubavitch receives books from Russia // *Jewish News of Greater Phoenix*. 3 January 2003.

⁹² Ibid.

⁹³ Ivanov S. Voennaia taina // *Ezhenedel'nyi zhurnal*. 18 December 2002.

⁹⁴ Amerikantsy vernuli smolenskii arkhiv // *Izvestiia*. 4 December 2002.

⁹⁵ Babichenko D. Meniaem «Stalinskuiu makulaturu» na shedevry Ermitazha // *Itogi*. № 51 (341). 24 december 2002.

⁹⁶ Ibid. As of the winter of 2003, the website has been closed down.

⁹⁷ Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 11 marta 2001 g. № 174 — «O merakh po realizatsii Federal'nogo zakona “O kul'turnykh tsennostiakh, peremeshchennykh v Soiuz SSR v rezul'tate Vtoroi mirovoi voyny i nakhodiashchikhsia na territorii Rossiiskoi Federatsii” ot 11 marta 2001 goda». № 174 — http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_26663.html.

⁹⁸ See Solodovnikova S.L. Konets odisei «Smolenskogo arkhiva» // *Otechestvennye arkhivy*. 2003. № 5. P. 15—21.

⁹⁹ Glazkov A. Tainy smolenskogo arkhiva // *Sel'skaia zhizn'*. № 26 (22838). 1 April 2003. See also the full-page article by Kononov V. and Krasnovskii I. Sud'ba «Smolenskogo arkhiva»: ot partiinoi sviatyni do «stalinskoi makulatury» // *Smolenskaia gazeta*. 20 march 2003. P. 10, with a prominent picture of the exterior «Polish Church», and a caption explaining, that the building «presently holds 740,000 out of 1,090,000 files of the State Archive of Smolensk Oblast... an inappropriate building unprotected against emergencies». See also the lengthy earlier article by Vladimir Grinich, «Stoit li ovchinka vydelki? Ili Kakova real'naia tsennost' “Smolenskogo arkhiva”...» // *Moskovskii komсомоlets*. Smolensk. 17—24 December 2002, which includes an interview with Evgenii Kodin.

¹⁰⁰ Chernova T. Amerikantsy vernuli «Smolenskii arkhiv». No sumeem li my ego sokhranit'? // *Rabochii put'*. № 232. 17 December 2002. It should be noted, however, that the former Smolensk Communist Party Archive has a much newer building than the former State Archive.

¹⁰¹ Jewish Academic Library Opens in Moscow // *RJC Monitor*. 12 September 2003 — <http://www.ncsj.org/AuxPages/091203RJC.shtml>.

¹⁰² Krichevsky L. Russian library launches Jewish room, but some of its contents stir controversy // *JTA*. 26 September 2003 — http://www.ncsj.org/AuxPages/092603JTA_books.shtml.

¹⁰³ Zolotov A. Schvydkoi Could Face Charges over German Art Exchange // *The St. Petersburg Times*. № 855. 28 march 2003.

¹⁰⁴ TVC. «Moment istiny». 16 March 2003 — http://www.tvc.ru/programs/moment_archive.html/archive/323030332d30332d3136.

¹⁰⁵ Koblov A. My drugie // *Po Iaroslavke*. 10 october 2001.

¹⁰⁶ Agudas Chasidei Chabad of United States vs. Russian Federation; Russian Ministry of Culture and Mass Communications; Russian State Library, and Russian State Military Archive. United States District Court, Central District of California, Case № CVO4-9233 PA (PLAX), P. 20.

¹⁰⁷ Ibid. P. 14.

¹⁰⁸ Torrejon V. «BELIEFS: Chabad Battles Russia for Trove of Works. After exhausting other avenues, rabbis and attorneys go to court in L.A. seeking all of a Lubavitch collection compiled over 200 years» // *New York Times*. 12 march 2005. See the transcript of the hearings before the United States Helsinki Commission (fn. 1).

¹⁰⁹ See the transcript of the hearings before Helsinki Commission (fn. 1).

¹¹⁰ Ibid.

¹¹¹ Members of the U.S. House of Representatives to Vladimir Putin, President of the Russian Federation (5 may 2005). The U.S. Department of State kindly furnished a copy of the letter to the authors.

«Смоленский архив» как символ американской послевоенной советологии: взгляд из Смоленска*

Е.В. Кодин

Профессор, проректор

Смоленского государственного университета

С 1946 года по декабрь 2002 года так называемый «Смоленский архив» находился в Соединенных Штатах Америки. В действительности его документы составляли всего лишь один процент от того количества материалов довоенного архива Смоленского обкома ВКП(б) за период 1920—1930-х годов, которые были захвачены нацистами во время Второй мировой войны. Основная часть вывезенных документов была возвращена в Смоленск весной 1945 года. Этот же незначительный объем смоленских материалов, в конечном итоге, оказался в руках американцев. В декабре 2002 года «Смоленский архив» был доставлен в Москву, а 25 марта 2003 года в бывшем партийном архиве Смоленска состоялась презентация его документов для местной прессы и телевидения с участием руководителя Росархива В.П. Козлова, представителей Министерства культуры Российской Федерации и американского посольства в Москве. Таким образом, ровно через 60 лет «Смоленский архив» возвратился в Смоленск. Во многом этому способствовала Патриция Гримстед, которой, от лица всех смолян, мы говорим огромное спасибо!¹

Некоторые неизвестные ранее детали одиссеи «Смоленского архива» осветила на страницах журнала «Отечественные архивы» начальник архивного управления администрации Смоленской области С.Л. Солодовникова². Автор убедительно на основе документов показывает, что захваченные в оккупированном Смоленске материалы принадлежали как партийному, так и государственному архивам. Последние были полностью возвращены в 1945 году, а из вывезенных четырех вагонов документов партархива в Смоленск вернулись три с половиной вагона. При условии возможно разной емкости вагонов получается как раз то количество «затерявшихся» каким-то образом материалов, которые станут впоследствии известны как «Смоленский архив». «Сведений о вывозе из Смоленска ка-

ких-либо других архивных материалов нет», — заключает С.Л. Солодовникова³.

В марте 2003 года никто ни в Смоленске, ни в Москве, ни в США уже не сомневался в том, что в печальной одиссее «Смоленского архива» поставлена окончательная точка. Архив в Смоленске. И все! Однако в действительности все оказалось не так гладко.

Фактически параллельно с самой процедурой передачи документов «Смоленского архива» в Интернете, в «Новом журнале», появляются воспоминания князя Алексея Щербатова с таким до боли знакомым названием — «Смоленский архив»⁴. Автор пишет, что, будучи солдатом американской армии, он в конце мая 1945 года в городе Бамберге (Бавария, Германия) видел ящики, в которых находилось 20 тонн документов архива управления НКВД Смоленской области. Эти документы, как утверждается в публикации, смоленские власти не успели ни эвакуировать, ни уничтожить, и они попали в руки немецких спецслужб. Для убедительности даются пикантные детали: «Папки для удобства делились по цветам: в зеленых аккуратно задокументированы сведения о замученных чекистами узниках, в красных — биографии чекистов-энкаведистов и партийных руководителей с указанием их подлинных фамилий».

В Баварию архив был доставлен уже в конце 1943 года. Попав в ведение 3-й американской армии генерала Паттона, он был описан и зарегистрирован, а затем его передали в центр документов разведки в Бамберге. Позже документы перевезли во Франкфурт, где их отдали для обработки специалистам. Одним из них, как указано в статье, был профессор Гарвардского университета Мерл Фейнсон. Вернувшись в США, он на основе этого архива написал две книги: «Смоленск под властью Советов» и «Как управляется СССР».

А какова дальнейшая судьба этого ценнейшего «Смоленского архива»? Оказывается, что в 1949—1950 годах «немалая часть» его документов, в том числе «большое количество дел с биографиями чекистов», были возвращены в СССР.

В данной работе мы даже не будем оспаривать очевидные «нестыковки» в воспоминаниях А.П. Щербатова. Например, его утверждение, что в действительности книга Фейнсона «Смоленск под властью Советов» написана *исключительно* на материалах известного в академическом мире «Смоленского архива», но никак не архива УНКВД Смоленской области. Не будем рассказывать и о том, что база данных для подготовки Книг памяти жертв политических репрессий Смоленской области (1917—1953 гг.) формируется исключительно на материалах следственных дел, хранящихся и по сей

день в региональном архиве УФСБ по Смоленской области (на конец 2004 года нами уже изданы четыре тома). И, конечно, никакой цветной раскраски эти архивно-следственные дела не имеют.

Учитывая подобного рода «несоответствия», мы бы даже и не упоминали данную публикацию, поскольку она не стоит внимания серьезного читателя. Обращаемся же мы к ней сейчас лишь для того, чтобы подчеркнуть главную мысль издателей журнала — из Смоленска в годы войны был вывезен не только партийный архив, но и документы местного УНКВД. Да, в конечном итоге, их вернули, признается в публикации. Но вернули ведь не все! Где же тогда остатки архива? Скорее всего, в США, поскольку в 1945 году они находились в распоряжении американских войск.

Какой-либо документальной основы под этой версией нет. Но, тем не менее, как раз именно эта мысль получает свое дальнейшее развитие на страницах солидного журнала «Отечественные архивы». В начале 2004 года здесь публикуется статья кандидата исторических наук, главного специалиста отдела комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства Федеральной архивной службы России С.Д. Мякушева с симптоматичным названием «“Смоленский архив” возвращен, вопросы остались»⁵. Какие это вопросы, и почему к ним обращается автор статьи?

Главное для С.Д. Мякушева — это разница в количестве страниц смоленских документов. Профессор Мерл Фейнсод в своей книге «Смоленск под властью Советов» пишет приблизительно о 200 тысячах страницах, а смоленские архивисты насчитали в переданном «Смоленском архиве» всего 72 237 листов. На основании этого расхождения в цифрах С.Д. Мякушев делает два вывода. Первый о том, что Фейнсоду в 1950-е годы были предоставлены для работы материалы не из одной, а, по меньшей мере, из двух или даже трех разных коллекций документов, которые отличались даже по своей кодировке (WKP, RS и EAP 116/154). Второй вывод гласит, что около 130 тысяч листов (именно такое количество и составляет разницу между теми 200 тысячами листов, которые указывает Фейнсод, и цифрой возвращенных в Смоленск) не были переданы России и поныне остаются в США.

Считая это установленным фактом, автор далее задает вопрос: почему эти дополнительные страницы не были возвращены вместе с остальными смоленскими материалами? С.Д. Мякушев высказывает предположение о том, что эта отдельная коллекция документов из Смоленской области также была захвачена командой А. Розенберга в 1941 году во время оккупации города, а затем каким-то образом «перезахвачена» американскими военными на территории Германии.

Что это за документы, которые американцы не хотят возвращать в Смоленск и которые до сих пор они даже сами «открыто не использовали»? Цитируем ответ автора: «Этим условиям отвечает только архив Управления НКВД по Смоленской области: и по объему, и в связи с тем, что это единственный архив, по поводу которого в России имеет хождение версия не только о захвате его немцами в июле 1941 г., но и последующем вывозе в США»⁶.

Значит, американцы до сих пор хранят у себя архив Смоленского УНКВД! И он настолько ценен и засекречен, что даже по истечении 60 лет его все еще не выдают для открытого пользования!

Правда, пока еще автор не до конца категоричен в своем утверждении, и вначале даже делает легкое отступление, замечая, что версия эта «нуждается в документальном подтверждении, поскольку отсутствие в современных архивах каких-то документов предвоенного периода не служит свидетельством их захвата — они могли быть и уничтожены». Но далее следует самый «весомый» аргумент в пользу данного предположения. То, что наличие архива Смоленского НКВД в США никем не доказано, это не главное. Главное, что «документы Смоленского УНКВД могли быть захвачены»⁷ (выделено мною. — Е.К.).

Можно ли спорить с такой аргументацией? Думается, что не только нельзя, но и в принципе не имеет смысла, поскольку отсутствует сам предмет для дискуссии. Тем более, если считать дискуссию научной.

Укажем лишь на одно обстоятельство, где автор изначально, и, будем надеяться непреднамеренно, ошибается, и это приводит его к выдвиганию довольно экстравагантной версии — мол, вернуть-то вернули, да далеко не все. А ведь проблема заключается всего лишь в английском языке, а, в связи с этим, и в добросовестности цитирования Фейнсода.

Автор пишет, что именно Фейнсон первым определил объем документов «Смоленского архива» в «200 тыс. листов». Вот как раз в этом и есть изначальная ошибочность предпосылки. Откроем любое американское издание книги «Смоленск под властью Советов» и везде в авторском введении найдем фразу: «approximately 200,000 pages», что переводится как «примерно 200 тысяч страниц». Откроем смоленский перевод этой книги. На странице 25 читаем: «...содержавшими примерно 200 тыс. страниц документов» (везде выделено мною. — Е.К.).

Итак, во-первых, «страниц», а не «листов». Во-вторых, «примерно». В Смоленск же действительно вернули 72 273 листа архивных материалов. А ведь лист, как известно, может иметь текст и на

двух страницах! И в «Смоленском архиве» таких документов предостаточно. Тем более, если учесть огромный дефицит бумаги в России в 1920—1930-е годы, т.е. тогда, когда документы «Смоленского архива» создавались.

Понятно, что ни у кого из американских исследователей, работавших с документами «Смоленского архива», как, впрочем, и у автора этих строк, никогда и мысли не возникало перепроверить цифру Фейнсода, и пересчитать все страницы материалов. Но и без этого ни у кого не должно быть сомнений в том, что в Смоленске сейчас находится именно та коллекция документов, которая получила общепризнанное название «Смоленский архив», и именно в том объеме, в котором она хранилась в Национальном архиве в Вашингтоне, и которая на микрофильмах имеется в десятках, если не в сотнях университетов мира. А кому и почему доверился профессор Фейнсон, назвав цифру в 200 тысяч страниц, вряд ли мы теперь узнаем. И все же данная ошибка никак не может быть весомым основанием для столь категоричного утверждения, что в Смоленск вернули не все. И здесь уже не суть главное, что именно не вернули: местный архив УНКВД или что-то другое. Ведь подобного рода выводы могут иметь более глобальные последствия. Они, по сути, ставят под сомнение саму целесообразность всего процесса реституции культурных ценностей. В этом случае мы вновь сталкиваемся со смесью идеологии и политики. И опять в центре оказывается многострадальный «Смоленский архив». А ведь уже так хотелось надеяться, что его роль в этом качестве завершена, и все акценты окончательно расставлены.

Итак, архив в Смоленске. Однако до того как мы перейдем к основному моменту дискуссии, следует уточнить еще один «технический» вопрос — сколько дел содержится в «Смоленском архиве»? Наш определенный ответ — 538! Но почему не 541 дело, как указывается многими, включая американского историка Арча Гетти, статья которого о «Смоленском архиве» также в свое время была опубликована в России⁸? Действительно, именно это количество дел указано в «Путеводителе по документам Смоленского обкома ВКП(б), 1917—1941 гг.», изданном Национальным архивом США в 1980 году, с единой нумерацией дел от WKP1 до WKP 541⁹ (обозначение «WKP» изначально было применено немцами и является немецкой транслитерацией Всесоюзной Коммунистической партии). И почему тогда иную цифру (536 дел) называет в своей книге «Смоленск под властью Советов» профессор Мерл Фейнсон¹⁰?

Откуда такие расхождения? Начнем с «Путеводителя».

Действительно, на страницах 246—270 в компьютерной обработке дан перечень всех дел архива в порядковом их исчислении вплоть до цифры 541. Но при этом составители не замечают того, что нумерация дел начинается почему-то не с первого, а со второго дела (WKP 2). Хотя дело под номером один в архиве имеется. И к нему на странице 78 того же путеводителя имеется даже аннотация, хотя и не соответствующая содержанию дела¹¹. Это, во-первых. А, во-вторых, в перечне дел путеводителя напротив дел 276, 388, 473 и 487 стоит слово «missing» («отсутствует»). И потому фактически в архиве получается не 541 дело, как утверждает американский историк и как это указано в предисловии к самому путеводителю, подготовленному в 1980 году Робертом Вольфом и Даниелом Броуэром¹², а 538 дел.

В этом нетрудно убедиться даже простым арифметическим подсчетом всех проаннотированных во втором, основном, разделе того же путеводителя дел на страницах 78—190. Эта часть построена на строгой порядковой нумерации не всех дел архива, а рулонов микрофильмов¹³ (69 рулонов, в конце раздела 11 дел расписаны дополнительно по рулонам 27, 28, 1, 2, 3, 4). Внутри же самих рулонов в нумерации дел есть пропуски, и иногда значительные (например, после дела 35 идет 40, после 57—60, 88—91, 102—106, 325—331, 335—342, 373—381). Эти «бреши» заполняются нужными номерами дел, микрофильмированными в последних рулонах архива.

Названное нами количество дел (538) имеет расхождение с цифрой профессора Фейнсода (536) в два дела. Объяснение этому может быть только одно — они были добавлены в архив после того, как Фейнсод завершил с ним работу. В своем библиографическом примечании к книге «Смоленск под властью Советов» автор в перечне дел архива называет два отдельных, с иной кодировкой дела, обозначая их RS 921 и RS 924¹⁴. В путеводителе же 1980 года с аналогичной кодировкой называются уже не два, а четыре дела: RS 921—924 (без «и», как у Фейнсода, т.е. RS 921-922-923-924)¹⁵.

Обращает на себя внимание и тот факт, что эти два «дополнительных» дела (WKP 536 и 537) не имеют первичного смоленского происхождения. Первое из названных дел — это стенографический отчет XV съезда ВКП(б), опубликованный в Москве в Государственном издательстве в 1928 году. Второе — первый том 2-томника «ВКП(б) в резолюциях...», охватывающий период с 1898 по 1924 годы и изданный в Москве в 1932 году. А дела, названные Фейнсодом (WKP 535 и 538) — смоленские, иллюстрирующие деятельность Козельского РК ВКП(б) и райотдела НКВД в 1936 году, а также Западного областного комитета партии и областного НКВД за тот же пе-

риод. Почему, когда и кем эти две книги были добавлены к материалам «Смоленского архива» — неизвестно.

В итоге Смоленск просто не мог получить из США дела 276, 388, 473 и 487 по причине их физического отсутствия. Но проблема несоответствия в количестве дел окончательно нашим объяснением не снимается. После передачи архива в Смоленск у нее появилась другая сторона. В чем она заключается и с чем это связано?

438 возвращенных дел сейчас хранятся в Центре документации новейшей истории Смоленской области как отдельная «коллекция». В настоящее время идет обработка архива под российские стандарты хранения документов (они прошиваются в дела, страницы дел нумеруются, описывается их содержание).

Но правила работы с документами в российских архивах требуют еще и того, чтобы каждый том архивного дела имел свою собственную нумерацию. Значит, если, к примеру, в деле WKP 33 фактически три тома, то уже в смоленской описи должно появиться не одно, а целых три отдельных дела; вместо одного WKP 73 (здесь две части) — два дела; вместо WKP 90 (тоже два тома) — два самостоятельных дела. И так далее. Российские правила потребуют изменений в нумерации дел и в связи с тем, что дела «Смоленского архива» следует «приписать» к уже имеющимся описям по их ведомственной и территориальной принадлежности (например, фонд Запобкома ВКП(б) имеет свою нумерацию, а Ярцевского райкома — свою). В итоге, по предварительным данным, общее количество дел в российской версии «Смоленского архива» может увеличиться в 1,5 раза.

Однако это обстоятельство не усложнит исследователю работу по поиску нужных дел. Одновременно с технической обработкой документов «Смоленского архива» создается и так называемая переводная таблица дел, где каждому делу американской коллекции WKP будет соответствовать новая нумерация по российским правилам. Эта работа потребует значительного времени, и исследователи смогут начать работать с материалами «Смоленского архива» не ранее конца 2005 года.

Теперь, когда коллекция документов возвращена в Смоленск, следует все же напомнить, что, даже после того как архивисты Соединенных Штатов в 1992 году согласились возвратить «Смоленский архив» в Россию, в течение десятилетия, с 1992 по 2002 год, американская религиозная группа Хабад оказывала сильное политическое давление на власти с целью не допустить возвращения архива. В 1990-е годы казалось, что «Смоленскому архиву» суждено навсегда остаться в США. Сомневался в возможности его возвращения в Смоленск и я, особенно, после того как в 1994 году Патриция

Гримстед организовала наш визит в офис вице-президента США для обсуждения вопроса о будущем архива. Нам вновь объяснили, что хасидская община в США активно лоббировала в сенате (а затем и в офисе вице-президента Гора) вопрос о необходимости увязки передачи «Смоленского архива» с вопросом о библиотеке Шнеерсона — личной библиотеки раввина из местечка Любавичи Смоленской области Иосифа Исаака Шнеерсона, которая хранится в Российской государственной библиотеке в Москве¹⁶. Логика такого требования основывалась на том, что раввин Шнеерсон был из деревни Любавичи Смоленской области. Нисколько не умаляя ценности библиотеки Шнеерсона, следует, однако, заметить, что увязка этих двух коллекций была одновременно искусственной и неудачной. Обстоятельства, при которых эти коллекции «попали не туда», были настолько же разными, как и материалы, которые их составляют. В одном случае это бесценные древние хасидские книги и манускрипты, оставленные их владельцем в одном из московских складов в самом начале XX века и затем национализированные. Освободившись после ареста в СССР, Шнеерсон вначале отправился в Латвию, а затем эмигрировал в США. В другом — речь идет о 538 делах документов регионального партийного архива, вывезенного нацистами для дальнейшего изучения и использования в целях антисоветской пропаганды. Сейчас, вопрос о взаимообусловленности возвращения двух коллекций не обсуждается. По крайней мере, публично. Будем надеяться, что он не будет никем подниматься в политических и идеологических целях и в будущем. «Смоленским архивом» уже достаточно манипулировали в политическом и идеологическом противостоянии.

В течение 50 лет «Смоленский архив» оставался единственным собранием документов Коммунистической партии Советского Союза, доступным ученым США и других «западных» государств. Это сделало архив в определенном смысле своеобразным символом «холодной войны» в академическом мире. Именно на его основе профессор Фейнсод «отработал» тоталитарную советскую модель в действии, и как бы подтвердил тоталитарный характер советской политической системы. Это произошло еще в 1958 году с выходом в свет его широко известной книги «Смоленск под властью Советов».

К этому времени уже сформировалась и сама американская советология как наука. Но «чистой наукой», своеобразной *Ivory Tower* она так и не стала. Советология, как и любая другая сфера науки об обществе, не могла быть в стороне от идеологии. Так в годы холодной войны и маккартизма «Смоленский архив» помог сформировать тоталитарную концепцию в американской советологии.

Фейнсон, как становится все более очевидным в ретроспективе, был не столько историком, сколько политологом и обращался к «тоталитарной» модели, поскольку она была популярной в кругах социальной (особенно политической) науки того времени. Следуя основным идеям работы Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма» (Нью-Йорк, 1951), книги, подобные «Тоталитарной диктатуре и автократии» Карла Фридриха и Збигнева Бжезинского (Кэмбридж, Массачусетс, 1956), были на вершине популярности. Бжезинский, ставший впоследствии советником по национальной безопасности администрации Джимми Картера, работал инструктором в Гарварде и вместе с Фейнсоном в Русском исследовательском центре Гарвардского университета. Несколькими годами ранее Фейнсон и другие его коллеги из Гарварда участвовали в работе конференции по тоталитаризму. Для сборника статей по итогам ее работы («Тоталитаризм» / Под ред. К. Фридриха. Кэмбридж, Масс., 1954) предисловие написал посол США в СССР Джордж Кеннан. Свою статью предложил и Фейнсон. И именно такого рода работы становились популярными учебными пособиями для студентов в американских университетских кампусах. В названии своей книги «Как управляется Россия» (1953), которая предшествовала исследованию по Смоленску, Фейнсон не использует термин «тоталитарный». Обращение же его к «тоталитарной» концепции на примере Смоленщины для многих поставило имя ученого в один ряд с представителями «тоталитарной школы». Хотя, как считает очевидным в своей работе «Десять теорий поиска советской реальности» Дэниэл Белл, в 1950-е годы сама концепция или модель тоталитаризма все еще обсуждалась. Фейнсон же использовал документы «Смоленского архива» для подтверждения того, что он считал подходящим под «тоталитарную» модель.

Но вскоре после публикации книги Фейнсона наступила совсем другая историческая эпоха — эпоха первого советского спутника, Вьетнама и разрядки. И в это время внутри американской советологии вырастает новое поколение исследователей — уже не политологов, не создателей каких-либо теоретических моделей, но профессиональных историков, эмпириков. В новой исторической обстановке они вновь обращаются к документам «Смоленского архива», но делают уже совсем другие выводы, вплоть до противоположных.

Однако моя задача сейчас состоит не в обсуждении вопроса о взаимосвязи идеологии, политики и науки, что достаточно хорошо известно исследователям. Моя задача — попытаться дать своего рода обобщающую оценку той роли, которую документы «Смоленского архива» сыграли в истории American Soviet Studies.

При этом всегда остается вероятность того, что такая оценка может оказаться довольно субъективной. Чтобы избежать этого и не навязывать российскому читателю, и в первую очередь смоленскому, своей точки зрения, мы в Смоленске пошли по не совсем обычному для российской провинции и при этом довольно трудному пути. Уже более 10 лет мы довольно активно переводим и издаем в Смоленске те американские исследования, которые полностью или частично базируются на смоленских архивных материалах.

Первой стала книга Мерла Фейнсода «Смоленск под властью Советов» (1995)¹⁷. Появление этого перевода стало своеобразной точкой отсчета для Смоленска. Впервые смоленские историки и простые жители получили возможность посмотреть на свое прошлое чужими глазами. Редакционный совет ни разделял оценок и выводов Фейнсода, ни отрицал их. Он только предложил и сделал доступным для широкой публики альтернативный научный подход к событиям на Смоленщине в 1920—1930-е годы, который базировался на смоленских же материалах.

Как была воспринята эта книга смоленскими учеными? В целом многие внутренне не приняли ее. Но публично никто не оспорил тоталитарную модель Фейнсода, как этого можно было бы ожидать ранее. Те же, кто был согласен с автором, с удовольствием приняли ее. Оппоненты хранили молчание с ощущением определенного дискомфорта. Тем не менее начало было положено. Основным достоинством книги Фейнсода явилось то, что цитируемые в ней смоленские документы не переводились с английского вновь на русский, а были взяты непосредственно из тех дел, по которым их цитирует Фейнсод, т.е. был сохранен оригинал российского текста из «Смоленского архива».

Затем последовали три статьи Роберты Маннинг о Бельском районе, которые и составили книгу «Бельский район, 1937 год»¹⁸ (1998 г.). Реакция на эту работу была в Смоленске уже более живой. Интерес был вызван не столько самой проблемой, к которой обращается автор — террор 1937 года, сколько микроуровнем исследования. Ведь Бельский район являлся одним из наиболее отдаленных аграрных районов, входившим в разное время в состав то Смоленской, то Тверской губерний. Для американцев такой подход является всего лишь примером исследования по привычному для них принципу *case study*. Но то был первый опыт такого рода научного подхода для смолян и в том числе историков. Книга сразу же привлекла к себе большое внимание и стала хорошо известной читателю.

Но, как это всегда бывает, работы Фейнсода и Маннинг приняли далеко не все историки региона. И тогда было решено дать

каждому представителю научного сообщества возможность выразить свою точку зрения на поставленные в книгах вопросы. С этой целью в 1998 году в Смоленске была проведена Международная конференция на тему «Сталинизм в российской провинции». На основе ее материалов в 1999 году вышла книга с тем же названием¹⁹. В ней представлены разные точки зрения российских, американских, белорусских и канадских историков на одни и те же исторические проблемы.

Конференция как в зеркале отразила имевший в то время место раскол, как среди историков, так и во всем российском обществе. Некоторые из участников уже переосмыслили свои прежние идеологически детерминированные позиции. Другие оставались верными своим устоявшимся догмам и убеждениям. Сама же дискуссия стала определенным поворотным пунктом для участвовавших в работе конференции смолян, поскольку на ней были представлены различные точки зрения, которые полностью или частично не совпадали с их собственными воззрениями.

А в 2002 году была издана книга с особым названием «Смоленщина на страницах американской исторической литературы»²⁰. В нее включены статьи Роберты Маннинг, Майкла Хики (соредактор), Лоуренса Клиффорда, Уильяма Розенберга, Роджера Петибриджа, Кенета Слепяна, Ольги Наркиевич, Даниэла Броуэра, Нелли Ор, Арча Гетти. У работ всех перечисленных авторов есть одно объединяющее начало: все они о Смоленске и на основе смоленских архивных материалов.

Соредактор сборника профессор Майкл Хики прибыл из США для его презентации в Смоленске. Само это событие переросло в настоящую научную дискуссию. На протяжении более трех часов преподаватели, студенты и простые жители Смоленска спорили по поставленным в книге проблемам, особенно по Катыньскому делу, поскольку сборник вышел как раз накануне открытия Катыньского мемориала, увековечившего память о жертвах террора XX века на Смоленщине: Большого террора 1937—1938 годов, жертв террора предвоенных лет, включая расстрелянных польских офицеров, советских военнопленных, расстрелянных фашистами в Катыни. Эта книга и по сей день активно используется студентами университета при изучении элективного курса «Смоленщина на страницах американской исторической литературы», который я преподаю на историческом факультете педагогического университета.

Зачем мы это делаем в далеком от США провинциальном Смоленске? Для того чтобы каждый человек имел возможность сам по-

знакомиться с трудами зарубежных исследователей и сделать свой собственный вывод.

Я же свои выводы сделал в книге «“Смоленский архив” и американская советология»²¹ (1998). А совсем недавно в нескольких номерах журнала «Вопросы истории» была опубликована подборка документов из теперь уже возвращенного «Смоленского архива»²². Они дают довольно полное представление о том, как в Западной области реализовывалась политика центра по ликвидации кулачества как класса. И в этом отношении следует признать, что в опубликованном издательством «Ардис» еще в 1987 году сборнике смоленских документов «Неуслышанные голоса» (составитель Сергей Максудов)²³ все полностью соответствует тогдашней действительности. Красноречиво свидетельствуют материалы «Смоленского архива» и о том, как постепенно, но неуклонно, членство в единственной и правящей партии выделяло коммунистов из категории обычных граждан и превращало в своеобразную замкнутую касту со своими привилегиями и законами внутрипартийной жизни. Убедительно, с протокольной точностью, показывают его документы и такое пока мало изученное явление, как массовый психоз по поиску врагов народа в годы Большого террора. И многое другое.

Поэтому здесь я остановлюсь только на одном, но, на мой взгляд, самом важном для историка аспекте. На каком? На тесной связи методологии, которой привержен исследователь, и степени объективности получаемого нового исторического знания.

И снова — на примере «Смоленского архива»!

В американской историографии российской исторической школы советских ученых постоянно критиковали и даже обвиняли в том, что они исповедовали в своих трудах так называемый принцип партийности. Утверждалось, что, подчеркивая везде и всюду роль коммунистической партии, советские ученые не могли быть объективными. Сама идеология уже исключала объективность анализа исторического прошлого, поскольку документы и материалы отбирались в интересах партии: т.е. ученые брали то, что подходило под официальные партийные установки, а то, что противоречило — как бы не замечали, отбрасывали. То есть подход к документам, в том числе и архивным, был выборочным. А значит и субъективным. Историческое же знание может быть только объективным. Иначе оно перестает быть знанием.

В целом, я согласен с таким подходом. Но тогда как быть с самой американской советологией?

Сегодня мы говорим о «Смоленском архиве». Это партийный архив. В нем партийные документы. Такие же, как и в сотнях других

российских городов. Значит, все, что было написано в России о России до перестройки — это явно необъективная оценка российского прошлого. Пусть будет так. Тогда пример объективной работы с архивными документами нам должны были показать сами американские советологи. Тем более что именно здесь и находился «Смоленский архив».

Но что же происходит в действительности? А в действительности происходит то же, за что нас критиковали коллеги из США. На основе одних и тех же документов одного и того же партийного архива в самой американской советологии сформировались две противоположные «школы»: тоталитарная и ревизионистская. Какая из них права? Кому верить?

Профессор Фейнсон пишет в 1958 году: «В области политики сталинизм означал развитие полнокровного тоталитарного режима, при котором все бразды правления в конечном итоге сходились в руках верховного диктатора»²⁴.

В своем предисловии ко второму изданию книги Фейнсона профессор Броуэр вначале подчеркивает эту мысль Фейнсона: «Неудивительно, что книга, появившаяся в результате его архивных разысканий, подтверждает верность модели тоталитаризма». Затем он объясняет истоки этой позиции автора книги о Смоленске: «Заключение, которое делает Фейнсон, предсказуемо из теории тоталитаризма, которую он ранее применил к советской политике... За десятилетия, прошедшие со времени опубликования Фейнсоном анализа советской политики, тоталитарная модель уже не доминирует в советской политической истории»²⁵.

Но приблизительно через 20 лет с документами «Смоленского архива» активно работает Арч Гетти и делает совершенно противоположный вывод: «Хотя советское правительство, конечно, и являло собой диктатуру (или пыталось быть таковой), оно не было тоталитарным. В тридцатые годы не хватало тех особых технических и технологических характеристик, которые отделяют тоталитаризм от диктатуры. Примитивная текстовка «Смоленского архива», реальная слабость центрального правительства в ключевых сферах и определенный уровень политического плюрализма в значительной степени свидетельствуют против какой-либо тоталитарной характеристики»²⁶. И даже то, что Фейнсон называл «неэффективным тоталитаризмом» кажется для Гетти «преувеличением»²⁷.

Тогда что собою представляла Россия в 1930-е годы? Что это была за страна? Ответ Гетти следующий: «Советская Россия напоминала в тридцатые годы скорее отсталое традиционное общество, чем какой-либо особый тоталитарный режим»²⁸.

Такое же расхождение между Фейнсодом и Гетти относительно места и роли коммунистической партии в жизни общества. По Фейнсоду, в стране существовала «диктатура партии»²⁹. Гетти с этим совершенно не согласен. В своей статье «Партия и чистка в Смоленске» он пишет, что знакомство со смоленскими документами дает основания сделать вывод, что партийный контроль «был на удивление слаб по многим направлениям, и что партия была в большей степени неэффективной, нежели тоталитарной»³⁰.

Итак, даже сталинский политический режим не являлся тоталитарным; коммунистическая партия также не являлась тоталитарной.

А что было наиболее существенной чертой сталинского государства? Бжезинский и другие считают — террор. Фейнгод берет смоленские архивные документы и утверждает, что «террор уже сам по себе превратился в систему управления»³¹. И осуществлялся террор «террористическим аппаратом компартии», который являлся проявлением «тоталитарной машины»³². Для Фейнсода, как и для Бжезинского, террор это лишь продолжение перманентных чисток.

Таковы выводы Фейнсода на основе «Смоленского архива». Но эти же документы читает и Гетти. И он пишет: «Фейнгод, к примеру, описывал период с 1933 по 1939 годы как “постоянно продолжающуюся чистку” в Западной области, завершившуюся “все разрушающим крещендо” судебных процессов и полицейского террора в ходе ежовщины 1937 года. Такой концептуальный подход определял фактически все видение по этому периоду и основывался на идее, что после 1933 года постоянно возрастающий и планируемый уровень «чистки» сопровождался также нагнетавшейся атмосферой всеобщего страха и паники»³³.

Но, пишет он далее: «Такая интерпретация периода 1933—1936 годов очень слабо подтверждается архивными свидетельствами. Вместо того чтобы представлять возрастающую, истеричную, политическую прелюдию ежовщины, эти события показывают количественное декрещендо неудачных попыток навести порядок в запущенном партийном хозяйстве. Они не свидетельствуют об охоте на ведьм и имеют мало общего с оппозицией, ежовщиной или даже с политикой вообще. Смоленские документы показывают, что активность партийных чисток снижалась в период с 1933 по 1936 годы, и что вычищенные из партии вновь принимались в ее ряды на основе апелляций до того, как ежовщина началась»³⁴.

Обстановка в годы террора была, по словам Фейнсода, таковой, что «было опасно говорить даже с близкими друзьями»³⁵. А Роберт Серстон по этому поводу пишет: «Статистические материалы российских архивов дают основания к выводу, что масштабы арестов и

насильственных смертей при Сталине были не такими значительными, чтобы стать основанием для всеобщего страха перед режимом, даже если принимать во внимание то обстоятельство, что друзей и родственников забирали работники НКВД»³⁶.

И подобные сравнения можно продолжать по другим темам — коллективизация, культурная революция и т.д.

Таким образом, на основе документов одного и того же архива делаются разные, вплоть до противоположных, оценки: одни доказывают тоталитарный характер советского общества, другие — наоборот.

Разве это не напоминает нам советский принцип партийности в исторической и политической науке? Особенно, если вспомнить о том, каким ожесточенным атакам были подвергнуты первые американские ученые, осмелившиеся отойти от тоталитарной модели, а также их работы³⁷.

Разве это не актуализирует вопрос — а насколько объективны работы, написанные на основе «Смоленского архива»? — Уверен, да.

Разве это не актуализирует вопрос о тесной связи идеологии и науки? — Уверен, да.

Разве это не свидетельствует о том, что и «Смоленский архив» сыграл свою активную роль в политическом противостоянии США и СССР? — Да, свидетельствуют.

Но сегодня, как мне кажется, мы живем совсем в другое время. «Смоленский архив» уже в Смоленске. И этот факт вполне симптоматичен.

Сфера American Soviet Studies, очевидно, подошла сегодня к такому моменту, когда объективная оценка российского исторического прошлого может быть дана только на пути объединения усилий ученых разных методологических школ. Сколько энергии и интеллектуальных усилий было потрачено в борьбе так называемых тоталитарной и ревизионистской школ!

«Смоленский архив» со всей очевидностью показал непродуктивность противостояния в академическом мире.

Надеюсь, что сегодня из символа противостояния «Смоленский архив» станет символом объединения усилий ученых в поисках исторически объективного знания.

* Настоящая статья является развернутой версией доклада автора на 35-й ежегодной конференции Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (20—23 ноября 2003 г., Торонто), ставшего воз-

можным благодаря финансовой поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса, Москва) и Российского гуманитарного научного фонда (Москва), проект № 03-01-15094.

¹ См. ее монографию *The Odyssey of the Smolensk Party Archive: Plundered Communist Archives for the Service of Anti-Communism* // Carl Beck Occasional Papers in Russian and East European Studies. № 1201. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh, Center for Russian and East European Studies, 1995.

² Солодовникова С.Л. Конец одиссеи «Смоленского архива» // Отечественные архивы. 2003. № 5. С. 15—21.

³ Там же. С. 18.

⁴ Криворучкина-Щербатова Л. Из воспоминаний Алексея Щербатова. Смоленский архив // Новый журнал. 2003. № 233. С. 1—8 (адрес сайта: <http://magazines.russ.ru/nj/2003/233/sherbat.html>).

⁵ С.Д. Мякушев. «Смоленский архив» возвращен, вопросы остались // Отечественные архивы. 2004. № 1. С. 13—25.

⁶ Там же. С. 21.

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Getty J.A. Guide to the Smolensk Archive // *A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s*. N.Y., 1990. P. 85. Русский перевод: Фонды «Смоленского архива» // Советские архивы. 1991. № 1. С. 95.

⁹ *Guide to the Records of the Smolensk Oblast of the All-Union Communist Party of the Soviet Union, 1917—1941* / intr. by Robert Wolfe and Daniel R. Brower. Washington: NARA, 1980, introduction, iii.

¹⁰ Фейнсод М. Смоленск под властью Советов. Смоленск: Траст-Имаком, 1995. С. 480.

¹¹ В «Путеводителе» к делу ВКР 1 за 1917—1918 годы отнесены протоколы собраний созданных сразу после октябрьских событий 1917 года партийных ячеек и рабочих союзов и проведенные партработниками описи имущества помещичьих имений в Смоленской губернии. Фактически же в деле дооктябрьский материал, в котором как раз виден весь процесс установления Советской власти в Смоленске, что и кто этому способствовали. 1918 год в материалах дела почти не представлен. Подобных несоответствий или расхождений аннотаций путеводителя с фактическим содержанием дел архива немало.

¹² *Guide to the Records of the Smolensk Oblast*. 1980, introduction. P. iii.

¹³ Национальный архив США, где хранился «Смоленский архив», не давал исследователям возможность работать с оригиналами документов. Многие университетские библиотеки (и не только в США) располагают копиями микрофильмов всего архива.

¹⁴ Fainsod M. *Smolensk Under Soviet Rule*. N.Y.: Vintage, 1989. P. 456.

¹⁵ *Guide to the Records of the Smolensk Oblast*, introduction. P. iii.

¹⁶ См. более подробно о библиотеке Шнеерсона в РГБ в статье Константина Акинши.

¹⁷ Фейнсод М. Смоленск под властью Советов. Смоленск: Траст-Имаком, 1995.

¹⁸ Маннинг Р. Бельский район. 1937 год. Смоленск: СГПУ, 1998.

¹⁹ Сталинизм в российской провинции: смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков / Под ред. Е.В. Кодиной. Смоленск: СГПУ, 1999.

- ²⁰ Смоленщина на страницах американской исторической литературы. / Под ред. проф. Е.В. Кодина и проф. Майкла Хики. Смоленск: СГПУ, 2000.
- ²¹ Кодин Е.В. «Смоленский архив» и американская советология. Смоленск: СГПУ, 1998.
- ²² Кодин Е.В. «Смоленский архив» как «зеркало советской действительности» // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 3—27; № 11. С. 3—37; № 12. С. 3—25.
- ²³ Неуслышанные голоса. Документы Смоленского архива. Книга первая. 1929. Кулаки и партейцы / Сост. Сергей Максудов. Ann Arbor: Ardis, 1987.
- ²⁴ Fainsod M. *Smolensk Under Soviet Rule*. N.Y., 1989. P. 12.
- ²⁵ Там же, предисловие.
- ²⁶ Getty A. *Origins of the Great Purges: the Soviet Communist Party Reconsidered, 1933—1938*. N.Y., 1985. P. 198.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 27.
- ²⁹ Fainsod M. *Smolensk Under Soviet Rule*. N.Y., 1989. P. 192.
- ³⁰ Getty A. Party and Purge in Smolensk: 1933—1937 // *Slavic Review*. 1983. 42(1). P. 61.
- ³¹ Fainsod M. *Smolensk Under Soviet Rule*. N.Y., 1989. P. 12.
- ³² Там же. P. 449.
- ³³ Getty A. *Origins of the Great Purges: the Soviet Communist Party Reconsidered, 1933—1938*. N.Y., 1985. P. 66.
- ³⁴ Там же. P. 67.
- ³⁵ Fainsod M. *Smolensk Under Soviet Rule*. N.Y., 1989. P. 13.
- ³⁶ Thurston R. *Life and Terror in Stalin's Russia, 1934—1941*. New Haven; L., 1996. P. 232.
- ³⁷ См., к примеру, жаркую дискуссию о так называемых «молодых ревизионистах», развязанную по случаю некоторых комментариев в статье Шейлы Фицпатрик о новых работах в сфере советских исследований (Afterwords: Revisionism Revisited // *Russian Review*. 45(4). 1986. P. 409—413). В дальнейшей дискуссии ее высказывания были использованы другими учеными для нападок на еще неопубликованные работы вновь пришедших в данную сферу исследований, которые они даже и не читали (кроме Фицпатрик, которая основывала свои суждения на неопубликованных рукописях, переданных ей лично авторами). Один из оппонентов зашел даже так далеко, что определил цель «молодых ревизионистов» как стремление «вымарать из советской истории газовые камеры». Это высказывание было вычеркнуто редактором, однако он упоминает об этом в своем предисловии к дискуссии как пример того, насколько далеко зашел спор.

The «Smolensk Archive» as a Symbol of American Sovietology: A View from Smolensk*

Evgenii Kodin

Professor, prorector of Smolensk State University

From 1946 until December 2002, the so-called «Smolensk Archive» was kept in the United States of America. Actually this was only a fraction of one percent of the materials from the 1920s and 1930s in the pre-war Archive of the Smolensk Oblast Committee of VKP(b) [All-Union Communist Party (Bolsheviks)] that were shipped out of Smolensk by the Nazis during the Second World War. But while most of the records removed during the war were returned to Smolensk in the spring of 1945, this small portion ended up in the hands of the Americans at the end of the war. The «Smolensk Archive» was returned to Moscow in December 2002, and on 25 March 2003 a presentation of its documents to the local press and TV was held at the former Party Archive in Smolensk, attended by Vladimir P. Kozlov, head of the State Archival Agency of Russia (Rosarkhiv), and representatives from the Russian Ministry of Culture and the American Embassy in Moscow. After sixty years, the «Smolensk Archive» had finally returned home. This was largely the work of Dr. Patricia Grimsted, to whom I deliver a great «thank you» on behalf of all the people of Smolensk¹.

Some previously unknown details of the «Smolensk Archive» Odyssey were highlighted in the journal *Otechestvennye arkhivy* [Fatherland Archives] by S.L. Solodovnikova, head of the Records Service at the Smolensk Oblast Administration². The author gives convincing documented proof that the documents the Germans captured in an occupied Smolensk belonged both to the party and state archives. The latter were returned in full in 1945, while of the four carloads of party archives that had been taken out three and a half came back to Smolensk. Assuming that the railway wagons could have been of different capacity and filling, we arrive at the exact quantity of somehow «lost» materials that came to be known as the «Smolensk Archive». «There is nothing to suggest that any other archive documents were moved abroad», Solodovnikova concludes³:

In March 2003, no one in either Smolensk or Moscow or the United States had any doubt that the sad Odyssey of the «Smolensk Archive» had indeed come to the final conclusion. And that was all there was to it. In reality, it was not as simple as that.

Virtually concurrently with the procedure of transfer of the «Smolensk Archive» documents, there appeared in *Novyi Zhurnal* on the Web a memoir by Prince Alexey Shcherbatov, which carried a poignantly familiar title — *The Smolensk Archive*⁴. The author wrote that as a soldier in the U.S. Army in the German town of Bamberg, Bavaria, one day in late May 1945 he happened to see with his own eyes boxes containing 20 tonnes of documents from the Smolensk Oblast office of NKVD (People's Commissariat of Internal Affairs). These documents, according to the publication, the Smolensk authorities had had no time either to evacuate or destroy, and they fell into the hands of German special services. To add credibility to the story, the author gave some spicy details of this sort: «The files were divided for convenience by colour: the green ones contained neatly documented information about victims that had been harried to death by security people, and the red ones contained biographies of NKVD officers which specified their real names».

It was in late 1943 that the archive reached Bavaria, according to Shcherbatov. Finding itself in the custody of the U.S. Third Army under command of General Patton, it was described and reported, and afterwards forwarded to the intelligence documentation centre in Bamberg. Later on, the records were moved to Frankfurt, where they were turned over to specialists for processing. One of them, the article says, was Harvard professor Merle Fainsod. On return to the United States, he wrote two books based on this archive: *Smolensk under Soviet Rule* and *How Russia Is Ruled*.

What was the subsequent fate of this very important archive of Smolensk? We learn from Shcherbatov that in 1949—1950 «a not small part» of its records, including «numerous files with security officers' biographies», was returned to the USSR.

In this work we are not going to challenge obvious «discrepancies» in Shcherbatov's memoir. For instance, that in writing his *Smolensk under Soviet Rule* Fainsod relied *exclusively* on what is known to the academic community as the «Smolensk Archive», not some archive of the Smolensk Oblast office of NKVD. Nor are we going to elaborate on the fact that the database for publication of the *Memorial Book for Victims of Political Repressions in Smolensk Oblast, 1917—1953* (of which we already brought out four volumes as of the end of 2004) is being built exclusively on investigative cases kept to this day in the regional archive of

the Smolensk Oblast office of the Federal Security Service. To be sure, these archival investigative cases have no colouring whatever.

We would not have even mentioned this publication with regard to such «discrepancies», which is not worthy of notice by serious readers. The only reason we refer to it today is to emphasise the main point made by the publishers of the journal, namely, that documents of the local NKVD office as well as the party archive were removed from Smolensk during the war. Yes, they have been returned, concedes the publication. But not all! Where is the remainder of the archive? Most probably, in the United States, since the archive was in the hands of U. S. troops in 1945.

This version lacks any documentary base. Yet, exactly this notion has been further developed in a reputable journal, *Otechestvennye arkhivy*. In early 2004, it carried an article by S.D. Miakushev, chief specialist of the department of acquisitions, departmental archives, and recordkeeping of the Federal Archival Service of Russia (Rosarkhiv), under a telling title, «The “Smolensk Archive” Returned: Questions Remain»⁵. What kinds of questions and why does the author raise them?

Miakushev's main point is differences in the numbers of pages between Smolensk records. Professor Fainsod in his book *Smolensk under Soviet Rule* suggests there were about 200,000 pages, while the Smolensk archivists counted only 72,237 folios in the «Smolensk Archive» that had been turned over to them. Miakushev draws two conclusions from this difference. The first is that the material that was made available for Fainsod's work in the 1950s came not from one but at least from two or even three different collections of documents, which differed even in their coding (WKP, RS and EAP 116/154). His second conclusion is that approximately 130,000 folios (this is precisely the difference between the 200,000 folios that Fainsod received and the number returned to Smolensk) have not been returned to Russia and still remain in the United States.

The author considers this an established fact and queries: «Why have these extra pages not been returned together with the other Smolensk materials?» Miakushev's conjectures are as follows. This separate collection of documents from Smolensk Oblast was also captured by Rosenberg's ERR in 1941 while the city was under German occupation and then somehow «recaptured» by the American military in Germany. What are these documents that the Americans are reluctant to return to Smolensk and that they themselves «have not openly utilized?» To quote the author, «Only the archive of the Smolensk Oblast office of NKVD qualifies — both by its size and by the fact that this is the only archive about which it is rumoured in Russia that not only was it captured by the Germans in July 1941 but also that it was subsequently taken out to the States»⁶.

Why, the Americans are still keeping the archive of the Smolensk office of NKVD! And it is so important and sensitive that even after 60 years they will not make it available for public use!

True, the author is not quite categorical in his assertion and in the beginning he makes a slight qualification, remarking that this version still «needs documented proof, because the unavailability in today's archives of any prewar records is no evidence of their capture — they could have been simply destroyed». But he goes on to adduce the most «telling» argument to back his hypothesis. It is immaterial that there is no evidence of the archive of the Smolensk office of NKVD being kept in the United States. What matters is that «records of the Smolensk office of NKVD *could have been captured*»⁷ (*emphasis added* — E. K.).

Can one argue with this kind of reasoning? I should say not, and any argument would be pointless, there being no topic for discussion, particularly if one has a scholarly discussion in mind.

We will merely point to a circumstance where the author errs from the start and, hopefully, unwittingly, which leads him to develop a rather extravagant theory. Yes, records have been returned all right, but far from all of them. Yet the problem lies in the English language, and further, in the author's scrupulous citation of Fainsod's work.

Miakushev writes that Fainsod was the first to estimate the quantity of documents in the «Smolensk Archive» at «200,000 folios». This is the root of the initial error of his premise. Open any American edition of *Smolensk under Soviet Rule* and you find in the author's preface the phrase «approximately 200,000 *pages*». Now open the Smolensk translation of the book. On page 25 we read: «...which contained approximately 200 thousand *pages* of documents» (*all emphases added* — E. K.).

Thus, to begin with, it is «pages» and not «folios». And second, «approximately». What was returned to Smolensk was indeed 72,273 folios of archive materials. But a folio may, of course, have text on two pages. There are plenty such folios in the «Smolensk Archive». One only has to consider the heavy shortage of paper in Russia in the 1920s and 1930s, i.e., in the period when «Smolensk Archive» documents were produced.

Of course, none of the American scholars who worked with «Smolensk Archive» records, or indeed, this author, has ever considered double-checking Fainsod's figure and re-counting all the pages of the materials. But even without it no one should be in doubt that what is now held in Smolensk is precisely the collection of documents known as the «Smolensk Archive», and its size is the same in which it was kept in the U.S. National Archives in Washington and in which it is held in microform by dozens if not hundreds of universities the world over. As to

whom and why Professor Fainsod trusted in by giving the figure of 200,000 pages, we are not likely to ever learn it. For all that, this error cannot be a weighty reason for categorically stating that all documents have not been returned to Smolensk. And it hardly matters here what was not returned, whether it was a local NKVD archive or something else. Indeed, such conclusions may have more global implications. In point of fact, they impugn the appropriateness of all the efforts at the restitution of cultural valuables. This is again a mixture of ideology and politics. And again the long-suffering «Smolensk Archive» is finding itself in the spotlight. And one so hoped that its role on this stage is over and all the «i's» have been dotted and all «t's» crossed!

And so it is, the archive is now in Smolensk. But before turning to our main subject of discussion here, we must clarify one more «technical» question — how many files are there in the «Smolensk Archive»? Our definite answer is 538! But why not 541 files as some have suggested, including historian J. Arch Getty, whose article on the «Smolensk Archive» also appeared in Russian⁸? Indeed, exactly that number of files is indicated in the *Guide to the Records of the Smolensk Oblast of the All-Union Communist Party of the Soviet Union, 1917—1941*, published by the U.S. National Archives in 1980 with the uniform numbering WKP 1—541⁹? (The «WKP» prefix was first used by the Germans, being the German transliteration of the All-Russia Communist Party.) Why then a different figure (536 files) that Professor Fainsod names in his book *Smolensk under Soviet Rule*¹⁰?

Why these discrepancies? Let us begin with the NARA *Guide*.

Indeed, here on pages 246—270 there is a computer-produced list of all the files in the archive numbered consecutively to figure 541. However, the compilers do not seem to notice that the numeration for some reason starts not with the first but with the second file (WKP 2). Yet there is a file that bears the marking «WKP» number one in the archive. It even has an annotation, on page 78 of the same *Guide*, although it does not match the contents¹¹. This is our first remark. Secondly, in the list of files in the *Guide*, files 276, 388, 473 and 487 are marked by the word «missing». Therefore, the archive does not, in fact, contain 541 files, as claimed by the American historians and as indicated in the introduction to the *Guide* written by Robert Wolfe and Daniel R. Brower in 1980¹², but 538 files.

This is easily ascertained by the simple arithmetic addition of all the annotated files on pages 78—190 in the second, main, section of the *Guide*. This part is based on the consecutive numbering of not all the files in the archive, but of their microfilm rolls¹³ (69 rolls, at the end of section 11, are described additionally for rolls 27, 28, 1, 2, 3, 4). Inside the rolls

the numbering of files has lacunae, some of them considerable (for example, file 35 is followed by file 40, and then come 57—60, 88—91, 102—106, 325—331, 335—342, 373—381). These «gaps» are filled by the requisite numbers of files that are microfilmed in the last rolls of the microform publication.

The number of files we have given (538) differs from Professor Fainsod's figure (536) by two. There can be only one explanation: they were added to the archive after Fainsod finished working with it. In his bibliographic notes to «Smolensk» the author in his list of files of the archive names two separate, differently coded, files, designating them RS 921 and RS 924¹⁴. In the 1980 *Guide*, four and not two files have similar codes: RS 921—RS 924 (without «and», as in Fainsod's book, namely, RS 921—922—923—924)¹⁵.

It is also noteworthy that these two «extra» files (WKP 536 and 537) are not of original Smolensk provenance. The first is a verbatim report of the 15th VKP(b) Congress, printed by the State Publishing House in Moscow in 1928. The second is Volume 1 of a two-volume book, *The VKP(b) in Resolutions...* covering the period 1898 to 1924; it was published in Moscow in 1932. The files named by Fainsod (WKP 535 and 538) are of Smolensk provenance, and they illustrate the activities of the Kozelsk' district committee of VKP(b) and the district office of NKVD in 1936 and of the Western Oblast party committee and the Oblast office of NKVD for the same period. Why, when, and by whom these books were added to the «Smolensk Archive» materials is unknown.

In fact, Smolensk simply could not receive files 276, 388, 473 and 487 from the United States for the simple reason of their physical absence. Yet, our explanation does not take care of discrepancies in the numbers of files. On the transfer of the archive to Smolensk there appeared a new aspect to the problem. What is it and what lies behind it?

The 438 returned archival files are now held as a separate «collection» in the Smolensk Centre for the Documentation of Recent History. At the present moment, archivists are working with these materials to put them in order in accordance with Russian archival standards for preserving documents: documents are being sewn into file folders, folios are being numbered within each file, and file contents are being described.

But the document handling rules of Russian archives also demand that every volume (or file) in an archival file have its own numeration. For instance, if file WKP 33 actually comprises three volumes, then there must appear in the Smolensk inventory not one but three separate files; instead of one WKP 73 (which has two parts), two files; instead of WKP 90 (also two volumes), again two independent files; and so on. The Russian rules will require changes in the numbering of files also because the

«Smolensk Archive» files must be «assigned» to already existing inventories by their departmental and geographic affiliation; for example, the fond of the Western Oblast committee of VKP(b) has its own numbering, and the Yartsevo district party committee fond, its own. According to preliminary data, the total number of files in the Russian version of the «Smolensk Archive» may increase by 50%.

This will not handicap the searcher in locating files, however. In parallel with the technical processing of «Smolensk Archive» records, a so-called file conversion table is being created, where every file in the American WKP collection will have a corresponding new number according to Russian rules. This work will require much time, and it will not be until the end of 2005 that researchers will be able to start work with the «Smolensk Archive» materials.

Now that the collection is back in Smolensk, we still need to recall that, even after United States archivists had agreed to return the «Smolensk Archive» to Russia in 1992, for a decade from 1992 through 2002 political pressure by the American religious group Chabad tried to prevent the return. In the 1990s, the «Smolensk Archive» seemed destined to remain in the United States and even I doubted that it would ever return to Smolensk, after Patricia Grimsted arranged for me to visit the U.S. Vice-President's Office in 1994 to inquire about its fate. It was again explained to us that the American Hasidic community had lobbied the U.S. Senate (and later the office of Vice-President Gore) to make return of the «Smolensk Archive» conditional on the return of the Schneerson Collection, the personal library of Rabbi Joseph Isaac Schneerson of Lubavichi, which is now kept in the Russian State Library in Moscow (RGB — formerly the Lenin Library)¹⁶. The logic of this demand was the fact that Rabbi Schneerson had come originally from Lubavichi, a village in Smolensk Oblast. Without denigrating the importance of the Schneerson Collection, the association of these two collections was both artificial and unfortunate. The circumstances under which the two collections had «gone astray» were as different as the materials that they held. One case involved an invaluable set of early Hasidic books and manuscripts abandoned by its owner in a Moscow warehouse in the early 20th century and then nationalised. Following release after his arrest in the USSR, Schneerson went first to Latvia, but finally emigrated to the U.S.A. The other involved 538 files of documents from a regional party archive carted away by the Germans to be studied and used in anti-Soviet propaganda. Now, however, the linkage of the return of these two collections is no longer a matter of public discussion. I hope that in the future no one will resurrect this issue for political and ideological purposes. The

«Smolensk Archive» has already been manipulated enough in the service of politics and ideology.

For almost 50 years, the «Smolensk Archive» was the only set of original documents from a Communist Party archive available to scholars from the United States and other «Western» nations. This made it, in a sense, a symbol of the Cold War in the academic world. In his landmark 1958 book *Smolensk under Soviet Rule*, Professor Merle Fainsod argued that this single set of documents proved the totalitarian character of the Soviet political system and revealed the Soviet totalitarian model in action.

By the time that Fainsod published his book, American Sovietology had already evolved as a «scientific» discipline. But this was not a «pure science» remote in its «ivory tower». Like other social sciences, Sovietology could not remove itself from the ideological currents of the age. The Cold War and McCarthyism set the context for Fainsod's analysis of the «Smolensk Archive», which helped support the totalitarian concept in American Sovietology.

Fainsod, as has become even more apparent in retrospect, was an American political scientist rather than historian, and was applying the «totalitarian» model popular in social (and especially political) science circles in the United States at the time. Drawing on Hannah Arendt's *The Origins of Totalitarianism* (New York, 1951), such books as Carl J. Friedrich and Zbigniew Brzezinski's *Totalitarian Dictatorship and Autocracy* (Cambridge, MA, 1956) were at the height of their popularity. Brzezinski, later to become a national security advisor under the presidency of Jimmy Carter, was then an instructor at Harvard, associated with Fainsod at Harvard's Russian Research Centre. A few years earlier, Fainsod and others at Harvard had all participated in a conference on «Totalitarianism», and Ambassador George Kennan had just contributed an introduction to the conference collection, edited by C.J. Friedrich, *Totalitarianism* (Cambridge, MA, 1954), to which Fainsod also contributed. These were all becoming popular textbooks on American college campuses. Fainsod did not use the term «totalitarianism» in the title of his popular college textbook, *How Russia Is Ruled* (1953), which preceded his Smolensk study, but his application of the «totalitarian» concept to a case-study of the Smolensk region made him appear to outsiders as part of the «totalitarian» school. Although the concept — or model — itself was under discussion in the 1950s, as apparent from Daniel Bell's provocative essay *Ten Theories in Search of Soviet Reality*, Fainsod was using the original documents of the «Smolensk Archive», to bolster what he saw as the appropriate application of the «totalitarian» model.

Not so long after the publication of Fainsod's book, however, a very different historical climate emerged in the United States — the era of the first Soviet Sputnik, the Vietnam War, and then of détente. A new generation of American Sovietologists came to age in this period who, unlike Fainsod, were not political scientists but trained historians; they were primarily empiricists, not model builders. In the new historical atmosphere these scholars turned again to the Smolensk documents and came to different, sometimes opposite, conclusions than had the previous generation.

But my task here is not to discuss the relationship between scholarship, ideology, and politics — a topic familiar to all American academics; my task is to try to formulate something like a generalised evaluation of the role that uprooted «Smolensk Archive» documents have played in the history of American Soviet Studies.

I understand that such an evaluation by a native of Smolensk might seem rather subjective. But in Smolensk, we have made a great effort to avoid subjectivity on this topic. Rather than thrust our own views upon Russian — and particularly Smolensk — readers, we have sought to present them with materials from which they can draw their own judgements and conclusions. In the past decade, we have translated into Russian and published in Smolensk a number of American writings that used Smolensk archival materials.

The first of these translations was Fainsod's *Smolensk under Soviet Rule*, which we published in Russian translation for the first time in 1995¹⁷. The appearance of this book proved to be a turning point for Smolensk. For the first time, Smolensk historians and ordinary people were given an opportunity to look at their past through the eyes of others. The editors neither accepted nor rejected anything in Fainsod's interpretation. But they presented and made available to the public an alternative scholarly view of the events in the Smolensk region in the 1920s and 1930s that was derived from Smolensk materials.

How was this work accepted by Smolensk scholars? In general, many internally rejected it. But nobody disputed Fainsod's totalitarian model publicly as they might have done in earlier times. Those who agreed with the author of the book took it in stride. Its opponents, although discomforted, kept silence about it. However, this was only the beginning. The main merit of this translation is that, rather than «back-translating» quotations from Smolensk Archive documents into Russian from Fainsod's English, we included all quotations exactly as they appeared in the original files of the archive. In other words, we used the original Russian text of the documents.

In 1998, we published three recent articles by Roberta Manning on Belsk Raion, which when put together produced quite an interesting book under the title *Belskii Raion, 1937*¹⁸. The reaction to this book in Smolensk turned out to be more lively. It was not the research problem addressed — the terror of 1937 — that provoked interest in this book, but rather its focus on the microlevel. After all, Belsk district was one of the most remote agricultural districts, which in different periods was part of either Smolensk or Tver Oblast. For Americans this was just an ordinary case study. But it was the first experience of this kind of research for people in Smolensk, historians included. The book immediately attracted considerable attention and became well known among readers.

But, as it always happens, Fainsod's and Manning's works were not accepted by all regional historians. So we decided to allow everybody in the scholarly community to express their own views on the questions raised in these books. We organised an international conference in Smolensk in 1998 on the problem «Stalinism in the Russian Provinces». A year later, the papers presented at that conference were published in a book with the same title¹⁹. This volume presented different points of view on the same historical problems by Russian, American, Belarusian, and Canadian historians.

The conference reflected as a mirror the split among historians in interpreting the shared experience throughout Russian society at the time. Some participants had already re-thought their former ideologically determined points of view. Others remained captives of their lifelong dogmas and convictions. The discussion proved to be a turning point for participants from Smolensk, who were presented with a range of different points of view that did not fully or partly coincide with their own.

In 2002, we published another book, entitled *The Smolensk Region in the Pages of American Historical Literature*²⁰. This volume included essays by Roberta Manning, Michael Hickey (the co-editor), Lawrence Clifford, William Rosenberg, Roger Pethybridge, Kenneth Slepian, Olga Narkiewicz, Daniel Brower, Nellie Ohr, and J. Arch Getty. What unites these essays is that they are about Smolensk and all of them make use of Smolensk materials.

The co-editor, Professor Michael Hickey, came from the U. S. A. for the presentation of the volume. The whole event turned into a scholarly conference. Professors, students and ordinary people of Smolensk argued about the issues raised in the book for more than three hours, especially about the Katyn Affair, as the book appeared shortly before the opening of the Katyn Memorial, which commemorates all the victims of the various sorts of twentieth-century terror in the Smolensk region — the Great Purges of 1937—1938, the immediate prewar Terror including the Polish

officers shot on the eve of the war, and Soviet POWs executed in Katyn by the Nazis. The book is still being actively used by university students, and in the elective course «The Smolensk Region in the Pages of American Historical Literature» that I teach myself in the Department of History at Smolensk State Pedagogical University.

Why have we in the distant provincial city of Smolensk been doing all this? So that everyone has the opportunity to become personally acquainted with writings of foreign scholars and come to their own conclusions.

As for me, I have already presented my views in my 1998 book *The «Smolensk Archive» and American Sovietology*²¹. Recently, I published elsewhere some selections from the now returned «Smolensk Archive»²². They give a general idea of how the central government's policy of abolition of the kulaks as a class was implemented in the Western Oblast. In this respect it must be admitted that a collection of Smolensk documents that Ardis published as early as 1987 with the title «Unheard Voices» (compiled by Sergey Maksudov²³) faithfully depicts the reality of that period. «Smolensk Archive» materials are a silent testimony of a gradual but steady process whereby membership in a single and ruling party removed party members from the category of ordinary citizens and turned them into a singular closed caste, which had its perquisites and internal laws. Its documents also show convincingly, with protocolary accuracy, yet another little researched phenomenon — the mass psychosis of hunting down «enemies of the people» in the Big Terror years, and many other things.

Therefore, I will focus here on only one important aspect of this topic, which, I think, is the main problem for any historian. The reference is to the very close link between a scholar's methodology and the degree of objectivity of new historical knowledge. Again, I will take the use of the «Smolensk Archive» as my «case study».

American historiography constantly criticised, even blamed, Soviet scholars for adherence to the so-called Party spirit principle. The essence of this criticism was that Soviet historians could not be objective because they had to emphasise the leading role of the Communist Party in all matters and at all times. This ideological prerequisite itself excluded an objective analysis of the historical past, since historians selected their documents and materials in the interests of the Party. That is to say, scholars only used materials that fit official party directives and pretended not to notice what did not fit the official ideology. In other words, their attitude to the documents, archival as well as published, was selective. But historical knowledge must be objective, or else it ceases to be knowledge.

In general, I agree with these arguments. But what about American Sovietology? Should we treat it as a model of objective work with archival documents? Again, we can use the «Smolensk Archive» to address this problem. And what do we find in reality? We find the same tendencies for which American historians had criticised their Russian colleagues. On the base of the same documents from the same party archive, two opposite «schools» of American Sovietology were formed: totalitarian and revisionist. What school is right? Who should we believe?

In 1958, Professor Fainsod wrote that: «In the political sphere, Stalinism spelled the development of a full-blown totalitarian regime in which all the lines of control ultimately converged in the hands of the supreme dictator»²⁴. In his foreword to the second edition of Fainsod's book, Professor Brower emphasises Fainsod's idea: «Not surprisingly, the book that resulted from his archival investigation confirms the correctness of the totalitarian model». Then he explains the roots of Fainsod's position: «Fainsod's conclusion is predictable from the totalitarian theory he had previously applied to Soviet politics [in his classic study "How Russia is Ruled"]»²⁵.

Twenty years later, J. Arch Getty, began to work actively with documents in the «Smolensk Archive» and came to an absolutely opposite conclusion from that of Fainsod, arguing that:

Although the Soviet government was certainly dictatorial (or tried to be), it was not totalitarian. The technical and technological sophistication that separates totalitarianism from dictatorship was lacking in the thirties. The primitive texture of the Smolensk Archive, the real weakness of the central government in key areas, and a certain degree of political pluralism argue strongly against any totalitarian characterization²⁶.

For Getty, even Fainsod's description of «inefficient totalitarianism» seems «to overstate the case»²⁷. What did Russia in the 1930s look like to Getty? What kind of country was it? Getty's answer is the following: «Soviet Russia in the thirties resembled a backward, traditional society far more than it did the sophisticated order of totalitarianism»²⁸.

Similarly, Fainsod and Getty differ in their evaluation of the role of the Communist Party in the life of Soviet society. According to Fainsod, all aspects of Soviet life were controlled by the «party dictatorship»²⁹. Getty does not agree with this statement at all. In his article «Party and Purge in Smolensk» he points out that an examination of Smolensk documents suggests that «such controls were surprisingly weak in many respects and that the party was more inefficient than totalitarian»³⁰. For

Getty, neither the Stalinist political regime nor the Communist Party was totalitarian.

What was the most important characteristic of Stalin's state? Brzezinski and others argue that it was terror. Fainsod uses «Smolensk Archive» materials to assert that «Terror itself became a system of power»³¹. The «Communist terror apparatus» that conducted this systemic terror was a manifestation of the «totalitarian machine»³². For Fainsod, like Brzezinski, terror is just a continuation of permanent purges.

This was Fainsod's conclusion on the base of the «Smolensk Archive», less than one percent of the documents from a single Russian province. But Getty read the same documents later. And he writes:

Fainsod, for example, described the period from 1933 to 1939 as an «almost continuous purge» in the Western Region, culminating in the «smashing crescendo» of trials and police terror of the 1937 *Ezhovshchina*. This conceptual framework has dominated nearly all views of the period and is based on the idea that after 1933 a steadily increasing and planned level of 'purging' was accompanied by a similarly increasing atmosphere of fear and panic for all³³.

Getty concluded that:

This [Fainsod's] interpretation of the period from 1933 to 1936 is weakly supported by the archival evidence. Rather than representing a mounting, hysterical, political prelude to the *Ezhovshchina*, these events comprised a quantitative decrescendo of unsuccessful attempts to deal with confusion and «clutter» in the party's bookkeeping. They did not constitute a witch hunt and had little to do with the opposition, the *Ezhovshchina*, or indeed with politics at all. The Smolensk documents show that membership purge activity was decreasing in the period from 1933 to 1936 and that expelled members were being readmitted on appeal before the *Ezhovshchina* began³⁴.

According to Fainsod, the atmosphere in the years of terror was such that «it was dangerous to speak frankly even to one's intimate friends»³⁵. But Robert Thurston writes that: «...statistics from Russian archives suggest that the scale of arrests and unnatural deaths under Stalin was not sufficient to induce general fear of the regime, even considering as indirect victims the friends and families of those taken away by the NKVD»³⁶. Such comparisons can be continued on other topics such as collectivisation, Cultural Revolution, etc.

In other words, on the basis of the same documents in the same archive, American scholars have reached different, even opposite conclusions. One set of scholars says that the «Smolensk Archive» proves the totalitarian character of Soviet society, and others say the opposite. Does

this remind us not a little of the Soviet party principle of doing research in history and political science? It seems to me — yes, as those scholars who first departed from the totalitarian model were viciously attacked and maligned and their scholarship and even character were questioned³⁷.

Does the debate raise the question: «How objective are the writings done on the base of the «Smolensk Archive»? My answer would be «Yes», it does very much. (Although many historians might doubt the possibility of «objectivity» in historical writing, I still find the «ideal» in the concept useful.) Does it raise the question about the close linkage of ideology and scholarship? Again, my conclusion is «Yes», it does very much. Does it show that the «Smolensk Archive» played an active role in the Cold War political confrontation between the U.S. and USSR? Yet again, I would say «Yes!»

But today, fortunately, we live in different times. The «Smolensk Archive» is back in Smolensk. And this fact itself is quite symptomatic. It is obvious in American Soviet Studies today that an «objective» — that is to say, a more open and ideologically less burdened — evaluation of Russian historical past can be made on the basis of archival documents by uniting efforts and approaches of scholars of different methodological schools. After all, we in Smolensk have learned a good deal from all the American scholars who have studied our displaced archives after we stopped considering them «bourgeois historians» and approached them as merely historians rooted in the time and the place in which they lived and worked.

A retrospective analysis of the uses of the «Smolensk Archive», like the state of Soviet history in the Soviet period, reveals how unproductive confrontation and official orthodoxy in the academic world can be. How much energy and intellectual effort were consumed in the struggle of the so-called totalitarian and revisionist schools! We know this very well. I hope that today the «Smolensk Archive» will prove to be not a symbol of confrontation but a symbol of unity of all scholars in their mutual pursuit of objective historical knowledge.

* This article is an expanded version of the author's paper that was presented at the 35th annual AAASS convention (20—23 November 2003, Toronto) thanks to financial support of the «Open Society» Institute (Soros Foundation, Moscow) and the Russian Humanitarian Research Foundation (Moscow), project № 03-01-15094.

¹ See her monograph *The Odyssey of the Smolensk Party Archive: Plundered Communist Archives for the Service of Anti-Communism*, published in the series «Carl Beck Occasional Papers in Russian and East European Studies». № 1201

(Pittsburgh PA: University of Pittsburgh, Center for Russian and East European Studies, 1995).

² Solodovnikova S.L. Konets odisei «Smolenskogo arkhiva» // *Otechestvennye arkhivy*. 2003. № 5. P. 15—21.

³ Ibid. P. 18.

⁴ Krivoruchkina-Shcherbatova L. From Alexei Shcherbatov's Memoirs: The Smolensk Archive // *Novyi zhurnal*. 2003. № 233. P. 1—8 (<http://magazines.russ.ru/nj/2003/233/sherbat.html>).

⁵ Miakushev S.D. «Smolenskii arkhiv» vozvrashchen, voprosy ostalis' (The «Smolensk Archive» Returned: Questions Remain) // *Otechestvennye arkhivy*. 2004. № 1. P. 13—25.

⁶ Ibid. P. 21.

⁷ Ibid. P. 22.

⁸ Getty J.A. Guide to the Smolensk Archive // *A Resercher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s*. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1990. P. 85. Russian translation, Fondy «Smolenskogo arkhiva» // *Sovetskie arkhivy*. 1991. № 1. P. 95.

⁹ *Guide to the Records of the Smolensk Oblast of the All-Union Communist Party of the Soviet Union, 1917—1941* / introduction by Robert Wolfe and Daniel R. Brower. Washington: NARA, 1980, introduction, iii.

¹⁰ Fainsod M. *Smolensk pod vlastyu Sovetov*. Smolensk: Trast-Imakom, 1995. P. 480.

¹¹ The Guide refers to file WKP 1 (1917—1918) minutes of meetings of party cells and workers' unions that were created immediately following the October 1917 revolution as well as inventories of manorial property made by party officers in Smolensk province. What the file actually contains is pre-October 1917 material, which graphically illustrates the establishment of Soviet power in Smolensk and contributing factors and individuals. The year 1918 is all but absent from the file materials. Such discrepancies or mismatches between the «Guide's» annotations and actual file content are quite frequent.

¹² *Guide to the Records of the Smolensk Oblast*. 1980, introduction. P. iii.

¹³ The U.S. National Archives, where the «Smolensk Archive» was kept, did not allow researchers to handle originals of documents. Many university libraries, also outside the United States, have a microfilmed copy of the complete archive.

¹⁴ Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. N.Y.: Vintage, 1989. P. 456.

¹⁵ *Guide to the Records of the Smolensk Oblast*, introduction. P. iii.

¹⁶ See more details about the Schneerson Collection in RGB in the article by Akinsha below.

¹⁷ Fainsod M. *Smolensk pod vlastiu Sovetov*. 1995.

¹⁸ Manning R. *Bel'skii Raion, 1937 god*. Smolensk: SGPU, 1998.

¹⁹ *Stalinism v rossiiskoi provincii: smolenskii arkhivnye dokumenty v prochtenii zarubezhnykh i rossiiskikh istorikov* / ed. E.V. Kodina. Smolensk: SGPU, 1999.

²⁰ *Smolenschina na stranitzhah amerikanskoi istoricheskoi literatury* / ed. E.V. Kodin and M. Hiki. Smolensk: SGPU, 2000.

²¹ Kodin E. «Smolenskii arkhiv» i amerikanskaia sovetologiya. Smolensk: SGPU, 1998.

²² Kodin E. (comp. and ed.). «Smolenskii archive» kak «zerkalo sovetskoi deistvitel'nosti» // *Voprosy istorii*. 2003. № 9. P. 3—27; № 11. P. 3—37; № 12. P. 3—25.

²³ *Neuslyshannye Golosa. Dokumenty Smolenskogo Arkhiva. Book 1, 1929. Kulaki I Parteitsy / Comp. S. Maksudov (pseud. Of Alex Babenyshev). Ann Arbor: Ardis, 1987.*

²⁴ Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. N.Y., 1989. P. 12.

²⁵ *Ibid*, foreword.

²⁶ Getty J.A. *Origins of the Great Purges: the Soviet Communist Party Reconsidered, 1933—1938*. N.Y., 1985. P. 198.

²⁷ *Ibid*.

²⁸ *Ibid*. P. 27.

²⁹ Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. N.Y., 1989. P. 192.

³⁰ Getty J.A. *Party and Purge in Smolensk: 1933—1937* // *Slavic Review*. 42 (1). 1983. P. 61.

³¹ Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. N.Y., 1989. P. 12.

³² *Ibid*. P. 449.

³³ Getty J.A. *Origins of the Great Purges: the Soviet Communist Party Reconsidered, 1933—1938*. N.Y., 1985. P. 66.

³⁴ *Ibid*. P. 67.

³⁵ Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. N.Y., 1989. P. 13.

³⁶ Thurston R. *Life and Terror in Stalin's Russia, 1934—1941*. New Haven; L., 1996. P. 232.

³⁷ See, for example the heated discussion of the so-called «young revisionists», launched by a few chance comments made in an article by Sheila Fitzpatrick about new works in Soviet studies (*Afterwords: Revisionism Revisited* // *Russian Review*. 45 (4). 1986. P. 409—413). In a later discussion, her remarks were used by other scholars to attack the unpublished work of newcomers to the field that none of the commentators had read (except for Fitzpatrick who based her comments on unpublished manuscripts that had been given her in confidence by the authors). One of the commentators even went so far as to say the aim of the «young revisionists» was to «write the gas chambers out of Soviet history», a statement that was cut out by the editor, although he pointed it out in his introduction to the discussion as an example of how far out of line the discussion had gone.

Приключения «Смоленского архива»: исповедь американского советолога

Роберта Томпсон Маннинг

Впервые я встретила с хранившимся в Америке «Смоленским архивом» через тридцать, если не больше, лет после Мерла Фейнсода. К этому времени я уже занималась — вопреки собственному желанию — историей дореволюционной России. В сентябре 1962 года, в разгар «холодной войны», я поступила в аспирантуру Русского института при Колумбийском университете. Моя жизнь в университетском городке только начиналась, когда однажды весь Нью-Йорк был облеплен ярко-желтыми плакатами с символикой ядерного оружия, которые указывали направление к ближайшему бомбоубежищу (им оказался ближайший подвал). Тот, кто развесил эти указатели в нашем общежитии, обладал чувством юмора: стрелки вели к самой большой сушильной камере в подвальной прачечной. Университетские студенты воспринимали эти указатели как шутку. Но тому, кто их сделал, видимо, было известно что-то, чего мы не знали.

В октябре по телевизору неожиданно выступил Президент Джон Кеннеди, который мрачно объявил, что Советский союз устанавливает на Кубе ракетно-ядерное оружие, способное поразить большую часть территории США. Все решили, что целью № 1 будет Нью-Йорк. Университетский городок заполнили всевозможные чудаки: проповедники, пугавшие адскими муками и призывавшие, пока не поздно, покаяться, были и неряшливо одетые коммунисты, которые носили с собой стремянки и забирались на них, чтобы привлечь толпу. Они говорили, что кризис вызвал отнюдь не Хрущев, а капитализм и Кеннеди. Я была как на иголках и все ждала, что вот-вот начнут падать бомбы. Всякий раз, когда над головой проносился самолет, я вздрагивала, думая, что жить мне осталось недолго. И вдруг все кончилось. Советские суда, везшие вооружение на Кубу, повернули обратно! Спустя много лет после этого я иногда задумывалась: а может, я уже погибла тогда, в ядерной катастрофе, и то, что я считаю своей жизнью, это лишь «вся остальная жизнь», проносящаяся перед моим мысленным взором?

Когда все успокоилось, я почувствовала себя чужой в Русском институте США. Я ведь не была ни русской, ни украинкой, ни по-

лячкой, ни выпускницей Военного института иностранных языков или военнослужащей армии США. Я даже не была армянкой, как Рон Суни. На первом курсе я была одной из двух женщин в нашей группе из двадцати с лишним человек, к тому же уроженкой Техаса в четвертом поколении. Все остальные были либо с Восточного побережья, либо со Среднего Запада. Студенты вечно подтрунивали над моим южным акцентом и поражались тому, что я никогда до того не слушала курс русистики (в моем Университете Райса в то время не было такого курса). Свой жалкий русский я выучила на базовых языковых курсах для спортсменов, которые вел наш университетский тренер по теннису — в дореволюционном прошлом тренер Теннисного клуба Санкт-Петербурга, где среди его учеников были великие князья. Первый семинар, на который я стала ходить, вел Марк Раефф, еженедельно задававший нам огромную порцию мемуаров XVIII века. Мне едва удавалось найти несколько знакомых русских слов на страницу, и я просто тонула среди дореволюционных «иероглифов», архаичного синтаксиса и правописания. Я не сломалась лишь благодаря силе воли и отличной подготовке по истории, полученной в Университете Райса. Но позже, очутившись в этом странном новом мире американской советологии, я уже сама не знала, радоваться мне этому или огорчаться.

Основную часть преподавателей в Русском институте составляли политологи, разработчики моделей и ожесточившиеся эмигранты, которые яростно ненавидели Советский Союз и были твердо убеждены, что все, что стоит знать об этой мрачной стране, уже известно. Они не требовали от студентов критического восприятия устоявшихся взглядов и не поощряли их стремления искать новые ответы. Конечно, были и светлые моменты: обязательные курсы русской литературы, на которых преподавали Марк Раефф, изумительный Александр Эрлих, который чуть не сделал из меня экономиста, и Джон Хазард, который развлекал студентов рассказами о своей учебе на юридическом факультете в СССР в 1930-е годы и раздавал нам сборники материалов по правовым реформам Хрущева; я до сих пор пользуюсь ими на своих лекциях. Но все преподаватели в один голос твердили, что я не смогу изучать в Колумбийском университете то, что хотела, а именно советскую историю, поскольку по этому предмету «нет надежных источников» — ведь все они коммунистические! Чтобы продолжать заниматься русскими исследованиями, мне нужно было стать либо политологом (а эту дисциплину я скоро возненавидела), либо специалистом по дореволюционной России. Я не знала как поступить. Ведь учась в Университете Райса под руководством Френсиса Лоуэнхейма, я приобрела навыки строгого исто-

ризма и овладела искусством критического чтения и анализа источников, а собственный опыт научил меня тому, что одно и то же событие два человека воспринимают по-разному.

Хрущевская «оттепель» была в самом разгаре, но те курсы, которые нам читали в Русском институте, за исключением лекций Хазарда, обходили молчанием все, что происходило тогда в СССР. Готовясь к экзамену по языку, мы, разумеется, прочли «секретную речь» Хрущева [была произнесена на XX съезде КПСС 5 марта 1953 г. *Прим. ред.*]. Но на занятиях по современной политике наш профессор (который впоследствии стал советником по национальной безопасности при президенте США) описывал во всех подробностях гневную вспышку Хрущева на выставке современного искусства в Манеже и при этом ухитрился не сказать ни слова о «секретной речи», об удивительных «шестидесятниках», о том, что из ГУЛАГа выпускают заключенных, и. О шестидесятниках я впервые услышала от Джеймса Биллингтона. Он побывал в СССР в рамках новой хрущевской программы обменов между США и СССР и по возвращении домой был приглашен выступить в Русском институте. Он рассказал нам о «захватывающей» культурной атмосфере, царящей в Москве. До этого мне никогда не приходилось слышать, чтобы слово «захватывающий» применялось в отношении СССР. Я была заинтригована. Но когда Биллингтон закончил свое выступление, поднялся престарелый Бернард Вулф¹ (чьей книгой «Трое, которые сделали революцию» я искренне восхищалась) и твердо заявил, что «юный Биллингтон» наивен и не разобрался в том, что он увидел в СССР. «Советский Союз, — сказал он, — это тоталитарная диктатура, не способная к переменам!»

Как же случилось, что я, вечно ставившая все под сомнение, стала заниматься исследованиями в этой научной области? Дело в том, что я уже давно «попалась на крючок» России. Студентов-новичков я часто призываю к осторожности: для некоторых Россия — вроде соленого арахиса или картофельных чипсов: сколько ни ешь, все будет мало. Так было и со мной. В 50-е годы Россия была всюду — даже в Техасе. Все газеты публиковали однообразно негативные статьи о России, и я невольно задавала себе вопрос: а правда ли все это? Я открыла для себя классиков русской литературы, которые своим умением раскрыть душу человека и понять обстоятельства его существования, затмили всех авторов, которых я читала прежде. Русские казались мне такими же сумасбродными, сложными и иррациональными людьми, как моя большая и эксцентричная ирландско-американская семья со всеми ее чудаками, затворниками, соперничающими политическими династиями и бесчисленными се-

мейными тайнами. Наши домашние скандалы и секреты были общим достоянием и вечно обсуждались на публике — и в этом мы отличались от всех, кого я знала, за исключением тех русских, из романов. Разумеется, в романах русские были совсем не такими, как в газетах, и это также интриговало.

Меня привлекли образы русских женщин периода «холодной войны». Вот какими они являлись ежедневно на страницах наших газет: низенькие и толстые, в однообразной убогой одежде, занятые работой, в основном физической и низкооплачиваемой; изредка попадались и женщины-ученые. Фотографии публиковались с пропагандистской целью — вызвать раздражение и неприязнь у рядового американца 1950-х годов, когда безраздельно царствовала «загадочная женская душа», женщины сидели дома, ничего не делая, и нередко сходили от этого с ума. Однако эти фотографии гипнотизировали меня. Дело в том, что я была тогда полненькой девушкой, мечтавшей о научной карьере, в то время как моя мать была, как говорится, «красавицей из южных штатов» и стремилась сделать из меня настоящую даму. Но что хорошего быть дамой? Жизнь у дам неинтересная. Им не позволялось ни думать, ни трудиться. Им даже не разрешали вдоволь есть, чтобы сберечь стройную фигуру и привлечь поклонников, в чем и заключалось их единственная цель в жизни. Моя мама поспевала всюду: она контролировала мое питание, отбирала у меня книги и требовала, чтобы я вместо чтения ходила с ней по магазинам. В начале учебного года она включала в мой индивидуальный план курсы по домоводству, чтобы подготовить меня к неизбежной участи. Но я всегда исхитрялась достать в школе чистый бланк и записывалась на курсы повышенного уровня сложности по физике, химии, подготовительный курс по математическому анализу — и никакого домоводства! Отец, который поощрял мои устремления, подписывал мой план за спиной у мамы.

Я решительно не желала становиться «красавицей из южных штатов», потому что все южные дамы, которых я знала, томилась смертельной скукой, как только у них заканчивался период ухода. В качестве утешения они начинали прикладываться к бутылке, но пить старались только после четырех, чтобы показать, что они не алкоголички. Многие из-за того, что сидели дома и ничего не делали, попросту сходили с ума. Это произошло даже с моей чудной, очаровательной мамой. Я ухаживала за ней во время ее периодических нервных расстройств, а тем временем мечтала о толстых русских женщинах, которые трудятся, делают, что хотят, и свободны. Раз они зарабатывают себе на жизнь, значит, они могут есть все, что пожелают. Мужчин на фотографиях не было, потому что женщины

явно не желали их там видеть! Откуда мне было знать, что русские женщины на этих фотографиях были толстыми и работали, потому что были бедны и им приходилось обеспечивать свои семьи? И без мужчин они обходились не потому, что были феминистками и таков был их выбор, а потому, что те мужчины, за которых они могли бы выйти замуж, погибли в самой ужасной войне за всю мировую историю. Мои «образцы для подражания» пережили такие ужасы, которые я даже представить себе не могла. Я не знала, чем была для России Вторая мировая война, пока не приехала по Программе обменов² в Ленинград, чтобы работать над материалами для диссертации. Война и блокада были повсюду, и даже по прошествии больше четверти века они давили на души ленинградцев. Мои преподаватели в Колумбийском университете ничего не рассказывали об этой войне в России, о которой, как и о многом другом, мы узнали самостоятельно в ходе Программы обменов.

Пропагандистские фотографии трудящихся женщин времен «холодной войны» дали мне образцы для подражания. Но именно советский спутник, самый первый в мире искусственный спутник Земли, выведенный на орбиту в 1957 году, в 40-ю годовщину Октябрьской революции, побудил меня стать специалистом по истории СССР. Для Соединенных Штатов спутник явился полным шоком, показав, что Советский Союз способен создать то, что нам удалось создать лишь год спустя. Научные успехи русских вызвали волну паники по всей стране. Советские достижения в космосе приписывались их системе образования, которая делала упор на естественные науки и привлекала к занятиям наукой не только мальчиков, но и девочек. И все вдруг поняли — даже в таком захолустье, как мой родной город Корпус-Кристи (штат Техас), — что это хорошо, если девочка стремится заниматься научной деятельностью. Местная газета командировала в средние школы репортера с заданием выяснить, нет ли у нас каких-нибудь подающих надежды ученых-женщин, способных «утереть нос» этим русским. Он обнаружил меня, единственную девочку в городе, которая записалась на продвинутые курсы по естественным наукам и математике. Для беседы с прессой меня пригласили в кабинет директора. Еще вчера школьная чудачка, теперь уже я считалась патриоткой, которая спасет Америку, придумав оружие для уничтожения этих ужасных русских. Я пришла в негодование. В нашем городке лишь мой отец считал правильным мое желание изучать науки, чтобы удовлетворить собственное любопытство и честолюбие и избежать маминой судьбы. Но оказалось, что заниматься тем, чем я хотела, правильно *только в том случае*, если я получу образование и создам оружие, чтобы убивать людей на другой стороне

земного шара, людей, которые ничего мне не сделали, а лишь вдохновили меня своей литературой и помогли понять, что женщина может стремиться к чему-то большему, чем домашнее хозяйство. И я приняла решение, которое определило всю мою дальнейшую жизнь. Я сказала репортеру: «Я не собираюсь заниматься естественными науками. Я буду историком Советского Союза». Нужно ли говорить, что это главное решение всей моей жизни не попало в местную прессу? Но я никогда не раскаивалась в нем, даже когда оказалось, что в том единственном колледже, куда я подала заявление (он был выбран еще на предыдущем этапе моей жизни), преподавалось множество естественнонаучных дисциплин, но такой предмет, как «советские исследования» отсутствовал. Упрямство, побудившее меня заняться «советскими исследованиями», помогло мне продержаться целых три семестра в Колумбийском университете в период «холодной войны», где вопреки всем советам преподавателей я храбро старалась стать исследователем истории Советского Союза. Но после посещения специального семинара, который должен был помочь нам выбрать тему для магистерской диссертации, я, наконец, сдаюсь. Руководителем семинара был добродушный человек, в свое время преподававший историю Великобритании XVII века, который во время Второй мировой войны каким-то образом сумел стать специалистом по истории Советского Союза. Он это сделал, так сказать, «с черного хода», изучив русский язык и устроившись в ОСС (Отдел стратегических служб) — предшественник ЦРУ. Я надеялась, что он подскажет мне аналогичный путь, но за исключением работы в ЦРУ. В эту организацию, которая была менее компетентной, чем ОСС, регулярно направляли студентов, не отвечавших критериям Колумбийского университета в плане научной или академической карьеры, что нанесло несомненный ущерб нашим разведслужбам.

На занятиях я заинтересовалась судьбой земств — местных органов самоуправления, которые, по мнению всех моих преподавателей, сделали очень много хорошего для русского народа до Революции. Но после 1916 года земства совершенно исчезли из учебников истории. Это заинтриговало меня. Какова их судьба? Я решила выяснить это, изучив прессу всех важнейших политических партий России периода 1917 года, для чего воспользовалась отличной коллекцией Колумбийского университета, которая была не востребована читателями и быстро ветшала. Я обнаружила, что земства были не так демократичны, как утверждали мои преподаватели, поскольку система выборов была сильно перекошена в пользу помещиков и лишала избирательных прав куда более многочисленное крестьянство — сословие, которое уже давно вызывало у меня острый интерес.

После Февральской революции Временное правительство демократизировало земства, и старые консерваторы и либералы, которые раньше стояли во главе их, оказались забаллотированными, а их места заняли всевозможные социалисты, в том числе коммунисты³. В конце семестра я доложила о своих результатах на семинаре.

Доклад, противоречивший господствующему мнению о демократичности земств, озадачил и смутил моих сокурсников. Преподаватель выразил сомнение в точности и достоверности моих изысканий. «Коммунисты не побеждают на выборах», — безапелляционно заявил он, забыв про наших союзников по НАТО, Францию и Италию, где коммунисты составляли 30—40% местных законодательных органов, а также контролировали большинство городских советов.

На следующей неделе я, в сильнейшем раздражении, покинула Колумбийский университет и два года путешествовала по Европе. Наконец, в конце 1965 года, я приехала в Россию; это было вскоре после смещения Хрущева. Меня потрясла бедность людей, и я спрашивала себя, неужели мы не могли найти для себя более достойного врага? Но как-то мне довелось простоять четыре часа в очереди вместе с сотнями плохо одетых и обутых русских людей на страшном январском морозе, по щиколотку в снегу и слякоти, чтобы увидеть сокровища Эрмитажа, и я поняла, что они живы «не хлебом единым». Я поразилась тому, что в этом «тоталитарном государстве» на исходе кризисных лет «холодной войны», куда ни посмотри, всюду были «граффити». Это было слово МИР, выведенное от руки на заборах, стенах и общественных уборных. Парадоксально, но слово «мир» было самым распространенным видом «граффити» и в Колумбийском университете, в который я вернулась через пару лет, в самый разгар Вьетнамской войны.

Я вернулась в университет законченным циником в отношении «российских исследований», полная решимости быстрее получить свою степень магистра гуманитарных наук и устроиться в «техникум для рабочих», где я могла бы посвятить жизнь не изучению революции, а ее осуществлению. Но Колумбийский университет образца 1967 года был уже совсем иным. С его территории исчезли люди в военной форме: в связи с войной и призывом в армию они чувствовали негативное к ним отношение. Молодые люди отращивали длинные волосы, в моде было инакомыслие. Женщины составляли 40% аспирантов. Но самым поразительным было то, что в некогда тихом университетском городке всем заправляли члены движения «Новые левые студенты за демократическое общество». Протестуя против Вьетнамской войны, они возглавили первый серьез-

ный университетский «бунт» — похитили одного из деканов, захватили помещения и парализовали всю деятельность университета в период выпускных экзаменов. Следующие два года никто не сдавал выпускные экзамены в весенний семестр, потому что все сколько-нибудь известные американские колледжи и многие средние школы последовали примеру Колумбийского университета и устраивали антивоенные «забастовки».

Изменилась и кафедра российских исследований. Теперь в числе преподавателей был известный представитель исторической школы «ревизионизма» Леопольд Хаимсон, чьи знаменитые статьи 1964 года в *Slavic Review* о социальной стабильности среди городского населения России возмутили многих: ведь он «осмелился» сообщить то, что обнаружил в результате своих исследований, а именно, что большевики пользовались растущей поддержкой рабочего класса еще до начала Первой мировой войны⁴.

Студенты ломались на коллоквиум (а позже семинар) Хаимсона по теме «Предреволюционная Россия», который вскоре превратился в идеологический полигон для «новых левых», потому что среди студентов были представители всех без исключения дореволюционных партий России. Правые, либералы, социалисты всех мастей — большевики, меньшевики, бундовцы и эсэры — вновь боролись друг с другом. Одного студента из нашей группы, вдохновленного идеями «Народной воли», арестовали недалеко от университета с самодельной бомбой (которую полиция, к счастью, приняла за наркотики). Научный сотрудник Хаимсона и наш главный «эсэровец» Стив Хэллоуэлл отправился в Камбоджу, чтобы от имени движения «Студенты за демократическое общество» провести переговоры с Вьетконгом. Впоследствии к нему прикрепили специального агента ФБР, который добросовестно следовал за ним по всему университетскому городку. Сегодня Стив Хэллоуэлл — биржевой брокер на Уолл-стрит!

К концу первого семестра я присоединилась к организованной Хаимсоном кампании за пересмотр истории предреволюционного периода в России. Хаимсон знал, как важно поощрять студентов, дать им почувствовать, что их работы кому-то нужны, и потому все время подбадривал нас. Результатом явилась моя диссертация, а затем и первая книга — «Кризис старого порядка в России: дворянство и правительство»⁵.

Я по-прежнему планировала стать историком СССР и понимала, что после получения докторской степени смогу делать что захочу. Однако возможность заняться советской историей появилась раньше, чем я ожидала. После защиты диссертации выяснилось, что

в Америке есть только два вакантных места специалиста по российской истории, причем оба по советскому периоду и оба в Бостоне. Как раз в это время набирала силу кампания «Конструктивные действия», и женщины преподаватели были востребованы. К тому же среди ищущих работу обоих полов было очень мало таких, кто бы рекламировал себя как историка Советского Союза, а тем более таких, как я, кто претендовал бы на ведение курсов по истории женщин России. Этот предмет я никогда не изучала, но на него в то время был значительный спрос на рынке труда⁶. Поскольку именно русские женщины сделали из меня русистку, я не чувствовала особых угрызений совести. Нина Тумаркин получила должность в Уэллс-лейском колледже, а я поехала в Бостонский колледж, испытывая при этом изрядную тревогу по поводу того, что буду работать у иезуитов⁷.

Но волноваться не стоило. Я убедилась в том, что лучшего места для изучения российской и советской истории, чем Бостонский колледж, просто не найти. Сразу после создания своей докторантуры кафедра истории Бостонского колледжа привлекла самую успешную группу аспирантов за все время существования колледжа. Изучением российской истории занимались такие люди, как Честер Даннинг, один из первых модернистов, который уже тогда начал писать диссертацию под номинальным руководством одного из преподавателей колледжа, а на самом же деле — под руководством талантливого Эдварда Кинана из соседнего Гарвардского университета, а также Арч Гетти и Уильям Дж. Чейз, которые желали изучать российскую историю и благодаря которым я попала в Бостонский колледж! Арч Гетти, Билл Чейз и я самостоятельно изучали русскую историю, а на занятиях со старшекурсницами я как могла отбивалась от странных вопросов, задаваемых студентками, чьи взгляды сформировались под воздействием католического феминистского богословия и того подхода к преподаванию истории, который все еще господствовал в некоторых католических средних школах, и который акцентировал внимание на том, какое количество животного белка⁸ потреблялось в разные периоды истории России и СССР, или чем занималась Русская православная церковь в тот или иной рассматриваемый период времени⁹.

С самого начала я была убеждена, что, в принципе, ничто не мешает Арчу и Биллу, если они того пожелают, стать специалистами по советской истории. Так что вскоре мы взялись за серьезное дело: выбор тем для диссертации и поиск источников. Удивительно, но меньше всего хлопот доставили нам источники. Билла интересовала история рабочего класса, и, выбрав темой своей диссертации мос-

ковских рабочих 1920-х годов, он построил ее на материалах переписи 1926 года и местной прессы, что давало ему возможность применить свои навыки работы с количественными методами исследований. У Арча вызывали острый интерес Сталин и сталинские чистки, но он плохо представлял себе, с какой стороны подступиться к этой теме. В то время я, готовя свои лекции по истории СССР, впервые прочитала книгу Мерла Фейнсода «Смоленск под властью Советов» и посоветовала Арчу взглянуть на «Смоленский архив» — в библиотеке Гарвардского университета пока еще был один экземпляр. Кто знает, может быть, Фейнгод извлек еще не всю информацию из документов архива? Результаты этих исследований теперь уже стали достоянием истории: не только две докторские диссертации, но также две новаторские монографии: вначале дискуссионная, а теперь уже ставшая классической, книга Арча Гетти «Истоки больших чисток: новый взгляд на Советскую Коммунистическую партию, 1933—1939 годы»¹⁰ и книга Уильяма Дж. Чейза «Рабочие, общество и советское государство: труд и жизнь в Москве, 1918—1929 годы»¹¹.

В 1981 году, когда Арч был доцентом в Университете Калифорнии в Риверсайде, Билл занимал аналогичный пост в Университете Питтсбурга, и книга «Кризис старого порядка в России» была в печати, я решила лично познакомиться со «Смоленским архивом», прежде всего с делами о крестьянских жалобах, на которые обратил мое внимание Арч Гетти в ходе работы над диссертацией. Меня особенно заинтересовали жалобы из Бельского района, поданные в 1937 году, в разгар сталинского террора, потому что в бельских делах содержались не просто жалобы, а *расследования жалоб партийными работниками*, которых направляли в те деревни, откуда поступали эти жалобы. Дознаватели часто опрашивали практически всех жителей, так что жалобы и жалобщики представляли под разными углами зрения, и это позволяло рассматривать бельские жалобы в конкретном контексте. Этим они отличались от многочисленных жалоб, которые в последующие годы, когда архивы сталинской эпохи открылись для ученых, изучались совершенно вне контекста. Чтобы расширить фон исследования, я сочетала изучение жалоб с чтением стенограмм заседаний бельского райкома, бюро райкома и районной партийной конференции 1937 года. Я не знала тогда, что стенограммы были не столь уж обычным делом, в отличие от сокращенных протоколов, в которых просто приводились пункты повестки дня и принятые резолюции, но не давались тексты обсуждений. Результатом этой работы явились доклады на конференциях, статьи, а затем и книга по Бельскому району 1937 года¹².

Первая встреча со «Смоленским архивом» была сильным интеллектуальным потрясением в моей карьере ученого. До тех пор я смотрела на советскую историю чужими глазами и видела ее черно-белой и одномерной. Но бельские дела — это был настоящий цветной фильм, да еще и стерео! Как я и полагала, подлинная живая Россия все же существовала за мрачным сталинским фасадом. Там были сложные человеческие характеры, люди из плоти и крови, которые в самый разгар *Больших чисток* жили, любили, ненавидели, страдали, жаловались, враждовали и требовали соблюдения своих прав, будто не замечая царившего в стране террора. Они были совсем как те русские из замечательных романов, которые я читала в молодости! Даже сегодня, после более чем десятилетнего опыта работы в архивах Смоленска и Москвы (в последнем случае в рамках международного научного проекта «Трагедия советской деревни»), я могу сказать, что никакой другой источник не оказал на меня такого же влияния, как эти бельские жалобы 1937 года и материалы из собрания документов, который американцы в свое время считали *единственным* «Смоленским архивом». Я и не подозревала, что мне доступна лишь очень малая его часть, а основная часть ожидает меня в Смоленске! Разумеется, такого рода материалы можно найти в архивах сталинского времени, доступ к которым сейчас открыт, и это стало обычным делом, однако сила их воздействие приглушена и ослаблена, потому что такие материалы, как правило, беспорядочно разбросаны по разным делам, а расследования жалоб и стенограммы заседаний попадают, увы, очень редко.

То, что я нашла в бельских делах, в корне отличалось от изложения советской истории как американскими, так и советскими авторами. В очередной раз я рассказала всю историю так, как она мне открылась, и отказалась подгонять сложные, живые бельские материалы под политически корректную, но надуманную схему тогдашней советологии в Америке. В 1937 году, в разгар больших чисток, в основе всех жалоб бельских крестьян был «недостаток колхозной демократии». Именно так я и говорила в своих выступлениях и статьях под крики «Как вы смеете!», которые сопровождали меня повсюду на протяжении нескольких лет.

Довольно скоро в *The Russian Review* появилась статья Шейлы Фицпатрик, которая назвала нас — Арча, Билла, Линн Виолу, Хирояки Куромия и меня — «молодыми ревизионистами»¹³. Шейла намеревалась похвалить наши исследования как новаторские и интересные, но в такой интеллектуально застойной области, какой была американская советология в те времена, произносить термин «ревизионизм» было все равно, что размахивать красным флагом перед

разъяренным быком. Работы, которые мы, «ревизионисты», даже еще не успели напечатать, подверглись разгромной критике со стороны самых разных людей, которые, даже не прочитав их, не стеснялись высказывать свое негодование при одной только мысли о новом, нетрадиционном научном направлении¹⁴.

Редактор журнала Дэниел Филд был настолько потрясен тоном этой критики, что предложил нам написать им ответ, а сам при редактировании вычеркнул наиболее возмутительные обвинения, выдвигаемые против нас, как, например, утверждение, что мы «вычеркиваем из советской истории газовые камеры!» Самое худшее случилось в 1985 году, на совместной конференции Американской ассоциации содействия славянским исследованиям и Международного совета по центрально- и восточноевропейским исследованиям¹⁵, которая проходила в Вашингтоне (округ Колумбия), где я выступила на заседании рабочей группы по Большим чисткам наряду с Арчем, Биллом и куда более «скандальным» французским ревизионистом Габором Риттерспорном. Председатель и комментатор рабочей группы, весьма заслуженный пожилой ученый, в знак протеста покинул свой пост. Он встал у входа в зал и сообщал всем входившим, что наши доклады лишили его дара речи. Заседание привлекло дополнительную аудиторию, которая, казалось, готова была ожидать от нас самого худшего. В обсуждении, состоявшемся после докладов, одна истеричная (русская) эмигрантка настолько нарушала порядок заседания, что, в конце концов, явилась охрана и насильно вывела ее!

Вскоре в России стали предоставлять открытый доступ к различным документам. Я отправилась в Россию в 1989 году, а потом приезжала туда ежегодно с целью изучения новых рассекреченных документов советского периода. В последние годы мои поездки в Россию были связаны с международным проектом «Трагедия советской деревни», который был организован с целью публикации недавно рассекреченных документов по истории советской деревни периода 1927—1939 годов, в том числе материалов из Центрального архива ФСБ (бывшего КГБ), чтобы сделать их доступными для ученых всего мира. Все свободное время я проводила в Смоленске, где у меня была подготовлена база для работы¹⁶.

В 1991 году я совершила первую из целого ряда поездок в Смоленск и вскоре полюбила этот очаровательный провинциальный центр, в котором проживает полмиллиона сердечных и дружелюбных людей. Город построен в традиционном имперском стиле; Кремль XVI—XVII веков — самый большой в России. В центре города расположен парк с аттракционами и десятки интересных, часто

уникальных музеев, картинных галерей и церквей. В Смоленске много чудесных парков, где жители и приезжие гуляют по вечерам среди памятников выдающимся жителям Смоленска, например архитектору Смоленского кремля, полководцам войны 1812 года, композитору Михаилу Глинке и поэту Александру Твардовскому, который изображен в военной форме периода Второй мировой войны слушающим рассказы своего героя, крестьянина-солдата Ивана Теркина. В разных местах города расположены многочисленные братские могилы с останками жертв зверств, чинившихся во время немецкой оккупации.

Смоленск живет бурной культурной жизнью, которую в Америке можно встретить лишь в гораздо более крупных городах. В городе есть первоклассный театр, а Музыкальный фестиваль имени Глинки, проходящий ежегодно в июне, привлекает посетителей со всего мира. Неподдалеку расположено Талашкино, бывшее имение княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, которая организовала прославившуюся на весь мир колонию художников, где зарождалась модернистская культура. Здесь же Стравинский написал свой лавший каноны балет «Весна священная», вдохновленный крестьянскими народными ансамблями княгини и ее знаменитым собранием народного искусства, которое в 1907 году было выставлено в Лувре и до сих пор экспонируется в Талашкине. В Смоленске есть также десятки вузов всех мыслимых профилей, в которых учится молодежь из окружающего района размером с Францию. Во всех этих вузах обязательно преподается история, так что в Смоленске, вероятно, больше историков на душу населения, чем в любом другом городе того же размера.

Ту же гостеприимную атмосферу, которая царила в Смоленске, я ощутила в зале краеведения местной библиотеки им. Ленина, Государственном архиве Смоленской области (ГАСО) и бывшем местном партийном архиве (ныне ЦДНИСО), где хранятся материалы, которые невозможно найти в бывшем Центральном партийном архиве в Москве (ныне РГАСПИ), поскольку там нет материалов районного уровня, т.е. уровня власти, наиболее приближенной к народу, и потому представляющих наибольший интерес для специалиста по социальной истории. В смоленских архивах работать гораздо проще, чем в московских архивах. Государственные и партийные архивы Смоленска не закрываются на лето, в то время как московские архивы в 1990-е годы работали по нерегулярному расписанию и, как правило, оказывались закрытыми именно в тот момент, когда вы прибывали в Россию для проведения научных исследований. В смоленских архивах тебе выдают неограниченное количество документов

сразу же после подачи требования. Там не приходится ждать несколько дней, как в Москве, где к тому же выдают через день не больше трех дел одновременно. Архивы в Смоленске также не устанавливают ограничений на количество заказываемых ксерокопий и микрофильмов; цены разумные, и оплачивать услуги можно банковским переводом! Московским архивистам еще предстоит узнать о такой услуге, как банковский перевод! В первое время смоленские архивисты были так рады, что их материалами пользуются иностранные ученые, что угощали нас чаем и сладостями. К сожалению, это закончилось после обвала российской экономики при Б. Ельцине.

Мне удалось дважды посетить архив Управления ФСБ по Смоленской области. Как и его московский аналог, смоленский архив ФСБ размещается в действующем отделении милиции, которое находится, естественно, на улице Дзержинского. Здесь я работала в окружении супружеских пар, пришедших для оформления развода, рыдающих жен и матерей алкоголиков, арестованных прошлым вечером, а также нескончаемого потока пожилых людей, старавшихся *доказать*, что они были жертвами сталинизма и имеют право получать более высокую пенсию. Какая сюрреалистическая картина для историка сталинского террора! В первый мой приход мне было сказано, что Управление ФСБ по Смоленской области не располагает той информацией, которую я ищу! В следующий раз я пришла, вооруженная письмом от директора Центрального архива ФСБ в Москве с просьбой к смоленскому филиалу разрешить мне там работать. У меня был список сотен жертв Больших чисток, составленный на основе данных, предоставленных архивами США и Смоленска. Руководитель архива Управления ФСБ по Смоленской области принес мне досье на лиц, арестованных в ходе Больших чисток. Большая часть страниц в них была изолирована конвертами из оберточной бумаги с надетыми на них скрепками с целью помешать мне читать тексты допросов. То, что я смогла прочесть, было одновременно и смешно и ужасно. А как еще можно было воспринимать дело деревенского священника, арестованного за то, что он убеждал крестьян давать на церковь, а не на заем обороны, и был расстрелян за «контрреволюционную агитацию», но реабилитирован областным судом в 1950-е годы за отсутствием доказательств? А что можно сказать о бедных солдатах армии Тухачевского, которых направили в Польшу в 1920 году, где их взяли в плен поляки, а через несколько лет после возвращения домой их казнили как «польских шпионов»? В конце каждого рабочего дня мне приходилось представлять свои записи руководителю местного архива ФСБ, который тщательно

проверял их на наличие имен сотрудников НКВД и, когда находил, вымарывал их, говоря: «Они же были простыми деревенскими парнями, которым сказали, что они борются с настоящими врагами. Они считали, что поступают правильно. Мы не хотим ставить в неловкое положение их родственников и потомков!»

Вскоре я познакомилась с некоторыми из многочисленных смоленских историков. Вначале это были представители старшего поколения, например старший смоленский архивист М.Н. Наумов и один из лучших учеников П.А. Зайончковского Д.И. Будаев, который сделал кафедру истории в местном пединституте одной из лучших провинциальных кафедр в России. Затем я познакомилась с местным историком-диссидентом Валентином Афанасьевым, который раньше преподавал в Высшей партийной школе (!), а сейчас ведет консультативный бизнес, помогающий политикам во время избирательных компаний, и его жизнерадостной женой Наташей Стародворцевой, историком, администратором вуза, а ныне доктором наук. Валентин и Наташа спасли меня от спекулянтов, которые обосновались в центральной гостинице «Смоленск» и шумными застольями не давали мне спать по ночам. Они великодушно пригласили меня остановиться у них в доме. Скоро я уже ездила по российской сельской глубинке на открытом автомобиле молдавского производства, принадлежащем Валентину, и работала на их новом приусадебном участке, который они приобрели, как только Горбачев позволил распоряжаться землей всем, кто желал работать на ней. К тому времени продукты почти совсем исчезли с прилавков смоленских магазинов, и участок земли был необходим, чтобы выжить.

Мы побывали в гостях у младшего брата великого русского поэта Александра Твардовского. Иван Твардовский и его жена Тина познакомились в 1930-е годы в Нижнем Тагиле на танцах, организованных для высланной кулацкой молодежи, и по прошествии шестидесяти лет все еще безумно любили друг друга¹⁷.

Позже, я вместе с Евгением Кодиным и Линн Виолой навестила их. Я привезла Тине лекарство от глаукомы, а Линн смогла услышать рассказ о депортации кулаков из уст самих «кулаков». Кроме того, Валентин и Наташа привезли меня в Катинский лес, чтобы показать могилы польских офицеров, расстрелянных Сталиным, и расположенный неподалеку бункер Гитлера, где фашистский диктатор скрывался от налетов советской авиации во время посещения полей сражения Второй мировой войны. В те времена власти все еще старались запретить людям посещать Катень, и, чтобы попасть туда, нам пришлось перебираться через натянутую КГБ колючую проволоку, стараясь при этом не наступать на прелестных зеленых

лягушат, скакавших по дорожкам густого, малопосещаемого и жуткого леса. К 2001 году в этом лесу, оказавшемся свидетелем многочисленных смертей, был установлен Катыньский мемориал — первый в России музей-памятник репрессированным XX века. Там находятся массовые захоронения, где покоятся останки не только польских офицеров, расстрелянных Сталиным перед началом Второй мировой войны, но и советских военнопленных, расстрелянных нацистами, а также жертв печально известных массовых операций периода Больших чисток, которые по численности намного превосходят количество захороненных здесь поляков. Сейчас могилы тщательно размечены, а в лесу стоит множество памятников, крестов и часовен, поминающих жертв этих трагедий. Теперь, когда души мертвых, наконец, упокоились в памяти людей, лес перестал издавать злоевищий ропот. Сегодня имена и биографические данные тех, кто лежит здесь, можно найти в автоматизированной базе данных по репрессированным жителям Смоленска¹⁸.

Составитель базы смоленский историк Евгений Козин — один из самых известных историков и один из наиболее передовых вузовских руководителей в новом Смоленске и в новой России. Профессор истории, ранее заведовавший кафедрой истории и английского языка, а ныне проректор Смоленского государственного педагогического университета (СГПУ), Евгений Козин за последнее десятилетие трижды побывал в Бостоне по программам обмена, где занимался историческими исследованиями. Последняя поездка (по стипендии Фулбрайта) была в Бостонский колледж, где он вместе с университетскими руководителями со всего мира учился в международной аспирантуре по руководству высшим образованием. Каждая его поездка в Бостон завершалась рядом публикаций, которые сделали Евгения Козина ведущим специалистом пост-коммунистической России по проблематике, которую он сам определяет как «американская советология».

Евгений начал с того, что опубликовал на русском языке книгу Мерла Фейнсода «Смоленск под властью Советов»¹⁹. Затем он переработал и опубликовал свою кандидатскую диссертацию по «Смоленскому нарыву», первой сталинской чистке в провинциальной партийной организации (1928 год), в виде микроисторического труда — нового исторического жанра, с которым Евгений познакомился во время пребывания в США²⁰.

Одна из лучших частей этой интересной книги — глава о том, как «Смоленский нарыв» отразился на Смоленском педагогическом институте, ставшим впоследствии Смоленским государственным педагогическим университетом. Вслед за тем он перевел мою книгу

«Бельский район: 1937 год»²¹ с целью познакомить своих студентов с еще одним примером микроисторического исследования и показать им, как можно использовать в научных целях типичный архивный материал.

Сразу за этим последовал труд «“Смоленский архив” и американская советология»²², которую многие считают докторской диссертацией и шедевром Евгения Кодина. В прежних советских и российских работах, посвященных американской науке, ученых США называли «буржуазными фальсификаторами», либо, наоборот, воспринимали американскую научную мысль догматически, как истину в последней инстанции. Евгений Козин был первым российским ученым, который стал серьезно изучать американские исследования России и на их примере показывать, как научные представления могут меняться с течением времени, и как разные ученые могут, рассматривая один и тот же источник, делать разные выводы. Несколько лет спустя, после очередной поездки в США, Евгений Козин написал монографию по еще одному известному произведению американской советологии «Гарвардскому проекту опроса эмигрантов»²³, в которой он подвергает анализу организацию и результаты проекта, а также взгляды бывших советских граждан (или невозвращенцев, как он их называет) довоенного сталинского периода, с целью показать сегодняшним россиянам, что именно они могут извлечь из проекта пятидесятилетней давности.

Одновременно Евгений Козин с помощью коллег сумел превратить Смоленский педагогический институт в полноценный университет — СГПУ, или Смоленский государственный педагогический университет, который получает право присваивать собственные кандидатские степени, в то время как раньше для обучения в аспирантуре студентам приходилось ехать в Москву или Ленинград. Он также открыл ряд новых кафедр, что позволило дать студентам, которые раньше получали специальность сельского учителя, знания, соответствующие требованиям современной России (например, изобразительное искусство, журналистика, компьютерные технологии и издательское дело).

Евгений Козин также сумел организовать самую необычную конференцию, на какой я когда-либо присутствовала: международную конференцию «Сталинизм в российской провинции: смоленские архивные документы в прочтении иностранных и российских историков»²⁴, и которая привлекла ученых из Смоленска, Москвы, США, Канады и Беларуси. Это была очередная попытка Евгения Кодина познакомить местных ученых с работой их московских и американских коллег. Одни смоленские участники делали доклады о новых

исследованиях, выступления же других строились на их докторских диссертациях, которые много лет пылились на полках. Большинство из них пересмотрели темы своих выступлений в свете последующих событий, но был один доклад, тема которого осталась неизменной: «Конституция 1937 года: самая демократичная в мире». Он был прочитан между двумя докладами о Больших чистках, вызвав изумление у московских участников!

Конференция закончилась ставшим уже традиционным посещением Катыньского мемориала. Затем был банкет в близлежащем совхозе, где перед сидящими за ломящимися от яств столами открывался вид на берега Днепра — места, по которым двигался Наполеон на пути в Москву. Все это очень напоминало сцену из фильма сталинских времен «Кубанские казаки». Страдая от туч назойливых комаров, подкрепляясь обильными возлияниями, мы распевали русские народные песни, и все наши разногласия исчезали, в то время как державшиеся особняком москвичи, ощутившие ностальгию по коммунистическим временам, затевали споры друг с другом. Между тем ученый из МГУ (руководитель докторской диссертации Кодина), с нежностью вспоминая военную службу в Восточной Германии, поддался уговорам директора минского архива ФСБ и нагишом полез купаться в Днепр! За одним столом с нами сидели заместитель председателя колхоза и его жена, оба турки-месхетинцы, которые бежали от этнических конфликтов в Средней Азии. Они нашли убежище в смоленском колхозе, пережившем падение коммунизма и попытки Б. Ельцина приватизировать сельское хозяйство.

Последнее из моих многочисленных приключений в Смоленске с Евгением Коудиным и его семьей — женой Наташей, которая работает методистом по преподаванию истории в государственных школах Смоленска, и его дочерьми Ольгой и Аней — произошло несколько лет спустя, когда мы въехали в лес в поисках «тайных озер» и застряли в грязи. После того как мы потратили, кажется, несколько часов, пытаясь толкать и тянуть нашу машину, вдруг, откуда ни возьмись, появился бронированный автомобиль, который и вытащил нас! Нашим спасителем оказалась фельдъегерская почта — двухсотлетнее российское учреждение, основанное в 1801 году Императором Павлом I для доставки секретной правительственной корреспонденции! Она пережила царизм, коммунизм, а теперь и посткоммунизм, и сейчас перевозит секретные документы не только правительства, но и новых российских олигархов. Фельдъегерская почта, купание нагишом и гонимые турки-месхетинцы, мирно живущие рядом с русскими в смоленских колхозах, которые должны были же

перестать существовать! Где еще, кроме России, можно встретить такие чудеса, которые делают Россию столь неотразимой!

¹ Wolfe B.D. *Three Who Made a Revolution: a Biographical History*. N.Y., 1964.

² Программа обменов сейчас обозначается инициалами курирующего ее учреждения: IREX (International Research & Exchanges Board) — Совет по международным исследованиям и обменам.

³ Мои выводы были такими же, как в статье, опубликованной два десятилетия спустя Уильямом Розенбергом, который пользовался теми же источниками: Rosenberg W.G. *The zemstvo in 1917 and its Fate under Bolshevik Rule // The Zemstvo in Russia: an Experiment in Local Self-Government*. L.; N.Y.: Cambridge University Press, 1982. P. 383—422.

⁴ Haimson L. *Social Stability in Urban Russia, 1905—1914. Part 1 // Slavic Review*. Vol. 23. № 4. December 1964. P. 619—642; Part 2. Vol. 24. № 1. March 1965. P. 1—22.

⁵ Manning R.Th. *The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government*. Princeton: Princeton University Press, 1982.

⁶ Программа финансируется правительством США и призвана стимулировать трудоустройство женщин и представителей национальных меньшинств. Согласно этой программе, высшие учебные заведения, осуществляющие дискриминацию женщин, испаноговорящих людей и выходцев из Азии, лишаются субсидий и федерального финансирования.

⁷ Бостонский колледж — это университет, находящийся в ведении католического ордена иезуитов.

⁸ Этот вопрос был задан студентами Мэри Дейли, которая в то время считалась самой известной из теологов Бостонского колледжа. Бывшая монахиня, которая вышла из своего ордена, чтобы стать радикальной феминисткой и воинствующей вегетарианкой, она считала, что Божество является женщиной, а не мужчиной, и что дискриминация женщин вызывается количеством потребляемого животного белка. Daly M. *The Church and the Second Sex*. N.Y.: Harper & Row, 1968; Daly M. *Beyond God the Father*. Boston: Beacon Press, 1973.

⁹ Хаимсон и Раефф, мои преподаватели истории в Колумбийской университете, были добрыми российскими интеллигентами и светскими людьми, которые не слишком много рассказывали нам о Русской православной церкви. Но некоторые мои студенты в Бостонском колледже не изучали в средней школе ничего, кроме истории церкви, и ожидали, что церковь будет занимать видное место в курсе истории!

¹⁰ Getty J.A. *The Origins of the Great Purges: the Soviet Communist Party Reconsidered, 1933—1938*. L.; N.Y.: Cambridge University Press, 1985.

¹¹ Chase W.J. *Workers, Society and the Soviet State: Labor and Life in Moscow, 1918—1929*. Urbana: University of Illinois, 1987.

¹² Маннинг Р.Т. Бельский район, 1937 год. Смоленск: СГПУ, 1998; Manning R.T. *Government in the Soviet Countryside in the Stalinist Thirties: the Case of Belyi Raion in 1937 // The Carl Beck Papers in Russian and Eastern European*

Studies Paper. № 301. 1984; Manning R.T. The Great Purges in a Rural District: Belyi Raion Revisited // *Stalinist Terror: New Perspectives*. Cambridge N.Y.: Cambridge University Press, 1992. P. 168—197; and Manning R.T. Peasants and the Party: Rural Administration in the Soviet Countryside on the Eve of World War II // *Essays on Revolutionary Culture and Stalinism*. Columbus, OH: Slavica Publishers, 1990. P. 224—244. Книга о Бельском районе все еще не вышла на английском языке, потому что она очень долго была в печати вначале в Твери, а потом в Смоленске, в тот период, когда издание научной литературы в России развалилось, а затем медленно восстанавливалось. К тому времени, когда книга вышла в России, ее уже нужно было перерабатывать в свете моих последующих изысканий, и к тому же я была занята в других проектах.

¹³ Fitzpatrick S. New Perspectives on Stalinism // *The Russian Review*. Vol. 45. № 4. October 1986. P. 357—374.

¹⁴ Эта дискуссия отражена в двух выпусках журнала *Russian Review*: Cohen S.F. Stalin's Terror as Social History. P. 375—384; Eley G. History with Politics Left Out — Again? P. 385—394; Kenez P. Stalinism as Humdrum Politics. P. 395—400; Meyer A.G. Coming to Terms with the Past — And with One's Older Colleagues. P. 401—408; Fitzpatrick S. Afterward Revisionism Revisited. P. 409—414; Brower D.R. Stalinism and «The View from Below»; Chase W.J. Social History and Revisionism of the Stalin Era; Conquest R. Revisionizing Stalin's Russia. P. 386—390; Getty J.A. State, Society and Superstition. P. 391—396; Hough J.F. The «Dark Forces», the Totalitarian Model and Soviet History; Kuromiya H. Stalinism and Historical Research. P. 404—406; Manning R.T. State and Society in Stalinist Russia. P. 407—411; Nove A. Stalinism: Revisionism Reconsidered. P. 412—417; Rittersporn G.T. History, Commemoration and Hectoring Rhetoric. P. 418—424; Tucker R.C. The Stalin Period as a Historical Problem. P. 424—427; Viola L. In Search of Young Revisionists. P. 428—431.

¹⁵ AAASS (American Association for the Advancement of Slavic Studies) — Американская ассоциация содействия развитию славистики), а ICCEES (International Council for Central and East European Studies) — Международный совет по центрально- и восточноевропейским исследованиям.

¹⁶ Результатом явились пять увесистых томов, в которых напечатаны ранее недоступные материалы: Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в пяти томах / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг и Л. Виолы. Т. I—V. Кн. 1. 1937. М.: РОССПЭН, 1999—2004.

¹⁷ Пока Александра Твардовского прославляли как одного из величайших писателей России, всю его семью раскулачили, потому что его отец, бывший донбасский шахтер, который построил кузницу, чтобы прокормить свою большую семью, считался кулаком. Иван, верный младший сын, который остался дома, чтобы помогать родителям, провел почти тридцать лет в ссылке, тюрьме и лагерях для военнопленных. Он провел нас в расположенный неподалеку родительский дом Твардовских, объединенный с кузницей, который он превратил в памятник-музей своему знаменитому брату. Там он показал нам самое дорогое, чем владела семья: потрепанные книги Толстого, которые его отец читал детям вечерами, а Иван увез с собой в ссылку, тюрьму и на войну.

¹⁸ База данных была создана в сотрудничестве со Смоленским обществом «Мемориал» и всеми местными архивами, в том числе архивом ФСБ. Она была создана под руководством Евгения Кодина в вычислительном центре Смоленского государственного педагогического университета (СГПУ). База данных доступна через официальный вебсайт Смоленской области (на русском и английском): <http://www.Smolensk.ru>. Щелкнуть по слову «история», затем по фразе «электронная картотека жертв политических репрессий Смоленской области, 1917—1953 гг.». На веб-сайте Смоленской области под словом «история» также имеется отсылка к сайту Катыньского мемориала с картами и фотографиями памятника. Там были расстреляны и похоронены 4 234 из 15 000 польских офицеров, убитых Сталиным; могилы остальных находятся в Украине и других местах. («Массовое убийство в Катыньском лесу», в кн.: «Смоленщина на страницах американской исторической литературы» / Под ред. Е.В. Кодина, М. Хики. Смоленск: СГПУ, 2000. С. 361.) Эти данные приведены в докладе Палаты представителей Конгресса США, переведенного Евгением Коудиным.

¹⁹ Фейнсод М. Смоленск под властью Советов. Смоленск: Траст-Имаком, 1995.

²⁰ Козин Е.В. Смоленский нарыв. Смоленск: Изд. Смирнова, 1995.

²¹ Маннинг Р.Т. Бельский район, 1937 год. Смоленск: СГПУ, 1998.

²² Козин Е.В. «Смоленский архив» и американская советология. Смоленск: СГПУ, 1998.

²³ Козин Е.В. Гарвардский проект. М.: РОССПЭН, 2003.

²⁴ Козин Е.В. Сталинизм в российской провинции: смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков / Под ред. Е.В. Кодина. Смоленск: СГПУ, 1999.

Adventures in the «Smolensk Archive»: The Confessions of an American Sovietologist

Roberta Thompson Manning

I first encountered the American-held «Smolensk Archive» thirty years or more after Merle Fainsod. By then, I had become a historian of pre-Revolutionary Russia against my will. I entered graduate school at Columbia University's Russian Institute in September 1962 at the height of the Cold War. Before I was on campus for long, New York City was plastered over with neon yellow placards with nuclear symbols that directed passersby to the nearest bomb shelter, which turned out to be nothing more than the nearest basement. Whoever installed the signs in my dormitory had a sense of humor as the arrows ended up pointing to the largest dryer in the basement laundry room. Columbia students thought the signs were a joke. But the sign maker evidently knew something that we did not.

In October, a grim faced President Kennedy suddenly appeared on television and announced that the Soviets were installing nuclear missiles in Cuba, capable of striking most of the United States. Everyone figured that New York City was Target Number One. The campus filled up with cranks — hell and brimstone preachers asking us to repent before it was too late and scruffy looking Communists who carried ladders and climbed them to attract a crowd. They told us that capitalism and Kennedy, not Khrushchev, caused the crisis. I waited on pins and needles for the bombs to fall and jumped out of my skin every time aircraft flew overhead, convinced these were my last hours. Then suddenly it was all over. The Soviet ships carrying armaments to Cuba turned around! For many years thereafter, I sometimes wondered if I hadn't died back then in the nuclear holocaust and that what I thought was my life was just «the rest of my life» flashing before my eyes.

When things settled down, I realized that I did not belong at the Russian Institute. I was not Russian, Ukrainian, Polish, a graduate of the Army Language School, or a member of the US Armed Forces in uniform. I wasn't even an Armenian like Ron Suny. I was female — one of two — in an entering class of two dozen — and a fourth generation Texan to boot. Everyone else came from the East Coast or the Mid-West. Students constantly made remarks about my Southern accent and were as-

tonished that I had never before taken any courses in Russian Studies since my undergraduate school — Rice University — then offered none. What meager Russian I knew, I had learned in an easy language course for athletes given by the university tennis coach, the former tennis coach at the pre-revolutionary St. Petersburg Tennis Club whose students included the Grand Dukes. When I took my first colloquium from Mark Raeff, who assigned a hefty set of 18th century memoirs a week, I found perilously few familiar Russian words per page swimming about in a sea of pre-revolutionary hieroglyphics and archaic syntax and spellings. I survived through sheer determination and because my training in history at Rice was excellent. But this proved a mixed blessing in this strange new world of American Sovietology.

Most of the faculty at the Russian Institute were political scientists, model builders and/or embittered emigrants who actively disliked the Soviet Union and firmly believed that everything worth knowing about that dismal land was already known. They did not encourage students to question established views much less seek new answers. To be sure, there were a few bright lights — the required courses in Russian literature, Marc Raeff, the marvelous Aleksander Erlich, who almost made an economist out of me, and John Hazard, who entertained his classes with tales of attending Soviet law school in the 1930s and provided us with source books on Khrushchev's legal reforms that I still draw upon for my lectures. But all my teachers insisted that I could not study what I came to Columbia to study — Soviet history — as «no reliable sources» on the subject existed since all were Communist! If I wanted to remain in Soviet studies, I would have to become a political scientist — a discipline that I soon detested — or a specialist on pre-revolutionary Russia. I was baffled, trained as I was at Rice University by Francis Lowenheim in the rigors of German historicism and the arts of critical reading and source analysis and well aware from my own life that no two human beings ever viewed the same event identically.

Khrushchev's Thaw was at its height, but the contemporary courses at the Russian Institute, save Hazard's, managed to avoid what was actually happening in the USSR. To be sure, we read Khrushchev's Secret Speech to prepare us for the Institute language exam. But in our contemporary politics class, a professor who would later become a National Security Adviser to a US President discussed at length Khrushchev's angry outburst at the modern art exhibition in the Manege but managed to say nothing at all about the Secret Speech, the release of prisoners from the gulag, and the marvelous *shestidesiatniki*, the Soviet people of the Sixties. I first learned of *shestidesiatniki* from James Billington, who was invited to speak at the Russian Institute on his way back from Khrushchev's new

US-USSR exchange program. He told us about the «exciting» new cultural atmosphere in Moscow. «Exciting» was a word that I never before heard applied to the USSR. I was intrigued. But when the talk ended, an ancient Bernard Wolfe¹, whose book *Three Who Made a Revolution*

I greatly admired, got up and insisted that «young Billington» was naive and did not understand what he saw in the USSR. «The Soviet Union», he said, «is a totalitarian dictatorship incapable of change!»

How on earth did someone like me, who had always questioned everything, end up in a dogmatic field of study like this? Well, I got hooked on Russia early on. I tell new students, to watch out. For some people, Russia is like salty peanuts or potato chips — you can never get enough. So it was with me. Russia was everywhere in the 1950s, even in Texas. Russia filled the newspapers with stories so uniformly negative I couldn't help but wonder if they were really true. I discovered the Russian literary classics and they overwhelmed everything else I read, with their insights into the human soul and the human condition. Only Russians seemed as crazy, complex, and as dysfunctional as my large oddball Irish-American family with all its eccentrics, recluses, rival political dynasties and skeletons spilling out of the closets everywhere like crazy. Unlike everyone else I knew, but like the Russians in those novels, our family scandals and secrets were public, discussed openly with everyone all the time. Of course, the Russians in those novels weren't at all like those in the newspapers and that intrigued me too.

Cold War images of Russian women began to fascinate me. There they were in the newspaper every day — photograph after photograph of pudgy, drably dressed Russian women WORKING, usually at manual and menial tasks with an occasional woman scientist thrown in. These images were propaganda photos, designed to offend and repel most Americans in the 1950s when the Feminine Mystique reigned unchallenged and women stayed in the home doing nothing and often going crazy. But those propaganda photos fascinated me. You see, I was a plump girl who dreamed of being a scientist. But my Mother was a Southern Belle who was bent and determined to make a proper lady out of me. But ladies were not fun. They did not live interesting lives. They were not allowed to think or work. They were not even allowed to eat, as they had to be slender to attract beaux, their only mission in life. So my Mother was everywhere, regulating my diet, taking away my books and insisting that I go shopping with her instead. At registration time, she filled my high school schedule with courses in home economics to prepare me for my inevitable fate. But I always managed to pick up another registration form at school and registered for advanced physics, chemis-

try, pre-calculus and NO home economics instead, as my Dad, who encouraged my ambitions, signed my schedule behind my Mother's back.

I did NOT want to be a Southern Belle, because the Southern ladies I knew were bored out of their minds once the courting was over. They took to drink for consolation but were careful to drink only after four o'clock to show that they were NOT alcoholics. Many went crazy from staying at home and doing nothing. This happened even to my lovely, charming Mother. I nursed her through nervous breakdown after nervous breakdown, while dreaming of fat Russian women who worked, did what they wished, and were free. Since they supported themselves, I assumed, they could eat whatever they wanted to. Men weren't in the pictures because the women obviously did not want them there! Little did I know that the Russian women in these photos were fat and worked because they were poor and needed to support their families. They did without men, not because they were feminists and chose to so, but because the men they might have married perished in the very worse war ever. My role models had experienced horrors I couldn't even imagine. I did not know what THE WAR — World War II to us — meant to Russia until I went to Leningrad on «the Exchange»² to do my dissertation research and found THE WAR and THE BLOCKADE everywhere, dominating the psyches of Leningraders more than a quarter century later. My teachers at Columbia never taught us anything about THE WAR in Russia. It was one of many things we had to learn for ourselves on the Exchange.

Cold War propaganda photos of working Russian women provided me with role models. But it was the Soviet Sputnik — the first one — the world's first man-made satellite, launched in orbit in 1957 on the 40th anniversary of the October Revolution that prompted me to become a Soviet historian. Sputnik came as a total shock to the United States, for it showed that the USSR could do something that we couldn't do for another whole year. Panic over Russian scientific prowess swept the nation. Soviet space success was attributed to their education system that stressed the natural sciences and encouraged girls as well as boys to become scientists. Over night it became a good thing for girls to aspire to be scientists, even in the backwaters of Corpus Christi, Texas, my hometown. The local newspaper sent a reporter out to the high schools to see if we had any budding woman scientists to show those Russians up. He discovered me, the only girl enrolled in advanced science and math classes in town! I was called to the Principal's Office to meet the press. Only yesterday the school oddball, I was now regarded a patriotic soul who would save America by designing weapon systems to destroy those awful Russians. I was horrified and outraged. No one in my hometown save my father thought it was OK for me to study science to satisfy my own curiosity

and ambition and escape my mother's fate. But now suddenly it was OK to do what I wanted to do IF AND ONLY IF I used my skills to develop weapons to kill other people on the other side of the world who had done nothing to me except to inspire me with their literature and encourage me to think women could aspire to more than mere housewifery. So I made the decision that shaped my life. I told the reporter, «I'm not planning to become a scientist. I am going to be a Soviet historian». Needless to say, this decision of my lifetime did not make the local press. But I never looked back not even when the only college that I applied to, selected in an earlier phase of my life, turned out to teach lots of science but no Soviet studies.

The stubbornness that inspired me to enter Soviet Studies kept me at Cold War Columbia for three semesters, trying valiantly to become a Soviet historian against the advice of my instructors. I finally threw in the towel after taking a Seminar designed to help us choose the topics for our Master's Essay. The instructor, a genial man who had once taught 17th Century British history at Yale, had somehow had managed to become a Soviet historian during World War II through the back door by learning Russian and joining the OSS — the Office of Strategic Services, the CIA's predecessor. I hoped he might be able to show me how to do the same, without having to go through the OSS's far more inept successor, the CIA, where students who did not meet Columbia standards for research and academic careers were routinely routed, to the detriment of the nation's intelligence gathering.

My earlier classes had interested me in the fate of the *zemstvos*, local institutions of self-government that all my instructors told me, had done so much good for the Russian people before the Revolution. But the *zemstvos* disappeared completely from the history books after 1916. That intrigued me. What happened to them? I decided to find out by reading the contemporary Russian press of all the major political parties in 1917, drawing on Columbia's excellent collection, which was rapidly falling apart unread. I discovered that the *zemstvos* were not as democratic as my instructors maintained, since the election system was heavily skewed towards the landed gentry and disenfranchised the far more numerous peasantry, a group that already fascinated me. After the February Revolution, the Provisional Government democratized the *zemstvos*, and the old conservatives and liberals who had led them earlier were voted out of office and replaced by all sorts of socialists, including Communists³. At the end of the semester, I presented my research to the seminar.

My classmates were discomfited by my report, which contradicted prevailing views of «the democratic *zemstvos*». The instructor expressed his doubts about the accuracy and validity of my research. «Communists

do not win elections», he said dogmatically, overlooking our NATO allies, France and Italy, where local 30—40% of the legislators were Communists who also controlled most city councils.

I left Columbia the next week in disgust and traveled around Europe for a couple of years. I finally got to Russia at the end of 1965 not too long after Khrushchev's fall from power. I was shocked by the poverty and wondered why we couldn't find ourselves an enemy more worthy of us. But then I stood with hundreds of poorly clothed and poorly shod Russians in line for four hours in the bitter January cold ankle deep in snow and slush to see the treasures of the Hermitage and realized that Russians lived «not by bread alone». I was also astonished to see that graffiti was everywhere you looked in this «totalitarian nation» at the end of the Cold War crisis years. The form it took was a single word: «PEACE», which was hand scrawled on fences, walls, and restroom stalls. «Peace» paradoxically was also the most common graffiti found at Columbia too when I returned there a couple of years later at the height of the Vietnam War.

I returned to Columbia a complete cynic in so far as Russian Studies were concerned, determined to finish my MA degree as fast as possible and find a job in «a working class junior college», where I could devote my life to making, not studying, revolution. But the Columbia I returned to in 1967 was an entirely different place. Military personnel in uniform had disappeared from the campus; they no longer felt welcome because of the war and the draft. Young men grew their hair long; androgyny was the rage and nonconformity was the style. Women now comprised 40% of the students in graduate classes. And most astonishingly, the once quiescent campus was dominated by the New Left Students for a Democratic Society, which soon led the first major US campus revolt against the Vietnam War, kidnapping a Dean, occupying buildings and halting all university functions at final exam time. For another two years, no one took final examinations spring semester, since all American colleges of any repute and many high schools emulated Columbia and went out on «strike» against the war.

Russian Studies too had changed. The faculty now included the noted Revisionist historian Leopold Haimson, whose famous 1964 *Slavic Review* articles on social stability in urban Russia had scandalized many because he «dared» to say what his research showed — that the Bolsheviks had working class support that was growing even before the outbreak of the First World War⁴.

Haimson's Colloquium and then Seminar on «the Russian Pre-Revolution» was packed with students and rapidly turned into an ideological proving ground for the New Left as supporters of every single pre-

revolutionary Russian political party had its own representative among the students. Rightists, liberals, all sorts of socialists — Bolsheviks, Mensheviks, Bundists, and Social Revolutionaries — contended with one another once again. One member of the class, inspired by the People's Will, was arrested near the campus with a home-made bomb that the police fortunately thought was narcotics. Haimson's Research Assistant — our main stream «SR» Steve Hallowell — went to Cambodia to negotiate with the Vietcong on behalf of SDS and afterwards was assigned his own FBI agent who dutifully followed him about the campus. Today he is a Wall Street stockbroker!

By the end of my first semester back, I had enlisted in Leopold Haimson's crusade to revise the history of the Russian Pre-Revolution. Haimson knew students needed encouragement and to feel that their research was important so he inspired us by reassuring us. The result was my dissertation and then first book, *The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government*⁵.

I still planned to become a Soviet historian, but I had figured out once I had a Ph.D., I could do whatever I wanted. The opportunity to «do Soviet history», however, came sooner than expected. After I defended my dissertation, there were two positions in Russian history open in the entire country, both in Soviet History and both in Boston. Affirmative Action was in force and women professors were in demand. Besides there were precious few job hunters of either gender who were then marketing themselves as Soviet historians much less who also claimed, as I did, that I could teach courses in Russian women's history, a subject that I had never studied but which was then in considerable demand on the job market⁶. Since Russian women had made me a Russianist, I had few qualms about making such claims. So Nina Tumarkin got the job at Wellesley, and I went to Boston College with considerable trepidations about working for Jesuits⁷.

I needn't have worried. BC turned out to be the best place around to do Russian/Soviet history. The BC History Department's new Ph.D. program at its onset attracted the best and most successful group of graduate students that it has ever had. In Russian history alone, there was Chester Dunning, an early modernist, who was already working on a dissertation nominally under the direction of a BC faculty member but really directed by the able Edward Keenan at nearby Harvard, and J. Arch Getty and William J. Chase, who wanted to study Soviet history and whose presence at BC had created my position! Needless to say, Arch Getty, Bill Chase and I taught ourselves Soviet history together, while in my undergraduate classes, I fended off as best I could strange questions, inspired by Catholic feminist theology and the way history was still taught in

some Catholic high schools, like the amount of animal protein⁸ consumed in various periods of Russian-Soviet history and what the Russian Orthodox Church was doing in whatever time period we were discussing⁹.

I was convinced at the onset that there was no reason why Arch and Bill shouldn't become Soviet historians if they wanted to. So we soon got down to the serious business of selecting dissertation topics and locating sources. Sources paradoxically turned out to be the least of our problems. Bill was interested in labor history and decided to do a dissertation on Moscow workers in the 1920s based on the 1926 census and the local press that would allow him to employ his substantial skills in quantitative methods. Arch was fascinated with Stalin and the Purges but was uncertain exactly how to approach such a topic. I had just read Merle Fainsod's *Smolensk Under Soviet Rule* for the first time to prepare my lectures in Soviet history and suggested that Arch might take a look at the «Smolensk Archive» since the nearby Harvard Library still had a copy. Maybe Fainsod had not exhausted all its possibilities. The result of these endeavors is history — not only two doctoral dissertations but two ground breaking monographs: J. Arch Getty's once controversial but now classic *Origins of the Great Purges: the Soviet Communist Party Reconsidered, 1933—1938*¹⁰, and William J. Chase's *Workers, Society and the Soviet State: Labor and Life in Moscow, 1918—1929*¹¹.

In 1981, with Arch in an Assistant Professorship at the University of California, Riverside, Bill in a similar position at the University of Pittsburgh and *The Crisis of the Old Order in Russia* in press, I decided to take a look at the «Smolensk Archive» myself, beginning with files of peasant complaints that Arch Getty had called to my attention while doing his dissertation. I focused on the complaints from *Belskii raion* in 1937 at the height of Stalin's Terror, because the *Belskii* files contained not just complaints but INVESTIGATIONS OF COMPLAINTS BY PARTY OFFICIALS sent to villages where the complaints had originated. Thus the *Belyi* complaints could be examined in context as the investigators sometimes questioned practically the entire village, providing multiple perspectives on the complaints and complainants, unlike the many complaints that have subsequently been studied totally out of context after Soviet era archives opened up to scholars. I combined my study of the complaints with an examination of the stenographic proceedings of meetings of the 1937 *Belskii raikom*, *raikom* bureau and *raion* party conferences to provide still more context. I had no idea that such stenograms were also not so common, unlike the more curtailed *protokoly*, which merely list the items on the agenda of meeting and the resolutions passed without inclusion of the debate. The result was my conference papers, articles and then book on *Belskii Raion, 1937*¹².

Encountering the «Smolensk Archive» for the first time was the major intellectual experience of my academic career. Hitherto I had seen Soviet history through the eyes of others, black and white and usually very one-dimensional. But the *Belskii* files were living Technicolor and 3-D! The real living Russia did exist after all behind the grim Stalinist facade as I had always suspected! Here were complex flesh and blood human beings, living, loving, hating, suffering, complaining, feuding, and insisting on their human rights, seemingly oblivious to the Terror AT THE VERY HEIGHT OF THE GREAT PURGES. They were just like the Russians in those wonderful novels I read in my youth! Even today, after more than a decade of work in archives in both Smolensk and Moscow — the latter largely under the auspices of the international research project *Tragediia sovetskoi derevni* — I have not encountered a single source that has produced as intense an impact on me as these *Belskii* complaints of 1937 and other materials in what Americans then thought was the «Smolensk Archive». I had no idea that I had access to only a very small part of the archive and the rest was waiting for me in Smolensk! To be sure, some of the same kinds of materials are found throughout other Stalin era archives now that they are open and are even commonplace, but their impact is muted and diluted because such materials are generally scattered about randomly in different files and investigations of complaints and stenograms of meetings are, alas, only too rare.

What I found in the *Belskii* files, however, was not anything like the Soviet history hitherto written by either Soviets or Americans. Once again, I told the story as I found it and refused to force the complex, lively *Belskii* materials into the politically correct but sterile paradigms of what was then American Sovietology. The major complaint of *Belskii* peasants in 1937 at the height of the Great Purges was «the lack of collective farm democracy», and I said so in my presentations and papers to howls of «How dare you!» that followed me everywhere for a number of years.

Before too long, Sheila Fitzpatrick identified Arch, Bill, Lynne Viola, Hiroiaki Kuromiya and me as «young revisionists» in an article published in the journal, *The Russian Review*¹³.

Sheila meant to compliment our work as innovative and interesting, but in an intellectually stagnant field, like US Soviet Studies was back then, the term «revisionism» was like waving a red flag in the face of an angry bull. Works that we «revisionists» hadn't even published yet were subjected to vehement criticism by all sorts of people who had not read them but did not hesitate to vent their outrage at the very thought of new, unconventional scholarship¹⁴.

The journal editor Daniel Field was so shocked by the timbre of the criticisms that he invited us to reply to our critics and edited out the more outrageous of the charges made against us, like the accusation that we were writing «the gas chambers out of Soviet history!» The worse came in 1985 at the joint conference of the AAASS-ICCEES¹⁵ in Washington D.C., when I appeared on a panel on the Great Purges along with Arch, Bill and the much more «outrageous» French revisionist Gabor Rittersporn. The panel chairman and commentator, a highly esteemed senior scholar, resigned in protest. He posted himself outside the conference room door so he could tell everyone entering that the papers had rendered him speechless. The session attracted a spillover crowd who seemed predisposed to expect the very worse of us. In the discussion after the papers, a hysterical emigrant so disrupted the proceedings that hotel security guards arrived and forcibly removed her!

Soon, however, materials began to open up in Russia, I went there in 1989 and then went back almost every year since to explore newly declassified Soviet-era records. In recent years, my visits to Russia have focused on the international project *Tragediia sovetskoi derevni*, established to publish recently declassified documents on the history of the Soviet countryside 1927—1939, including materials from the Central Archive of FSB — the former KGB — to make them available to scholars the world over. Whatever time I could spare from *Tragediia* has been spent in Smolensk, where I was well prepared to work¹⁶.

In 1991, I made the first of a series of trips to Smolensk and soon fell in love with this charming provincial capital with half a million warm and friendly residents, built in traditional imperial style with a 16—17th century Kremlin, Russia's largest, that runs through and around the town along the banks of the Dnieper. The city center contains an amusement park and dozens of interesting, often unique museums, art galleries, and churches as well as a number of lovely parks where townsmen and visitors alike stroll in the evenings amid kiddy rides and monuments to Smolensk's notables, like the architect of the Smolensk Kremlin, the Commanders of the War of 1812, the composer Mikhail Glinka, and the poet Aleksandr Tvardovskii, who is portrayed in his World War II uniform listening to the lively tales of his peasant-soldier protagonist Ivan Tiorkin. Here and there scattered about the town are all too many brotherly graves containing the victims of atrocities committed during the Nazi Occupation.

Smolensk possesses an active cultural life that one encounters only in much larger American cities. Its theater is first-rate, and the annual Glinka Music Festival in June attracts visitors from all over the world. Nearby is Talashkino, Princess Mariia Klavdievna. Tenisheva's world

famous artists' colony, where modernist culture was born and Stravinsky composed his convention-defying ballet *The Rites of Spring*, inspired by the Princess' own peasant folk music ensembles and her noted folk art collection that was exhibited at the Louvre in 1907 and still hangs in Tashkino. In Smolensk, there are also dozens of institutions of higher learning of every kind imaginable, which draw their student bodies from a surrounding area as large as France. All of these require courses in history, so Smolensk probably has more historians per capita than any other community of its size in the world.

I found the same hospitable atmosphere that prevailed in the town in the regional history room of local Lenin Library, the State Archives of Smolensk Oblast (GASO), and the former local Party Archives (now TsDNISO), which contain materials that cannot be found in the former Central Party Archives in Moscow (now RGASPI), where little or nothing at the *raion*-level — the level of government closest to the people and, hence, of greatest interest to me as a social historian — has ever made its way. It is much easier to work in Smolensk archives than in their Moscow counterparts. The state and party archives in Smolensk were (and still are) open all summer, while Moscow archives operated on erratic schedules in the 1990s and were likely to close their doors the moment one arrived in Russia to do research. The Smolensk archives also provide visitors with unlimited amounts of documents immediately upon submitting an order. One does not have to wait around for days as one does in Moscow and then be restricted to only three files every other day. The archives in Smolensk also do not place limits on the quantity of xeroxes and microfilms one can order; prices are reasonable, and you can take copies home with you, and pay for them by bank transfer upon one's return! Moscow archives have yet to learn about bank transfers! Initially Smolensk archivists were so glad that foreign scholars were using their archives that they fed us tea and sweets and let us nibble away while working with documents, a practice that only ended with the hyperinflation and collapse of the Russian economy under Yeltsin.

I've even managed to visit the Smolensk FSB Archive briefly on two occasions. Like its counterpart in Moscow, the Smolensk FSB Archive is located in a functioning police station, situated appropriately on Dzerzhinskii Street. Here I sat amid couples coming in for divorces, wailing wives and mothers of the drunks arrested the night before, and a steady stream of elderly people trying to PROVE that they were victims of Stalinism so they could receive higher pensions — a surrealistic sight for a historian of Stalin's Terror. The first time I was there, I was told that the Smolensk FSB possessed no information on what I was looking for and that was that! Next time I came better armed with a letter from the

Director of the Central Archive of the FSB in Moscow requesting their affiliate in Smolensk let me work there and with a list of hundreds of victims of the Great Purges, culled from state and party archives in both the US and Smolensk. The head of the Smolensk FSB Archive brought me the dossiers of individuals arrested in the mass operations that had most of their pages blocked off by manila envelopes secured by paper clips to make sure I could not read the interrogations. What I could read was both absurd and awful at the same time. How else could one react to the village priest arrested for telling peasants that they should donate to his church, not to the Defense Loan, who was shot for «counterrevolutionary agitation» but was rehabilitated by the Oblast court in the 1950s for lack of evidence of any crime. Or the poor soldiers in Tukhachevsky's Army who went into Poland in 1920, were taken prisoners of war by the Poles, only to be executed as «Polish spies» years after returning home. At the end of each working day, I had to submit my notes to the head of the local FSB archive, who carefully screened them for the names of any NKVD officers and then blackened these out, saying, «They were simple country boys who were told that they were dealing with real enemies. They thought they were doing the right thing. But they came from families that are very good families today who we do not wish to embarrass!»

I soon became acquainted with Smolensk's many historians — first members of the older generation like the senior Smolensk archivist M.N. Naumov and D.I. Budaiev, one of P.A. Zaionchkovskii's best students who made the history department at the local pedagogical institute one of the best provincial history departments in Russia. I then got to know the local dissident historian Valentin Afansiev, who taught at the Higher Party School (!) and now runs a political counseling business that helps local politicians with election campaigns, and his lively wife Natasha Starodvortseva, a historian, college administrator, and now Doctor of Science. Valentin and Natasha rescued me from the black marketers, who had established themselves in my hotel, the centrally located *Gostinitsa* «Smolensk» and kept me awake nights with their carousing. They generously invited me to stay in their home. I soon found myself zipping about the Russian countryside in Valentin's Moldavian roadster and working in their new garden plot, since Gorbachev had made land available to everyone who wanted to work on it. By then food had nearly disappeared from Smolensk stores and a garden was essential for survival.

We visited the younger brother of the great Russian poet Aleksandr Tvardovskii, Ivan Tvardovskii and his wife Tina, who met a dance for deported kulak youth in Nizhnii Tagil in the 1930s and were still madly in love sixty years later¹⁷.

I later visited them again with Evgenii Kodin and Lynne Viola to take Tina glaucoma medicine and let Lynne hear the story of the kulak deportation from living «kulaks».

Valentin and Natasha also took me to the Katyn Forest for the first time to visit the graves of the Polish officers killed by Stalin and Hitler's nearby Bunker, where the German dictator hid from Soviet air raids when he visited the battlefields of World War II. Visitors were still discouraged in Katyn at that time, and to enter one had to crawl over barbed wire, put up by the KGB, while seeking to avoid stepping on all the beautiful little green toads that hopped about the pathways of this dense, rarely visited, and most sinister forest. By 2001, however, the forest that had witnessed so much death became the site of the Katyn Monument, Russia's first monument-museum of the repressed of the terrible 20th Century. Here are mass graves containing not just the Polish officers shot by Stalin on the eve of World War II, but also Soviet POWs shot by the Nazis, and local victims of the notorious mass operations of the Great Purges who far outnumber the Poles. The graves are now carefully marked and the woods now contain many monuments, crosses, and chapels to commemorate the victims of these various killings. The forest has ceased to murmur ominously as it used to do, now that the spirits of the dead are properly remembered. One can now access the names and biographical information on those who lie there in the Computer-Databank of the Smolensk Repressed¹⁸.

The compiler of this database is the Smolensk historian who I have come to know the best, Evgenii Kodin who is one of the most important historians and innovative university administrators in the new Smolensk and the new Russia. A professor of history, then head of the History-English Department, and now the Assistant Rector (or Academic Vice-President) of the Smolensk Pedagogical University (SGPU), Evgenii Kodin has visited Boston three times now in the last decade on various exchange programs, twice to do historical research and once to study on a Fullbright Scholarship in the BC Graduate Department of International Higher Education Administration with university administrators from around the world. Every one of his visits to Boston, which freed him from the burdens of academic administration, has resulted in a series of publications that have collectively made Evgenii Kodin post-Communist Russia's leading expert on what he calls «American Sovietology» or US Soviet Studies. Evgenii began by publishing a Russian edition of Merle Fainsod's *Smolensk Under Soviet Rule*¹⁹.

He then revised and published his *kandidatskaia dissertatsiia* on the Smolensk Scandal, the first Stalinist Purge of a provincial party organiza-

tion that occurred in 1928, as a work of micro-history, a new historical genre that Evgenii became acquainted with while in the US²⁰.

One of the best parts of this interesting book is the chapter on how the Smolensk scandal affected Evgenii's own university, which was then called the Smolensk Pedagogical Institute. Next he translated my book, *Belskii raion: 1937 god*²¹ to provide his students with another example of micro-history and show them how very typical Smolensk archival materials might be utilized.

This was immediately followed by what many consider to be Evgenii Kodin's doktorskaia *dissertatsiia* and masterpiece, «The “Smolensk Archive” and American Sovietology»²².

Previous Soviet and Russian works on American scholarship either dismissed American scholars as «bourgeois falsifiers» or else accepted American scholarship dogmatically as the truth incarnate. But Evgenii Kodin was the first Russian scholar to take American scholarship on Russia seriously as scholarship that he utilized to show his students, his colleagues and other Russians how scholarship changes over time and how various scholars can look at a given source and find different things in it. Several years later, after yet another stay in the US freed him from his duties as academic vice rector, Evgenii Kodin produced a monograph on another major work of «American Sovietology» — the Harvard Emigrant Interview Project²³, which traces the organization and achievements of the project and analyzes the views of former Soviet citizens (or non-returnees as he calls them) of the prewar Stalin period with an eye to showing Russians today what they might learn from this fifty year old project.

While doing all of this, Evgenii Kodin has managed with the help of his colleagues to convert the Smolensk Pedagogical Institute into a full-fledged university — *SGPU* or *Smolenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet*, which grants its own *kandidat* degrees when one earlier had to go to Moscow or Leningrad for graduate studies. He also added a number of new departments to give his students — hitherto trained only to become village school teachers — skills that could be employed in the new nation that Russia was becoming, like graphic arts (useful in advertising), journalism, computer science and publishing.

Evgenii Kodin also managed to organize the most unusual conference that I ever attended — an international conference on «Stalinism in a Russian Province: Smolensk Archival Documents in the Reading of Foreign and Russian Historians»²⁴ that attracted scholars from Smolensk and Moscow, the US, Canada and Belarus. Half of the participants came from Smolensk as this was yet another of Evgenii Kodin's efforts to acquaint local scholars with the work of their Moscow and North American coun-

terparts. Some Smolensk participants gave papers on new research; others gave papers taken from doctor of science dissertations that had been gathering dust for years. Most rethought their topics in light of subsequent developments, but there was one unaltered paper on «The 1937 Constitution: the World's Most Democratic» delivered between two papers on the Great Purges to the astonishment of the Moscow contingent!

The conference terminated in the now usual ritual visit to the Katyn Memorial and a banquet on a nearby state farm, where overladen tables overlooked the banks of the Dnieper in countryside crossed by Napoleon on his way to Moscow. The layout looked like a scene from the Stalinist film «Kuban Cossacks». Plagued by armies of persistent mosquitoes but fortified by much to drink, we sang Russian folksongs, while the divisions among us eroded and the standoffish Muscovites, charmed by how much life in Smolensk inspired Communist era nostalgia, took to quarrelling among themselves. Meanwhile a renown scholar from Moscow State University, Evgenii's doctoral dissertation advisor, who could only speak a tongue tied German and fondly remember his military service in East Germany when drinking, was persuaded by the Director of the Minsk FSB Archive to strip off all his clothing and go skinny dipping in the Dnieper! Among the collective farmers who partied with us were the assistant sovkhos chairman and his wife, both Meskhetian Turks, refugees from ethnic violence in Central Asia, who had found refuge on Smolensk collective farms, which had somehow managed to survive the fall of Communism and Yeltsin's efforts to privatize farming.

The last of my many adventures in Smolensk with Evgenii and his family — his wife Natalie, a high school history teacher who is in charge of history curriculum development in the Smolensk Public Schools, and his daughters Olga and Anna — occurred a few years later when we drove into the woods in search of «hidden lakes» and got stuck in the mud. After futilely pushing and pulling for what seemed to be hours, an armored car with four-wheel drive suddenly materialized and pulled us out! It was the Secret Mail Service to the rescue: a two hundred year old Russian institution that I had never heard of, founded in 1801 by Emperor Paul I to carry secret government correspondence! It had survived Tsarism, Communism, and now Post-Communism, carrying the sensitive papers of Russia's new oligarchs as well as those of the government. The Secret Mail Service, skinny-dipping at an academic conference, and much persecuted Meskhetian Turks living amiably with Great Russians on Smolensk collective farms that were supposed to have been legislated out of existence! Where else in the world can you find things so improbable but in Russia! It is the continually unexpected that renders Russia still as irresistible as salty peanuts and potato chips!

¹ Wolfe B.D. *Three Who Made a Revolution: a Biographical History*. N.Y., 1964.

² The «Exchange» is now called by the initials of the institution that administers it — IREX — the International Research & Exchanges Board.

³ My conclusions were quite similar to an article published two decades later by Rosenberg W., who used the same sources. W.G. Rosenberg, *The zemstvo in 1917 and its Fate under Bolshevik Rule // The Zemstvo in Russia: an Experiment in Local Self-Government*. L.; N.Y.: Cambridge University Press, 1982. P. 383—422.

⁴ Haimson L. Social Stability in Urban Russia, 1905—1914. Part 1 // *Slavic Review*. Vol. 23. № 4. December 1964. P. 619—642; Part 2. Vol. 24. № 1. March 1965. P. 1—22.

⁵ Manning R.T. *The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government*. Princeton: Princeton University Press, 1982.

⁶ A program, sponsored by the US government to encourage the hiring of women and minorities, by denying grant money and federal funding to institutions of higher learning that discriminated in hiring against women, Blacks, Hispanics and Asians.

⁷ Boston College is a Jesuit university run by a Catholic religious order.

⁸ This question came from students of Mary Daly, then BC's best-known theologian. A former nun who had left her order to become a radical feminist and militant vegetarian, she believed that the deity was a woman, not a man, and that sexism was caused by the amount of animal protein consumed. Daly M. *The Church and the Second Sex*. N.Y.: Harper & Row, 1968; Daly M. *Beyond God the Father*. Boston: Beacon Press, 1973.

⁹ Haimson and Raeff, my history teachers at Columbia, were good Russian intelligent people who were totally secular and did not teach us much of anything about the Russian Orthodox Church. But some of my BC students had learned nothing but church history in high school and expected the church to figure prominently in history courses!

¹⁰ Getty J.A. *The Origins of the Great Purges: the Soviet Communist Party Reconsidered, 1933—1938*. L.; N.Y.: Cambridge University Press, 1985.

¹¹ Chase W.J. *Workers, Society and the Soviet State: Labor and Life in Moscow, 1918—1929*. Urbana: University of Illinois, 1987.

¹² Manning R.T. *Bel'skii raion, 1937 god*. Smolensk: SGPU Press, 1998; Manning R.T. Government in the Soviet Countryside in the Stalinist Thirties: the Case of Belyi Raion in 1937 // *The Carl Beck Papers in Russian and Eastern European Studies Paper*. № 301. 1984; Manning R.T. The Great Purges in a Rural District: Belyi Raion Revisited // *Stalinist Terror: New Perspectives*. Cambridge; N.Y: Cambridge University Press, 1992. P. 168—197; Manning R.T. Peasants and the Party: Rural Administration in the Soviet Countryside on the Eve of World War II // *Essays on Revolutionary Culture and Stalinism*. Columbus, OH: Slavica Publishers, 1990. P. 224—244. There is as yet no English edition of the Belskii book because it was in press so long in first Tver and then Smolensk as Russian academic publication collapsed and then slowly revived. By the time the book was published in Russia, it already needed to be revised in light of my subsequent research, and I was involved with other projects.

¹³ Fitzpatrick S. *New Perspectives on Stalinism // The Russian Review*. Vol. 45. № 4. October 1986. P. 357—374.

¹⁴ The discussion occupied two issues of *Russian Review*: Cohen S.F. *Stalin's Terror as Social History*. P. 375—384; Eley G. *History with Politics Left Out — Again?* P. 385—394; Kenez P. *Stalinism as Humdrum Politics*. P. 395—400; Meyer A.G. *Coming to Terms with the Past — And with One's Older Colleagues*. P. 401—408; Fitzpatrick S. *Afterword Revisionism Revisited*. P. 409—414; Brower D.R. *Stalinism and «The View from Below»*; Chase W.J. *Social History and Revisionism of the Stalin Era*; Conquest R. *Revisionizing Stalin's Russia*. P. 386—390; Getty J.A. *State, Society and Superstition*. P. 391—396; Hough J.F. *The «Dark Forces», the Totalitarian Model and Soviet History*; Kuromiya H. *Stalinism and Historical Research*. P. 404—406; Manning R.T. *State and Society in Stalinist Russia*. P. 407—411; Nove A. *Stalinism: Revisionism Reconsidered*. P. 412—417; Rittersporn G.T. *History, Commemoration and Hectoring Rhetoric*. P. 418—424; Tucker R.C. *The Stalin Period as a Historical Problem*. P. 424—427; Viola L. *In Search of Young Revisionists*. P. 428—431.

¹⁵ The AAASS is the American Association for the Advancement of Slavic Studies and the ICCEES is the International Council for Central and East European Studies.

¹⁶ The result is five hefty volumes of otherwise unavailable materials *Tragediia sovetskoi derevni: kollektivizatsii i razkulachivanieo Dokumenty i materialy v piati tomach / V. Danilov, R. Manning and L. Viola*. Vol. 1—5. Book 1: 1937. M.: ROSSPEN, 1999—2004.

¹⁷ While Aleksandr Tvardovskii was lionized as one of Russia's greatest writers, his entire family was dekulakized, since his father, a former Donbass coal miner who had established a blacksmith shop to support his large family, was considered a kulak. Ivan, the loyal younger son who stayed at home to help his parents, spent almost three decades in exile, prison and POW camps or in hiding as an escapee. He took us to the nearby Tvardovskii family home cum blacksmith shop, which he has turned into a museum-monument to his famous brother. Here he showed us the family's most treasured possession — worn copies of Tolstoi that his father used to read to the children nightly, which Ivan took with him into exile, prison, and war.

¹⁸ This database was produced in collaboration with the Smolensk Memorial Society and all the local archives, including the FSB Archive. It was created under Evgenii Kodin's direction in the computer center of the Smolensk State Pedagogical University (SPGU). The databank can be accessed on the official Smolensk oblast website in English or Russian. <http://www.Smolensk.ru>. Click on «istoriia» then on «elektronnaia kartoteka zhertv politicheskikh repressii Smolenskoi oblasti, 1917—1953 gg.». The Smolensk website also contains a link to the Katyn Monument website under «istoriia» which contains maps and photographs of the monument. 4,234 of the 15,000 Polish officers killed by Stalin were shot and buried here — the last resting places of the others are found in Ukraine and elsewhere. *Massovoje ubijstvo v Katynskom lesu // Smolenshchina na stranitsakh amerikanskoi istoricheskoi literatury*. Smolensk: SGPU Press, 2000. P. 361. This comes from a report of the US House of Representatives translated by Evgenii Kodin.

¹⁹ Fainsod M. *Smolensk pod vlast'iu sovietov*. Smolensk: Trast-Imakom, 1995.

²⁰ Kodin E.V. *Smolenskii naryv*. Smolensk: Smirnov Press, 1995.

²¹ Manning R.T. *Bel'skii raion: 1937 god.* Smolensk: SGPU Press, 1998.

²² Kodin E.V. *«Smolensk arkhiv» i amerikanskaia sovetologiya.* Smolensk: SGPU Press, 1998.

²³ Kodin E.V. *Garvardskii proekt.* M.: ROSSPEN, 2003.

²⁴ *Stalinizm v rossiiskoi provintsii: smolenskie arkhivnye dokumenty v prochtenii zarubezhnykh i rossiiskikh istorikov* / ed. E.V. Kodin. Smolensk: SGPU Press, 1999.

Abbreviations and Acronyms

AAASS	—	American Association for the Advancement of Slavic Studies Американская ассоциация развития славянских исследований
AFL/AFOFL	—	American Federation of Labor Американская Федерация Труда
AHC	—	Ardelia Hall Collection Коллекция в Арделия-Холл (Национальное управление архивов и документов США)
APO	—	Army Post Office Военно-почтовая служба
BAV	—	Bundesarchiv (Federal Archives), Berlin-Lichterfelde Федеральный архив (Берлин)
BAK	—	Bundesarchiv (Federal Archives), Koblenz (Coblence) Федеральный архив (Кобленц)
BC	—	Boston College Бостонский колледж
CDJC	—	Centre de documentation juive contemporaine (Center for Contemporary Jewish Documentation), Paris Центр современной еврейской документации, Париж
CIA	—	Central Intelligence Agency ЦРУ
CITRA	—	Conference of the International Round Table on Archives Конференция круглого стола по архивам
CNRS	—	Centre national du recherche scientifique (National Center for Scientific Research), Paris Национальный центр научных исследований, Париж

- DRB — Departmental Records Branch, U.S. Army
Отделения ведомственных документов,
Армия США
- ERR — Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg (Special
Command Force for Occupied Territories
of Rosenberg)
Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга
- FSB — Federal'naia sluzh'ba bezopasnosti (Federal
Security Service)
ФСБ
- G-2 — U.S. Army intelligence units
Разведывательный отдел Армии США
- GANISO — Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii
Smolenskoï oblasti (State Archive of
Documentaion for Contemporary History of
Smolensk Oblast); *before 2004*, TsDNISO;
formerly Smolensk Party Archive
Государственный архив новейшей истории
Смоленской области (ГАНИСО)
- GASO — Gosudarstvennyi arkhiv Smolenskoï oblasti
(State Archive of Smolensk Oblast)
Государственный архив Смоленской области
(ГАСО)
- GAU — Glavnoe arkhivnoe upravlenie, *alternatively*
Glavarkhiv
Главное архивное управление
- Glavarkhiv — Glavnoe arkhivnoe upravlenie (Main Archival
Administration), *alternatively*, and *earlier often*,
GAU
Главархив
- GlavPU — Glavnoe politicheskoe upravlenie Krasnoi Armii
(Chief Political Administration of the Red
Army)
Главное политическое управление Красной
Армии
- GMDS — German Military Documents Section
Отдел германских военных документов

HAG	—	Haupt Arbeit Gruppe (Main Task Force), under ERR
HICOG (often HiCOG)	—	[U.S.] High Commissioner for Germany
ICA	—	International Council on Archives Международный совет архивов
ICCEES	—	International Council for Central and East European Studies Международный совет центральных и восточно-европейских исследований
IEJ	—	Institut zur Erforschung der Judenfrage (Institute for the Study of the Jewish Question) Frankfurt am Main and Hungen Институт по изучению еврейского вопроса
IISH/IISG	—	International Institute of Social History (<i>Dutch Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis</i>), Amsterdam Международный институт социальной истории, Амстердам
IMT	—	International Military Tribunal Международный военный трибунал
IREX	—	International Research & Exchanges Board Совет по международным исследованиям и обменам
KGB	—	Komitet gosudarsvennoi bezopasnosti (Committee on State Security) КГБ
KPSS	—	Kommunisticheskaia partiia Sovetskogo Soiuza (Communist Party of the Soviet Union, <i>Eng CPSU</i>) КПСС
MIRS	—	Military Intelligence Research Service, London and Washington, DC Британо-американский отдел военной разведки
NACP	—	National Archives, College Park Национальные архивы

- NARA — National Archives and Records Administration, Washington, DC
Национальное управление архивов и документации США
- NBU — Natsional'na biblioteka Ukraïny im. V.I. Vernads'koho (Vernads'kyi National Library of Ukraine), *formerly* TsNB (Tsentral'na naukova biblioteka im. V.I. Vernads'koho NAN Ukraïny)
Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского
- NKVD — Narodnyi komissariat vnutrennikh del (People's Commissariat of Internal Affairs), *after 1946*, MVD
Народный комиссариат внутренних дел
- OAD — Offenbach Archival Depot (OMGUS), near Frankfurt am Main
Архивный склад в Оффенбахе
- OAG — Office of the Adjutant General, U.S. Army
Административный отдел Армии США
- OMGUS — Office of Military Government for Germany, United States of America
Управление военной администрации в Германии, США
- OSS — Office of Strategic Services (U.S. wartime intelligence agency)
Управление стратегических служб
- POWs — Prisoners of war
- RGANI — Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii (Russian State Archive of Contemporary History, *before 1999* TsKhSD)
Российский государственный архив новейшей истории
- RGASPI — Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (Russian State Archive of Socio-Political History), Moscow, *since March 1999*; RTsKhIDNI, 1992 — *March 1999*; TsPA (Central Party Archive), *before 1991*

- Российский государственный архив социально-политической истории
- RGB — Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka (Russian State Library), Moscow, *before 1992*, GBL
- Российская государственная библиотека
- RGVA — Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (Russian State Military Archive), Moscow, *since March 1999* includes the holdings of former TsKhIDK (TsGOA SSSR)
- Российский государственный военный архив
- RKKA — Raboche-krest'ianskaia Krasnaia Armiiia (*usually in English*, Red Army [*literally*, Worker-Peasant Red Army])
- Рабоче-крестьянская Красная Армия
- RKP(b) — Rossiiskaia Kommunisticheskaia partiia (bol'shevikov) (Russian Comunist Party [bolshevik])
- Российская Коммунистическая партия (большевиков)
- Rosarkhiv — Federal'noe arkhivnoe agentstvo (Federal Archival Agency), Moscow; *before March 2004*, Federal'naia arkhivnaia sluzhba Rossiiskoi Federatsii (Federal Archival Service); *before 1992*, Glavarkhiv
- Федеральное архивное агентство, Москва
- RTsKhIDNI — Rossiiskii tsentr khraneniia i izucheniia dokumentov noveishei istorii (Russian Center for Preservation and Study of Records of Modern History) *from 1992 — March 1999*; *formerly* TsPA *before 1991*; *now* RGASPI
- Российский центр хранения документов новейшей истории, *сейчас* РГАСПИ
- SDS — Students for a Democratic Society, a New Left group on many American university campuses in the 1960s and early 1970s
- TsDAVO — Tsentral'nyi derzhavnyi arkhiv vyshchikh orhaniv derzhavnoi vlady ta upravlinnia, Ukraïna

- (Central State Archive of the Highest Agencies of State Power and Administration of Ukraine), formerly TsDAZhR URSR (*Russian* TsGAOR UkrSSR), Kyiv
 Центральний державний архів вищих органів державної влади та управління, Україна (Центральный государственный архив высших органов управления, Украина)
- TsDNISO — Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Smolenskoï oblasti (Center for Documentation of Contemporary History of Smolensk Oblast); formerly Smolensk Party Archive; since December 2004, GANISO
 Центр документации новейшей истории Смоленской области, *сейчас* ГАНИСО
- TsGOA SSSR — Tsentral'nyi gosudarstvennyi osobyi arkhiv SSSR (Central State Special Archive of the USSR), Moscow; from 1992 — March 1999 TsKhIDK; since March 1999, part of RGVA
 Центральный государственный особый архив СССР, Москва
- TsK — Tsentral'nyi komitet (Central Committee)
 Центральный комитет
- TsPA — Tsentral'nyi partiinyi arkhiv Instituta Marksizma-Leninizma TsK KPSS (Central Party Archive of the Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union), Moscow, before 1991; from 1992 — March 1999) RTsKhIDNI; now RGASPI
 Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма ЦК КПСС)
- USFET — United States Forces, European Theater
 Вооруженные силы США
- VKP(b) — Vsesoiuznaia Kommunisticheskaia partiia (bol'shevikov) (All-Union Communist Party [bolshhevik]), later KPSS, or in English (CPSU)
 Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

-
- VLKSM — Vsesoiuznyi Leninskii kommunisticheskii soiuz molodezhi (All-Union Lenin Communist Union of the Youth — Komsomol)
Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
- VUAN — All-Ukrainian Academy of Sciences
Всеукраинская академия наук
- YIVO — Yidisher Institut Visnshaftlekher, Vilnius; (Jewish Scientific Research Institute), New York
Институт еврейских исследований, Нью-Йорк

**ВОЗВРАЩЕНИЕ «СМОЛЕНСКОГО АРХИВА»:
Сборник статей**

Художественное оформление *Д. Морозов*

Компьютерная верстка *Е. Егоркина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 03.10.2005.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 22,0. Тираж 1000 экз.

Заказ № 5298

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В сборник вошли статьи, написанные на основе выступлений на круглом столе «Возвращение "Смоленского архива"», проводившегося в рамках конференции Американской ассоциации содействия развитию славистики, состоявшейся в Торонто в ноябре 2002 г., а также статьи, специально подготовленные для этого издания.

Сборник рассчитан на исследователей, студентов, читателей, интересующихся отечественной и мировой историей.

This publication includes articles based on the materials of the round table «Return of the "Smolensk Archive"» which took place in Toronto within the frameworks of the AAASS conference in November 2002 as well as papers specially written for this publication.

This collection of materials is addressed to scholars, students and readers interested in Russian and world history. The publication has been prepared within the "Heritage Revealed" International project.